

ISSN 2542-2197

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2019 4 (820)

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITARIAN SCIENCES**

Issue 4 (820)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2019

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

Выпуск 4 (820)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2019

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)

Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Ноздрина Л. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Васильюк И., канд. филол. наук (Польша)
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф. (РУДН)
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Евдокимов А. Ю., академик РАЕН, д-р техн. наук,
канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц. (МПГУ)
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
(Болгария)
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
(Беларусь)
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мальгина И. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Порохничкая Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Семина И. А. д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)

Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц. (МГЛУ)
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
Сухарев Ю. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц. (МГЛУ)
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
(Литературный ин-т им. М. Горького)
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
(Ин-т рус. яз. им. Пушкина)
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Харитончик З. А., д-р филол. наук, проф.
(Беларусь)
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Цветашева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
(МГЛУ)
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским
языкам (Нидерланды)
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
(МПГУ)
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук,
проф. (Литва)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Психолингвистика: теоретический и экспериментальный подходы

<i>Мыскин С. В.</i> Концепция организационной психолингвистики	11
<i>Панарина Н. С.</i> Возможность применения психолингвистических методов к анализу динамики прецедентного высказывания	23
<i>Пищальникова В. А., Хлопова А. И.</i> Экспериментальные методики верификации данных ассоциативного поля	38
<i>Попова О. В.</i> Диалого-структурирующие и прагматические стратегии как репрезентация психотипа	51
<i>Степыкин Н. И.</i> Динамика механизмов речевого действия (на материале ассоциативного поля «зло»)	69
<i>Чэнь Ваньжоу</i> Психолингвистический анализ базовых ценностей «терпимость» и «родина» в китайской культуре	81

Лингвокогнитивные исследования

<i>Громорушкина А. А.</i> Концептуальная метафора в экологическом дискурсе СМИ	91
<i>Ковальчук О. В.</i> Прецедентные феномены как средство построения когнитивной модели «свои – чужие» в постклассическом дипломатическом дискурсе	100
<i>Куклина Д. А.</i> Хронотоп японской сказки (на материале сказки «Урасима Таро»)	113
<i>Линь Сюе</i> Политическая метафора в русском и китайском языках (на материале доклада о работе Правительства КНР 2017 г. и на Послании Президента Федеральному Собранию РФ на 2017 г.)	125

<i>Мангова О. Б., Ивина Л. В.</i>	
Вербализации операционного концепта «инвестирование» в русском и английском экономическом дискурсе	138
<i>Природина У. П.</i>	
Семантическая диффузность компонента <i>-gård</i> в шведской топонимической номинации	149
<i>Стеблецова А. О., Науменко Ю. Н.</i>	
Заголовки английских и русских научных статей: дискурсивно-когнитивные особенности	161
<i>Янь Хундо</i>	
Особенности репрезентации ядра концепта «изобретение» в российском и китайском газетных дискурсах	180

Грамматическое описание языков: история и современность

<i>Германова Н. Н.</i>	
Трактат «соображения о происхождении и формации языков» Адама Смита: были ли предшественники у братьев Шлегелей?	192
<i>Перфильева Н. В., Галанкина И. И.</i>	
Деривационная контаминация в английском языке и ее влияние на русское словообразование (на примере коммерческих наименований)	206

Миноритарные языки в эпоху глобализации

<i>Агранат Т. Б.</i>	
Язык, культура и традиции печорских сето	219
<i>Архипова Л. С.</i>	
Грамматический аспект нормирования современных миноритарных языков (на материале ольстерского шотландского языка)	227

Лингвистические аспекты переводоведения: контрастивный анализ и психолингвистика

<i>Лентовская А. В.</i>	
К проблеме перевода характеризованных способов глагольного действия в русском языке на итальянский язык	240
<i>Мягкова В. А.</i>	
Перевод культурно-специфических смыслов поэтического текста как психолингвистическая проблема	256

<i>Фролов В. И.</i>	
Эквивалентность как психологическое качество перевода	269

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Нарбут Е. В.</i>	
Роман Б. Шлинка «Der Vorleser» и его переводы на русский язык	277
<i>Раренко М. Б.</i>	
К проблеме перевода романа И. А. Гончарова «Обломов» на английский язык	287
<i>Смирнова И. Б.</i>	
В поисках героя: лингвокультурологическое поле «память» в творчестве Анны Ахматовой	300
<i>Шевченко С. Н.</i>	
Категория трансцендентности в поэзии	320

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Наумова К. М.</i>	
К вопросу об изменении китайской языковой картины мира в условиях глобализации	335
<i>Перова Е. Ю.</i>	
Сады и парки в русской культуре (на примере памятников Крыма)	347
<i>Северина Е. А.</i>	
Берлинский код в современном немецкоязычном фельетоне	355
<i>Фэн Юэ</i>	
Специфика лингвокультурологических исследований в современном Китае (на материале книги Ло Чанпэя «Язык и культура»)	368
<i>Чэнь Хао</i>	
О китайской версии «Советской исторической энциклопедии»	380

CONTENTS

LINGUISTICS

Psycholinguistics: Theoretical and Experimental Approaches

<i>Myskin S. V.</i> A Concept of Organizational Psycholinguistics	11
<i>Panarina N. S.</i> Psycholinguistic Methods of Analyzing the Dynamics of Precedent Propositions	23
<i>Pishchalnikova V. A., Khlopova A. I.</i> Experimental Methods for Associative Field's Data Verification	38
<i>Popova O. V.</i> Conversational and Pragmatic Strategies as Representation of Psychological Type	51
<i>Stepykin N. I.</i> Dynamics of Speech Action Mechanisms (an analysis of the associative field "evil")	69
<i>Chen Wanrou</i> Psycholinguistic Analysis of Basic Values "Tolerance" And "Motherland" In Chinese Culture	81

Linguocognitive studies

<i>Gromorushkina A. A.</i> Conceptual Metaphors in the Ecological Media Discourse	91
<i>Kovalchuk O. V.</i> Precedent Phenomena as Means of Constructing the Cognitive Model "Own – Alien" in Post-Classical Diplomatic Discourse	100
<i>Kuklina D. A.</i> Chronotope of the Japanese Fairy-Tale (an analysis of the fairy-tale "Urashima Taro")	113
<i>Lin Xue</i> Political Metaphor in Russian And Chinese (an analysis of the 2017 Report on the work of the Chinese Government and of the Russian President's message to the Federal Assembly)	125
<i>Mangova O. B., Ivina L. V.</i> Verbalizations of Operational Concept "Investment" in Russian and English Economic Discourse	138

<i>Prirodina U. P.</i>	
Semantic Diffusivity of the <i>-gård</i> Component in the Swedish Toponymic Nomination	149
<i>Stebletsova A. O., Naumenko Yu. N.</i>	
The Titles of English and Russian Research Articles: Discursive and Cognitive Features	161
<i>Yan Hongduo</i>	
Representation of the Core of the Concept “Invention” in the Russian and Chinese Newspaper Discourse	180

Grammatical Description of Languages: History and Modernity

<i>Guermanova N. N.</i>	
“Considerations Concerning the First Formation of Languages” by A. Smith: Did the Schlegel Brothers Have Predecessors?	192
<i>Perfilieva N. V., Galankina I. I.</i>	
Derivational Contamination in English and Its Influence on Russian Word Formation (an analysis of commercial names)	206

Minority Languages in the Era of Globalization

<i>Agranat T. B.</i>	
Language, Culture & Traditions of Pechora Region Setos	219
<i>Arkhipova L. S.</i>	
Grammatical Aspect of Normalization of Modern Minority Languages (the case of ulster-scots)	227

Linguistic Aspects of Translation Studies: Contrastive Analysis and Psycholinguistics

<i>Lentovskaya A. B.</i>	
On Translating Descriptive Verbal Actions from Russian into Italian	240
<i>Miagkova V. A.</i>	
Rendering Culturally Specific Meanings of Poetic Texts as a Psycholinguistic Issue	257
<i>Frolov V. I.</i>	
Equivalence as a Psychological Quality of Translation	269

LITERARY STUDIES

<i>Narbut E. V.</i>	
Novel “Der Vorleser” by B. Schlink and Its Russian Translations	277

<i>Rarenko M. B.</i>	
On Translation of I. A. Goncharov's Novel "Oblomov" into English	287
<i>Smirnova I. B.</i>	
In Search of a Hero: Linguo-Culturological Field of "Memory"	
in Anna Akhmatov's Works	300
<i>Shevchenko S. N.</i>	
Category of Transcendence in Poetry	320

CULTUROLOGY

<i>Naumova K. M.</i>	
Changes in the Chinese Linguistic Worldview under Globalization	335
<i>Perova E. Yu.</i>	
Gardens and Parks in Russian Culture	
(on an example of ensembles of Crimea)	347
<i>Severina E. A.</i>	
Berlin Code in the Modern German-Speaking Feuilleton	355
<i>Feng Yue</i>	
Contemporary Linguo-Cultural Studies in China	
(an analysis of Lo Changpei's book "Language and Culture")	368
<i>Chen Hao</i>	
About the Chinese Version of "Soviet Historical Encyclopedia"	380

Психолингвистика: теоретический и экспериментальный подходы

УДК 81'23 (050)

С. В. Мыскин

доктор филологических наук, кандидат психологических наук, доцент; профессор
Московского городского педагогического университета;
e-mail: myskinsv@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

В статье представлена концепция организационной психолингвистики как оригинального подхода к изучению профессионального общения, общения в организациях и трудовых коллективах. Автор систематизирует ряд теорий и концепций в качестве методологических оснований организационной психолингвистики.

Теория речевой деятельности выступает ведущей в методологии организационной психолингвистики. В основе анализа организационной психолингвистики – общение, организующее совместную деятельность субъектов. При этом речевая деятельность рассматривается как деятельность, подчиненная самостоятельной цели, которая представлена совокупностью признаков оптимального психологического состояния партнера для включения его в совместную деятельность. Методология организационной психологии применяется для анализа различных аспектов совместной деятельности. В статье описаны объект, предмет, задачи организационной психолингвистики; обозначены методы, используемые при проведении организационно-психолингвистических исследований и раскрыты перспективы развития данного научного направления.

Ключевые слова: организационная психолингвистика; теория речевой деятельности; совместная деятельность; организационная психология; профессиональное общение; организация; коллектив.

S. V. Myskin

Doctor of Philology, Associate Professor; Professor at Moscow City Pedagogical University; e-mail: myskinsv@yandex.ru

A CONCEPT OF ORGANIZATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

The article presents a new concept of organizational psycholinguistics – an original approach to the study of professional communication, communication in

organizations and work communities. The author systematizes a number of theories and concepts, thus creating a methodological basis of organizational psycholinguistics with the theory of speech activity viewed as the main one. Organizational psycholinguistics focuses on communication that organizes joint activities within a work group. Simultaneously, speech activity is considered as an activity targeting a certain goal and conspicuous for a number of distinctive features that reflect the optimal mental state of a partner involved in some joint activity. The methodology of organizational psychology is used to analyze various aspects of joint activities. The article describes the object, subject, tasks of organizational psycholinguistics, specifies the methods used in organizational and psycholinguistic research, reveals prospects of development of this scientific field.

Key words: organizational psycholinguistics; theory of speech activity; joint activity; organizational psychology; professional communication; organization; collective.

Введение

Современные вызовы индустриального общества требуют новых теоретических и практических решений в сфере профессиональной коммуникации, профессионального общения в организациях, трудовых коллективах. Поиск и разработка эффективных способов управления совместной профессиональной деятельностью является актуальной прикладной задачей ряда социальных и гуманитарных наук. Организационная психолингвистика как новое научное направление раскрывает различные аспекты языковой детерминации совместной профессиональной деятельности.

Совместная профессиональная деятельность как предмет научного исследования традиционно рассматривается в инженерной и социальной психологии, менеджменте, социологии и педагогике. Первые изучают психологические закономерности поведения человека в условиях коллективного труда. Менеджмент через призму достижений психологической науки «вскрывает» факторы, обуславливающее экономическую эффективность поведения персонала на рабочем месте. Социология трактует совместную деятельность как одну из форм социальной жизни общества. Педагогика рассматривает совместную деятельность в качестве фактора реализации педагогического взаимодействия. Таким образом, каждая наука акцентирует внимание на отдельном аспекте, при этом роль и функции общения в совместной деятельности выпадают из сферы научного анализа.

Современные социально-экономические условия в нашей стране изменили представления человека о современной трудовой деятельности, что ставит гуманитарную науку перед необходимостью пересмотра принципов анализа функционирования организаций, трудовых коллективов. При этом целесообразно рассмотреть совместную деятельность в организациях, трудовых коллективах с позиций фундаментальных психологических подходов и концепций менеджмента. В психологии таковой выступает общепсихологическая теория деятельности А. Н. Леонтьева. В менеджменте данная проблема развивается в теориях организаций. Также стоит оценить методологический потенциал смежных наук для анализа совместной деятельности в организациях и трудовых коллективах. Например, лингвистики, психолингвистики.

Методологические основания общения в условиях совместной профессиональной деятельности

А. А. Леонтьев, опираясь на общепсихологическую теорию деятельности, развивает положение, что любая деятельность невозможна без общения [Леонтьев 2008, с. 10]. Б. Ф. Ломов уточняет, что исследование совместной деятельности невозможно без анализа общения «которое органически в нее “вплетено” и без которого она вообще не может существовать» [Ломов 1984, с. 239]. Методология общепсихологической теории деятельности позволяет рассматривать структуру совместной деятельности по аналогии строения индивидуальной деятельности, так как каждый субъект выполняет свою деятельность как индивидуальную. Однако данный прием не раскрывает всю полноту психологической специфики феномена совместной профессиональной деятельности, поскольку в представленном анализе нивелируется роль общения в этом процессе. Данная задача может быть решена в рамках теории речевой деятельности А. А. Леонтьева [Леонтьев 1969]. Е. Ф. Тарасов утверждает, что в трудовых профессиональных коллективах облигаторный характер общения проявляется наиболее отчетливо, поскольку совместная деятельность включает «в себя общение сотрудничающих коммуникантов, обслуживаемое языковыми и неязыковыми знаками» [Тарасов 2018, с. 12].

В менеджменте различные аспекты совместной деятельности раскрываются в понятии руководства организацией, трудовым коллективом, персоналом. Руководство понимается как совокупность

действий по управлению людьми для обеспечения эффективности организации, слаженной работы коллектива. Руководство реализуется посредством влияния и коммуникации и выполняет организационную функцию менеджмента, что в целом позволяет рассматривать процесс руководства как общение сотрудничающих людей [Управление персоналом 2002]. Анализ актуальной научной проработанности проблемы общения в практическом менеджменте позволяет выделить два наиболее изученных феномена – стиль руководства и коммуникативные системы.

Несмотря на отмечаемую психологами и специалистами в области управления значимость общения при изучении совместной профессиональной деятельности, теоретический аппарат перечисленных наук оставляет за пределами анализа широкий пласт проблем, относящихся к языку и речи в совместной профессиональной деятельности. Например, таких как групповое речевое поведение (коллективный речевой субъект), языковая профессиональная ситуация, профессиональная речевая деятельность, коллективное и корпоративное языковое сознание, языковая организационная культура и др.

Изучением обозначенных феноменов пытается заниматься современная лингвистика. Так, например, А. Кизер и А. П. Мюллер развивают идеи применения лингвистических методов к изучению организаций [Мюллер, Кизер 2005]. Причем лингвистика проявляет недостаточный интерес к анализу коммуникаций внутри организаций [Харченко, Шкатова 2012]. Развитие лингвистики в направлении анализа коллективного поведения методологически оправдано. Как писал по этому поводу Р. Г. Пиотровский: «...исследование языка – это один из наиболее эффективных способов изучения индивидуального и коллективного поведения, а также мышления человека» [Пиотровский 1979]. Вместе с тем существующая отчужденность лингвистики и менеджмента обусловлена неразвитостью диагностического инструментария первой. Отсутствие валидных и надежных лингвистических методик, позволяющих в экспериментальных условиях раскрывать сущностные связи системы языка с организационно-психологическим субстратом коллективного поведения, стимулирует рост научных исследований на стыке смежных наук.

Решением данной задачи может быть развитие такого прикладного направления, как организационная психолингвистика, которая при

построении своей методологии учитывает методологический аппарат организационной психологии. И в то же время опирается на деятельностный подход применительно к анализу организационного поведения. Общение есть процесс, организующий совместную деятельность – именно этого принципа нужно придерживаться при изучении профессионального речевого поведения и деятельности человека в трудовом коллективе, организации в целом.

Профессиональная речевая деятельность

Когда речь идет о совместной деятельности, тем более профессиональной, возникает вопрос о тех ее составляющих, которые отвечают за ее целостность, продолженность в течение всего срока выполнения. В качестве таковой выступает единая для всех членов коллектива цель. «Фактором, объединяющим людей в совместной деятельности, – отмечает Б. Ф. Ломов, – и направляющим ее, является общая цель» [Ломов 1984, с. 232]. Структура любой деятельности включает цель, которая формируется путем антиципации (прогнозирования, экстраполяции), т. е. опережающего отражения будущего результата [Анохин 1962; Ломов 1984, с. 210]. Цель, или образ-цель, отражает тенденции изменения предмета деятельности, его текущие состояния и способы действия с ним. Поскольку мотив может формировать «поле целей», конструкция конкретной деятельности определяется именно целью [Ломов 1984, с. 207]. При анализе совместной профессиональной деятельности приходит понимание, что опора лишь на цель, отражающую будущие изменения предмета совместной деятельности, недостаточна для объяснения ее эффективной реализации.

Утверждение о необходимости отражения в цели не только измененного предмета, но и действий других участников совместной деятельности дополняет общую картину, но не делает ее исчерпывающей. Так, например, исследования организационного поведения показали, что в последнее время наблюдается так называемый феномен имитационной деятельности, или деятельности дилетантизма персонала организаций, выражающийся в поверхностном подходе к профессиональной деятельности, примитивизме профессионального мышления. Объясняется это негативной трансформацией представлений практических работников о современной трудовой деятельности, их неспособностью рационально переработать новое содержание труда [Кочеткова 2003, с. 197].

Данные факты указывают на существование факторов, которые выводят из разряда приоритетных для коллектива их общую цель, отражающую предмет деятельности, или подменяют ее.

На наш взгляд, традиционный подход к раскрытию психологического содержания совместной деятельности и ее структуры нивелирует процессы и явления, возникающие вследствие общения сотрудничающих людей. Еще раз отметим, что отечественная психолингвистика трактует общение как процесс, организующий совместную деятельность [Тарасов 2018]. Рассмотрение общения как речевой деятельности позволяет утверждать, что общение в совместной профессиональной деятельности может быть подчинено самостоятельной цели и не ограничиваться обслуживанием практических действий с общим предметом.

Объясним это утверждение. Деятельность всегда мотивирована. Мотив побуждает индивида выполнять определенную деятельность. В совместной деятельности помимо мотива предметной деятельности присутствует мотив выполнять эту деятельность совместно с другим человеком. Следовательно, совместная деятельность распадается на две самостоятельные деятельности: первая направлена на предмет (практическая), а вторая – на партнера (общение). Напомним, что любая деятельность направлена на трансформацию (изменение) ее предмета. Включаясь в совместную деятельность, партнеры вербально воздействуют друг на друга, пытаются сформировать нужное психическое состояние коллеги, обуславливающее совместную эффективную работу. В психологии коллектива такие состояния рассматривались как психологическая совместимость [Шадриков 1996], социально-психологический климат [Донцов 1984]. Речевая деятельность субъекта совместной деятельности, таким образом, подчинена следующей цели – изменению психологического состояния партнера. Постановка и достижение данной цели является необходимым и достаточным условием для перехода к практической предметной деятельности. В ходе реализации практической предметной деятельности партнеры регулируют не только непосредственно ее, но и психологическое состояние друг друга.

Образ-цель речевой деятельности представлен совокупностью признаков оптимального психологического состояния партнера для включения его в совместную деятельность. Подчеркнем, что в понятие «психологическое состояние» мы включаем когнитивные,

мотивационно-потребностные и эмоционально-волевые компоненты психики, которые подвластны трансформации посредством речевого воздействия. В речевой деятельности субъекта образ-цель формируется в ходе опережающего отражения субъективной реальности (внутреннего, психологического мира партнера). Средства, используемые для достижения цели, относятся к группе средств речевого воздействия.

Таким образом, в структуре совместной профессиональной деятельности можно выделить две цели, регулирующих и направляющих индивидуальную деятельность и общение: цель речевого воздействия, включающая образ измененного психологического состояния партнера и его признаки; цель предметной деятельности, включающая образ трансформированного объекта окружающего мира и ее признаки.

Структура организационной психолингвистики

Следуя данным концептуальным положениям, можно утверждать, что организационная психолингвистика – это спецификация теории речевой деятельности применительно к психологии малых профессиональных групп, трудовых коллективов, организаций. *Цель* – это изучение влияния форм совместной деятельности на речевое общение, при помощи которого эта деятельность организуется. *Объектом* организационной психолингвистики выступает *знаковое общение субъектов совместной профессиональной деятельности в организациях, трудовых коллективах и профессиональных группах*. При определении предмета следует руководствоваться дефиницией, данной А. М. Новиковым и Д. А. Новиковым: «Предмет исследования – это та сторона, тот аспект, та точка зрения, “проекция”, с которой исследователь познает целостный объект, выделяя при этом главные, наиболее существенные (с точки зрения исследователя) признаки объекта» [Новиков А., Новиков Д. 2010, с. 117]. Выделение в качестве существенного признака речевой деятельности образа-цели, включающего признаки будущего измененного психологического состояния партнера по совместной профессиональной деятельности, позволяет обозначить *предметом* организационной психолингвистики *влияние особенностей совместной профессиональной деятельности субъектов на их знаковое общение в организациях, трудовых коллективах и профессиональных группах*.

Подтверждением верности формулировки предмета организационной психолингвистики служат следующие аксиомы, признанные

фундаментальной наукой. Прежде всего отметим, что в нашем подходе психолингвистика исчерпывается теорией речевой деятельности. Онтологическим принципом служит соотношение «деятельность – сознание – личность» [Леонтьев 1977, с. 173–186]. С этой позиции профессиональная речь (язык) субъектов совместной деятельности предстает как действительное воплощение организационного (коллективного) сознания, а его формы соответствуют определенному виду профессиональной деятельности и характеру общения [Мыскин 2018].

Междисциплинарный характер организационной психолингвистики раскрывается в сочетании ее связей с лингвистикой, теорией организаций, управленческим консультированием, организационной и инженерной психологией, социологией и менеджментом, а также педагогикой.

Как было отмечено выше, организационная психолингвистика учитывает методологию организационной психологии.

Для организационной психолингвистики важным представляется структура и те вопросы, которые включены в организационно-психологический анализ. К таковым относятся: «Психологические явления, связанные с индивидуальным поведением человека и могущие иметь отношение к его жизни в организации; феномены общения и взаимодействия в профессиональных парах; малые группы (до 20 человек) и взаимодействие между ними; группы, в которых может участвовать до сотни человек; явления, характерные для больших групп, насчитывающих сотни и тысячи человек» [Зинченко, Мещеряков 2008, с. 320]. К ключевым элементам структуры организационной психологии, доступных для психолингвистического анализа, относятся: организация и ее структура, стратегия, управление и коммуникация, методы регулирования, развитие организации, мотивация персонала, организационная культура, организационные изменения, конфликты и стрессы. Конечно же, приведенный перечень не является исчерпывающим.

Исходя из этого проблемное поле организационной психолингвистики составляет следующая совокупность тем, требующих приоритетного изучения: теория деятельности как методология организационной психолингвистики; речевое воздействие в профессиональных группах; функционирование сознания в трудовых коллективах; гипертекстуальность профессионального общения и профессиональные

прецедентные тексты; речевые смыслы в профессиональной речевой деятельности.

В тезаурус организационной психолингвистики входят понятия, которые требуют детального и глубокого научного изучения: языковая профессиональная личность, профессиональное языковое сознание, организационная языковая культура, коллективный речевой (языковой) субъект организации и др.

К основным *задачам* организационной психолингвистики можно отнести:

- а) раскрытие и систематизацию междисциплинарных связей организационной психолингвистики и теорий организаций;
- б) изучение психологии индивидуального и коллективного речевого и неречевого поведения работников в организациях;
- в) психологию и лингвистику коммуникаций в организациях;
- г) разработку психолингвистического инструментария анализа организационной (в том числе языковой) культуры;
- д) определение и типизацию языковой личности «человека работающего»;
- е) исследование языкового и неязыкового сознания современного работника организации.

Организационная психолингвистика находится на стадии становления. В работе эта наука использует уже известные проверенные методы психолингвистики и психологии: психолингвистический эксперимент, организационные игры и др.

Заключение

В заключение подчеркнем, что становление и развитие организационной психолингвистики как научной школы позволяет расширить междисциплинарную предметную область теории речевой деятельности. Теоретические и прикладные усилия организационной психолингвистики направлены на решение проблем речевого общения в профессиональной речевой деятельности, которая представляет самый крупный и самый важный фрагмент активности любого социума. Научная значимость выделения организационной психолингвистики в системе наук заключается в разработке междисциплинарных методологических и исследовательских проблем организационной психологии и психолингвистики, направленных на изучение фундаментальных основ совместной активности членов социума,

единственно обеспечивающей его экзистенцию. Кроме того, фундаментальность организационной психолингвистики проявляется в консолидации усилий лингвистов, психолингвистов и организационных психологов по сохранению и развитию традиций отечественной общепсихологической теории деятельности и существенного усиления ее роли в научном и практическом планах. Практическая значимость развития организационной психолингвистики состоит в обеспечении организационных психологов, HR-менеджеров и лингвистов профессиональной информацией теоретического, методического и прикладного характера в области психолингвистики, психологии труда, организационной психологии, а также других смежных областях науки о «человеке работающем».

В целом, организационная психолингвистика призвана способствовать внедрению новых научных и прикладных разработок в практику работы с организациями и другими профессиональными социальными группами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анохин П. К.* Опережающее отражение действительности // Вопросы философии. 1962. № 6. С. 97–109.
- Зинченко В. П., Мецераков Б. Г.* Большой психологический словарь. 3-е. изд. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. 632 с.
- Донцов А. И.* Психология коллектива: методологические проблемы исследования. М.: Изд-во МГУ, 1984. 208 с.
- Кочеткова А. И.* Введение в организационное поведение и организационное моделирование : учебное пособие. М.: Дело, 2003. 944 с.
- Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.
- Леонтьев А. А.* Психология общения : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. 5-е изд., стереотип. М.: Смысл : Академия, 2008. 368 с.
- Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд-е. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 448 с.
- Мыскин С. В.* Организационно-психологический анализ профессионального сознания работников современных трудовых коллективов // Организационная психолингвистика [Электронный ресурс]: электрон. науч. журнал / гл. ред. С. В. Мыскин. М.: Агентство социально-гуманитарных технологий, 2018. № 1 (1). С. 21–38.

- Мюллер А. П., Кизер А. Организационная коммуникация. Структуры и практики / пер. с англ. Харьков : Харьков, 2005. 438 с.
- Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология научного исследования. М. : Либроком, 2010. 280 с.
- Пиотровский Р. Г. Инженерная лингвистика и теория языка. Л. : Наука, 1979. 112 с.
- Тарасов Е. Ф. К построению теории организационной психолингвистики // Организационная психолингвистика [Электронный ресурс]: электрон. науч. журнал / гл. ред. С. В. Мыскин. М. : Агентство социально-гуманитарных технологий. 2018. № 1(1). С. 11–20.
- Управление персоналом : учебник для вузов / под ред. Т. Ю. Базарова, Б. Л. Еремина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ, 2002. 560 с.
- Харченко Е. В., Шкатова Л. А. Новое призвание филологов: лингвистика организаций // Вестник НГУ. Серия: История, Филология. 2012. Т. 11. № 9. С. 235–240.
- Шадриков В. Д. Психология деятельности и способности человека : учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Логос, 1996. 320 с.: ил.

REFERENCES

- Anohin P. K. Operezhajushhee otrazhenie dejstvitel'nosti // Voprosy filosofii. 1962. № 6. S. 97–109.
- Zinchenko V. P., Meshherjakov B. G. Bol'shoj psihologicheskij slovar'. 3-e. izd. SPb. : Prajm-Evroznak, 2003. 632 s.
- Doncov A. I. Psihologija kollektiva: metodologicheskie problemy issledovanija. M. : Izd-vo MGU, 1984. 208 s.
- Kochetkova A. I. Vvedenie v organizacionnoe povedenie i organizacionnoe modelirovanie : uchebnoe posobie. M. : Delo, 2003. 944 s.
- Leont'ev A. A. Jazyk, rech', rechevaja dejatel'nost'. M. : Prosveshhenie, 1969. 214 s.
- Leont'ev A. A. Psihologija obshhenija : uchebnoe posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij. 5-e izd., stereotip. M. : Smysl : Akademija, 2008. 368 s.
- Leont'ev A. N. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. 2-e izd-e. M. : Politizdat, 1977. 304 s.
- Lomov B. F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii. M. : Nauka, 1984. 448 s.
- My skin S. V. Organizacionno-psihologicheskij analiz professional'nogo soznaniya rabotnikov sovremennyh trudovyh kollektivov // Organizacionnaja psiholingvistika [Jelektronnyj resurs]: jelektron. nauch. zhurnal / gl. red. S. V. Myskin. M. : Agentstvo social'no-gumanitarnyh tehnologij, 2018. № 1 (1). S. 21–38.
- Mjuller A. P., Kizer A. Organizacionnaja kommunikacija. Struktury i praktiki / per. s angl. Har'kov : Har'kov, 2005. 438 s.

- Novikov A. M., Novikov D. A.* Metodologija nauchnogo issledovanija. M. : Librokom, 2010. 280 s.
- Piotrovskij R. G.* Inženernaja lingvistika i teorija jazyka. L. : Nauka, 1979. 112 s.
- Tarasov E. F.* K postroeniju teorii organizacionnoj psiholingvistiki // Organizacionnaja psiholingvistika [Elektronnyj resurs]: jelektron. nauch. zhurnal / gl. red. S. V. Myskin. M. : Agentstvo social'no-gumanitarnyh tehnologij. 2018. № 1(1). S. 11–20.
- Upravlenie personalom: uchebnik dlja vuzov / pod red. T. Ju. Bazarova, B. L. Eremina. 2-e izd., pererab. i dop. M. : JuNITI, 2002. 560 s.
- Harchenko E. V., Shkatova L. A.* Novoe prizvanie filologov: lingvistika organizacij // Vestnik NGU. Serija: Istorija, Filologija. 2012. T. 11. № 9. S. 235–240.
- Shadrikov V. D.* Psihologija dejatel'nosti i sposobnosti cheloveka : uchebnoe posobie. 2-e izd., pererab. i dop. M. : Logos, 1996. 320 s.: il.

УДК 81'23

Н. С. Панарина

кандидат филологических наук; доцент кафедры общего и сравнительного языкознания ФГБОУ ВО МГЛУ; e-mail: panarinans@gmail.com

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ К АНАЛИЗУ ДИНАМИКИ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Статья посвящена проблеме применимости в исследовании психолингвистического объекта терминов и методов лингвистики. Автор анализирует специфику моделирования механизма реализации прецедентности, подчеркивая необходимость учета принципа активности субъекта речевой деятельности. Следуя такому принципу, возможно, с опорой на теорию речевой деятельности А. А. Леонтьева включить оперирование знанием в описание прецедентного объекта.

Особое внимание уделено апробации методики психолингвистического анализа функционирования прецедентных высказываний, а также ее верификации при помощи эксперимента на функциональное «достраивание» высказываний. Автор констатирует совпадение тенденций деактуализации культурного содержания прецедентных высказываний и прецедентных имен, что объясняется универсальностью механизма автоматизации речевого действия.

Ключевые слова: прецедентность; прецедентное высказывание; речевая деятельность; речевое действие; культурный смысл; теория доминантных смыслов; психолингвистический эксперимент.

N. S. Panarina

PhD, Associate Professor at the Department of General and Comparative Linguistics, MSLU; e-mail: panarinans@gmail.com

PSYCHOLINGUISTIC METHODS OF ANALYZING THE DYNAMICS OF PRECEDENT PROPOSITIONS

The article looks into the problem of applicability of terms and methods of linguistics in psycholinguistic studies. The author analyzes distinctive aspects of modeling a mechanism responsible for initiating precedent knowledge and emphasizes the necessity of the 'active speaker' principle. Following this principle and relying on the theory of speech activity developed by A.A. Leontiev, the author considers the stages at which knowledge is initiated and integrated in the description of the precedent object. Special attention is paid to testing the method of psycholinguistic analysis of functioning precedent propositions, as well as to its verification by means of an experiment on the functional completion of propositions. The author stresses the tendency for simultaneous deactualization of cultural content of case statements and case names and suggests that both processes coincide due to the universal character of mechanisms responsible for speech initiation.

Key words: precedence; precedent proposition; speech activity; speech action; cultural meaning; theory of dominant meanings; psycholinguistic experiment.

Введение

В современной лингвистике преобладают исследования комплексного характера, авторы которых стремятся выработать оригинальный понятийный аппарат и методы исследования. При этом некоторые принципы и термины, описывающие параметры научного объекта, а также методы анализа заимствуются из смежных дисциплин, но не всегда получают необходимую междисциплинарную обработку. Это касается, в том числе, понятий, в которых традиционно рассматривается проблема реализации культурной специфики речевой деятельности.

Репрезентация культурно специфического знания рассматривается в лингвистике с разных позиций. Так, в исследованиях, проводящих принципы структуралистской лингвистики, исследуется национально-культурная составляющая семантики языковых единиц [Верещагин, Костомаров 1980; Воробьев 2006; Томахин 1984; Ощепкова 1995; Pike 1993], выявляются «зоны» языка, в наибольшей степени насыщенные культурной информацией [Вежбицкая 2001; Hirsch 1987; Stevenson 1960] и др.

В рамках коммуникативной парадигмы исследователи выделяют круг реалий, прежде всего текстов, которые, в силу особенностей своего функционирования в культуре, вербализуют национально специфическое содержание [Караулов 2010; Гришаева 2008] и др. При этом полагается, что регулярность способов вербализации закрепляет национальную специфику в определенных компонентах текста, что может способствовать возникновению особых типов текстов, называемых прецедентными.

Определяя прецедентный текст как объект научного исследования, ученые чаще всего выделяют такие его параметры, как *частотность* функционирования, *познавательную значимость* текста, а также *воспроизводимость* текстовых компонентов в качестве репрезентантов культурно обусловленных смыслов. Но экспериментальные исследования речевой деятельности представителей лингвокультуры свидетельствуют об отсутствии закономерной связи указанных параметров [Панарина 2017].

В рамках лингвокогнитивного подхода моделируется механизм присвоения культурного знания индивидом посредством формирования в его сознании определенного национального культурного пространства, являющегося по природе информационно-эмоциональным образованием, включающим представления и понятия носителей лингвокультуры об элементах культуры [Красных и др. 1997]. При этом выделить регулярные средства выражения национально специфических представлений пока не удавалось, так как *связь с элементами культуры*, как и *общность знаний* представителей лингвокультуры, не всегда влияют на формирование смысловой доминанты контекста [Панарина 2017].

Согласившись с принципиальной универсальностью психологического механизма вербализации культурной специфики, отметим, что такой механизм должен в значительной мере определяться условиями речевой деятельности. Если исследователи трактуют прецедентный объект через устойчивую, стабильную связь прецедентной единицы, прецедентного феномена и содержания, то следует учитывать, что функциональное содержание любого знака представляет чаще всего актуальные способы осмысления действительности представителями лингвокультуры. Более того, при всей фундаментальности приведенной концепции авторами не проводится *принцип активности*, значимый для репрезентации культурного знания.

Нами установлено, что каждый из приведенных параметров может актуализироваться / не актуализироваться в конкретной речевой деятельности [там же]. Тогда необходимо искать другие, более значительные параметры, определяющие вариативность реализации прецедентности. А поскольку речь идет об *оперировании* культурным знанием как акте деятельности, то логично в исследовании прецедентности акцентировать собственно *деятельностные* факторы, описанные в теории речевой деятельности А. А. Леонтьева. По результатам анализа функционирования прецедентных имен мы доказали функциональность категории прецедентности и моделировали механизм прецедентности с *опорой на характер реализующего ее речевого действия*. Было установлено, что «прецедентность возникает только в том случае, когда личностный смысл речевого действия репрезентируется с опорой на *социально* значимое содержание единиц языка, на их культурный смысл, и одновременно отражает актуальное ценностное отношение индивида к культурному смыслу» [там же, с. 197].

Для решения проблемы моделирования реализации культурно специфичного знания целесообразно, вслед за А. А. Леонтьевым, развести *способность* и *умение* выражать культурный смысл: «В любой момент истории человечества мы застаем у человека какие-нибудь орудия и какие-нибудь умения, дополняющие эти орудия, не опредмеченные в них непосредственно, но возникающие на основе способностей, в них опредмеченных» [Леонтьев 1966, с. 26]. С одной стороны, индивид способен представлять культурно специфичный смысл только тогда, когда он способен выстраивать ценностное отношение к фрагментам окружающего мира. Такая способность, так или иначе, формируется в жизнедеятельности человека по мере удовлетворения тех или иных потребностей. С другой – умение выражать культурный смысл складывается только в актах оперирования знаком, в том случае, если индивид имеет возможность опереться на содержание знака. При этом репрезентация любого психологически актуального содержания знака находит ограничение в механизме парадигматических и синтагматических отношений, т. е. в языке.

Следовательно, с одной стороны, лингвистические методы, применяемые к психолингвистическому объекту: речевому действию как акту оперирования культурно специфичным знанием, а также термины и понятия, не фиксирующие принципиальной динамичности такого объекта, не могут отражать его специфические параметры. С другой стороны, описание психолингвистического объекта требует учета собственно лингвистических механизмов, так как только включая в механизм речевого действия лингвистические свойства знака, мы получаем основу для решения проблемы анализа речевого действия.

Цель статьи – исследовать, может ли изменение соотношения структуры речевого действия и структуры прецедентного высказывания свидетельствовать о динамике значения, что, в свою очередь, требует:

1. Раскрыть своеобразие психолингвистической трактовки функционирования прецедентных высказываний и их семантических и структурных вариантов;
2. Выявить культурные смыслы, которые возникают при функционировании прецедентного высказывания;
3. Установить коммуникативный потенциал прецедентных высказываний на основе исследования ассоциативных полей.

Материал и методы анализа

Функционирование прецедентных высказываний ранее не рассматривалось с психолингвистических позиций. Как и прецедентные имена, прецедентные высказывания функционируют в разных типах дискурса не только для выражения культурного смысла, но и культурно не значимого содержания. Согласно нашей *гипотезе*, *изменение структурных компонентов прецедентного высказывания характеризует определенную стадию деактуализации его культурного смысла*.

Для описания соотношения культурно значимого содержания и актуальных семантических признаков мы используем модель соотношения психологического значения и личностного смысла А. Н. Леонтьева [Леонтьев 1983, с. 297]. Прецедентное высказывание функционирует в системе средств речевой деятельности, а значит, в формировании личностного смысла участвуют не только компоненты прецедентного высказывания, но и компоненты контекста, при этом интегративная смысловая доминанта речевого действия фиксируется пересечением ядерных / периферийных сем таких компонентов.

В соответствии с разработанной *методикой*, мы:

1) на основе анализа лексикографических источников выбрали группу прецедентных высказываний и моделировали структуру их культурного содержания;

2) на основе анализа контекстов по методике выявления доминантных смыслов выявили актуально функционирующее содержание прецедентных высказываний, акцентируя случаи семантической, а также структурной вариативности высказываний;

3) для верификации контекстного анализа подготовили экспериментальную анкету, разбив прецедентные высказывания на функциональные части;

4) предложили испытуемым анкету, содержащую: 1) задание на функциональное достраивание фразы – компонента прецедентного высказывания; 2) задание на определение личностного смысла полученного высказывания.

Анализ опирается на следующие положения:

1. Прецедентное высказывание включается в речевое действие как средство осуществления, поэтому функция прецедентного высказывания определяется мотивом конкретной деятельности, включающей речевое действие.

2. В конкретном акте реализации смысл высказывания представляет соотношение психологического значения и личностного смысла, причем частотное «отклонение» личностного смысла от психологического значения может фиксироваться модификациями компонентов высказывания.

В статье мы акцентируем внимание на реализации универсального прецедентного высказывания, поскольку такой тип высказываний способен, как полагают исследователи, представлять культурно специфичное знание, будучи извлеченным из первоначального контекста употребления: «Средний носитель русского языка помнит само прецедентное высказывание, но не знает какому тексту оно изначально принадлежит» [Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь 2004, с. 35]. Нам важно выяснить, каким образом высказывание функционирует на *данном* этапе употребления, и какова структура включающего их речевого действия.

Примеры контекстов взяты из Национального корпуса русского языка, социальных сетей, блогов, поскольку эти источники отражают стихийную речевую деятельность, в которой наиболее активно происходит сдвиг в семантике прецедентного высказывания.

Результаты анализа

Рассмотрим специфику функционирования универсального прецедентного высказывания: *Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей*. Энциклопедический словарь В. В. Серова фиксирует высказывание: *Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей* с указанием на неточность цитаты из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Анализируя исходный контекст, можно судить о характере включенности высказывания в формирование смысловой доминанты фрагмента романа:

Чем *меньше* женщину мы *любим*,
Тем *легче* *нравимся* мы ей,
И тем ее вернее *губим*
Средь обольстительных сетей.
Разврат, бывало, хладнокровный...

...

Но эта важная забава
Достойна старых обезьян...

...

Ловласов обветшала слава...

...

мой Евгений...

...

*Был жертвой бурных заблуждений
И необузданных страстей.*

...

Зевоту подавляя смехом:

Вот как убил он восемь лет,

*Утратя жизни лучший цвет*¹.

[Пушкин 1954, с. 60–61].

Совокупность компонентов контекста *вернее губим, жертвой заблуждений, убил он восемь лет, утратив жизни лучший цвет* акцентирует негативную оценку, формируя интегративный смысл «пагубное влияние действий на самого действующего и на женщину». Компоненты *забава достойна старых обезьян, ловласов обветшала слава* связаны интегративным смыслом «сомнительное занятие, не достойное современного мужчины», что акцентирует невозможность совершения действия современниками героя в силу их нравственного превосходства над предшественниками. В сущности, формирование ценностной установки на осуждение реализации принципа, фиксированного прецедентным высказыванием (как результат осмысления героем настроений и жизни современного ему общества) и составляет культурно значимое содержание прецедентного высказывания, так как иллюстрирует деградацию общественных нравов.

Но в речевой деятельности современных носителей русского языка интерпретация высказывания строится вокруг переосмысления мотивов женщины: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей... **не знаком ей ...** в этом проявляется **интрига!**.. когда **уже и не раз излил чувства ... пропадает интерес...**» [Козлов]. В таком случае, с одной стороны, подчеркивается причинно-следственная связь, фиксированная прецедентным высказыванием, с другой – компоненты *не знаком, интрига, уже не раз излил, пропадает интерес* формируют смысловую доминанту высказывания без учета значимости негативной оценки.

Развитие смысловой доминанты фиксирует следующий контекст: «Красивая формула жизни, была высказана великим поэтом

¹ Выделено нами. – Н. П.

Пушкиным <...>. В современных условиях это трактуется так: **«Бей бабу!»**... если вот ты ее **игноришь, осаживаешь**, то она видит в тебе **альфа-самца ... вцепляется мертвой хваткой...**» (*Запись в социальной сети vk.com*). Переосмысление мотивов женщины идет по пути оправдания жестокого отношения к ней. Целый ряд компонентов контекста представляет в основных и периферийных семах интегративный смысл «агрессия». Так, в семантике слова «бить» ядерным компонентом выступает смысл «совершать насилие», в сочетании с ним слово *баба* актуализирует отрицательную коннотацию, отражающую мотив действия, которое может служить проявлению агрессии. Компоненты *игноришь* и *осаживаешь* также включают смысл «давление» (в частности, в психологии игнорирование признается формой пассивной агрессии [Бэрон, Ричардсон 1999]), который фиксируется также значениями слова *вцепляется* и выражения *мертвой хваткой*. Наконец, слово *альфа-самец* фиксирует как в ядерных, так и в периферийных семах смыслы «давление», «доминирование»: «В этологии термин, используемый для обозначения самца, занимающего самую верхнюю позицию в иерархии доминирования стада» [Толковый словарь по психологии 2013]. Как видно, на основе актуальных смыслов компонентов контекста формируется доминанта высказывания «женщинам нравятся агрессивные мужчины, способные совершить насилие». Субъекты речевой деятельности включают прецедентное высказывание в реализацию распространенных в социуме способов оправдания сдержанности, обмана, манипуляции, агрессии по отношению к женщине.

Далее модификация компонентов высказывания фиксируется в речевых действиях, служащих интерпретации женского поведения. Доминантой части контекстов является констатация неверности женщины: «Чем меньше женщину мы любим, тем больше шансов у других». Мотивация женщины частотно интерпретируется на основе смыслов, традиционно не связываемых с выражением любви и чувств вообще: **«Век рыночной экономики ... чувства становятся более прагматичными ... чем меньше женщину мы любим, тем больше нужно ей от нас»** [Козлов URL]. Компоненты *рыночной экономики, чувства становятся прагматичными* актуализируют смысл «получение материальных благ», на основе которого интерпретируются компоненты *любим* и *нужно ей от нас*, причем познавательная модель *чем меньше – тем больше* способствует формированию связи

между новыми смыслами «дефицит любви» – «материальные блага», при этом актуальность смысла «рыночные отношения» формирует представление о женщине, которая при нехватке любви готова удовлетвориться некими материальными благами. Заметим, что субъекты речевой деятельности не стремятся подчеркнуть связь с источником высказывания, а также значимость культурного смысла. Напротив, доминантно значимый смысл «женщина прагматична» представляется частотно, и в новых речевых действиях он становится ассоциативной основой для формирования других смыслов.

Переосмысление глагола *любить* способствует функциональному включению высказывания в выражение смысла «чтобы понравиться, нужно многое покупать женщине»: «Чем больше женщину мы любим, – тем больше нужно ей купить ... действует вполне понятная схема “укрощения” любимой – покупаем все больше и больше ... и начинаем ей постепенно нравиться» [Козлов URL]. Такое семантическое содержание по составу компонентов сходно со смыслом предыдущего варианта высказывания, но иерархия смыслов выстраивается иначе.

Модификация компонента *меньше* с заменой на *больше* расширяет коммуникативный потенциал высказывания. Доминантой, в частности, становится смысл «опасность беспорядочных связей»: «Чем больше женщину мы любим, тем меньше времени для сна»; «Чем больше девушек мы любим, тем меньше нравимся врачам». Такие модификации фиксируют социально значимое содержание, однако оно не совпадает с культурным смыслом ни по ядерным, ни по периферийным семам.

Интересна тенденция употреблять высказывание асемантично. Распространенность таких речевых действий подтверждена фиксацией структурного варианта прецедентного высказывания словарем, где семантика определена крайне обобщенно: «Чем меньше женщину мы больше, тем меньше больше она нас – об отношении мужчин к женщинами и женщин к мужчинам» [Белянин, Бутенко 1994, с. 172]. Асемантичное употребление реализуется за счет намеренного разрушения структуры прецедентного высказывания: «Чем меньше женщину мы больше, тем меньше больше мы чем тем» (интернет-мем на сайте *pikabu.ru*). Такое высказывание является компонентом мема, выступающего частью серии мемов, служащих представлению высказываний В.Кличко как нелогичных, бессмысленных: «Я вижу запах вкуса»; «Приходи ко мне вчера, лифт работает пешком» и т. д. (интернет-мем на сайте *pikabu.ru*). Общей доминантой таких высказываний

выступает компонент «бессмыслица», а речевые действия служат представлению бессвязности речи спортсмена.

Анализ употребления прецедентного высказывания показал:

1. Сдвиг ценностно значимой культурно специфичной смысловой доминанты прецедентного высказывания формируется в речевом действии. Репрезентация актуального смысла речевого действия осуществляется благодаря новому соотношению ядерных и периферийных сем языковых единиц – компонентов контекста.

2. Новые смыслы входят не только в периферию, но и в ядро содержания высказывания, так как становятся основой дальнейшего развития ассоциативных смыслов.

3. Деактуализация культурного содержания прецедентных высказываний во многом следует тем же тенденциям, что и деактуализация культурного смысла прецедентных имен: асемантизации, вхождению в содержание высказывания признаков на основе изменения социальной оценки содержательных компонентов высказывания и др. [Панарина 2017].

Поскольку нам важно опробовать методику анализа, использованную нами ранее в анализе прецедентных имен, исследование строится аналогичным образом [там же]. Ассоциативный эксперимент как способ верификации контекстного анализа был заменен экспериментом на достраивание незаконченных высказываний, более подходящим для исследуемых единиц.

Методологические основы психолингвистической интерпретации эксперимента выстроены аналогично основаниям ассоциативного эксперимента, анализ результатов может проводиться посредством моделирования поля функциональных смыслов прецедентного высказывания.

Развивая положения В. А. Пищальниковой и М. Патсиса, обосновавших методику психолингвистического анализа данных ассоциативного эксперимента, предположим, что:

- модель поля функциональных смыслов обнаруживает реальную для носителя языка психологическую структуру содержания прецедентного высказывания [Пищальникова 1991; Патсис 2005];
- начало высказывания и вариант его завершения респондентом представляют собой речевое действие, где начальный компонент становится мотивом порождения высказывания, а окончание выражает коммуникативное намерение автора;

- начало высказывания и функциональное окончание составляют смысловую единицу, имеющую определенное психологическое значение и личностный смысл;
- поле функциональных смыслов прецедентного высказывания отражает его коммуникативный потенциал – специфику реализации высказывания в качестве средства речевого действия [Пищальникова 1991; Патсис 2005];
- все структурные компоненты поля функциональных смыслов – как ядерные, так и периферические, могут быть важными для понимания речевого произведения.

Для подтверждения тенденций деактуализации культурного смысла прецедентного высказывания мы предложили группе испытуемых (250 человек в возрасте от 17 до 20 лет) продолжить фразу: «Чем меньше женщину...». За 3–4 недели до анкетирования респонденты утверждали, что знакомы с произведением А.С. Пушкина «Евгений Онегин», поскольку когда-то активно готовились к сдаче выпускных экзаменов в средней школе. Предварительно были сформулированы экспериментальные гипотезы:

- Если прецедентное высказывание частотно используется в речевых операциях представителей лингвокультуры, то респонденты будут дополнять высказывание до оригинала или достраивать с минимальными модификациями, например, заменяя слово *легче* на *больше*.
- Если испытуемыми осознается культурный смысл прецедентного высказывания, то они будут стремиться указать на него как на социально значимый, одобряемый.
- Если испытуемые имеют опыт репрезентации личностно значимого содержания с помощью высказывания, то они будут стремиться представить такое содержание как наиболее значимое.

Испытуемым экспериментальной группы было предложено задание: дополните высказывание первой пришедшей на ум фразой. Опишите, какой смысл имеет для Вас получившееся выражение».

Задание для испытуемых контрольной группы звучало так: «Прочтите фрагменты высказываний, знакомы ли они Вам? Вспомните, какое общеизвестное продолжение имеет высказывание? Каков его смысл для Вас?».

По итогам анализа полученных данных мы заметили, что 40% испытуемых экспериментальной группы дополнили высказывание,

придав ему вид наиболее близкий к оригиналу, заменив лишь компоненты *легче* на *больше*. На связь с произведением А.С.Пушкина указал лишь один респондент. Однако только 12 % испытуемых попытались построить речевое действие с опорой на культурный смысл высказывания: «Просто крылатая фраза, которая является правдой / мораль жизни / женщины не ценят любовь».

Оценивая функциональное разнообразие выражений, дополняющих фрагмент прецедентного высказывания, разделим полученные реакции на три группы. Наиболее часто (в 24 % случаев) высказывание осмысливается как основа для акцентирования потребности женщины в любви: «Чем меньше женщину ... любить, тем она злее / больше проблем / меньше еды в холодильнике и т. д.». Подобные формулировки, по словам респондентов, объединяет смысл «женщина любит ласку, надо любить жен / женщин».

Столь же частотны случаи акцентирования проблемы насилия: «Чем меньше женщину ... бьют, ругают, тем меньше ей больно / тем она счастливее» и т. д. Респондентам важно подчеркнуть, что «в нашем мире до сих пор очень много несправедливого отношения к женщине». Тем не менее в одной из анкет фиксируется клише, оправдывающее агрессивное отношение к женщине: «Чем меньше женщину ... бить, тем она меньше тебя любит». Как видно, тема агрессии проявляется не только при контекстном анализе, но и характеризует актуальное содержание мышления молодежи и – что особенно важно – не соотносится с культурным смыслом высказывания.

Значительная часть контекстов (12 %) акцентируют возможность обмана женщины: «Чем меньше женщину... люблю, тем больше с ней времени провожу / любить, тем больше ей даров дарить», при этом логика высказывания объясняется необходимостью скрыть нелюбовь / измену.

Можно заметить, что прецедентное высказывание используется респондентами в речи крайне редко, культурный смысл высказывания не выступает опорой для репрезентации личностно значимого содержания. Проведенное исследование являлось пилотным и служило, по сути, не столько всестороннему изучению механизма деактуализации прецедентных высказываний, сколько апробации методики анализа с учетом специфики прецедентных высказываний. Как отмечалось выше, различение прецедентного имени и прецедентного

высказывания незначимо для психолингвистики, так как психологический механизм актуализации прецедентности един. Последнее подтверждается совпадением актуальных тенденций деактуализации единиц.

Выводы

1. Сдвиг компонентов культурного содержания прецедентного высказывания может возникнуть в акте репрезентации актуального смысла речевого действия благодаря новому соотношению ядерных и периферийных сем языковых единиц – компонентов контекста.

2. Сдвиг смысловой доминанты прецедентного высказывания закономерно влияет на формирование вариантов высказывания.

3. Совпадение тенденций деактуализации культурного содержания прецедентных высказываний и прецедентных имен объясняется универсальностью механизма автоматизации речевого действия.

В перспективе теоретической работы необходимо уточнить методику экспериментального исследования, а также сравнить аналитические данные исследования прецедентных высказываний, относимых, согласно традиционной классификации, к разным видам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белянин В. П., Бутенко И. А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. М.: ПАИМС, 1994. 192 с.
- Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 1999. 352 с.
- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
- Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
- Воробьев В. В. Лингвокультурология. М.: Изд-во РУДН, 2006. 112 с.
- Гришаева Л. И. Прецедентный текст как универсальное средство передачи и хранения культурной информации // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 118–123.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
- Козлов В. Чем меньше женщину мы любим... Монолог мужчины // Избачитальня. Литературно-художественный портал. URL: www.chitalnya.ru/work/188849/.
- Красных В. В. [и др.]. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева, И. В. Захаренко // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 62–75.

- Леонтьев А. А. Языкознание и психология. М.: Наука, 1966. 80 с.
- Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. Т. II. М.: Педагогика, 1983. 320 с.
- Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков и др. М.: Гнозис, 2004. 318 с.
- Ощепкова В. В. Учебное пособие по страноведению. США / сост. В. В. Ощепкова. М.: Новая школа, 1995. 208 с.
- Панарина Н. С. Психолингвистическое моделирование механизма реализации прецедентности: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 257 с.
- Патсис М. Ассоциативное поле как инструмент анализа значения слова (на материале греческого языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 167 с.
- Пицальникова В. А. Концептуальный анализ художественного текста: учебное пособие. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1991. 87 с.
- Пушкин А. С. Евгений Онегин // Полное собр. соч.: в 10 т. Т. III. М.: Правда, 1954. 478 с.
- Толковый словарь по психологии. 2013. URL: psychology_dictionary.academic.ru/610/%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%A4%D0%90 (дата обращения: 8.03.2019).
- Томахин Г. Д. Теоретические основы лингвострановедения (на материале лексических американизмов английского языка): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1984. 487 с.
- Hirsch E. Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. Boston: Houghton Mifflin Company, 1987. 251 p.
- Pike K. L. Talk, Thought and Thing. The emic road toward conscious Knowledge. Dallas: Summer Institute of Linguistics, 1993. 86 p.
- Stevenson Ch. L. Ethics and Language. New Haven: Yale University Press, 1960. 338 p.

REFERENCES

- Beljanin V. P., Butenko I. A. Zhivaja rech'. Slovar' razgovornyh vyrazhenij. M.: PAIMS, 1994. 192 s.
- Bjeron R., Richardson D. Agressija. SPb.: Piter, 1999. 352 s.
- Vezhbičkaja A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo ključevyh slov / per. s angl. A. D. Shmeleva. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2001. 288 s.
- Vereshhagin E. M., Kostomarov V. G. Lingvostranovedčeskaja teorija slova. M.: Russkij jazyk, 1980. 320 s.
- Vorob'ev V. V. Lingvokul'turologija. M.: Izd-vo RUDN, 2006. 112 s.
- Grishaeva L. I. Precedentnyj tekst kak universal'noe sredstvo peredachi i hranenija kul'turnoj informacii // Politicheskaja lingvistika. 2008. № 1 (24). S. 118–123.

- Karaulov Ju. N.* Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. M.: LKI, 2010. 264 s.
- Kozlov V.* Chem men'she zhenshhinu my ljubim... Monolog muzhchiny // Izbachital'nja. Literaturno-hudozhestvennyj portal. URL: www.chitalnya.ru/work/188849/
- Krasnyh V. V.* [i dr.]. Kognitivnaja baza i precedentnye fenomeny v sisteme drugih edinic i v kommunikacii / V. V. Krasnyh, D. B. Gudkov, D. V. Bagaeva, I. V. Zaharenko // Vestnik MGU. Ser. 9. Filologija. 1997. № 3. S. 62–75.
- Leont'ev A. A.* Jazykoznanie i psihologija. M.: Nauka, 1966. 80 s.
- Leont'ev A. N.* Izbrannye psihologicheskie proizvedenija: v 2 t. T. II. M.: Pedagogika, 1983. 320 s.
- Russkoe kul'turnoe prostranstvo. Lingvokul'turologicheskij slovar' / I. S. Brileva, N. P. Vol'skaja, D. B. Gudkov i dr. M.: Gnozis, 2004. 318 s.
- Oshhepkova V. V.* Uchebnoe posobie po stranovedeniju. SShA / sost. V. V. Oshhepkova. M.: Novaja shkola, 1995. 208 s.
- Panarina N. S.* Psiholingvisticheskoe modelirovanie mehanizma realizacii precedentnosti: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2017. 257 s.
- Patsis M.* Associativnoe pole kak instrument analiza znachenija slova (na materiale grecheskogo jazyka): dis. ... kand. filol. nauk. M., 2005. 167 s.
- Pishchal'nikova V. A.* Konceptual'nyj analiz hudozhestvennogo teksta : uchebnoe posobie. Barnaul : Altajskij gos. un-t, 1991. 87 s.
- Pushkin A. S.* Evgenij Onegin // Polnoe sobr. soch.: v 10 t. T. III. M.: Pravda, 1954. 478 s.
- Tolkovyj slovar' po psihologii. 2013. YRL: psychology_dictionary.academic.ru/610/%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%A4%D0%90 (data obrashhenija 8.03.2019).
- Tomahin G. D.* Teoreticheskie osnovy lingvostranovedenija (na materiale leksicheskikh amerikanizmov anglijskogo jazyka): dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1984. 487 c.
- Hirsch E.* Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. Boston: Houghton Mifflin Company, 1987. 251 p.
- Pike K. L.* Talk, Thought and Thing. The emic road toward conscious Knowledge. Dallas : Summer Institute of Linguistics, 1993. 86 p.
- Stevenson Ch. L.* Ethics and Language. New Haven : Yale University Press, 1960. 338 p.

В. А. Пищальникова, А. И. Хлопова

Пищальникова В. А., доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры общего и сравнительного языкознания ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: pishchalnikova@mail.ru

Хлопова А. И., кандидат филологических наук; ст. преподаватель кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: chlopova_anna@mail.ru

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДИКИ ВЕРИФИКАЦИИ ДАННЫХ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ

В статье представлен алгоритм последовательной верификации данных ассоциативного поля. Для этого предлагается исследовать анализируемый вербальный стимул с учетом этимологических и лексикографических данных, сопоставляя их с результатами свободного прямого и обратного ассоциативного экспериментов, верифицируя с помощью различных измерительных методик значения слова и, если необходимо, опроса испытуемых. Предложенный нами алгоритм анализа эффективен в исследовании базовых ценностей и этнических стереотипов: такая последовательность анализа выявляет психологически актуальные компоненты значения, важные для интерпретации стереотипов и, в частности, базовых этнических ценностей. Кроме того, совокупность различных методов исследования сводит к минимуму разночтения в интерпретации результатов одного эксперимента. Возмозжности предложенной методики анализа личностного смысла ассоциатов рассматриваются только на примере базовой ценности милосердие.

Проведенное исследование показало, что лексема *милосердие* нечастотна в речевой деятельности исследованной группы молодежи (студенты 17–25 лет). Содержание лексемы усвоено из частотных в СМИ сочетаний, связанных с распространением определенных способов проявления «социального» милосердия, но с ней, как правило, не соотносится какое-либо личностное содержание, определяемое базовой ценностью как неосознаваемым принципом поведения. Это подтверждается практическим отсутствием ассоциатов с актуальным для испытуемых эмоционально-экспрессивным компонентом, репрезентирующим личностное отношение к содержанию слова как знаку ценности. Данные шкалирования и ранжирования и других приемов верификации экспериментальных данных свидетельствуют о правильности предложенной гипотезы.

Ключевые слова: ассоциативное поле; субъективное шкалирование; ранжирование; метод семантического дифференциала; метод последовательных интервалов.

V. A. Pishchalnikova, A. I. Khlopova

V. A. Pishchalnikova, Doctor of Philology, Professor at the Department of General and Comparative Linguistics, MSLU; e-mail: pishchalnikova@mail.ru

A. I. Khloпова, PhD, Senior Lecturer at the Department of German Lexicology and Stylistics, MSLU; e-mail: chlopova_anna@mail.ru

EXPERIMENTAL METHODS FOR ASSOCIATIVE FIELD'S DATA VERIFICATION

The authors introduce an algorithm for sequential verification of an associative field's data and suggest studying analyzed verbal stimulus taking into account etymological and lexicographic data comparing it to the results of free direct associative experiment and reversed associative experiment, verifying meanings of words with different measuring methods and, if necessary, clarifying data by additional surveys. Proposed algorithm of analysis is effective in research of basic values and ethnic stereotypes: this sequence of analysis identifies psychologically relevant components of meaning that are important for interpreting stereotypes and basic ethnic values. Besides, this complex of different research methods minimizes the possibility of different interpretations of experiment results. The authors test the new methodology by analysing meanings that emerge as associates deal with the basic value *mercifulness*.

The conducted research has shown that the lexeme *mercifulness* is not frequent in the speech activity of research target group (17–25 y. o. students). The target group representatives internalize the meaning of the lexeme from frequent word combinations used in mass media in connection with proliferation of certain manifestations of “social” *mercifulness*. As a rule, these word combinations do not express any personal content defined by a basic value as an unconscious guideline of socially accepted behavior. A very small number of associates with emotional and expressive components relevant for the target group representing personal attitude to the content of a word as a value proves the point. Scaling and rating data alongside with other methods of research data verification are the evidence of correctness of proposed hypothesis.

Key words: associative field; subjective scaling; rating; method of semantic differential; method of sequential intervals.

Введение

Для установления содержания базовых ценностей используются все варианты описательных методик, различные психосемантические техники, а также ассоциативный эксперимент (далее – АЭ). Известно, что, с одной стороны, человек в ходе повседневного взаимодействия с миром познает существующие в нем взаимосвязи между явлениями, но, с другой – в значительной степени живет в мире представлений и мнений, порожденных окружающей культурой, навязывающей присущие ей ценности, реализованные в национальных мифах, этнических авто- и гетеростереотипах, традициях. Психологически они

одинаково реальны и значимы для индивида, поскольку включаются в единую ассоциативно-вербальную сеть и потому воспроизводятся в ассоциативных реакциях носителя культуры, в том числе и в эксперименте. АЭ позволяет моделировать ассоциативные поля слов, на основе которых устанавливаются предметный, эмоционально-оценочный и иные семантические компоненты лексемы, а также установить степень психологической актуальности каждого ассоциата для носителей языка в определенный период времени [Залевская 1979; Залевская 2012].

Для верификации результатов АЭ необходимо использовать другие виды эксперимента, что может обеспечить надежность и достоверность выводов, сделанных на основе АЭ [Пищальникова 2007, с. 117]. К таким видам эксперимента относятся, например, различные психосемантические методики измерения (значения). В. Н. Дружинин полагает, что измерение является методом регистрации объекта исследования и изменения этого состояния в ответ на экспериментальное воздействие [Дружинин 2004, с. 169]. Измерение служит для выявления индивидуальных различий поведения человека и отражения им мира. В ходе измерения испытуемый классифицирует, ранжирует или оценивает объект в зависимости от образования, опыта, условий существования и иных социально-культурных и психологических факторов.

Для верификации данных АЭ предлагается сочетать данные этимологических источников, лексикографические данные, результаты прямого и обратного АЭ, а также данные различных психосемантических измерений, в том числе метод семантического дифференциала Ч. Осгуда, и опрос.

Предложенная нами последовательность верификации результатов АЭ эффективна в исследовании этнических стереотипов, в частности базовых ценностей, поскольку способствует установлению смыслов, психологически актуальных для испытуемых, и тем самым позволяет судить о важности для них той или иной базовой ценности. Кроме того, объективно совокупность различных приемов исследования семантики ассоциата сводит к минимуму произвольность в интерпретации результатов эксперимента.

Рассмотрим возможности предложенной нами методики на базовой ценности «милосердие».

Важным этапом ассоциативных экспериментов, осуществляемых с разной целью, является отбор стимулов. С целью определения

состава слов-стимулов мы исследовали различные имеющиеся источники базовых ценностей – от научных статей до результатов социальных и лингвистических проектов, направленных на установление системы базовых ценностей – и избрали для анализа упомянутые во всех списках 28 ценностей, которые, вероятно, и входят в ядро базовых ценностей: *безопасность, богатство, вера, власть, внимание к людям, гармония, деньги, доверие, достаток, дружба, жизнь, законность, здоровье, истина, милосердие, мир, независимость, образование, покой, порядочность, работа, родина, семья, справедливость, труд, уважение к родителям, уважение, успех* (в представленном первоначальном списке мы располагаем их по алфавиту) [Schwarz 2006; Deese 1965; Рябов, Курбангалеева 2003].

Этот список был предложен испытуемым в эксперименте на ранжирование; их задача – распределить ценности в порядке убывания значимости для них. Было опрошено 200 испытуемых в возрасте от 17 до 23 лет. Как отмечает Ю. Н. Караулов, именно к этому периоду происходит становление языковой личности, а в реакциях находит отражение языковая способность респондентов [Караулов 1981]. Испытуемые – студенты московских вузов, которые проживают с родителями или за счет родителей, не имеют постоянной работы, не имеют своей семьи. Наибольший ранг для респондентов (в среднем – 1,5) имеет ценность *семья*, наименьший ранг – *власть* (в среднем – 26). Ценность *милосердие* занимает в среднем 16-е место среди 28-и ценностей.

В соответствии с этим можно предположить, что ценность *милосердие* не является для респондентов психологически значимой.

Для доказательства выдвинутой гипотезы обратимся к результатам АЭ и данным различных психосемантических измерений.

Обсуждение результатов ассоциативного эксперимента

Для установления психологически актуального содержания базовой ценности «милосердие» по данным проведенного свободно-го АЭ, смоделировано АП слова-стимула *милосердие*. Из полученных 200 реакций методом случайной выборки было отобрано 80 реакций, которые мы классифицировали в соответствии с моделью АП В. А. Пищальниковой [Пищальникова 1999]:

1. Понятия: *доброта* – 17, *отзывчивость* – 13, *помощь* – 11, *добросердечность* – 9, *жалость* – 8, *сострадание* – 8, *бескорыстие*, *благодушие*, *благотворительность*, *добродушие*, *добро*, *забота*, *любовь*, *моральные устои*, *поддержка*, *сочувствие*, *щедрость* – всего 76.

2. Реакции-представления: *бабушка*, *Иисус Христос*, *свобода*, *ящик конфет* – всего 4.

3. Эмоционально-оценочные реакции: 0.

4. Формально-грамматические реакции: 0.

Ассоциаты-понятия (95 % от общего числа реакций) демонстрируют знание словарного значения слова «милосердие» как *готовность оказать помощь, проявить снисхождение из сострадания, человеколюбия; сама помощь, снисхождение, вызванные такими чувствами* (gufo.me/dict/mas/милосердие). Ядерные реакции на слово-стимул *милосердие* – *доброта* – 21,25 %, *отзывчивость* – 16,25 %, *добросердечность* – 11,25 %, *помощь* – 13,75 %, *жалость* – 10 %, *сострадание* – 10 %.

Реакции-представления (всего 5 %), которые, как правило, и выявляют личностное отношение к реалии и свидетельствуют о «встроенности» содержания слова в систему значимых для личности понятий, в нашем эксперименте единичны, и это свидетельствует об обратном – о неактуальности понятия для подавляющего большинства испытуемых.

Для уточнения интерпретации реакций респонденты были опрошены в личной беседе. *Бабушка* для респондента – это любой пожилой человек, к которому нужно быть милосердным и терпимым. По сути, ассоциат актуализирует возрастную группу общества, которой чаще и оказывается, как правило, материальная помощь в том или ином виде.

Ассоциат *Иисус Христос* актуализирует содержание устойчивого символа милосердия, но не проявляет его личностного отношения к базовой ценности, обозначенной словом. Ассоциат *коробка конфет* вызван даже не представлением о реальном событии, например, о распространенной форме помощи старикам, а эпизодом недавно прочитанной респондентом книги, в которой главный герой принес в детский дом огромную коробку конфет для детей. Таким образом, реакции *бабушка* и *коробка конфет* отражают, по сути, два актуальных признака слова **милосердие**: возрастная группа, к которой обычно проявляется милосердие, и форма этого проявления. При

этом в беседах респонденты отмечают и другие формы проявления милосердия: помочь перейти старушке через дорогу, угостить детей конфетами, что противоречит содержанию морально-этической категории, предполагающей активное эмоциональное проявление сострадания, человеколюбия, снисхождения ко всем людям. По сути, согласно экспериментальным данным, милосердие стало соотноситься только с эмоционально незатратными формами разовых действий, что и проявляется в полном отсутствии эмоционально-оценочных реакций. Несмотря на то, что респонденты проявляют знание значения слова *милосердие*, милосердие как социальная ценность для них не актуальна, поэтому стимул и не вызывает оценочных и эмоциональных реакций, а содержание понятийных реакций обусловлено частотным в обществе «пакетом социальной помощи» детям и старикам.

Ранее было доказано, что содержание базовых ценностей под влиянием культуры меняется сейчас довольно быстро, что прежде всего обнаруживается в динамике коннотации, обозначающих их слов, хотя продолжает бытовать мнение социологов и психологов о медленном изменении базовых ценностей и их устойчивости в двух-трех поколениях [Хлопова 2018]. Милосердие воспринимается сейчас как нейтральное слово, что может свидетельствовать, по крайней мере, об изменении значимости для индивидов базовой ценности, обозначаемой этой лексемой.

В обратный эксперимент были включены ассоциаты, полученные на слово-стимул *милосердие* – *доброта* – 17, *отзывчивость* – 13, *помощь* – 11, *добросердечность* – 9, *жалость* – 8, *сострадание* – 8, *бескорыстие*, *благодушие*, *благотворительность*, *добродушие*, *добро*, *забота*, *любовь*, *моральные устои*, *поддержка*, *сочувствие*, *щедрость*, *бабушка*, *Иисус Христос*, *свобода*, *ящик конфет*. От 50 респондентов в возрасте от 17 до 23 лет получено 1050 реакций, среди которых милосердие отмечено только один раз: *благодушие* – *милосердие*. Отметим, что ассоциирование выявило и незнание респондентом современного значения слова *благодушие* – в противном случае реакция милосердие необъяснима. Такие результаты свидетельствуют, по крайней мере, об отсутствии устойчивой связи признаков, полученных в первом эксперименте, со словом-стимулом *милосердие* и, по сути, подтверждают вывод о неактуальности изучаемой базовой ценности для исследуемой группы респондентов.

Верификация результатов ассоциативного эксперимента методом субъективного шкалирования

Метод субъективного шкалирования – один из приемов трансформации качественных характеристик слова в числовую переменную.

В анкете на шкалирование **ии.** просили оценить степень эмоциональности слова и дать оценку слову *милосердие* от 1 до 5, где 1 – неэмоционально, 5 – эмоционально; 1 – наименьшая оценка слова, 5 – наибольшая. Согласно результатам *шкалирования*, все респонденты находят слово-стимул *милосердие* эмоциональным (средняя оценка – 4,16) и положительным (средняя оценка – 4,58). Все средние оценки респондентов выше «4». Таким образом, слово-стимул *милосердие* для **ии.**, скорее, положительно эмоционально.

Ранжирование как уточняющий прием изучения экспериментальных данных

При *ранжировании* испытуемому предоставляются все стимулы/объекты одновременно. Испытуемый должен упорядочить объекты по величине измеряемого признака, приписывая объекту определенный ранг начиная с самого большого или самого маленького в соответствии с заданием экспериментатора. При этом ценность, имеющая наибольшую значимость для испытуемого, получает ранг 1, наименьшая – 5 (в соответствии с предложенным количеством ценностей). При *ранжировании* большую роль играют возрастные, социальные, гендерные характеристики **ии.**, поэтому выборка обрабатываемого материала, полученного посредством ранжирования, должна быть презентативной в количественном плане. Кроме того, к недостаткам ранжирования относят невозможность упорядочения большого числа объектов: увеличение числа объектов ранжирования приводит к затруднениям. Однако в совокупности со шкалированием, АЭ и другими методами ранжирование может быть хорошим методом верификации экспериментальных данных.

В анкету на ранжирование 1 было включено 28 слов, обозначающих базовые ценности. Большинство респондентов отводят слову *милосердие* по параметру «эмоциональность» ранги с 3 по 5. Исключение составляют только два респондента, которые присвоили слову *милосердие* 22 и 24 ранги.

Данные эксперимента на ранжирование 2, в котором **ии.** должны были расставить 28 слов по порядку убывания положительной оценочности (1 – наивысшая оценка, 28 – наименьшая), обнаруживают

другой результат. Респонденты присваивают слову в среднем 13-й ранг, что свидетельствует о реально нейтральном восприятии. Только один респондент присвоил слову 1-й ранг (респондент с ДЦП). Первые ранги присвоены лексемам *семья, уважение к родителям, жизнь, внимание к людям*; последние позиции занимают *богатство, деньги, власть, законность*. Отметим, что результаты эксперимента во многом определяются возрастом респондентов, живущих, как уже указывалось, с родителями и за их счет.

Верификация данных методом последовательных интервалов

Метод последовательных интервалов, или *метод выбора*, заключается в том, что испытуемым предлагается несколько объектов / стимулов, из которых он должен выбрать те, которые соответствуют заданному критерию. Нашим испытуемым было предложено соотнести список из 28 ценностей в соответствии со следующими признаками: очень эмоционально / скорее, эмоционально / нейтрально / скорее, неэмоционально / совершенно неэмоционально, а также положительно / скорее, положительно / нейтрально / скорее, отрицательно / отрицательно). Согласно данным первой анкеты, **ии**. относят милосердие к нейтральным словам (62,5 %, по числовой шкале – оценка 3). Согласно данным второй анкеты, респонденты относятся к слову *милосердие*, скорее, положительно (76 %, по числовой шкале – оценка 4).

Верификация данных методом семантического дифференциала

Метод семантического дифференциала был разработан Ч.Осгудом в середине 1950-х гг. Он служит для количественного и качественного индексирования значений с помощью биполярных шкал, которые задаются парами антонимических прилагательных. Между прилагательными расположены 7 градаций (от 3 до +3). Обычно используются следующие биполярные шкалы: *слабый – сильный, женский – мужской, пассивный – активный, медленный – быстрый, необычный – обычный, ложный – правдивый, плохой – хороший*. При этом 1 или -1 – качество, присущее в незначительной степени, 2 или -2 – качество, присущее в средней степени, 3 или -3 – качество присущее в сильной степени, 0 – нейтральное отношение к изучаемому объекту.

При исследовании значения слова, согласно Ч.Осгуду, выявляются три универсальных фактора: **сила** (*слабый – сильный, мужской – женский*), **активность** (*активный – пассивный, медленный –*

быстрый), *оценка* (обычный – необычный, ложный – правдивый, хороший – плохой).

Таблица 1

Данные эксперимента по методу семантического дифференциала

X	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3
Слабый – сильный	0	1	1	2	3	7	12
Женский – мужской	2	6	4	13	0	1	0
Пассивный – активный	1	0	1	8	4	7	1
Медленный – быстрый	2	8	5	0	7	0	1
Необычный – обычный	2	0	10	3	4	5	2
Ложный – правдивый	0	1	0	5	6	8	6
Плохой – хороший	0	0	0	2	2	4	18

Для вычисления значений силы, активности и оценки применяются приемы математической обработки данных: составление статистического ряда в виде таблицы, где X – оценка объекта по семибалльной шкале, n – частота значения X.

Таблица 2

Статистический ряд лексемы милосердие

X	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3
n	n 1	n 2	n 3	n 4	n 5	n 6	n 7

Среднее значение *силы*, *активности* и *оценки* устанавливается по формуле:

$$C/A/O = 1/P * K (*x (-3*n1 - 2*n2 - 1*n3 + 0*n4 + 1*n5 + 2*n6 + 3*n7)^1).$$

Вычислим среднее значение *силы*, *активности* и *отношения* слова *милосердие* по указанной выше формуле: $C/A/O = 1/26 * x (-3*n1 - 2*n2 - 1*n3 + 0*n4 + 1*n5 + 2*n6 + 3*n7)$. Среднее значение *силы* – 0,57, что снова указывает на его психологическую нейтральность для респондентов. Числовое значение *активности* с учетом двух пар антонимических прилагательных (*пассивный* – *активный*, *медленный* – *быстрый*) составляет 0,23, что говорит о нейтральности для респондентов. Значение *оценки* вычисляется на основе трех пар

¹ K – количество анкет, P – количество предложенных антонимических прилагательных.

антонимических прилагательных (*необычный – обычный, ложный – правдивый, плохой – хороший*); оно равно 1,35 и указывает на положительное отношение респондентов к слову *милосердие*. Таким образом, слово *милосердие* в целом по методу сематического дифференциала имеет оценку 1,35 (из 7 шкал от -3 до +3), что отражает социально одобряемое содержание ценности, названной этим словом, но одновременно свидетельствует о неэмоциональности его для респондентов, т. е. о психологической неактуальности ценности для индивидов.

Уточняющий опрос

Для дополнительной проверки результатов эксперимента был проведен опрос, в котором респонденты должны были ответить на следующие вопросы:

Существует ли милосердие? Какие формы милосердия, по Вашему мнению, в обществе актуальны? К кому Вы проявляете милосердие? Как бы Вы хотели проявить милосердие?

На второй вопрос большинство респондентов (87 %) ответили, что милосердие существует в двух формах – материальной и духовной, перечислив следующие материальные формы: милостыня, пожертвование, (материальная) помощь старым, немощным и онкобольным.

Респонденты знают, что *милосердие* проявляют к животным (21 %), пенсионерам и старикам (19 %), детям (16 %), инвалидам и больным (14 %), бедным (12 %); 10 % респондентов называют и другие группы людей / индивидов (единичные реакции), к которым можно проявлять милосердие. Показательно, что 8 % респондентов никогда не проявляли милосердие ни к кому и никак. Процентное соотношение ответов отражено в диаграмме:

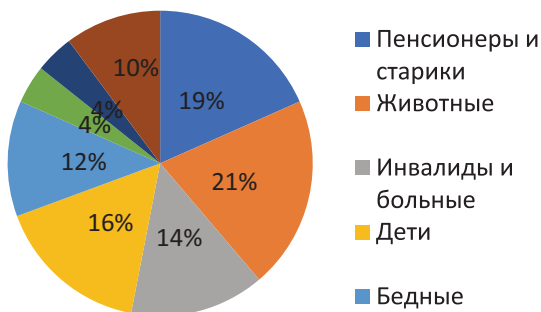

Диаграмма 1. Объекты проявления милосердия (ответы **ии.**)

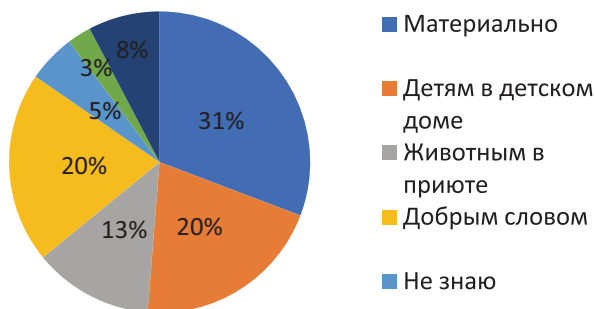

Диаграмма 2. Способы проявления милосердия (ответы **ии.**)

Подчеркнем, что респонденты предполагают проявить милосердие материально, например привезти в детский дом игрушки, собрать детям вещи и деньги, животным – деньги на корм, и лишь в редких случаях готовы помогать «добрым словом» больным, старым, детям. Таким образом, в ответах респондентов отражены их представления о социально одобряемой благотворительности в отношении перечисленных групп населения и животных, а также о практикуемых в обществе формах проявления такого поведения, но не представления о милосердии. На вопрос: *был ли у Вас опыт проявления милосердия* респонденты затруднились ответить; два из них вообще не знают, как можно проявить милосердие, а один респондент не хочет его проявлять, так как «не видит для этого причин».

Выводы

Таким образом, подавляющее число испытуемых знает значение слова *милосердие*, но в картину мира респондентов не включена ценность «милосердие»: они слышаны о материальных формах проявления благотворительности, как одобряемом обществом способе отношения к людям, однако не участвовали в формах его проявления и не понимают разницы между милосердием и благотворительностью. Это свидетельствует о несформированности базовой ценности, которая должна подсознательно определять деятельность индивида и способствовать созданию социально одобряемых поведенческих стереотипов. *Милосердие* – это воспитанное социумом и базирующееся на чувстве добра неосознаваемое проявление сострадания, гуманности,

готовность субъекта оказать помощь. Оно не связано с рациональным осмыслением того, заслуживает некий человек помощи или нет, хорошо или плохо он себя ведет, но именно это оказывается важным для наших респондентов. Они не готовы проявлять милосердие к алкашам, которые сами себя загнали в угол, у которых был выбор; к женщине, которая отказалась от ребенка, потому что ребенок родился дауном, но она всем рассказывает, какая она несчастная; к убийцам, ворам, проституткам и т. д. Они практически ставят знак равенства между необходимостью оказывать посильную материальную помощь нуждающимся (благотворительностью) и милосердием, хотя все, за исключением одного, ответили, что милосердие существует. Для исследованной нами группы респондентов милосердие не связывается с душевными и эмоциональными затратами субъекта – оно даже потенциально ограничивается возможностью материальных форм проявления помощи, потому что именно они социально одобряются. Всё это еще раз подтверждает, что в исследованной группе ценность «милосердие» не является базовой. Однако, чтобы судить об изменении места исследуемой ценности в системе этнических базовых ценностей, необходимо исследование разных возрастных групп современного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дружинин В. Н. Экспериментальная психология: учебник для вузов. 2-е изд., доп. СПб. : Питер, 2004. 319 с.
- Залевская А. А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике: учеб. пособие. Калинин : КГУ, 1979. 172 с.
- Залевская А. А. Двойная жизнь значения слова и возможности ее исследования: теоретическое и экспериментальное исследование. Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2012. 278 с.
- Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М. : Наука, 1981. 367 с.
- Пищальникова В. А. Психопоэтика. Барнаул : Изд-во АГУ, 1999. 176 с.
- Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики: курс лекций: в 2 ч. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. М. : МГЛУ, 2007. 228 с.
- Рябов А. В., Курбангалеева Е. Ш. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. Монография. М. : Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.
- Хлопова А. И. Вербальная диагностика динамики базовых ценностей: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 213 с.

- Deese J.* The Structure of associations in language and Thought. Baltimore, 1965. P. 347–357.
- Schwarz S.H. et all.* Value orientations: Measurement, antecedents and consequences across nations / Schwarz S., Jowell C., Roberts R., Fitzgerald G. E. (Eds) Measuring attitudes cross-nationally lessons from the European Social Survey. L.: Sage, 2006. P. 169–203.

REFERENCES

- Druzhinin V.N.* Jeksperimental'naja psihologija: uchebnik dlja vuzov. 2-e izd., dop. SPb.: Piter, 2004. 319 s.
- Zalevskaja A.A.* Mezh#jazykovye sopostavlenija v psiholingvistike: ucheb. posobie. Kalinin : KGU, 1979. 172 s.
- Zalevskaja A.A.* Dvojnaja zhizn' znachenija slova i vozmozhnosti ee issledovanija: teoreticheskoe i jeksperimental'noe issledovanie. Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2012. 278 s.
- Karaulov Ju. N.* Lingvisticheskoe konstruirovanie i tezaurus literaturnogo jazyka. M. : Nauka, 1981. 367 s.
- Pishhal'nikova V.A.* Psihopojetika. Barnaul : Izd-vo AGU, 1999. 176 s.
- Rjabov A.V., Kurbangaleeva E.Sh.* Bazovye cennosti rossijan: Social'nye ustanovki. Zhiznennye strategii. Simvoly. Mify. Monografija. M. : Dom intellektual'noj knigi, 2003. 448 s.
- Hlopova A.I.* Verbal'naja diagnostika dinamiki bazovyh cennostej: dis. ...kand. filol. nauk. M., 2018. 213 s.
- Deese J.* The Structure of associations in language and Thought. Baltimore, 1965. P. 347–357.
- Schwarz S.H. et all.* Value orientations: Measurement, antecedents and consequences across nations / Schwarz S., Jowell C., Roberts R., Fitzgerald G. E. (Eds) Measuring attitudes cross-nationally lessons from the European Social Survey. L.: Sage, 2006. P. 169–203.

УДК 81'23

О. В. Попова

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: domolgi@rambler.ru

ДИАЛОГО-СТРУКТУРИРУЮЩИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПСИХОТИПА

В статье исследуется телевизионное интервью как тип социально ориентированной межличностной коммуникации с целью выявления вербальных репрезентаций психологических свойств коммуникантов. Выдвигается гипотеза о том, что сходство и различие прагматических и диалого-структурирующих стратегий, используемых собеседниками равного социального статуса в телевизионных интервью, посвященных одной и той же проблеме и проводимых ведущими в сходной манере, могут указывать на такие личностные свойства коммуникантов, как экстравертированная или интровертированная направленность. В работе рассматриваются тактики содействия, противодействия и уклонения в рамках диалого-структурирующих стратегий контроля над темой и инициативой, а также тактики указания на собственные заслуги и построения имиджа в рамках прагматической стратегии самопрезентации. Материалом исследования служат интервью двух бывших премьер-министров, Джона Мэйджора и Тони Блэра, посвященные вопросу о выходе Великобритании из Евросоюза. Исследование показало, что в интервью как виде речевого события коммуниканты экстравертированного психотипа, чей интерес постоянно направлен вовне, в том числе на партнера по непосредственному общению, в своих стратегиях построения диалога стремятся к полному раскрытию предлагаемой темы, при необходимости перехватывая инициативу, или же, в случае неприятия темы, предпочитают тактику противодействия, прямо отказываясь ее обсуждать. Коммуниканты интровертированного типа, ориентированные преимущественно на собственный субъективный мир, несклонны перехватывать инициативу в разговоре, а в случае неприятия темы предпочитают тактику уклонения.

Ключевые слова: речевые стратегии; психологический тип; экстраверсия; интроверсия; самопрезентация.

O. V. Popova

Postgraduate Student, Department of General and Comparative Linguistics, MSLU;
e-mail: domolgi@rambler.ru

CONVERSATIONAL AND PRAGMATIC STRATEGIES AS REPRESENTATION OF PSYCHOLOGICAL TYPE

The article centers on texts of political interviews regarded as a type of interpersonal socially oriented communication with a view to revealing verbal representations of the participants' psychological features. It is hypothesized that

differences in speech strategies used by speakers of equal social status in interviews conducted in a similar manner and dealing with the same topic may indicate to the speakers' personality types, namely psychological features of extraversion and introversion. Speakers of the extraverted type are likely to use cooperation and counteraction speech tactics, while speakers of the introverted type tend to resort to evasion tactics. Extraverts value objectivity and in their self-presentation strategy seek to create the image of an unbiased expert, relying on outer sources in their persuasion strategies. Introverts tend to overestimate their personal experience, so that speaking about their own achievements as an important part of their self-presentation strategy.

Key words: speech strategies; personality type; extraversion; introversion; self-presentation.

Введение

Выбор коммуникативных стратегий в диалоге зависит от совокупности факторов, специфически связанных между собой в каждом конкретном речевом акте, но мотивы и цели коммуникантов в любом случае остаются среди них ведущими. Как правило, поведение личности обусловлено несколькими мотивами, и в процессе коммуникации ведущие и производные мотивы могут меняться под воздействием собеседника. В данной работе мы исследуем такой тип социально ориентированной межличностной коммуникации, как телеинтервью с целью выявления вербальных репрезентаций психологических свойств коммуникантов. Главная цель политиков, реализуемая в ходе общения с журналистами, – самопрезентация, но дополнительно она сопровождается стремлением, во-первых, оказать воздействие на аудиторию с целью формирования общественного мнения по каким-либо актуальным вопросам, во-вторых, побудить избирателей к определенному характеру общественной и политической деятельности. Но при решении любой коммуникативной задачи политику приходится учитывать специфику (коллективного) адресата, канал связи и коммуникативный контекст [Иссерс 2008]. Мы полагаем, что при анализе социально ориентированных ситуаций общения необходимо также принимать во внимание фактор двойного адресата: потенциальный избиратель, на систему ценностей и поведение которого стремится воздействовать политик в ходе интервью или дебатов, выступает в качестве наблюдателя, а непосредственным участником коммуникативного события является журналист, и именно его следует считать объектом прагматических и диалого-структурирующих стратегий.

К прагматическим стратегиям относят формирование эмоционального настроя и создание имиджа (самопрезентация). Эмоциональный настрой, с одной стороны, задается ведущим, который может выстраивать диалог в доброжелательной атмосфере, основанной на кооперативных стратегиях; к ним относятся тактики солидаризации, выражения согласия, повышения статуса партнера, а также вежливость и комплимент [Мициева 2010; Попова 2002; Залегдинова 2013]. С другой стороны, ведущий может выбрать агональную коммуникативную тональность, построенную на некооперативных стратегиях доминирования, понижения статуса коммуникативного партнера, дискредитации и пр. К диалого-структурирующим стратегиям относятся контроль над темой (тактики раскрытия темы и контроль над соответствием теме) и контроль над инициативой (тактики распределения инициативы и перехватывания инициативы) [Залегдинова 2013].

Основным организатором диалога в условиях телевизионного общения является ведущий: он задает вопросы, осуществляя одновременно и контроль над темой, и контроль над инициативой. При этом собеседник имеет возможность выбора из двух типовых реакций: приятия или неприятия вопроса. Приятие вопроса реализуется в развернутом ответе на вопрос ведущего, вторящей реплике, встречном вопросе. В случае неприятия вопроса собеседник может использовать тактику противодействия (отказ отвечать на вопрос) или тактику уклонения (неточный или неполный ответ) [Попова 2002]. Какую именно тактику выберет собеседник, зависит от ряда факторов, в том числе психологических, определяющих конкретные условия интервью как коммуникативного акта.

Гипотеза

Мы полагаем, что сходство и различие прагматических и диалого-структурирующих стратегий, используемых собеседниками равного социального статуса в сходных условиях, в ходе телевизионных интервью, посвященных одной и той же проблеме и проводимых ведущими в сходной манере, могут указывать на такие личностные свойства коммуникантов, как экстравертированная или интровертированная направленность. Выявление корреляций между указанными свойствами и речевым поведением мы ставим своей задачей. В данной работе рассматриваются тактики содействия, противодействия и уклонения в рамках диалого-структурирующих стратегий контроля над темой и инициативой, а также тактики указания на собственные

заслуги и построения имиджа в рамках прагматической стратегии самопрезентации.

Рассмотрим два интервью, посвященные общей проблематике, – вопросу о выходе Великобритании из Евросоюза. Первое из них – беседа главного редактора радио *Economist* Энн МакЭлвой с бывшим премьер-министром Тони Блэром (мы рассматриваем видеовersion интервью, опубликованную на Youtube-канале *The Economist* 20 июля 2018 г.). Второе интервью было дано бывшим премьер-министром Джоном Мэйджором Роберту Престону, ведущему программы новостей на канале *ITV* (опубликовано 17 июля 2018 г. на канале *Youtube* *ITV News*). В обоих случаях интервьюеры придерживаются кооперативного доброжелательного стиля общения, реализуемого в тактиках комплимента и повышения статуса собеседника. Это проявляется, прежде всего, в использовании стандартных формул вежливости:

please – пожалуйста (*ITV News*);

that ... sorry – ...что ... простите (*ITV News*).

Sorry, I was gonna... forgive me for interrupting. – Простите, я только... простите, что перебиваю (*Джс. Мэйджор*).

Now I'm slightly reluctant to ask this. – Мне немного неловко задавать этот вопрос (*ITV News*).

Let me continue my argument. – Позвольте мне продолжить (*Джс. Мэйджор*).

Во-вторых, кооперативность стиля проявляется в прямых положительных оценках интервьюируемого и открытом выражении симпатии к нему:

You're a good and skilled process politician. – Вы хорошо разбираетесь в политических процессах (*The Economist*).

Can I ask you as somebody who faced challenges like this when you were Prime Minister? – Могу я задать Вам вопрос как человеку, которому приходилось сталкиваться с подобными вызовами, будучи премьер-министром? (*ITV News*).

Now I'm delighted today to be joined by Sir John Major, the former Prime Minister. – Я счастлив, что сегодня ко мне присоединился сэр Джон Мэйджор, бывший премьер-министр (*ITV News*).

В-третьих, активно используются тактики солидаризации и выражения согласия:

Дж. Мэйджор: We've been a global nation for 250 years if not more, nonsense to say we suddenly going to go global. But ...

ITV News: ...we are global

Дж. Мэйджор: the most cosmopolitan and the most global and we have been for a long time.

Как показывают примеры, представительница радио Economist придерживается нейтрального стиля ведения интервью, не выражая солидарности с позицией собеседника; она практически не пользуется формулами вежливости и задает вопросы прямолинейно:

We're meeting very exciting time in terms of British politics... Calls for a second referendum on leaving the EU are in the air, just lay out your position on that for me. – Мы встречаемся в интересное время для британской политики... Раздаются голоса за повторный референдум по выходу из ЕС, просто изложите мне свою позицию по этому вопросу.

Эмоциональная разрядка в условиях обсуждения такой важной, насущной для общества проблемы, как форма выхода из ЕС, достигается при помощи юмора:

T. Блэр: You could make an argument that you have three alternatives you know: stay, soft or hard...

The Economist: Like eggs.

T. Блэр:

(смеется): Yeah.

Тактики контроля над темой и инициативой

Отвечая на вопросы ведущего, Джон Мэйджор в большинстве случаев придерживается тактики содействия, давая полные, аргументированные ответы, четко соответствующие заданному вопросу:

ITV News: Explain why Trump makes a difference.

Дж. М.: Well, I think Trump makes a difference for several reasons. Firstly, Trump is more disengaged from Europe than any of his predecessors.

ITV News: So do you think we'd have a general election? What do you think would happen?

Дж. М.: I think we could be forced into it. I think there are several scenarios in which we could be forced into a general election.

Дж. Мэйджор внимательно следит за темой разговора и не позволяет ни себе, ни собеседнику отклоняться от нее. Когда журналист сопровождает свой вопрос о возможности заключения торговой сделки с США комментарием о странном поведении американского президента, Дж. Мэйджор сначала отвечает на комментарий, но затем вновь озвучивает вопрос журналиста и отвечает на него, а далее самостоятельно развивает тему, поднимая вопрос о выгодности такой сделки. Таким образом, гость студии перехватывает инициативу у журналиста, демонстрируя возвращение к вопросу журналиста после отступления от него как модификацию стратегии контроля над темой интервью:

ITV News: Do you think that there is the faintest chance of Britain concluding a genuinely useful trade deal with America? I mean last week we had this bizarre spectacle of the American president at one point saying there is gonna be no deal and then the next day saying well you hope ... they were... I mean... what do you make of all that?

Дж. М.: Well, a lot of difference between Friday and Saturday in terms of what Mr. Trump said. Do I think we can get a trade deal with America? Yes, of course we can. Is it a trade deal that is going to be particularly favourable to the UK rather than the United States? That I'm much more doubtful about.

Осуществление контроля над темой у Дж. Мэйджора проявляется и в том, что он самостоятельно определяет последовательность ответов на вопросы, заданные журналистом.

ITV News: You've had a few days to look at that white paper, what did you make of it?

Дж. М.: Well, before I reply specifically about the white paper, I think I would put things in context. – Прежде чем отвечать конкретно про «белую книгу», я бы хотел рассмотреть контекст.

ITV News: Is there a strong case for a further referendum? – Есть ли основания для повторного референдума?

Дж. М.: Well, let me refer back to something I said some months ago, then build on that in terms of the... another possible referendum. – Позвольте мне вернуться к тому, что я говорил несколько месяцев назад, а потом развить тему повторного референдума.

Политик в вежливой форме предупреждает партнера по коммуникации, что собирается отклониться от темы, при этом в ходе своего

рассуждения подает сигнал о том, что помнит о заданном вопросе и не собирается его игнорировать, но возвращается к нему в удобный для себя момент:

Дж. М.: Let me continue the argument ... to pick up the point. Is there a case for second referendum? Undoubtedly there is. – Позвольте мне продолжить ... вернуться к теме. Есть ли основания для повторного референдума? Безусловно, есть.

Whatever the Prime Minister puts forward is voted down in Parliament including the white paper which we started and didn't come back to, we will come back to it. I hadn't forgotten... – Всё, что предлагается премьер-министром, отклоняется парламентом, включая Белую книгу, с которой мы начали и к которой не вернулись, мы к ней еще вернемся. Я не забыл...

So coming back to the White paper. The white paper isn't perfect, it isn't what I would like to have seen. – Итак, возвращаясь к Белой книге. Белая книга несовершенна, это не то, что я хотел бы видеть.

В тех случаях, когда вопрос журналиста вызывает у гостя реакцию неприятия, Дж. Мэйджор прибегает к тактике противодействия (отказывается отвечать), причем отказ, как правило, аргументирован. Например, в ответ на просьбу со стороны журналиста прокомментировать непоследовательную позицию Терезы Мэй, которая сначала отвергла поправки сторонников Брексита, а на следующий день приняла их, Дж. Мэйджор отказался выносить отрицательную оценку действиям премьер-министра, ссылаясь на отсутствие информации об обстоятельствах, вынудивших ее поступить именно таким образом.

ITV News: ...she capitulates, she gives in and she accepts all the Brexiteers' amendments. What did you make of that? – ...она капитулирует, сдается и принимает все поправки сторонников Брексита. Что Вы об этом думаете?

Дж. М.: Well, I'm not in the House of Commons anymore, so I have no idea what brought that about in the Commons. – Ну, я больше не в Палате Общин, так что я не имею представления, что привело к такому решению.

Примечательно, что коммуникант отказывается дать негативную оценку действиям премьер-министра, несмотря на настойчивость журналиста, который напомнил ему, что в свою бытность премьером Дж. Мэйджор проявлял больше решительности.

Дж. М.: I think Theresa May is in a more difficult position than I was, facing more committed and hard-line opponents and more of them... So I'm not in the position of second-guessing what she decided. – Я думаю, Тереза Мэй находится в более сложном положении, чем был я, ее оппоненты более жесткие, решительные и их больше... Так что я не в том положении, чтобы критиковать ее решения.

Тони Блэр в ситуации неприятия вопроса предпочитает тактику уклонения: сменить тему разговора, ответить общими фразами, не давая конкретного ответа. Так, на вопрос о том, было ли ошибочным решение премьер-министра Д. Кэмерона провести референдум 2016 г., Т. Блэр высказывает собственное отношение к описываемому событию, но не дает оценки действиям главы правительства:

The Economist: Both of you flirted with the idea of a referendum. David Cameron went ahead, did he get it very wrong? – Вы оба рассматривали возможность референдума. Дэвид Кэмерон осуществил ее, Вы думаете, он был неправ?

Т. Б.: Well, it's not... I mean look, I think I was the only person who actually made a speech on Europe of any significance in the 2015 election saying why I thought a referendum was a bad idea. – Ну, это не... Послушайте, я думаю, я был единственным, кто выступил со сколько-нибудь значительной речью о Европе на выборах 2015 года, где я высказался, почему референдум – это плохая идея.

Т. Блэр также уклоняется от конкретных ответов на вопрос о времени и форме проведения возможного повторного референдума.

The Economist: What would your date be for this? – Какую бы Вы назначили дату?

Т. Б.: Well, by the way it's not us driving this agenda. – Ну, это не мы определяем повестку дня.

The Economist: Are you suggesting a multiple choice, when you say an option? – Вы предлагаете выбор из нескольких вариантов?

Т. Б.: Well, you might have three choices. You could have a simple choice between two alternatives, so you might have three, but you might discuss that at the later time. – Ну, это может быть выбор из трех вариантов. Можно было бы предложить простой выбор из двух альтернатив, но это можно обсудить позже.

Журналист проявляет настойчивость, но Т. Блэр, тем не менее, настойчиво уклоняется от высказывания собственного мнения:

The Economist: But I'm asking you what you think there. Would you favour a three, a multi-part answer? – Но я спрашиваю, что думаете об этом вы. Вы бы предпочли выбор из нескольких, из трех вариантов?

Т. Б.: Because I think it depends really. If you... if you end up, I think... you know... this is obviously you... you've got to see the circumstances that you get. – Потому что я думаю, это как посмотреть. Если Вы... Если закончится тем, что... по-моему, знаете... очевидно... нужно смотреть по обстоятельствам.

Таким образом, в рамках стратегии контроля над темой политики прибегают к разным тактикам. Дж. Мэйджор не только следует тактике содействия, которая проявляется в стремлении максимально полно раскрыть тему, предложенную интервьюером, но и пользуется тактикой перехватывания инициативы, внося собственные коррективы в последовательность обсуждаемых тем. В случае неприятия вопроса Дж. Мэйджор прямо отказывается отвечать на вопрос, демонстрируя тактику противодействия. Т. Блэр не проявляет инициативы в стратегии контроля над темой, но использует тактику уклонения, предлагая уклончивые ответы или меняя тему разговора в случае отрицательной реакции на вопрос.

Тактики самопрезентации у двух политиков также различаются. Несмотря на некоторое сходство в политической карьере (оба политика на определенном этапе возглавляли британское правительство), они не одинаково оценивают значимость своего опыта. Тони Блэр полагает, что сам факт того, что он возглавлял правительство в прошлом, делает его компетентнее рядового избирателя и позволяет лучше разбираться в текущих проблемах, поэтому он упоминает о своем опыте для того, чтобы добавить вес своим высказываниям и подчеркнуть свой авторитет:

Everybody now knows more about this issue than they did back in June 2016. I know more about this issue than I did in June 2016, and I was Prime Minister for 10 years. – Все сейчас знают об этом деле больше, чем знали в июне 2016. Я знаю об этом больше, чем тогда, а я был премьер-министром десять лет.

Джон Мэйджор, напротив, не считает, что прошлый опыт руководства правительством дает ему преимущество в понимании текущих задач и вызовов. Он подчеркивает, что политическая ситуация в стране и в мире изменилась по сравнению с тем временем, когда он был премьер-министром, поскольку, во-первых, отношения с Великобританией в связи с ее выходом из ЕС могут потерять свою значимость для администрации США:

Every American president I worked with or met and spoke to and knew, and that's Reagan... er.. right up to the ... the present president. All of them saw an important part of our relationship with America being our influence inside the European Union. – Каждый американский президент, с которым я работал, встречался или разговаривал, а это Рэйган ... и вплоть до нынешнего президента. Все они видели важное преимущество наших отношений с Америкой в том, что мы часть Европейского союза. А Трамп, возглавляющий Соединенные Штаты сейчас, совершенно не похож на президентов, с которыми Дж. Мэйджору доводилось работать: He's more unpredictable than any president I've ever seen. – Он более непредсказуем, чем любой президент из всех, что я видел.

Во-вторых, во внутривнутриполитической сфере наметились разногласия, в том числе по вопросу выхода из ЕС, что ставит Т. Мэй в условия, отличающиеся от тех, в которых работал он:

I think Theresa May is in a more difficult position than I was, facing more committed and hard-line opponents ... and more of them.

Таким образом, мы видим, что бывший премьер-министр вспоминает свой политический опыт не для того, чтобы придать вес своим словам, а для того, чтобы охарактеризовать настоящее положение вещей в сравнении с прошлым. То, что на первый взгляд может показаться самопрезентацией (построением имиджа компетентного профессионала), по сути, служит целям аргументативного убеждения. Дж. Мэйджору не свойственно преувеличивать собственную компетентность – напротив, он критически оценивает свои возможности:

I entirely understand that I am yesterday. It is 28 years since I became Prime Minister and 21 years since I ceased to be Prime Minister. – Я прекрасно понимаю, что я – вчерашний день. Прошло 28 лет с тех пор, как я стал премьер-министром и 21 год с тех пор, как перестал им быть.

Указание на собственные заслуги в прошлом – одна из тактик самопрезентации, но Дж. Мэйджор, вспоминая переговоры по Маастрихтскому соглашению и отмечая их сложность, говорит о том, что ни один премьер не хотел бы оказаться в таком положении. Он не стремится акцентировать внимание на своих переживаниях, но переносит центр внимания с собственной личности на исполняемую им социальную роль, что подчеркивается использованием неопределенно-личного местоимения:

The negotiations on Maastricht were difficult enough in the 1990s, unpleasant in many ways. Fighting your own party is never something that you would wish to do as Prime Minister. – Переговоры по Маастрихтскому соглашению в 1990-х гг. были сложными, во многом неприятными. Сражаться с собственной партией – такого ни одному премьер-министру не пожелаешь.

Тони Блэр, в отличие от Дж. Мэйджора, говоря о собственных заслугах, активно пользуется личным местоимением первого лица:

(1) I think I was the only person who actually made a speech on Europe of any significance in the 2015 election saying why I thought a referendum was a bad idea. – Я думаю, я был единственным, кто выступил со сколько-нибудь значительной речью о Европе на выборах 2015 года, объясняя, почему я считаю референдум плохой идеей.

(2) The referendum that I was positioning ... was a referendum about whether we changed the status quo in order to get closer to Europe. – Референдум, который предлагал я, был референдум о том, стоит ли изменять статус-кво, чтобы быть ближе к Европе.

(3) I know how difficult it is to be Prime Minister. – Я знаю, как трудно быть премьер-министром.

В противоположность Т. Блэру, Дж. Мэйджор, несмотря на свою озабоченность положением дел в стране, не считает себя вправе давать советы премьер-министру:

(1) I think it is reasonable for me to comment on what I think the implications are going to be ... But as for suddenly riding up on a white horse and giving advice to the Prime Minister I'm much... much more reluctant about that. – Думаю, с моей стороны разумно высказываться про то, какими, по моему мнению, будут последствия <...>. Но чтобы вдруг подъехать на белом коне и начать давать советы премьер-министру... этого мне намного меньше хочется.

(2) I don't think I'm best placed to offer day-to-day advice to the Prime Minister. – Я не думаю, что я в наилучшей позиции, чтобы давать ежедневные советы премьер-министру.

В такой же ситуации Т. Блэр без колебаний высказывается о том, что бы он сделал, если бы возглавлял правительство:

If I was... if I was Prime Minister at the moment what I would do is say the following... – Если бы я... если бы я был премьер-министром в данный момент, я бы заявил следующее...

Тактика построения имиджа вербализируется коммуникантами не одинаково. Сравним два высказывания политиков.

Т. Блэр: I know rationality is not much in vogue in today's politics but it's a completely rational way of dealing with this issue. – Я знаю, что рациональность в политике сейчас не в моде, но это [повторный референдум] очень рациональный способ решения проблемы.

Дж. Мэйджор: I know experts are to be denounced these days and one mustn't listen to them but I'd rather listen to an expert than an amateur I must say. – Я знаю, что экспертов сейчас принято осуждать и им нельзя верить, но я лучше прислушаюсь к эксперту, чем к любителю.

Высказывания очевидно демонстрируют, каких качеств, по мнению политиков, не хватает современному политическому истеблишменту, и это именно те качества, которые они больше всего ценят. Для Т. Блэра это рациональность, а для Дж. Мэйджора – доверие к экспертам, стремление к объективности. Это стремление к объективности отражается в речевом поведении Дж. Мэйджора: его аргументация опирается на факты, цифры, точные количественные оценки:

To be less relevant both to the European power block and the American power block is not sensible policy for a nation of 65 million people. – Потерять в значимости и для европейского, и для американского центра силы – это неразумная политика для страны с населением 65 миллионов человек.

53 trade deals that we have by virtue of being a member of the European Union. – 53 торговые сделки, которые у нас есть в силу того, что мы член Евросоюза.

Those 53 trade deals cover about 70 countries. – Эти 53 торговые сделки охватывают 70 стран.

We can renegotiate those but are we really going to renegotiate them as successfully as 65 million as the European Union managed to do as 500 million? – Мы можем провести по ним новые переговоры, но будут ли эти переговоры также успешны для страны в 65 миллионов, как для Европейского союза с 500 миллионами?

The majority was only 37 percent of the electorate. – Большинство составило только 37 % избирателей.

63 percent either voted to stay in or did not vote. – 63 % либо голосовали за то, чтобы остаться, либо не пришли на выборы.

On that tiny percentage ... that minority percentage of 37% we are changing the whole direction of the country. – Из-за этого небольшого процента ... этого меньшинства в 37% мы полностью меняем курс страны.

Ссылки на внешние источники информации (правительственные документы, опросы общественного мнения) также указывают на экстравертированность речевого поведения Дж.Мэйджора [Попова 2018]:

The leaked government documents ... show that every region of the country would be worse off. – Просочившаяся информация из правительственных источников указывает, что каждый регион страны станет беднее.

On the government's own figures, as I indicated some time ago, the material well-being of the nation will be hurt. – По собственным данным правительства, как я уже говорил, материальное благосостояние страны пострадает.

Opinion polls were saying that people wished to stay in the single market and the customs union. – Опросы показывали, что люди хотят остаться в зоне единой торговли и таможенном союзе.

To pick up the point that Justine Greening made the other day... – Продолжая мысль, высказанную недавно Джастин Грининг (*британский политик от Консервативной партии*).

Т. Блэр также прибегает к количественным оценкам:

We now know: one, there's not more money for the health service, actually is a 40 billion pound bill for leaving, secondly, we've gone from being the fastest growing economy in the G7 to the slowest, third our currency is down substantially devalued... – Теперь мы знаем: во-первых, денег на здравоохранение не больше, на самом деле мы должны заплатить

40 миллиардов фунтов за выход, во-вторых, из самой быстрорастущей экономики Большой семерки мы стали самой медленной, в-третьих, наша валюта существенно девальвировалась.

You're disentangling 45 years of membership in the European Union. – Вы отделяете 45 лет членства в Европейском союзе.

Virtually half our trade is with the European market. – Практически половина нашей торговли – с Евросоюзом.

Однако из перечисленных им количественных показателей только два относятся к точным оценкам (*a 40 billion pound bill, 45 years of membership*), а такие оценки как *not more money, currency is down sufficiently, half our trade* мало информативны с точки зрения количества. Ссылки на внешние источники информации вообще отсутствуют. Аргументация Т. Блэра базируется на его субъективных ощущениях, вербализируемых в формах *think, feel, believe*:

I just don't believe myself there's any feeling in the country for what is called the soft Brexit. – Я просто сам не верю, что в стране есть *расположение* к тому, что называется «мягкий Брекзит».

I think the country will just say, well, that's the worst of both worlds. – Я думаю, страна просто скажет, ну, что это худший из вариантов.

I've got a feeling that in the end this... this ... this will clarify. – У меня такое чувство, что, в конце концов, это... это... прояснится.

I think the British people in the end will want to make the final say. – Я думаю, британский народ, в конце концов, захочет сказать решающее слово.

But I think as a political decision, the British people will feel, well this is just... – Но я думаю в качестве политического решения, британский народ *почувствует*, что это справедливо.

This is I think what the European Union is going to have to do. – Это, я думаю, то, что придется сделать Европейскому союзу.

При этом именно субъективным ощущениям он доверяет, демонстрируя внутреннюю уверенность в правильности своей позиции:

The obvious thing is to send it back to the people – очевидно, что нужно снова обратиться к людям.

This will be a very simple thing – это будет очень простая вещь.

In any event the logical thing is to say – в любом случае логично будет сказать.

I mean, it's actually a very rational thing to do – я хочу сказать, это очень рациональный способ действия.

The most obvious thing frankly, is that it goes back to the people – самым очевидным, откровенно говоря, будет обратиться снова к людям.

I mean it's a crazy thing for the country to do – я хочу сказать, поступать так для страны безумие.

It's now absolutely clear that the choice we face – сейчас абсолютно ясно, какой перед нами выбор.

Примечательно, что Дж. Мэйджор, человек, опирающийся в своих суждениях на внешние источники, не демонстрирует такой уверенности, как Т. Блэр. Он готов признать уязвимость собственной позиции, допустить, что есть факторы, которые ему не известны, и потому его выводы могут быть ошибочны:

I freely concede that there's somebody who actually sits in the Commons maybe and there will be people in the Commons who disagree sharply with what I've said today because they'll say I've misunderstood what's going on in the House of Commons, perfectly legitimate for them to say that. – Я легко признаю, что кто-нибудь, кто сейчас заседает в палате общин, там будут такие, кто категорически не согласится с тем, что я сегодня сказал, потому что они скажут, что я неправильно понимаю, что там происходит, и у них полное право так говорить.

Таким образом, в рамках стратегии самопрезентации для Т. Блэра важную роль играет тактика указания на собственные заслуги в прошлом, в то время как Дж. Мэйджор, хотя и обладает соизмеримым политическим опытом, к данной тактике не прибегает. Реализуя тактику построения имиджа, оба политика противопоставляют свою позицию тем взглядам, которые доминируют в современном общественном сознании: *rationality is not much in vogue* (Тони Блэр); *experts are to be denounced* (Джон Мэйджор), однако декларируемая Тони Блэром ценность, рациональность, не находит подтверждения в его вербальном поведении, которое отличается субъективностью оценок. В то же время объективность, ценимая Джоном Мэйджором, действительно присуща его речевому поведению, что проявляется в предпочитаемых способах аргументации с опорой на внешние источники.

Выводы

Сравнение диалого-структурирующих и прагматических стратегий, используемых в рассмотренных интервью, показало, что речевое поведение бывших премьер-министров различается в способах контроля над темой и в реализации стратегии самопрезентации. Оба политика соблюдают принцип кооперации в диалоге, но Джон Мэйджор занимает активную позицию в контроле над инициативой, самостоятельно определяя последовательность ответов на задаваемые ему вопросы. В случае неприятия вопроса он прибегает к тактике противодействия, давая аргументированный отказ отвечать на вопрос. В плане самопрезентации Джон Мэйджор создает образ человека, стремящегося к объективности и непредвзятости: политик подчеркивает, что склонен доверять компетентности экспертов; настойчиво стремится нивелировать собственный политический опыт, используя для его представления неопределенно-личные конструкции; пользуется стратегией аргументации с привлечением точных количественных оценок и информации из внешних источников.

Тони Блэр не проявляет инициативы в контроле над темой, но использует тактику уклонения, переводя разговор на другую тему. Коммуникант позиционирует себя как рационального политика, но при этом его аргументация основана большей частью на субъективных оценках и собственном опыте, который подчеркивается активным употреблением местоимения первого лица. В отличие от Джона Мэйджора, которому свойственна критическая оценка себя и ценности своего опыта, Тони Блэр демонстрирует высокую степень уверенности в собственной позиции. Таким образом, выбранные коммуникантами диалого-структурирующие и прагматические стратегии характеризуют Джона Мэйджора как человека экстравертированной направленности, активного, рационального, стремящегося к объективности, склонного критически оценивать себя, в то время как Тони Блэр демонстрирует такие черты, присущие интроверту, как пассивность, субъективность, фиксация интересов на собственном внутреннем мире.

Можно сделать общий вывод, что в интервью, как виде речевого события, коммуниканты экстравертированного психотипа, чьи интересы постоянно направлены вовне, в том числе на партнера по непосредственному общению, в своих стратегиях построения диалога

стремятся к полному раскрытию предлагаемой темы, при необходимости перехватывая инициативу, или же, в случае неприятия темы, предпочитают тактику противодействия, прямо отказываясь ее обсуждать. Коммуникантам этого типа свойственно полагаться на рациональные стратегии убеждения. Коммуниканты интравертированного типа, ориентированные преимущественно на собственный субъективный мир, не склонны перехватывать инициативу в разговоре, а в случае неприятия темы предпочитают тактику уклонения. Им свойственно преувеличивать значимость собственного опыта и полагаться на субъективные ощущения в оценке действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Залегдинова А. Р.* Коммуникативные стратегии и тактики в дискурсивном пространстве ток-шоу: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2013. 250 с.
- Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М. : ЛКИ, 2008. 288 с.
- Мицкева Э. Х.* Специфика использования риторических стратегий в речи ведущих ток-шоу // ФН. 2010. № 2 (6). С. 115–117.
- Попова О. В.* Количественная оценка как параметр анализа речи политика // Языковое бытие человека и этноса: сб. науч. тр. по материалам XV Бerezинских чтений / под ред. В. А. Пищальниковой, Л. Р. Комаловой, Н. Н. Германовой. М. : ИНИОН РАН, 2018. Вып. 20. С. 109–121.
- Попова Т. И.* Телеинтервью в коммуникативно-прагматическом аспекте. СПбГУ: Филологический факультет СПбГУ, 2002. 220 с.
- John Major.* “Undoubtedly a case for second EU referendum” as he hits out at Brexit rebels. ITV News URL: www.youtube.com/watch?v=LzJBoSrIW04 (date of access 09.09.2018).
- Tony Blair on Brexit’s second referendum* // The Economist Podcast. URL: www.youtube.com/watch?v=3xCWDYrV0ug (date of access: 22.08.2018).

REFERENCES

- Zalegdinova A. R.* Kommunikativnye strategii i taktiki v diskursivnom prostranstve tok-shou: na materiale russkogo i anglijskogo jazykov: dis. ... kand. filol. nauk. Kazan’, 2013. 250 s.
- Issers O. S.* Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi. 5-e izd. M. : LKI, 2008. 288 s.

- Micieva Je. H.* Specifika ispol'zovanija ritoricheskikh strategij v rechi vedushhih tok-shou // FN. 2010. № 2 (6). S. 115–117.
- Popova O. V.* Kolichestvennaja ocenka kak parametr analiza rechi politika // Jazykovoe bytie cheloveka i jetnosa: sbornik nauchnyh trudov po materialam XV Berezinskih chtenij / pod red. V. A. Pishhal'nikovoj, L. R. Komalovoj, N. N. Germanovoj. M.: INION RAN, 2018. Vyp. 20. S. 109–121.
- Popova T. I.* Teleinterv'ju v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte. SPbGU: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2002. 220 s.
- John Major.* “Undoubtedly a case for second EU referendum” as he hits out at Brexit rebels. ITV News URL: www.youtube.com/watch?v=LzJBoSrIW04 (date of access 09.09.2018).
- Tony Blair on Brexit's second referendum // The Economist Podcast. URL: www.youtube.com/watch?v=3xCWDYrV0ug (date of access: 22.08.2018).

УДК 81'23

Н. И. Степыкин

кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Юго-Западного государственного университета (г. Курск); e-mail: nick1086@mail.ru

ДИНАМИКА МЕХАНИЗМОВ РЕЧЕВОГО ДЕЙСТВИЯ (на материале ассоциативного поля «зло»)

В статье рассматривается проблема динамики механизмов речевого действия. Материалом исследования послужило ассоциативное поле «зло», представленное в русском ассоциативном словаре (90 %), что может свидетельствовать об упрощении речевого действия в связи с недостаточной сформированностью глубинных синтаксических структур.

Наиболее устойчивыми смысловыми компонентами в структуре и содержании АП «зло» являются «враг», «добро», «ненависть», «плохой», «причинить», «ужас», «черный». Эти ассоциаты представлены как в РАС, так и в ассоциативных данных 2018 г. Однако их иерархия изменилась: количество ассоциатов, связанных со смежными чувствами и проявлениями, увеличилось на 6 %. Напротив, число антонимических и акциональных реакций уменьшилось на 12 %. Данная динамика может служить индикатором изменения характера речевого действия.

В ходе анализа и интерпретации ассоциативных данных были экстрактированы экстралингвистические знания. Примерами подобной информации в статье «зло» в русском ассоциативном словаре являются реакции «под солнцем», «землян». В свободном ассоциативном эксперименте 2018 г. экстралингвистические знания представлены ассоциатами «Баба-Яга», «Волан-де-Морт», «всадники Апокалипсиса», «Доктор Зло».

Ключевые слова: ассоциативное поле; динамика; грамматические и лексические механизмы; зло; речевое действие.

N. I. Stepykin

PhD (Philology), Assoc. Prof., South-West State University, Faculty of Linguistics and Cross-cultural Communication, Head of Department of Theoretical and Applied Linguistics; e-mail: nick1086@mail.ru

DYNAMICS OF SPEECH ACTION MECHANISMS (an analysis of the associative field “evil”)

The article focuses on the dynamics of speech action mechanisms. The study was based on the associative field «evil» presented in the Russian associative thesaurus (hereinafter referred to as RAT), and on its analogue obtained by the method of free associative experiment conducted by the author in 2018.

A comparative analysis of associative data revealed differences in the nature of mechanisms that trigger different reactions. In RAT syntactical reactions with the

functional-semantic characteristics of action, possession, location, quality, address, and imperative prevail. Associations of contemporary respondents represent topic-comment structures (90 %), which may indicate facilitation of speech action due to lack of deep syntactic structures.

The most stable semantic components in the structure and content of the associative field “evil” are “enemy”, “good”, “hatred”, “bad”, “cause”, “horror”, “black”. These associates are presented both in RAT and in the associative data of 2018. However, their hierarchy has changed: the number of associates connected with the related feelings and manifestations increased by 6 %. On the contrary, the number of antonyms and actions-reactions decreased by 12 %. This kind of dynamics can be an indicator of the changing nature of speech actions.

The analysis and interpretation of associative data served to reveal extralinguistic knowledge. RAT provides two reactions to the stimulus “evil”, namely “under the sun” and “earthlings”. In the free associative experiment of 2018, extralinguistic knowledge is represented by the associates “Baba Yaga”, “Voldemort”, “Horsemen of the Apocalypse”, “Doctor Evil”.

Key words: associative field; dynamics; grammatical and lexical mechanisms; evil; speech action.

Введение

Функционирование языка, как стихийно развивающейся коммуникативной системы, предполагает его постоянные изменения, которые мало заметны, если происходят в небольшие промежутки времени. Рассуждая о языковых изменениях и их причинах, А. А. Леонтьев отмечает, что «...индивиды, группы индивидов, целые поколения усваивают в языке то и настолько, что и насколько отвечает их потребностям, причем не только потребностям в общении, но и *потребностям мышления, потребностям в сознании, потребностям в любой сознательной деятельности*. Избирательность отдельных людей, групп, поколений по отношению к языку как общественно-исторической категории важно подчеркнуть еще и потому, что в этом процессе происходит *отрицательное по форме изменение языка*; некоторые его элементы не усваиваются последующими поколениями людей и омертвывают, перестают быть явлениями действительного языка» [Леонтьев 1969, с. 64].

Цель и методы исследования

Целью предпринимаемого исследования является обнаружение изменений в ассоциативно-вербальной сети носителя русского языка на материале АП «зло». Для выполнения поставленной цели необходимо экстрактировать не только экстралингвистические знания, но

и информацию об устройстве самого языка, его поуровневой структуры [Караулов 1993], что представляется возможным «на основе системно-функционального подхода» к данным свободного ассоциативного эксперимента с привлечением сравнительно-сопоставительного метода и количественного анализа [Степыкин 2017, с. 78]. Рассматривая соотношение стимул – реакция как речевое действие, при анализе ассоциативных данных мы опираемся на модель речепорождения Леонтьева-Ахутиной, представленную в следующем виде: мотив – преобразование мысленного образа прошедше-настоящего в образ потребного будущего – смысловое синтаксирование – семантическое синтаксирование – поверхностное синтаксирование – кинетическое программирование [Ахутина 2008]. Образование фонетических реакций проходит в три этапа: мотив – преобразование мысленного образа прошедше-настоящего в образ потребного будущего – кинетическое программирование (выбор артикулем). Морфологические ассоциации формируются по схеме: мотив – преобразование мысленного образа прошедше-настоящего в образ потребного будущего – поверхностное синтаксирование. Для получения лексических ассоциаций также достаточно трех этапов: мотив – преобразование мысленного образа прошедше-настоящего в образ потребного будущего – смысловое синтаксирование (топик-коммент структуры как радио – погода – дождь). Синтаксические реакции могут быть двух типов:

1) синтаксема – сочетание двух и более категориально-грамматически и семантически согласованных слов;

2) семантический примитив, т. е. деграмматизированная синтаксема, или потенциальное, нуждающееся в грамматическом оформлении, состоящее из лемматизированных единиц словосочетание (лемма – слово в исходной, словарной форме) [Караулов 2010; Караулов 1999].

В первом случае речепорождение охватывает все пять этапов, выделенные Т. В. Рябовой-Ахутиной. При образовании синтаксических примитивов этап поверхностного синтаксирования пропускается.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим реакции на стимул «зло», представленные в РАС [Караулов 2002]: *добро* – 12; *большое* – 6; *причинить* – 3; *черное* – 3; *насилие* – 2; *плохо* – 2; *под солнцем* – 2; *сильное* – 2; *враг, ненависть, плохое, ужас, черный берет, беспредельное, бессильно, боль,*

в кармане, взяло, говорить, горбатое, гримаса, делать, должно быть наказуемо, долой, дракон, друга, женщина, за зло, затаить, землян, и насилие, идет, конкретное, кругом, малое, мечь, на всех, наказано, наказуемо, натворили, неизбежно, ненасытное, необходимость, непобедимо, нечаянное, ночь, от людей, память, побеждает, посмотреть, принести, смешно, старуха, стон, сундук, творить, темные силы, чернота, чужое, яд. Всего реакций на стимул зло – 103, из них различных реакций – 67, одиночных реакций – 57, отказов – 9.

Распределим полученные реакции по соответствующим группам (см. табл. 1).

Таблица 1

Классификация реакций на стимул «зло» по данным РАС

Преобладающие механизмы	Признаки	Ассоциаты, общее кол-во
Действие лексических механизмов	Зло и смежные чувства	<i>ненависть, боль, ужас</i> – 3
	Зло и его проявления	<i>насилие</i> – 2, <i>гримаса, мечь, насилие, стрела, чернота</i> – 7
	Зло и противоположные чувства / качества / проявления	<i>добро</i> – 12
	Зло и его последствия	<i>стон</i> – 1
	Зло и носитель этого качества	<i>враг, дракон, женщина, старуха, темные силы, яд</i> – 6
	Зло и место хранения	<i>сундук</i> – 1
	Зло и время суток	<i>ночь</i> – 1
	Фиксация зла	<i>память</i> – 1
	Зло как что-то необходимое	<i>необходимость</i> – 1
Действие лексических и грамматических механизмов	Акциональность (в прошлом)	<i>было, взяло, натворили</i> – 3
	Акциональность (в настоящем)	<i>берет, идет, побеждает</i> – 3
	Акциональность (ахроничная)	<i>причинить</i> – 3, <i>говорить, делать, затаить, искоренять, посмотреть, принести, творить</i> – 10

Продолжение таблицы 1

Преобладающие механизмы	Признаки	Ассоциаты, общее кол-во
Действие лексических и грамматических механизмов	Квалитативность	<i>большое – 6, плохо – 5, черное – 3, сильное – 2, плохое, беспредельное, бессильно, горбатое, конкретное, малое, наказано, наказуемо, неизбежно, ненасытное, непобедимо, нечаянное, синий, смешно, черный, чужое – 32</i>
	Адресация	<i>на всех, от людей – 2</i>
	Локативность	<i>под солнцем – 2, в кармане, кругом – 4</i>
	Поссесивность	<i>друга, землян – 2</i>
	Императивность	<i>должно быть наказуемо, долой – 2</i>
	Причинность	<i>за зло – 1</i>

При организации ассоциативного поля как цельного комплекса практически все его элементы объединяются в соответствии с заявленной темой (стимульное слово) на определенном уровне языка. Отметим, что в результате систематизации ассоциатов было выявлено 32 % реакций формата $N - N_1$ (существительное – существительное) с преобладанием лексических механизмов при образовании речевого действия и 59 % ассоциатов, представленных синтаксемами и семантическими примитивами с включением лексических и грамматических механизмов.

Для выявления изменений в АП «зло» нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие сто три человека в возрасте от 17 до 25 лет. Определяющим при выборе испытуемых стало то, что, по утверждению Ю. Н. Караулова, к указанному возрастному периоду «становление языковой личности в основном завершается, и, значит, в ассоциациях находит отражение сформировавшаяся языковая способность участника эксперимента» [Караулов и др. 2002, с. 192]. Для сбалансированности выборки по гендерному признаку к участию в анкетировании были привлечены представители мужского и женского полов.

Испытуемым предлагалось заполнить анкету, составленную по аналогии с образцами Ю. Н. Караулова, что обеспечивало валидность последующего сопоставления полученного АП с аналогичным конструктором, представленным в РАС.

Ассоциативное поле «зло» составили следующие ассоциаты: *ненависть* – 7, *ложь* – 4, *негатив* – 4, *плохой* – 3, *ярость* – 3, *война* – 2, *враг* – 2, *вред* – 2, *добро* – 2, *страх* – 2, *фашисты* – 2, *черный* – 2, *ад*, *алкоголь*, *алчность*, *аспид*, *бабай*, *Баба-Яга*, *бабки*, *беда*, *бездущие*, *бес*, *болезнь*, *бюрократия*, *взятки*, *взяточничество*, *Вола-де-Морт*, *ворон*, *врать*, *всадники Апокалипсиса*, *глупость*, *глупые люди*, *гнев*, *голод*, *грех*, *демон*, *деньги*, *депрессия*, *депутаты*, *Доктор Зло*, *дьявол*, *злиться*, *злость*, *злой человек*, *Интернет*, *коррупция*, *кошмар*, *крах*, *кричать*, *кровь*, *лесть*, *люди маленького роста*, *магия*, *мерзость*, *монстр*, *невоспитанность*, *непорядочность*, *несчастье*, *нищета*, *оружие*, *отвращение*, *предательство*, *причинять*, *пустота*, *ревность*, *сатана*, *скука*, *слабость*, *смерть*, *темная сторона*, *терроризм*, *тьма*, *тюрьма*, *ужас*, *уродство души*, *физрук*, *хамство*, *характер*, *холод*, *хулиганы* – 100+80+0+68, где первое число указывает на общее количество реакций, второе – на количество разных реакций, третье – индикатор отказов, а четвертое – показатель единичных реакций.

Систематизируем полученные ассоциации и сопоставим их с данными РАС (см. табл. 2).

Таблица 2

Классификация реакций на стимул «зло» по данным свободного ассоциативного эксперимента 2018 г.

Преобладающие механизмы	Признаки	Ассоциаты, общее кол-во
Действие грамматических (морфологических) механизмов	Деривация	<i>злиться</i> , <i>злость</i> – 2
Действие лексических механизмов	Зло и смежные чувства, эмоции	<i>ненависть</i> – 7, <i>негатив</i> – 4, <i>ярость</i> – 3, <i>алчность</i> , <i>гнев</i> , <i>отвращение</i> , <i>скука</i> , <i>ужас</i> , <i>холод</i> – 20

Продолжение таблицы 3

Преобладающие механизмы	Признаки	Ассоциаты, общее кол-во
	Зло и его проявления	<i>ложь – 4, война – 2, алкоголь, бабки, бездушие, беда, болезнь, бюрократия, взятки, взяточничество, глупость, грех, деньги, Интернет, коррупция, лесть, магия, мерзость, невоспитанность, непорядочность, нищета, оружие, предательство, ревность, слабость, темная сторона, терроризм, тьма, уродство души, хамство – 34</i>
	Зло и противоположные чувства / качества / проявления	<i>добро – 2</i>
	Зло и его последствия	<i>вред – 2, страх – 2, ад, голод, депрессия, кошмар, крах, кровь, несчастье, пустота, смерть, тюрьма – 14</i>
	Зло и носитель этого качества	<i>враг – 2, фашисты – 2, аспид, бабай, Баба-Яга, бес, Волан-де-Морт, ворон, всадники Апокалипсиса, глупые люди, демон, депутаты, Доктор Зло, дьявол, злой человек, люди маленького роста, монстр, сатана, физрук, хулиганы – 22</i>
	Зло как часть целого	<i>характер – 1</i>
Действие лексических и грамматических механизмов	Акциональность (ахроничная)	<i>врать, кричать, причинять – 3</i>
	Квалитативность	<i>плохой 3, черный 2 – 5</i>

Анализируя данные РАС и результаты свободного ассоциативного эксперимента 2018 г., отметим, что количество синтаксических реакций на стимул «зло» значительно сократилось (8 % по сравнению с 59 %). Соответственно практически втрое увеличилось число

ассоциатов формата N–N₁ (90 % по сравнению с 31 % в РАС). Подобные наблюдения можно отметить и в исследовании изменений АП «добро»: 60 % синтаксических реакций в РАС и всего 4 % ассоциатов по данным свободного ассоциативного эксперимента 2018 г. Очевидно, что в настоящее время в формировании речевых действий языковой личности наблюдается преобладание лексических механизмов. Этапы семантического и поверхностного синтаксирования, на которых подключаются грамматические механизмы, оказываются пропущенными. Можно утверждать, что происходит упрощение характера речевого действия. По мнению Т.В.Рябовой-Ахутиной, автоматическая актуализация определенных ассоциативных связей широкой концептуальной сети позволяет делать смысловые догадки, тогда как установление новой ассоциативной связи, требующей дополнительных усилий, является актом произвольной мыслительной операции, или предикативным актом» [Ахутина и др. 2010]. Отдельного упоминания заслуживают деривационные реакции, которые также не проходят полный цикл синтаксирования при формировании речевого действия. В статье РАС подобные ассоциаты не обнаружены.

На основе сопоставительного анализа были выявлены общие компоненты АП «зло», по данным РАС и эксперимента 2018 г. (см. табл. 3).

Таблица 3

Общие компоненты АП «зло», по данным РАС и эксперимента 2018 г.

Данные РАС	Экспериментальные данные
враг	враг 2
добро 12	добро 2
ненависть	ненависть 6
плохо 5, плохое	плохой 3
причинить 3	причинять
ужас	ужас
черное 3, черный	черный 2

Реакции, представленные в таблице 3, являются наиболее устойчивыми компонентами в динамической структуре исследуемого АП. Однако их место и роль в этой структуре претерпели изменения: сократилось количество антонимических и акциональных реакций и, напротив, возросло число ассоциатов, связанных со смежными чувствами и проявлениями зла. Также стоит отметить, что ассоциации,

выраженные синтаксемами *зло черное, зло плохое*, трансформировались в синтаксические примитивы *зло черный, зло плохой*.

Признак акциональности проявляется в РАС (всего 16 реакций) *причинить – 3, говорить, делать, затаить, искоренять, посмотреть, принести, творить*; при этом *зло* возможно в прошлом (*было, взяло, натворили*) и настоящем (*берет, идет, побеждает*). Современные респонденты дали всего три реакции с признаком ахроничной акциональности.

В ходе анализа ассоциативных данных была выявлена взаимосвязь элементов АП: «Будучи объединенными одной темой, ассоциаты разных групп тесно “переплетаются”, дополняя, уточняя, противопоставляя и даже исключая друг друга» [Степыкин 2017, с. 78].

Сложность и противоречивость феномена зла выражена в качественных реакциях: *большое – малое, сильное – бессильно, наказано, наказуемо – непобедимо, конкретное – нечаянное*.

Среди ответов современных респондентов доминируют реакции, связанные с их представлениями о проявлениях зла. Во-первых, можно выделить группу реакций, актуализирующих проблему коррупции и взяточничества (*бабки, бюрократия, взятки, взяточничество, деньги, коррупция, непорядочность*), которые в РАС отсутствуют. Во-вторых, отметим ассоциаты с признаком «отсутствие образования, воспитания»: *глупость, невоспитанность, хамство*. Реакции *война – 2, оружие, терроризм, насилие* – тоже проявления зла, последствиями которых может стать *страх – 2, голод, кошмар, крах, кровь, несчастье, пустота и смерть*. Подчеркнем взаимодополняющий холистический характер ассоциаций разных групп на стимул *зло*: *алчность – бабки, взятки – тюрьма; грех – ад; гнев, ярость – война – кровь, смерть; боль – стон, болезнь – депрессия* и др. Именно холистический характер активации релевантных текущей информации эмоционально окрашенных знаний о стимуле способствует удержанию общего смыслового поля.

Ассоциативный эксперимент обнаруживает большое количество единичных реакций, которые возникают в результате речевой деятельности индивида и фиксируют личностные смыслы, что свидетельствует о необходимости дополнительной верификации полученных данных [Степыкин 2011]. Так, тревогу может вызвать отсутствие по сравнению со статьей РАС реакций *месть, насилие* на стимул *зло* среди многочисленных ответов современных респондентов, отражающих

различные формы проявления зла. Однако, чтобы сделать вывод об изменении отношения к мести и насилию, необходимо дополнительное экспериментальное исследование. Ассоциат в *кармане* связан с материальной формой проявления зла. Данный смысл актуализируется в реакциях-проявлениях «зла» *бабки, деньги, взятки*.

По данным РАС, носителем зла является обобщенно-личностный субъект – *враг*, человек женского рода – *женщина, старуха*, мифический или сказочный персонаж – *дракон, темные силы*, а само «зло» исходит от *людей* и направлено *на всех*. В проведенном нами эксперименте были получены реакции, указывающие на носителя злого духа из кинофильма, сказки, мифа или легенды (*аспид, бабай, Баба-Яга, бес, Волан-де-Морт, ворон, всадники Апокалипсиса, демон, Доктор Зло, дьявол, монстр, сатана*), представителя профессии (*депутаты, физрук*), обобщенно-личностный субъект (*враг – 2, фашисты – 2, глупые люди, злой человек, люди маленького роста, хулиганы*). Многие из перечисленных реакций несут в себе экстралингвистическую информацию. Волан-де-Морт – вымышленный персонаж серии романов о Гарри Поттере, великий темный волшебник, обладающий огромнейшей магической силой. В 2018 г. экранизирован фильм «Волан-де-Морт: корни наследника», что также могло послужить причиной актуализации данной реакции. Ассоциация всадники Апокалипсиса, с одной стороны, основана на библейском пророчестве. С другой стороны, появление данной реакции, возможно, обусловлено одноименным фильмом 2008 г. В РАС можно отметить реакции под солнцем и землян. «Зло под солнцем» (англ. *Evil Under the Sun*) – классический детективный роман Агаты Кристи из серии произведений о бельгийском сыщике Эркюле Пуаро, впервые опубликованный в июне 1941 г. и экранизированный в 1981 г. Ассоциация *зло землян*, возможно, продиктована песней «Зло» ВИА «Земляне» (советская и российская рок-группа, один из самых заметных коллективов в советской музыке, привнесших элементы рок-музыки на советскую эстраду).

Заключение

Формирование ассоциации как речевого действия происходит при работе психических и языковых (фонетических, лексических и грамматических) механизмов с учетом контекста (прагматической составляющей), что полностью согласуется с моделью речепорождения Леонтьева-Ахутиной. В результате проведенного исследования

были выявлены доминирующие языковые механизмы речевого действия на материале ассоциативного поля зло. В статье РАС в реакциях на стимул зло превалируют лексические и грамматические механизмы (59% синтаксических сочетаний). Изучение динамики АП зло позволило выявить в настоящее время преобладание ассоциаций формата $N-N_1$ (90%). Соответственно количество реакций-синтаксем и семантических примитивов снизилось до минимума. Полученные экспериментальные данные могут свидетельствовать о деструкции речевого действия: построение синтаксем и семантических примитивов требует дополнительных усилий для подключения грамматических механизмов.

В содержании АП поля зло были обнаружены наиболее устойчивые компоненты (*враг, добро, ненависть, плохой, причинить, ужас, черный*). Эти ассоциаты представлены в РАС и актуализированы в ассоциативном эксперименте 2018 г. Однако их иерархия изменилась: количество ассоциатов, связанных со смежными чувствами и проявлениями добра, возросло в четыре раза. Напротив, число антонимических и акциональных реакций уменьшилось на 12%. Выявленная динамика служит индикатором трансформации характера речевого действия. В ходе анализа и интерпретации ассоциативных данных были экстрактированы экстралингвистические знания, отражающие жизнь человека в мире имен, названий, фраз и целых текстов. Примерами такого рода информации в статье зло в РАС являются реакции под солнцем, землян. В свободном ассоциативном эксперименте экстралингвистическая информация представлена ассоциатами *Баба-Яга, Волан-де-Морт, всадники Апокалипсиса, Доктор Зло*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахутина Т. В. Модель порождения речи Леонтьева-Рябовой: 1967–2005 // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи / под ред. Т. В. Ахутиной и Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2008. С. 79–104.
- Ахутина Т. В. [и др.]. Текст и контекст: роль левого и правого полушарий мозга в построении высказывания / Т. В. Ахутина [и др.]: Четвертая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов: в 2 т. Томск, 2010. С. 144–146.
- Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. 2-е изд. М.: URSS, 2010. 360 с.

- Караулов Ю. Н.* [и др.]. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов и др. М. : Астрель : АСТ, 2002. 992 с.
- Караулов Ю. Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М. : Институт русского языка РАН, 1999. 180 с.
- Караулов Ю. Н.* Ассоциативная грамматика русского языка. М. : Русский язык, 1993. 330 с.
- Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность. М. : Просвещение, 1969. 214 с.
- Степыкин Н. И.* Способы структурно-содержательного моделирования лингвокультурного концепта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 24 с.
- Степыкин Н. И.* Типология реакций: в поисках путей решения проблемы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. 2017. Т. 7. № 2 (23). С. 70–79.

REFERENCES

- Ahutina T. V.* Model' porozhdenija rechi Leont'eva-Rjabovoj: 1967–2005 // Psihologija, lingvistika i mezhdisciplinarnye svjazi / pod red. T. V. Ahutinoj i D. A. Leont'eva. M. : Smysl, 2008. S. 79–104.
- Ahutina T. V.* [i dr.]. Tekst i kontekst: rol' levogo i pravogo polusharij mozga v postroenii vyskazyvanija / T. V. Ahutina [i dr.]: Chetvertaja mezhdunarodnaja konferencija po kognitivnoj nauke: tezisy dokladov: v 2 t. Tomsk, 2010. S. 144–146.
- Karaulov Ju. N.* Obshhaja i russkaja ideografija. 2-e izd. M. : URSS, 2010. 360 s.
- Karaulov Ju. N.* [i dr.]. Russkij associativnyj slovar' kak novyj lingvisticheskij istochnik i instrument analiza jazykovoј sposobnosti // Russkij associativnyj slovar': v 2 t. / Ju. N. Karaulov, Ju. A. Sorokin, E. F. Tarasov i dr. M. : Astrel' : AST, 2002. 992 s.
- Karaulov Ju. N.* Aktivnaja grammatika i associativno-verbal'naja set'. M. : Institut russkogo jazyka RAN, 1999. 180 s.
- Karaulov Ju. N.* Associativnaja grammatika russkogo jazyka. M. : Russkij jazyk, 1993. 330 s.
- Leont'ev A. A.* Jazyk, rech', rechevaja dejatel'nost'. M. : Prosveshhenie, 1969. 214 s.
- Stepykin N. I.* Sposoby strukturno-soderzhatel'nogo modelirovanija lingvokul'turnogo koncepta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2011. 24 s.
- Stepykin N. I.* Tipologija reakcij: v poiskah putej reshenija problemy // Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Lingvistika i pedagogika. 2017. T. 7. № 2 (23). S. 70–79.

УДК 81–23

Чэнь Ваньжоу

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: 454679197@qq.com

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ «ТЕРПИМОСТЬ» И «РОДИНА» В КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Автор статьи дает психолингвистическую интерпретацию экспериментальных данных свободного ассоциативного эксперимента по определению актуального содержания ценностей «терпимость» и «Родина» в картине мира носителей китайского языка. Базовые ценности являются цивилизационным кодом той или иной культуры, их структура относительно устойчива, поэтому они могут дать системное представление о содержании картины мира носителей той или иной культуры. Содержание базовых ценностей отражено в системе понятий, фиксированных толковыми словарями. Но словари не могут отразить в полной мере ни динамику, ни психологически актуальное содержание понятий. Поэтому эффективным способом их обнаружения является свободный ассоциативный эксперимент, проведенный автором статьи, в котором вскрываются семантические связи слова, закрепленные в ассоциативно-вербальных связях носителей и китайской культуры.

Терпимость в китайской культуре понимается как одна из основных черт национального характера китайцев, как принципиальное продолжение традиций древнекитайской философии, которая подчеркивает необходимость контролировать свои чувства и эмоции как одно из проявлений мудрости.

Значительная часть ассоциатов на слово-стимул *Родина* выражают интенсивные положительные эмоции респондентов. Экспериментальные данные свидетельствуют о высокой степени национальной гордости у китайцев за свою страну.

Ключевые слова: базовые ценности; ассоциативный эксперимент; слово-стимул; ассоциат; ассоциативное поле.

Chen Wanrou

Postgraduate student of the Department of General and Comparative Linguistics, MSLU; e-mail: 454679197@qq.com

PSYCHOLINGUISTIC ANALYSIS OF BASIC VALUES “TOLERANCE” AND “MOTHERLAND” IN CHINESE CULTURE

The author of the article gives a psycholinguistic interpretation of the experimental data of a free associative experiment to determine the actual content of the values of “tolerance” and “Motherland” in the picture of the world of Chinese speakers. Basic values are codes of a particular culture, their structure is relatively stable, and therefore they can give a systematic idea of the content of the picture of the world of the bearers of a particular culture. The content of basic values is reflected

in the system of concepts fixed by explanatory dictionaries. However, dictionaries can not fully reflect both the dynamics and the psychologically relevant content of the concepts. Therefore, an effective way of detecting them is a free associative experiment conducted by the author of the article, which reveals the semantic links of the word, enshrined in the associative-verbal links between speakers and Chinese culture.

Tolerance in Chinese culture is understood as one of the main features of the national character of the Chinese, as a fundamental continuation of the traditions of ancient Chinese philosophy, which emphasizes the need to control one's feelings and emotions as one of the manifestations of wisdom.

A significant part of the associates of the word-stimulus Motherland express the intense positive emotions of the respondents. Experimental evidence indicates a high degree of national pride among the Chinese of their country.

Key words: basic values; associative experiment; stimulus; associate; associative field.

Введение

В современной философии система ценностей понимается как совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных базовых представлений, определяющих бытие человека в мире: «Ценность выражает человеческое измерение культуры, воплощает в себе отношение к формам человеческого бытия, человеческого существования. Ценность – личностно окрашенное отношение к миру, возникающее не только на основе знания и информации, но и собственного жизненного опыта человека» [Каган 1996, с. 13]. Ценности, будучи «высшими ориентирами, определяющими поведение индивида» [Каган 1997, с. 144] контролируют поведение и навязывают социально одобряемые способы познания действительности, следовательно, формируют самосознание индивида и определяют его эволюцию, поскольку ценности – это «устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точки зрения, чем противоположный или обратный им способ поведения, либо конечная цель существования» [Rokeach 1973, с. 5]. Ценности – это «социально одобряемые и разделяемые большинством людей представления о том, что такое добро, справедливость, патриотизм, романтическая любовь, дружба и т. п.» [Добренков, Кравченко 2007, с. 188], поэтому они имеют индивидуальную форму существования, определяя и направляя деятельность и формы поведения человека. При изучении отношений между культурами и их ценностями необходимо акцентировать, что ценностная система ни одного из ее носителей не может репрезентировать систему

ценностей общества в целом, но существует она только в ментальности отдельных людей. По сути, ценности – специфические критерии оценки действительности, эталоны и идеалы, которые принимаются неосознанно и используются операционально.

Поэтому анализ вербального представления ценностей дает возможность понять мировоззрение человека определенной культуры, составить представление о базовых ценностях, формирующих принципы его поведения, мотивы деятельности и даже о нормах и способах познания. Кроме того, базовые ценности, являясь устойчивым компонентом картины мира носителей определенных культур, служат специфическим «цивилизационным кодом», позволяющим их сопоставлять, выявлять особенности культур как среды обитания людей, исторически сложившегося способа существования, организации и развития жизнедеятельности человечества.

Компонентно-семантический анализ содержания ценностей «терпимость», «Родина»

Одним из эффективных методов лингвистического изучения ценностей является компонентно-дефиниционный анализ, который мы рассматриваем как основу к интерпретации данных ассоциативного эксперимента.

Компонентный анализ рассматривает значение слова как систему взаимосвязанных сематических элементов и позволяет вычленить в значении языковой единицы дифференциальные и интегральные семантические признаки. Основываясь на них, определим содержание лексем *терпимость*, *Родина*, представленное в современных лексикографических источниках.

Терпимость: по значению прил.: терпимый: *I прил.* 1. Относящийся без вражды к чужим мнениям, обычаям, привычкам (о человеке); 2. Признающий право на свободное исповедание любой религии. *II прил.* 1. Такой, который можно вытерпеть, вынести; 2. *перен.* умеренный, сносный [Ефремова].

Терпимость: см. **Терпимый:** 1. Такой, который можно терпеть, выносить; 2. *разг.* приемлемый, сносный, доступный» [Кузнецов].

Терпимость: см. **Терпимый:** 1. Такой, что можно терпеть, с к-рым можно мириться; 2. Умеющий без вражды, терпеливо относиться к чужому мнению, взглядам, поведению [Ожегов].

Родина: 1. Страна, в которой человек родился и гражданином которой является; отечество – *О месте, где человек родился, где живут его родные и близкие*; 2. Место происхождения кого-л., чего-л., возникновения чего-л. [Кузнецов URL].

Родина: 1. Отечество, родная страна; 2. Место рождения, происхождения кого- чего-н., возникновения чего-н. [Ожегов URL].

Родина: 1. Страна, место, где родился кто-л.; 2. *перен.* Место появления, возникновения чего-л.; 2. Родина ж. Страна, в которой кто-л. родился и истинным гражданином и патриотом которой является [Ефремова URL].

Анализируя значение лексемы *терпимость*, можно выделить следующие дифференциальные семы: (1) способность признавать чужое мнение; (2) способность признавать право других; (3) свойство характера, позволяющее терпеть.

В результате анализа значения лексемы *Родина* можно выделить следующие дифференциальные семы: (1) место рождения; (2) страна, в которой родился, (3) родная сторона.

Современные китайские толковые словари толкуют слова 坚忍 – *терпимость*, 祖国 – Родина следующим образом.

坚忍 – *терпимость*: 在艰苦困难的情况下, 坚持而不动摇 (в трудных обстоятельствах упорствовать и не колебаться [新华词典. Словарь китайского языка Синь Хуа];

意志坚强、有韧性 – *сильная воля и стойкость* [汉语大辞典. Большой китайский словарь];

坚毅不拔» – *твёрдость и непреклонность* [汉典. Современный словарь китайского языка он-лайн Хан Диан];

祖国 – Родина 1. 祖先以来所居之地 – место, где жили предки [新华词典. Словарь китайского языка Синь Хуа]; 2. 祖籍所在的国家, 自己的国家 – *страна, в которой находится прародина* [新华词典. Словарь китайского языка Синь Хуа];

祖籍所在的国家 – *страна, в которой находится прародина* [汉语大辞典. Большой китайский словарь];

国籍所属的国家 – *страна национальности* [汉典. Современный словарь китайского языка Хан Диан].

Семантические признаки лексемы 坚忍 – *терпимость* таковы: (1) упорство, (2) стойкость, (3) непреклонность, (4) сильная воля.

Очевидно, что в значении слова китайского языка акцентируются признаки 'волевое противостояние' и 'интенсивность противостояния' трудным обстоятельствам. В значении русского слова «терпимость» таких признаков нет; напротив, в нем подчеркивается пассивный характер восприятия мира, который проявляется в психологической способности признавать чужое мнение, право других как свойство характера.

В лексемах Родина и 祖国 выделяется актуальный соотносимый признак: *место рождения, страна предков*.

Восприятие ценностей «терпимость», «Родина» в китайской культуре при помощи ассоциативного эксперимента

Наш свободный ассоциативный эксперимент был проведен среди 137 китайцев, проживающих на северо-востоке Китая, в возрасте от 18 до 54 лет (среди них 71 женщина и 66 мужчин), по стандартной методике. Целью эксперимента было установление состава психологически актуальных реакций на слово-стимул *терпимость* – 坚忍.

По результатам эксперимента в состав ассоциативного поля стимула 坚忍 – *терпимость* вошли следующие ассоциаты:

不拔 – упорство 31; 坚强 – крепкий 14; 性格 – характер 9;
坚持 – настойчивость 10; 毅力 – решительность 5; 精神 – дух,
力量 – сила 3; 坚定 – прочный, 韧性 – стойкость,
品行 – качество и поведение, 品格 – характер и качество 2;
品质 – моральные качества, 可怜 – жалость, 坚信 – терпеливость,
女人 – женщина, 登山队员 – альпинист, 担子 – тяжесть,
牛筋 – сухожилие, 内心强大 – сильная душа, 恒心 – постоянство,
牙齿 – зубы, 挺拔 – стройный, 坚忍 – выдержка, 懦弱 – слабость,
信念 – вера, 意志 – воля, 父母 – родители, 彼得 – Петр,
隐忍 – воздерживаться, 钢铁 – сталь, 工作 – работа,
马拉松 – марафон, 坚固 – крепкий, 不放弃 – не сдаваться,
自我摧残 – уничтожать себя, 努力 – старания, 野草 – дикая трава,
芦苇 – камыши, 竹子 – бамбук, 松树 – сосна 1 (137+38+17+27).

Первая цифра в скобках указывает на общее число испытуемых, вторая обобщает суммарное число разных ответов в данной статье (таким образом устанавливается индекс разнообразия реакций); третья фиксирует количество испытуемых, отказавшихся от ассоциирования; четвертая показывает число единичных реакций. В состав ядра ассоциативного поля вошли реакции с частотностью не ниже 5:

不拔 – упорство 31; 坚强 – крепкий 14; 性格 – характер 9; 坚持 – настойчивость 10; 毅力 – решительность 5. Очевидно, что все ассоциаты связаны с осознанием терпимости как необходимого для жизнедеятельности и интенсивно проявляемого свойства личности.

При этом основные признаки, актуализируемые в реакциях, таковы:

(1) *настойчивость в достижении, осуществлении чего-л.* – 41 реакция, всего 29.9 %;

(2) *сильный духовно; стойкий, непоколебимый;*

(3) *способность и умение самостоятельно и своевременно принимать ответственные решения и упорно реализовывать их, в котором одновременно подчеркивается и признак – 1;*

(4) *норма поведения.* 坚忍 – терпимость связана у носителей китайской культуры с терпением, выдержкой и часто сочетается со словом 不拔 – упорство. Терпимость для китайцев с древних времен имеет большое значение, являясь основой национального характера, некой константой менталитета. 性格 – характер 9, 品行 – качество и поведение 2; 品格 – характер и качество 2; 品质 – моральные качества 1. Это связано с тем, что в китайской культуре способность терпеть, сдерживать свои чувства, эмоции и переживания рассматривается как проявление сильного и крепкого характера и одобряется социально, становясь нормой поведения.

В состав численно небольшой ближней периферии вошли реакции с частотностью не ниже 2: 精神 – дух, 力量 – сила 3; 坚定 – прочность, 韧性 – стойкость 2, которые реализуют уже выделенные в ядре признаки.

Особую группу составляют национально специфичные реакции: 野草 – дикая трава, 芦苇 – камыши, 竹子 – бамбук, 松树 – сосна, связанные с символическим значением этих растений в китайской культуре. Так, в китайской философии камыши – это проявление непреклонной и негнимои воли, бамбук – символ стойкости, долголетия, непоколебимой решимости и духовной истины, сосна символизирует духовную стойкость, мужество, несокрушимую силу, сдержанность и постоянство. Эти устойчивые символические значения широко использовались в китайской поэзии в течение многих веков для создания художественных образов. Например, в стихотворении Суй Хуна – 许浑 «Ночлег в Юнле» – 夜泊永乐有怀 – камыши символизируют

образ людей, которые, как и само растение, при нежной, внешности имеют сильный характер:

莲渚愁红荡碧波，吴娃齐唱采莲歌。横塘一别已千里，芦苇萧萧风雨多。
Лотосы вокруг островка красны, волны колышутся зелены, дети
дружно поют в унисон песню, посвященную урожаю корней лотосов.
Простившись с другом в Хэнтане, я ездил уже тысячу ли, здесь и дожди
печальны, и камыши безжизненны (перевод наш. – Ч. В.).

Камыши – это люди, чувствующие себя одинокими, но преодолевающие трудности благодаря нестигаемой воле.

Сосна как символ духовной стойкости обладает широким семантическим спектром, обозначая нестигаемую волю, сдержанность, стойкость в трудных обстоятельствах и долголетие. В китайской литературе сосну часто упоминают вместе с кипарисом как метафору добродетельного человека. Древнекитайский поэт Фан Юнь – 范云 в стихотворении «Посвящение зимней сосне» – 咏寒松诗 писал:

修条拂层汉，密叶障天浔。凌风知劲节，负雪见贞心。
Тонкие ветви открыли облака, густые листья покрывают небо,
видно Млечный Путь издалека. Я знаю, сосна устоит в жестоком ветре.
Я был свидетелем благородного целомудрия сосны под густым снегом
(перевод наш. – Ч. В.).

В китайской культуре среди образов растительной символики особой популярностью пользуется бамбук, который символизируют стойкость и самые благородные качества мужчины. Он входит в число «четырех благородных» растений – *цветы сливы, орхидея, бамбук и хризантема*. Бамбук является и необходимым элементом китайской живописи, причем обращение к «живописи бамбука» является свидетельством достижения вершин живописного мастерства, так как в рисунке должны были использованы все известные в китайской живописи и каллиграфии способы работы с кистью, а каждый элемент бамбука должен быть написан разными стилями: ствол в стиле 篆書 – *чжуаньшу* (печатный стиль), коленца ствола штрихами, выполненными в стиле 隸書 – *лишу* (официальный стиль), ветви – в скорописи 草書 – *цаошу*, листья – в 楷書 – *кайшу* (устав).

Таким образом, терпимость в китайской культуре понимается как одна из основных черт национального характера китайцев, как принципиальное продолжение традиций древнекитайской философии, которая подчеркивает необходимость контролировать свои чувства и эмоции как одно из проявлений мудрости.

Ассоциативный эксперимент с лексемой Родина был проведен среди китайцев, проживающих на северо-востоке Китая, и китайских студентов, учащихся в России, в возрасте от 18 до 54. Общее число респондентов составляет 330 человек (182 женщины и 148 мужчин). Такое расширение состава респондентов отчасти определялось желанием экспериментатора установить, является ли проживание в другой стране фактором, изменяющим характер ассоциирования на родном языке. Отметим сразу, что влияние этого фактора в результатах эксперимента не проявилось.

Ассоциативное поле ценности Родина представляется следующими реакциями:

中国 – *Китай* 37; 母亲 – *мать* 27; 伟大 – *великий* 27;
强大 – *крепкий* 20;
万岁 – *Да здравствует!* 富强 – *могучий и процветающий* 18;
热爱 – *горячо любить (обожать)*, 家园=家 – *дом* 15; 花朵 – *цветы*,
国旗 – *государственный флаг*, 国家 – *страна* 14; 繁荣 – *процветание* 10;
骄傲 – *гордость* 7; 我爱你=爱你 – *я люблю тебя* 6; 好 – *хорошо*,
爱国 – *патриотизм*, 和平 – *мир* 5; 自豪 – *гордость за себя*,
人民 – *народ*, 未来 – *будущее* 4; 军人 – *военные*, 红色 – *красный* 3;
忠实=忠诚 – *преданность*, 统一 – *единство*, 中国梦 – *Китайская Мечта*,
地图 – *карта*, 美好 – *прекрасный*, 光荣 – *слава*, 天安门 – *Тяньаньмэнь*,
十九大 – *XIX Всекитайский съезд КПК* 2; 航母 – *авианосец*,
保卫 – *защищать*, 义务 – *долг*, 依靠 – *зависимость*, 怀抱 – *обнимать*,
发达 – *развитие*, 靠山 – *опора*, 台湾 – *Тайвань*, 富饶 – *богатый*,
家乡 – *родина*, 兴盛 – *подъем*, 热烈 – *горячий*, 周恩来 – *Чжоу Эньлай*,
比心 – *сердце*, 包子 – *манты*, 光辉 – *свет*, 昌盛 – *процветающий*,
社会主义 – *коммунизм*, 博爱 – *широкая любовь*, 最棒 – *классно*,
长城 – *Великая Стена*, 我的国家 – *моя страна*,
强大昌盛民主繁荣 – *могучий, процветающий, демократический, развивающийся*,
完美 – *идеальный*, 中华人民共和国 – *КНР*, 大爱 – *большая любовь*,
五星红旗 – *Пятизвездочный красный флаг*, – *любовь*,
山河 – *гора и река*, 富强民主文明和谐 – *богатый, сильный, демократичный, цивилизованный и гармоничный*,
爱党 – *любить партию*,
五星 – *пять звезд*, 党 – *партия* 1. (330+62+2+32).

В ядро ассоциативного поля вошли реакции, которые представляют следующие актуальные смысловые признаки:

(1) место рождения как самый частотный признак (中国 – *Китай*, 家园=家 – *дом*, 国家 – *страна*); (2) символ родины (母亲 – *мать*, 国旗 – *государственный флаг*, 花朵 – *цветы*); (3) оценка статуса родины (伟大 – *великий*; 强大 – *крепкий*; 富强 – *могучий и процветающий*, 繁荣 – *процветание*, 和平 – *мир*); (4) отношение к родине (热爱 – *горячо любить (обожать)*, 骄傲 – *гордость*, 我爱你 = *люблю тебя* – *я люблю тебя*, 好 – *хорошо*, 万岁 – *Да здравствует!* 爱国 – *патриотизм*). При этом значительная часть ассоциатов связана с явно выраженной положительной эмоцией: число их составляет 19,3 % от общего количества реакций. Экспериментальные данные свидетельствуют о высокой степени национальной гордости у китайцев за свою страну. Об этом говорят и статистические данные, приведенные в китайской газете «Хуанцю Шибао»: 93,5 % молодых китайцев заявили, что в следующей жизни они хотели бы снова родиться в Китае» [Красная Весна].

Все выделенные признаки подтверждаются и анализом данных периферии ассоциативного поля, в которой количество положительных реакций составляет 100 %.

Заключение

Таким образом, с помощью ассоциативного эксперимента мы попытались установить содержание двух фрагментов обыденной картины мира китайцев, связанных с базовыми ценностями терпимость и родина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Добреньков В. И., Кравченко А. И. Социология. М. : Инфра-М, 2007. 360 с.
- Елишев С. О. Теоретико-методологические подходы к изучению понятий «ценность», «ценностные ориентации» // Вестник Московского университета. 2010. № 3. С. 75–76.
- Евгеньева А. П. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. URL: feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/12/ma220012.htm?cmd=0&istext=1.
- Ефремова Т. Ф. Электронная версия нового толково-словообразовательного словаря русского языка. URL: www.efremova.info/word/terpimost.html.
- Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. М. : Политиздат, 1986. 170 с.
- Каган М. С. Философия культуры. СПб. : Петрополис, 1996. 415 с.
- Каган М. С. Философская теория ценности. СПб. : Петрополис, 1997. 205 с.

- Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. URL: gufo.me/dict/kuznetsov
- Леонтьев Д. А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени. URL: hr-portal.ru/article/da-leontev-cennostnye-predstavleniya-v-individualnom-i-grupповom-soznanii-vidy-determinanty
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. URL: slovarozhegova.ru/search.php.
- Rokeach M. The nature of human values. N. Y.: Free Press, 1973. 438 с.
- 新华词典. Словарь китайского языка Синь Хуа. URL: xh.5156edu.com.
- 汉语大辞典. Большой китайский словарь. URL: www.hydc.com/cd/htm_a/15991.htm.
- 汉典. Современный словарь китайского языка он-лайн Хан Диан. URL: www.zdic.net.

REFERENCES

- Dobren'kov V. I., Kravchenko A. I. Sociologija. M.: Infra-M, 2007. 360 s.
- Elishev S. O. Teoretiko-metodologicheskie podhody k izucheniju ponjatij «cennost'», «cennostnye orientacii» // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2010. № 3. S. 75–76.
- Evgen'eva A. P. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. T. 4. URL: feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/12/ma220012.htm?cmd=0&istext=1.
- Efremova T. F. Jelektronnaja versija novogo tolkovo-slovoobrazovatel'nogo slovarja russkogo jazyka. URL: www.efremova.info/word/terpimost.html.
- Zdravomyslov A. G. Potrebnosti. Interesy. Cennosti. M.: Politizdat, 1986. 170 s.
- Kagan M. S. Filosofija kul'tury. SPb.: Petropolis, 1996. 415 s.
- Kagan M. S. Filosofskaja teorija cennosti. SPb.: Petropolis, 1997. 205 s.
- Kuznecov S. A. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. URL: gufo.me/dict/kuznetsov
- Leont'ev D. A. Cennostnye predstavlenija v individual'nom i grupповom soznanii: vidy, determinanty i izmenenija vo vremeni. URL: hr-portal.ru/article/da-leontev-cennostnye-predstavleniya-v-individualnom-i-grupповom-soznanii-vidy-determinanty
- Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka. URL: slovarozhegova.ru/search.php.
- Rokeach M. The nature of human values. N. Y.: Free Press, 1973. 438 с.
- 新华词典. Slovar' kitajskogo jazyka Sin' Hua. URL: xh.5156edu.com.
- 汉语大辞典. Bol'shoj kitajskij slovar'. URL: www.hydc.com/cd/htm_a/15991.htm.
- 汉典. Sovremennij slovar' kitajskogo jazyka on-lajn Han Dian. URL: www.zdic.net.

УДК 81-114.2

А. А. Громорушкина

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: a.gromorushkina@gmail.com

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СМИ

В данной статье предлагается рассмотрение концептуальной метафоры ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ, которая, согласно проведенному исследованию, является наиболее распространенной в современном экологическом дискурсе СМИ России. Этот вопрос рассматривается в рамках эколоингвистического подхода, который получает всё более широкое распространение в XXI в. ввиду необходимости незамедлительного решения экологических проблем на глобальном уровне.

Работа представляет собой краткий обзор литературы по исследуемым вопросам (как экологической, так и лингвистической тематики) с последующим описанием методики проведения исследования, презентацией и анализом полученных результатов. Основным методом является критический дискурс-анализ, выполненный в соответствии с методикой, предложенной З.Йегером и Ф.Майер. В работе приводится поэтапное описание реализации данного метода. Полученные результаты исследования иллюстрируются примерами с последующим указанием их релевантности по отношению к поставленной цели исследования. Также объясняется персуазивный характер приведенной концептуальной метафоры в соответствии с теорией Ю. Линка о системе коллективных символов и работой Дж. Лакоффа о необходимости фрейминга окружающей среды. В заключительной части работы обозначаются дальнейшие перспективы проведения исследования для разработки вопроса о формировании экологического сознания россиян печатными средствами массовой информации.

Ключевые слова: концептуальная метафора; фрейминг; коллективные символы; дискурс СМИ; экологическое сознание; глобальное потепление.

А. А. Gromorushkina

PhD student at the Department of General and Comparative Linguistics, MSLU;
e-mail: a.gromorushkina@gmail.com

CONCEPTUAL METAPHORS IN THE ECOLOGICAL MEDIA DISCOURSE

The article develops the ecolinguistic approach to consider the conceptual metaphor GLOBAL WARMING IS CRIME in the Russian ecological media discourse.

The article has the following structure: in the introduction a brief overview of the latest scientific papers is given; further on, research methodology is described and the main results are presented and analysed. The main research method used in the paper is critical discourse analysis (CDA) suggested and developed by S.Jäger and F.Maier. This research method is thoroughly considered in the paper. The results of the study are provided with examples and commentaries that explain the relevance of the present research. Moreover, the theory of collective symbols developed by J.Link and the idea of framing the environment expressed by G.Lakoff are addressed to reveal the persuasive character of the conceptual metaphor GLOBAL WARMING IS CRIME. The conclusive part of the current paper gives a guideline to further research in the area.

Key words: conceptual metaphor; framing; collective symbols; media discourse; ecological awareness; global warming.

Введение

Среди различных видов дискурса, которые анализируются современными лингвистами и к которым обращаются также представители других наук, особое место занимает экологический дискурс. В XX в. ввиду нестабильной политической ситуации в мире и растущих темпов производства экологические проблемы долгое время не получали должного внимания как в научной среде, так и со стороны общественности, что постепенно усугубляло экологическую ситуацию не только локально, но и на глобальном уровне. На рубеже XX–XXI вв. ученые стали говорить о том, что необходимо срочно предпринимать меры, иначе напряженная экологическая ситуация может превратиться в экологическую катастрофу. Так, Йохан Рокстрём совместно с целым коллективом исследователей из различных стран ввел понятие планетарных границ (planetary boundaries), которые понимаются как неприемлемые экологические изменения, возникшие по вине человека [Planetary boundaries: exploring the safe operating space for humanity 2009]. Всего было выявлено девять границ, три из которых человечество на тот момент уже пересекло: изменение климата, снижение биологического разнообразия и вмешательство в глобальный круговорот азота. Еще четыре границы находились в 2009 г. на критическом уровне, и только две пока остаются вне зоны риска. Пересечение последней, девятой, границы, приведет к необратимой экологической катастрофе планетарного масштаба.

Это лишь один из примеров, который был приведен нами по причине, пожалуй, наиболее проработанной методологии определения критических уровней при оценке влияния человека на окружающую

среду. Существует множество неутешительных экологических прогнозов, каждый из которых призывает общественность предпринимать активные меры по предотвращению глобальной катастрофы. В связи с этим представители разных, если не всех, наук вносят свой вклад в решение данной проблемы.

Экологическое движение привело к тому, что словосочетания «глобальное потепление» и «изменение климата» знакомы теперь абсолютному большинству людей, при этом понимание глубинной сути вопроса остается уделом немногих. Виной тому средства массовой информации, которые в значительной степени формируют экологическое сознание людей в соответствии с приоритетными задачами государства. Под экологическим сознанием мы понимаем «форму общественного сознания, находящуюся в стадии формирования, включающую в себя совокупность идей, теорий, взглядов, мотиваций, отражающих экологическую сторону общественного бытия, а именно – реальную практику отношений между человеком и средой его жизни, между обществом и природой, включая регулятивные принципы и нормы поведения, направленные на достижение оптимального состояния системы “общество – природа”»¹.

Данное исследование посвящено анализу современного (2010–2018) экологического дискурса СМИ в России. Особое внимание уделяется персуазивной силе использованных концептуальных метафор.

Концептуальная метафора и система коллективных символов

Вслед за Е. С. Кубряковой, под концептом мы понимаем «оперативн(-ую) единиц(-у) памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания» [Кубрякова 1997, с. 90]. Подчеркивается также, что самые важные концепты выражены в языке. Основываясь на вышеприведенном определении, можем также заключить, что «концептуальная метафора (англ. *conceptual metaphor*) – один из важнейших когнитивных механизмов, основанный на установлении связей между концептами (концептуальными структурами), относящимися к разным областям знания (доменам)» [Субботина URL].

Концептуальная метафора отличается от лингвистической тем, что метафорические связи устанавливаются не между двумя явлениями (лексическими единицами), а между двумя различными областями,

¹ Цит. по: [Сухоруков 2017, с. 1].

или сферами знания: сферой-источником и сферой-мишенью. Концептуальная метафора называется так потому, что «для теории концептуальной метафоры (ТКМ) метафора – это процесс, происходящий на уровне человеческого мышления, а затем находящий отражение в языковых структурах» [Субботина URL].

Концептуальную метафору, которая часто встречается у разных авторов в различных источниках, необходимо рассматривать в тесной связи с коллективными символами. Под коллективными символами понимаются символы как культурные стереотипы, которые коллективно передаются и используются¹. Таким образом, у коллективных символов есть коллективные продуценты и коллективные реципиенты, следовательно, коллективные носители. Известный немецкий ученый, литературовед, исследователь дискурса Ю. Линк говорит в этой связи об интердискурсе как об общих селективных культурных знаниях разного характера (политика, философия, медицина), интегрированных между собой. Так, например, мы можем иметь ограниченное представление о субъекте, однако благодаря коллективным символам мы будем понимать концептуальную метафору, связанную с ним. Как, например, пишет Ю. Линк, мы ничего не знаем про рак как заболевание, однако сразу понимаем, почему терроризм – рак нашего общества [там же].

Методология исследования

Основным методом проведения данного исследования является критический дискурс-анализ. Прежде всего мы опирались на поэтапное описание вышеназванного метода З. Йегером и Ф. Майер [Jäger, Maier 2016].

Сначала нами была сформулирована цель исследования: выявить и проанализировать концептуальные метафоры, используемые в современных российских СМИ в статьях, посвященных тематике глобального потепления, особенно аномальной жары.

Затем мы ограничили круг исследования экологическим дискурсом, где проблема глобального потепления находится в центре внимания, а не на периферии, тем самым исключив статьи политической и экономической тематики. Данное ограничение было введено исключительно для написания данной статьи. Исследование

¹ Прив. по: [Jäger 1992].

периферии экологического дискурса представляется нам не менее важным и является перспективой дальнейшей работы.

Следующим этапом явилось создание корпуса для последующего анализа. Были установлены временные рамки: 2010–2018 гг., так как первичное ознакомление с новостными интернет-ресурсами показало, что наибольшее количество статей интересующей нас тематики приходится на летний период. Также необходимо было включить в исследование 2010 г., потому что это было особенно жаркое лето, которое вызвало общественный резонанс. Несомненно, СМИ отреагировали на это особенно большим количеством публикаций по теме «жара» и «изменение климата». Необходимо было также определиться с самими интернет-ресурсами. В результате материалами исследования явились публикации на сайтах (www.gazeta.ru/; ria.ru/; rg.ru/). «Газета.ру» является общественно-политическим интернет-изданием с высокими показателями посещаемости. РИА «Новости» – «международная медиагруппа, миссией которой является оперативное и взвешенное освещение событий в мире, информирование аудитории о различных взглядах на ключевые события, включая те, о которых другие молчат» (ria.ru/docs/about/index.html). РИА «Новости» также утверждают, что занимают лидирующее положение по цитируемости в российских социальных сетях и блогосфере. «Российская газета» является официальным печатным органом Правительства Российской Федерации. Таким образом, в исследовании были охвачены различные типы информационно-новостных интернет-ресурсов.

Затем был проведен структурный анализ полученного корпуса. Статьи были разделены на группы в зависимости от основной тематики, например, «Советы во время жары» и «Последствия жары». После этого был осуществлен количественный анализ статей в каждой группе. Малочисленные группы (например, «Глобальное потепление – вымысел») были исключены из дальнейшего анализа. Также были сопоставлены данные, полученные по каждой газете, между собой. Так, например, обнаружилось, что в «Российской газете» все статьи имеют схожую структуру и могут быть условно разделены только на две группы: «погодные аномалии» и их последствия. Тем не менее из общей выборки публикации с данного сайта исключены не были, так как они не противоречили общей картине, а дополняли ее. В итоге нами были отобраны 50 статей для дальнейшей работы.

Следующим этапом явилось проведение детального анализа дискурса. Наиболее типичные и репрезентативные фрагменты, отобранные на предыдущем этапе, были подробно проанализированы на предмет концептуальной метафоры. Фрейминг, обнаруженный в каждой отдельной статье, был проанализирован отдельно.

Последним этапом явился синоптический анализ, направленный на сравнение и сопоставление полученных результатов. На этом этапе были сформулированы общие выводы о том, какие концептуальные метафоры используются российскими печатными СМИ и каков их персуазивный потенциал.

Обсуждение и результаты

Проведенный анализ показал, что наиболее часто используемая в экологическом дискурсе СМИ концептуальная метафора – ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ. Сферой-источником в данном случае является криминалистика, а сферой-мишенью – изменение климата. Так, можно сказать, что в качестве преступника выступает жара, а в качестве жертвы – человек. Также есть примеры, когда человек является жертвой второго порядка (жертва жары – сельское хозяйство, а жертва неурожая – человек). Примеры данной концептуальной метафоры были обнаружены на всех трех анализируемых интернет-порталах:

1. Европа получила *смертельный тепловой удар*; Жители стран Европы *гибнут из-за рекордно высоких температур*; *Горячий фронт* идет от Африки, *его жертвами* уже стали несколько испанцев (www.gazeta.ru/social/news/2018/08/03/n_11866891.shtml).

2. Число *жертв аномально высоких температур* с 30 апреля достигло 144» (rg.ru/2018/08/14/shest-chelovek-stali-zhertvami-zhary-v-iaaponii-za-nedelii.html).

3. Нынче *солнышко* – это древнеславянское Ярило. *Безжалостное и неумолимое* (ria.ru/authors/20100806/262387554.html).

Также к данной концептуальной метафоре относятся такие примеры, как *жара* (=высокие температуры) *угрожает*, *жара убьет*, *жара приводит к суициду* и пр.; *люди пострадали* (*пострадают*), *люди скончались* [от жары], *люди спасаются* и пр.

Преступление – это противоправное действие в отношении кого-либо, т. е. преступник (в нашем случае жара) нарушает права жертвы

(в нашем случае человека). Как видно из приведенных примеров, в рамках данной концептуальной метафоры можно выделить концептуальные метафоры более низкого уровня: ЖАРА КАК УБИЙЦА и ЖАРА КАК АГРЕССОР. Во всех случаях *жара* и *высокие температуры* окружены лексическими единицами, имеющими отрицательную оценочную и/или эмоциональную коннотацию. Обращаясь к учению Ю. Линка о системе коллективных символов, стоит подчеркнуть, что «убийство», «жертва» и «преступление» являются коллективными символами в русской лингвокультуре (ср. «жертва обстоятельств», «преступление против совести» и «убивать свободное время»). В концептуальной метафоре ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ данные коллективные символы используются для того, чтобы подчеркнуть, усилить и символически закодировать отклонение от нормы. Тем самым у читателя создается впечатление, что он находится в позиции жертвы и ответственности за ситуацию не несет, что, несомненно, является ошибочным умозаключением, ведь на изменение климата влияет именно антропогенный фактор. Еще одно убеждение, формируемое данной метафорой, – во всех бедах, связанных с потеплением, виновата сама природа. Оно тесно связано с предыдущим, однако имплицитно подразумевает другие убеждения: в сложившейся ситуации некого винить, так как природа – это не живой организм, обладающий разумом. То есть нужно найти виновного, и он найден. Однако дальнейшие действия бессмысленны. Это важно на психологическом уровне, так как, если есть жертва, должен быть и агрессор.

Следует, пожалуй, оговориться, что, как и коллективные символы, концептуальные метафоры неизбежны, особенно в медиадискурсе. Другой вопрос – какие именно фреймы будут активироваться у читателей во время чтения. Как верно подчеркивает Дж. Лакофф, чем чаще активируются синапсы в нейронных сетях, тем больше закрепляется навязываемая идеология в голове реципиента [Lakoff 2010]. А так как языковые единицы, употребляемые наиболее часто, начинают расцениваться нами как «нормальные», идеологический язык, который встречается из раза в раз, также становится «нормальным языком» и, хотим мы того или нет, подсознательно активирует определенную идеологию как у читателей, так и у журналистов. Таким образом, спустя определенное время система поддерживает сама себя.

Изменить эти фреймы очень тяжело. Для этого существует ограниченный набор приемов. Просто ввести новый «нормальный язык»

невозможно. Он должен обязательно «вписаться» в уже существующую систему и, воздействуя на реципиента на эмоциональном уровне, использоваться снова и снова, чтобы распространиться среди достаточно большой группы населения и стать «нормальным» языком СМИ.

Заключение

Нами была выявлена и проанализирована наиболее часто встречающаяся концептуальная метафора в экологическом дискурсе СМИ России: ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ и рассмотрена ее роль в формировании у читателя определенного экологического сознания. Персуазивный эффект достигается в большой мере за счет использования коллективных символов и эмоционально и оценочно окрашенной лексики, которая, как было отмечено ранее, наиболее эффективно способна изменить общепринятый фрейминг.

Тем не менее не следует забывать, что фрейминг и использование когнитивных метафор в дискурсе СМИ неизбежны и характеризуются особой резистентностью к изменениям, в связи с чем не следует ожидать изменений в ближайшем будущем. Обнаруженные нами примеры не различались между собой в заданном временном промежутке, из чего можно сделать вывод, что шаг в восемь лет не является достаточным при желании провести контрастивный анализ. Однако данная задача перед нами не стояла.

Для более глубокой проработки вопроса формирования экологического сознания жителей России представляется необходимым дальнейший анализ экологического дискурса СМИ, где вопросы экологии находятся как в центре внимания, так и на периферии, а также проведение повторного дискурс-анализа на материале других новостных интернет-порталов с целью верификации полученных данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кубрякова Е. С. [и др.]. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
- Субботина Е. Концептуальная метафора. URL: scodis.ru/студентам/гlossарий/концептуальная-метафора/
- Сухоруков Е. А. Современная немецкая сказка как инструмент формирования экологического сознания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 28 с.

- Jäger S.* BrandSätze. Rassismus im Alltag. Duisburg: Duisburger Institut für Sprach- und Sozialforschung (DISS), 1992. 310 S.
- Jäger S., Maier F.* Analysing discourses and dispositives: A Foucauldian approach to theory and methodology // *Methods of Critical Discourse Studies* / Ruth Wodak, Michael Meyer (eds.). London: Sage, 2016. P. 109–136.
- Lakoff G.* Why it Matters How We Frame the Environment // *Environmental Communication*. 2010. 4:1. P. 70–81.
- Planetary boundaries: exploring the safe operating space for humanity / Rockström J. [et al.] // *Ecology and Society*. 2009. 14(2): 32. URL: www.ecologyandsociety.org/vol14/iss2/art32/

REFERENCES

- Kubryakova E. S.* [i dr.]. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / pod obshh. red. E. S. Kubryakovej. M.: Filol. f-t MGU im. M. V. Lomonosova, 1997. 245 s.
- Subbotina E.* Konceptual'naja metafora. URL: scodis.ru/studentam/glossarij/konceptual'naja-metafora/
- Suhorukov E. A.* Sovremennaja nemeckaja skazka kak instrument formirovanija jekologicheskogo soznaniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2017. 28 s.
- Jäger S.* BrandSätze. Rassismus im Alltag. Duisburg: Duisburger Institut für Sprach- und Sozialforschung (DISS), 1992. 310 S.
- Jäger S., Maier F.* Analysing discourses and dispositives: A Foucauldian approach to theory and methodology // *Methods of Critical Discourse Studies* / Ruth Wodak, Michael Meyer (eds.). London: Sage, 2016. P. 109–136.
- Lakoff G.* Why it Matters How We Frame the Environment // *Environmental Communication*. 2010. 4:1. P. 70–81.
- Planetary boundaries: exploring the safe operating space for humanity / Rockström J. [et al.] // *Ecology and Society*. 2009. 14(2): 32. URL: www.ecologyandsociety.org/vol14/iss2/art32/

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК СРЕДСТВО ПОСТРОЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ «СВОИ – ЧУЖИЕ» В ПОСТКЛАССИЧЕСКОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются особенности функционирования когнитивной модели «СВОИ – ЧУЖИЕ» в постклассическом дипломатическом дискурсе, особое место в построении которой занимают прецедентные феномены. В данном исследовании предпринята попытка проанализировать мотивационную и функциональную составляющую прецедентных единиц, актуализуемых в процессе дипломатической коммуникации.

Современная публичная дипломатическая коммуникация значительно отличается от коммуникации классической дипломатии: выход к широкой аудитории, открытие различных площадок, в том числе в сети Интернет, смена образа агента внешней политики – всё это дает основание полагать, что изменилась интенциональная составляющая дипломатического дискурса. Очевидно, что наряду с традиционными перед дипломатической коммуникацией поставлена задача формирования общественного мнения.

Ключевые слова: постклассический дипломатический дискурс; когнитивная модель; прецедентный феномен; интертекст; коммуникация.

PRECEDENT PHENOMENA AS MEANS OF CONSTRUCTING THE COGNITIVE MODEL “OWN – ALIEN” IN POST-CLASSICAL DIPLOMATIC DISCOURSE

The article discusses functional aspects of the cognitive model “OWN – ALIEN” in the postclassical diplomatic discourse with a special focus on the role of precedent phenomena in its construction. Special attention is paid to analysing the intentional and functional components of precedent units that are actualized in diplomatic communication.

Today the public diplomatic communication differs significantly from the diplomatic communication of the past. Access to a wide audience, various communication platforms, including the Internet, the new image of a foreign policy

agent suggest that the intentional component of the diplomatic discourse has changed. It is obvious that, along with the traditional aims of diplomatic communication, the task is to form the public opinion.

Key words: postclassical diplomatic discourse; cognitive model; precedent phenomena; intertext; communication.

Дипломатический дискурс, традиционно один из самых закрытых видов институционального дискурса, в последнее десятилетие претерпевает значительные изменения, обусловленные глобализационными процессами во всех сферах человеческой деятельности, с одной стороны, и стремительным развитием интернет-коммуникации – с другой. Дипломатия становится публичной во всех смыслах этого слова. Во-первых, изменились условия и площадки для осуществления дипломатической коммуникации. Помимо традиционных закрытых площадок для подготовки и проведения переговоров появляются официальные страницы министерств иностранных дел, посольств и консульств в Интернете, на которых публикуются различные пресс-релизы, стенограммы выступлений и брифингов, интервью и статьи видных дипломатов. Многие дипломатические деятели открыли аккаунты в социальных сетях, предоставив тем самым возможность обывателю оценить, прокомментировать и растиражировать их публикации. Как следствие, меняется и облик агента дипломатического дискурса: сотрудники внешнеполитических ведомств сегодня не обязательно профессиональные дипломаты, они медийные личности, узнаваемые и популярные. Их целевой аудиторией становится широкая общественность, которая опосредованно становится участником дипломатической коммуникации. Всё это позволяет говорить о появлении принципиально нового вида институционального дискурса – постклассического дипломатического дискурса [Бубнова 2012; Терентий 2010; Терентий 2017].

Необходимо отметить, что все вышеописанные изменения трансформировали прагматическую составляющую дипломатического дискурса и его интенционную и мотивационную направленность: наряду с традиционной и очевидной целью дипломатической коммуникации – защита государственных интересов на международной арене, обнаруживаются и скрытые интенции, одна из которых, на наш взгляд, – манипулирование общественным сознанием. Данная гипотеза подтверждается при анализе дискурсивных стратегий публичной дипломатии.

Язык современной дипломатии обнаруживает ярко выраженные эмотивные и манипулятивные черты, несвойственные языку классической дипломатии с его протокольными формулами. Он изобилует риторическими вопросами, метафорами, аллюзиями, яркими сравнениями. Решая задачи воздействия на широкую аудиторию, дипломатический дискурс всё чаще обращается к инструментарию других видов институционального дискурса, таких как публицистический, политический и интернет-дискурс. Всё это затрудняет определение границ дипломатического дискурса как институционального. Вместе с тем заимствуются механизмы построения когнитивных моделей, отвечающих актуальной дискурсивной прагматике. Интенционной основой дипломатического дискурса, в отличие от других видов институционального дискурса, является дипломатия во всех ее проявлениях, которая не всегда находится в поле международной политики. Например, если речь идет о так называемой народной дипломатии или торговой дипломатии. Кроме того, «дипломатическому дискурсу присуща и подлинная информативность, что отражается в выборе определенных дискурсивных форм, абсолютно прозрачных для специалиста» [Терентий 2010, с. 53].

Одной из самых продуктивных моделей в дипломатическом коммуникативном пространстве является когнитивная модель СВОИ – ЧУЖИЕ. В основе указанной модели лежит семантическая оппозиция, онтологические основания которой представляют интерес для нашего исследования. Данная модель неоднократно становилась предметом рефлексии представителей разных областей научного знания: философии, психологии, литературоведения, социологии, культурологии, политологии, лингвистики, а также всевозможных исследований междисциплинарного характера. Актуальность анализа данной оппозиции обусловлена ее сущностными характеристиками, универсальностью и фундаментальностью этого явления, лежащего в основе категоризации действительности. Как считает Ю.С. Степанов, «это противопоставление в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов 1997, с. 21].

Исследуя особенности функционирования данной модели в политическом дискурсе, Е.И. Шейгал отмечает тот факт, что «оппозиция «свой – чужие» определяет специфику политического, так же как

оппозиция «добро – зло» является базовой для области морального, «прекрасное – безобразное» – в области эстетического ... любые ценностные противопоставления в политическом дискурсе будут являться вторичными по отношению к данной оппозиции» [Шейгал 2000, с. 122]. Данное положение, по-нашему мнению, можно отнести в равной степени и к дипломатическому дискурсу. Учитывая ценностные и оценочные параметры оппозиции СВОИ – ЧУЖИЕ, можно с уверенностью утверждать, что данная модель входит в число ядерных образований публичной дипломатической коммуникации.

При анализе характера экспликации и особенностей функционирования указанной модели в дипломатическом дискурсе нами был отмечен ее высокий мотивационный потенциал и продуктивность. Можно выделить основные функции, отвечающие интенционной составляющей данного вида дискурса: этноинтегрирующая, этнодифференцирующая, социализирующая, консолидирующая, идеологизирующая, оценочная, манипулятивная и кодирующая.

Этноинтегрирующий потенциал модели СВОИ – ЧУЖИЕ способствует осознанию единства этноса, к которому причисляет себя коммуникант (*мы – русские, мы – россияне, все наши республики, Чечня – это Россия, #Крымнаш*). **Этнодифференцирующая** функция находит выражение в противопоставлении различных этнических общностей по принципу: наша культура, обычаи, менталитет – их культура, обычаи, менталитет.

Идентификация личностью себя как члена какой-либо группы или социальной общности в противовес другой общности выдвигает на первый план социальный компонент анализируемой оппозиции. **Социализирующий** потенциал модели СВОИ – ЧУЖИЕ трансформирует производную оппозицию Я – ОНИ (МОЕ – ИХ) в социализированную МЫ – ОНИ (НАШЕ – ИХ). Такой сдвиг обусловлен институциональным характером дипломатического дискурса, в котором коммуникант выступает представителем общественных интересов. Смена категоризирующего субъекта требует, в свою очередь, и изменения объекта категоризации, относительно которого будет выстраиваться рассматриваемая оппозиция. В качестве единиц картины мира, по отношению к которым субъект категоризации определяет расположение компонентов по принципу СВОЕ – ЧУЖОЕ, фигурируют различные рода (нации, страны, внешнеполитические блоки) либо отдельные объекты как представители данных объединений

(представители стран и наций в переговорных процессах, на международных саммитах, в различных международных организациях).

Сдвиг денотативного ядра категории приводит к смене аксиологического вектора данной группировки. Ценностные установки субъекта познания, моделирующие категориальную область «свое – чужое» на уровне личностно ориентированного дискурса, трансформируются в **прагматико-манипулятивные** установки, определяющие пространство дипломатического дискурса.

Так, если основной задачей дипломатической коммуникации является защита национальных интересов на международном уровне, то перечень данных интересов должен быть каким-то образом сформулирован и понятен представителям общественности. На данном этапе подключаются **консолидирующая, идеологизирующая и оценочная** функции модели СВОИ – ЧУЖИЕ. Для успешной реализации в коммуникации поставленной задачи используются различные идеологемы, лингвокультураны, концептуальные метафоры и прецедентные феномены. Изучению роли прецедентных феноменов при построении модели СВОИ – ЧУЖИЕ в дипломатическом дискурсе стоит уделить особое внимание.

Вслед за В.В.Красных, которая характеризует прецедентный феномен как: «1) Законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; 2) (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; 3) хорошо знаком любому члену лингвокультурного сообщества; 4) в когнитивную базу входит инвариант его восприятия; обращение к прецедентному тексту многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания и символы» [Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации 1997, с. 64], мы будем отграничивать прецедентные феномены от языковых единиц, так как первые являют собой некое «обобщенное» представление, инвариант восприятия, дающий возможность его коннотативного использования. Среди прецедентных феноменов мы будем выделять *прецедентные имена, прецедентные ситуации, прецедентные тексты, прецедентные образы (метафоры)*.

Процесс овладения культурным знанием личностью связан с построением в его сознании определенного национально-культурного пространства, которое по своей природе представляет собой

информационно-эмоциональное образование, включающее сформированные у носителей какой-либо лингвокультуры представления и понятия об элементах данной культуры. При этом «ядро» культурной сферы должно быть образовано элементами национальной когнитивной базы, которая понимается как структурированная особым образом сумма знаний и национально маркированных и культурно детерминированных представлений, которыми в обязательном порядке обладают все носители определенной лингвокультуры.

Исследование роли прецедентных феноменов в дипломатическом дискурсе позволит выявить его национально-культурную составляющую. По мнению В. В. Красных, решение этой задачи возможно в рамках лингвокогнитивного подхода, который подразумевает не только собственно лингвистический анализ коммуникации, но и анализ ее когнитивных аспектов. Таким образом, помимо выделения общелингвистического плана коммуникации необходимо выделить план национально детерминированный, т. е. такой, который предопределяет национальную специфику дискурса [Красных 2002, с. 11]. В нашем случае задача видится еще более интересной, так как дискурсивное поле дипломатии предполагает постоянный диалог и взаимодействие культур. Таким образом на первый план исследования поочередно выходят общекультурные константы, такие как ДОБРО – ЗЛО, СПРАВЕДЛИВОСТЬ – НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ, САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ – АЛЧНОСТЬ, в которых понимание данных категорий не является национально детерминированным. Нами было проанализировано 267 прецедентных единиц, зафиксированных в дипломатической коммуникации, были рассмотрены как прецедентные имена, так и прецедентные тексты и высказывания, прецедентные ситуации, а также прецедентные образы.

Так, прецедентное имя *мать Тереза* ассоциируется у носителей разных культур с понятиями добра, щедрости, самопожертвования. В декабре 2016 г., выступая на заседании Совета Безопасности ООН, постоянный представитель России в ООН Виталий Чуркин иронично заявил: *Особенно странным мне показалось выступление представителя Соединенных Штатов, которая построила свое выступление так, будто она мать Тереза.* Мать Тереза в данном случае явилась неким «камертоном» добра, миссионерства, ориентируясь на который Россия (мы) не можем расценить действия США (их действия) как ориентированные на добро. Хотя очень часто можно встретить

распределение ценностей именно относительно оппозиции СВОИ – ЧУЖИЕ, где все «свое» получает положительную оценку, даже несмотря на видимые недостатки характеризуемого, а все «чужое» – отрицательную. Например, лидеры разных стран часто обращаются к прецедентному тексту, авторство которого приписывается американскому президенту Франклину Рузвельту, который говорил о никарагуанском диктаторе Анастасио Сомосе Дебайле: *Может быть, это сукин сын, но это наш сукин сын*. Употребляя данное выражение, агенты дипломатического процесса подчеркивают мысль о том, что во внешнеполитических отношениях благом является то, что осуществляется на благо национальных интересов какой-либо державы. При этом совершенно очевидно, что такая позиция не может быть разделена противоположной стороной.

К выявлению национально детерминированных ценностных ориентиров можно подойти по принципу «от обратного», т. е. те явления, которые расцениваются нашими идеологическими «противниками» как явно негативные, переосмысливаются у нас и выступают в роли идеологических ориентиров. Этим же принципом пользуются нередко и сами агенты дипломатического дискурса. Например, на официальной странице в социальной сети Facebook Марии Захаровой был опубликован текст следующего содержания: *Сегодня я настоящая ватница: в ватнике, со сладкой ватой и только что от Соловьева*. На фотографии, сопровождающей данную публикацию, Мария Захарова предстает перед читателями и подписчиками в стеганой куртке со сладкой ватой в руках.

Возникший еще в 2011 г. интернет-мем «ватник» стал активно употребляться в Сети в 2014 г., после того как на юго-востоке Украины начался вооруженный конфликт между силовиками и ополченцами. Слово «ватник» стало пренебрежительной номинацией, обозначающей придерживающихся пророссийских взглядов на украинский конфликт людей. Позднее так стали именовать всех, кто так или иначе демонстрировал пророссийскую позицию по любому общественно-политическому вопросу. Впрочем, через некоторое время были предприняты попытки избавить слово от негативной коннотации, в соцсетях активно распространялись заявления типа «Я горжусь тем, что я ватник». Таким образом, ватник, или ватница, является новой прецедентной номинацией, актуализирующей прецедентную ситуацию конфликта на востоке Украины, а также другие ситуации, связанные с политической обстановкой в этой стране и вокруг нее.

Подобным образом эксплуатируется также прецедентный образ русского медведя. Именно с этим образом ассоциируется на Западе Россия, которую воспринимают как большое, сильное и агрессивное государство. Таким образом, данный образ трактуется как ЧУЖОЕ, а следовательно, опасное и вредоносное. Тем не менее такая трактовка образа медведя не может найти поддержки у носителей русской лингвокультуры, которые, не умаляя размеров и силы медведя, наделяют его такими качествами, как справедливость, правдивость и радушие. Рассуждая о двойных стандартах в международных отношениях В. В. Путин апеллирует к растиражированной метафоре РОССИЯ – это МЕДВЕДЬ: *Я вспоминаю всё время то, что говорили по этому поводу древние: что позволено Юпитеру, не позволено быку. Может быть, быку не позволено. Но хочу вам сказать, что медведь ни у кого разрешения спрашивать не будет. Вообще он считается у нас хозяином тайги и не собирается, я знаю это точно, куда-то переезжать в другие климатические зоны, ему там неудобно. Тайги он своей никому не отдаст. Я думаю, что это должно быть понятно.*

Основой для этнокультурных ориентиров оппозиции СВОИ – ЧУЖИЕ используются также прецедентные ситуации, которые в нашей культуре трактуются как очевидно негативные. 8 октября 2016 г. британский постпред в ООН Мэтью Райкрофт потребовал от России прекратить авиаудары в Сирии. Виталий Чуркин резко ответил на его выступление, припоминая Великобритании имперские амбиции прошлого: *Действительно, прекратите сейчас поддерживать разный сброд по всему миру – экстремистов, террористов и разных прочих любителей раскачать ситуацию в той или иной стране. Вообще, прекратите вмешиваться в дела других суверенных государств, оставьте эти колониальные привычки, оставьте мир в покое.* И тогда ситуация оздоровится в очень многих областях и районах света. В данном примере прецедентная ситуация (далее – ПС) не имеет четкой дескрипции, а актуализируется посредством обращения к реалиям, историческим событиям, которые, хотя и не могут именоваться прецедентными в собственном смысле этого слова, выступают как фрагменты ПС и несут прецедентность не сами по себе, но являются атрибутами соответствующей прецедентной ситуации. Сергей Лавров в своем выступлении упомянул прецедентные имена, ставшие для носителей нашей лингвокультуры олицетворением зла: *В день 70-летия освобождения севера Норвегии от фашистских захватчиков*

мы не могли не коснуться проблемы возрождения неонацистских тенденций в Европе, в том числе в Украине. Мы почувствовали настроение наших норвежских друзей, чтобы не допускать каких-либо радикальных тенденций, неонацистских тенденций в Европе. Мы убеждены в том, что необходимо делать всё, чтобы не допустить появления новых бандер, шухевичей и квислингов.

Поскольку публичная дипломатическая коммуникация часто является двунаправленной, поэтому информация, предназначенная для одного из адресатов (чаще всего для представителей общественности) специальным образом кодируется. Для этого используются национально детерминированные прецедентные имена, прецедентные высказывания и прецедентные тексты, такие как поговорки, анекдоты, цитаты из отечественных кинофильмов. При этом сигналом к данному коду часто является фраза типа «А помните...» и «Помните в анекдоте». При этом сам анекдот может быть рассказан или лишь упомянут. Это и есть сигнал того, что данная информация «только для своих».

Так, выступая на Международном форуме «Примаковские чтения» в июне 2017 г., С.В.Лавров сравнил нападки европейских стран на Россию с анекдотом о легендарном Василии Чапаеве: *Помните [анекдот], как Василий Иванович Чапаев ездил в Монте-Карло, [играли в карты], и когда стали говорить у кого сколько очков, кто-то сказал: «У меня 21». Чапаев говорит: «Покажи». В ответ: «У нас принято верить на слово». И тут у Василия Ивановича поперла карта... Вот что-то похожее сейчас происходит и с обвинениями в наш адрес. С.В.Лавров о санкциях НАТО по отношению к России: Это однозначно показывает надуманность, искусственность и логику «назло маме отморожу уши». Министр иностранных дел РФ о двойных стандартах в международных отношениях: *Международные отношения основаны на взаимности: как аукнется, так и откликнется.* Комментируя поведение главы украинского МИД Андрея Дешицы, С.В.Лавров прибегает к прецедентным текстам, точно определяющим украинского министра в разряд «не своих, чужих»: *Дешица для нас отрезанный ломоть. Глядя на него, вспоминается хорошее выражение: не умеешь пить – не пей.**

В случае когда необходимо, чтобы информация дошла до всех адресатов, коммуниканты прибегают к общеизвестным прецедентным

феноменам, например из области литературы. Так, комментируя речь президента США Барака Обамы на Генассамблее ООН 25 сентября 2014 г., министр иностранных дел С. В. Лавров отметил: *Я не понял, говорил ли он серьезно или нет, было ли в этом что-то от Оруэлла. Потому что Оруэлл в своей книге придумал Министерство Правды, и кажется, что философия этих слов заимствована оттуда.* Ранее Сергей Лавров уже обращался к данному прецедентному тексту: *Если мы будем говорить, что блогеры «более равны, чем неблогеры», как у Джорджа Оруэлла, у нас будет «Скотный двор», а не демократия.* Или Виталий Чуркин: *То, что произошло в Совете Безопасности, мне напомнило **Королевство кривых зеркал**, поскольку некоторых членов Совета не интересовало, что на востоке Украины гибнут мирные люди; не интересовало то, что там гуманитарная катастрофа, а волновал тот факт, что Россия оказывает гуманитарную помощь тем людям, которые находятся под обстрелом.* Обращение к прецедентному тексту Льюиса Кэрролла не было единичным. Постоянный представитель России в ООН Василий Алексеевич Небензя, выступая на заседании СБ ООН, посвященному инциденту в Солсбери (так называемое дело Скрипалей), зачитал присутствующим отрывок из книги «Алиса в стране чудес», в котором описывается суд над Валетом:

There's more evidence to come yet, please your Majesty,' said the White Rabbit, jumping up in a great hurry; 'this paper has just been picked up.'

'What's in it?' said the Queen.

'I haven't opened it yet,' said the White Rabbit, 'but it seems to be a letter, written by the prisoner to—to somebody.'

'It must have been that,' said the King, 'unless it was written to nobody, which isn't usual, you know.'

'Who is it directed to?' said one of the jurymen.

'It isn't directed at all,' said the White Rabbit; 'in fact, there's nothing written on the OUTSIDE.' He unfolded the paper as he spoke, and added 'It isn't a letter, after all: it's a set of verses.'

'Are they in the prisoner's handwriting?' asked another of the jurymen.

'No, they're not,' said the White Rabbit, 'and that's the queerest thing about it.' (The jury all looked puzzled.)

'He must have imitated somebody else's hand,' said the King. (The jury all brightened up again.)

'Please your Majesty,' said the Knave, 'I didn't write it, and they can't prove I did: there's no name signed at the end.'

'If you didn't sign it,' said the King, 'that only makes the matter worse. You **MUST** have meant some mischief, or else you'd have signed your name like an honest man.'

There was a general clapping of hands at this: it was the first really clever thing the King had said that day...

... 'Let the jury consider their verdict,' the King said, for about the twentieth time that day.

'No, no!' said the Queen. 'Sentence first – verdict afterwards'.

Так, несчастному Валету предъявляются бездоказательные обвинения, а Червоная Королева сначала требует от присяжных вынесения приговора и лишь после этого предлагает совещаться. Данный отрывок был зачитан на языке оригинала с целью сохранить заложенную в текст иронию и показать всю абсурдность и необоснованность обвинений Великобритании. Василий Небензя назвал текст отрывка релевантным актуальной ситуации.

Карен Пирс, представитель Великобритании в ООН парировала словами Белой Королевы из произведения «Алиса в Зазеркалье» о том, что Королева иногда успевала до завтрака целых шесть раз поверить в невероятное: *Why, sometimes I've believed as many as six impossible things before breakfast*. По мнению госпожи Пирс, именно данный отрывок из произведения Льюиса Кэрлла «подходит российскому коллеге лучше всего». На упомянутом заседании СБ ООН дипломаты обращались также к прецедентным именам Шерлока Холмса и инспектора Лейстрейда.

Употребление прецедентных феноменов в постклассическом дипломатическом дискурсе является довольно частотным явлением и заслуживает пристального внимания исследователей, так как носит функционально-прагматический характер и отвечает интенционным установкам данного вида дискурса. Компоненты прецедентных единиц культурного содержания актуализируются прежде всего в когнитивной модели СВОИ – ЧУЖИЕ. Данные компоненты можно условно

разделить на общекультурные (понятные и разделяемые большинством представителей разных этносов) и этнокультурные (национально детерминированные).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бубнова И. А., Терентий Л. М.* Дипломатический дискурс в психолингвистическом аспекте // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 1 (10). С. 68–75.
- Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1997. № 3. С. 62–85.
- Красных В. В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Курс лекций. М. : Гнозис, 2002. 284 с.
- Степанов Ю. С.* Константы: словарь русской культуры. М. : Языки русской культуры, 1997. 482 с.
- Терентий Л. М.* Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 1. С. 47–56.
- Терентий Л. М.* Методологическое обоснование применения интен-анализа в исследовании дипломатического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9–1 (75). С. 176–179.
- Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. Волгоград : Перемена, 2000. 386 с.

REFERENCES

- Bubnova I. A., Terentij L. M.* Diplomaticeskij diskurs v psiholingvisticheskom aspekte // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2012. № 1(10). S. 68–75.
- Kognitivnaja baza i precedentnye fenomeny v sisteme drugih edinic i v komunikacii / D. V. Bagaeva, D. B. Gudkov, I. V. Zaharenko, V. V. Krasnyh // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9: Filologija. 1997. № 3. S. 62–85.
- Krasnyh V. V.* Jetnopsiholingvistika i lingvokul'turologija. Kurs lekcij. M. : Gnozis, 2002. 284 s.
- Stepanov Ju. S.* Konstanty: slovar' russkoj kul'tury. M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1997. 482 s.
- Terentij L. M.* Diplomaticeskij diskurs kak osobaja forma političeskoj komunikacii // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2010. № 1. S. 47–56.

Terentij L. M. Metodologicheskoe obosnovanie primeneniya intent-analiza v issledovanii diplomaticheskogo diskursa // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 9–1 (75). S. 176–179.

Shejgal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. Volgograd : Peremena, 2000. 386 s.

УДК 81'42

Д. А. Куikliна

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания ФГБОУ ВО МГЛУ,
преподаватель кафедры восточных языков ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: kuklina42@mail.ru

ХРОНОТОП ЯПОНСКОЙ СКАЗКИ (на материале сказки «Урасима Таро»)

Данная статья представляет собой лингвистический анализ хронотопа японской сказки «Урасима Таро». Цель исследования заключается в выявлении особенностей пространственно-временной организации данного текста на основе анализа лексических и грамматических средств, участвующих в формировании хронотопа. Проведенное исследование позволило выявить следующие особенности хронотопа сказки «Урасима Таро»: пространство и время данной сказки метафоричны и не являются непосредственным отражением соответствующих категорий объективной реальности; ведущая роль в организации хронотопа принадлежит пространству. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что лежащая в основе сказки «Урасима Таро» метафора жизненного пути главного героя выстраивается при помощи вербализации его перемещений.

Ключевые слова: хронотоп; японская сказка; время; пространство; языковая репрезентация.

D. A. Kuklina

PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics, MSLU; Lecturer at the Oriental Department, MSLU; e-mail: kuklina42@mail.ru

CHRONOTOPE OF THE JAPANESE FAIRY-TALE (an analysis of the fairy-tale «Urashima Taro»)

The article carries out a linguistic analysis of the chronotope of the Japanese fairy-tale «Urashima Taro». Research aims to reveal the essential properties of the given text in terms of its temporal and spatial organization. The analysis shows that in the fairy-tale «Urashima Taro» time and space undergo the process of metaphorization with the metaphor of the main character's life journey being the underlying one. This metaphor is constructed mostly with help of lexical means that represent the main character's movements and thus determine the nature of the chronotope, the dominant component of which is space.

Key words: chronotope; space; time; fairy-tale; language representation.

Введение

Время и пространство – основные бытийные категории, при помощи которых человек воспринимает мир и создает его. Это также фундаментальные категории философии, естествознания, социологии,

физики и других гуманитарных и точных наук. С точки зрения лингвистики интерес представляет то, как эти категории репрезентируются языком в разных типах текста.

Идея о неотделимости пространства и времени в тексте лежит в основе хронотопического подхода в лингвистике. Термин «хронотоп» был введен в употребление гуманитарных наук М. М. Бахтиным, который определял его как «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Бахтин 1975]. В дальнейшем концепция хронотопа рассматривалась в рамках литературоведения (Д. С. Лихачёв, А. Б. Есин, В. Е. Хализев, У. Эко), семиотики (Б. А. Успенский, Ю. М. Лотман, Л. Г. Бабенко, В. Н. Топоров), теории текста (И. Р. Гальперин).

М. М. Бахтин выделяет такие функции хронотопа, как сюжетообразующая, изобразительная и жанровая, при этом отмечая, что любой «хронотоп определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности», поэтому он «всегда включает в себя ценностный момент» [там же].

Как известно, сказка обладает особым хронотопом, специфика которого порождается архаическим типом мышления. Пространство и время в сказке мифологизируются и приобретают свойства, отличные от пространства и времени окружающего мира. Прежде всего, пространство и время в сказке являются эмпирическими – пространство окружает героя только в момент действия, время же измеряется действиями героев [Пропп 1976].

Каждой культуре свойственна специфическая концептуализация пространства и времени, что отражается в хронотопе текстов различных жанров, в том числе сказок. Характеризуя модель сказочного мира японцев, исследователи отмечают, что она, как и у многих других народов, состоит из трех ярусов – небо, подлунный мир и подземное царство [Маркова 1972]. Время в разных пространственных координатах движется по-разному: «В верхнем, среднем и нижнем мирах, где обитают боги, оно течет значительно медленнее, чем в мире людей» [Париева 2017].

Сюжетообразующая роль мотива дороги в сказке «Урасима Таро»

В данной статье мы рассматриваем, каким образом осуществляется языковая организация японского сказочного хронотопа на примере сказки «Урасима Таро», которая относится к так называемым

ооमुкаси-банаси – великие сказки, т. е. набор известных и любимых в Японии фольклорных текстов [Садокова 2016].

Выбранный нами текст основан на распространенном в японской мифологии сюжете о путешествии человека в мир богов. Главный герой сказки «Урасима Таро», рыбак Урасима Таро, однажды спас морскую черепаху, которая в благодарность пригласила его посетить владения правителя морей. Там Урасима встретила дочь морского царя и показала ему чудесный дворец. Увлеченный жизнью во дворце, Урасима не замечал, как летело время, но однажды, вспомнив родной дом, решил вернуться на землю. На прощание принцесса подарила ему шкатулку, наказав не открывать ее, что бы с ним ни случилось. Вернувшись на родной берег, Урасима обнаружил, что всё вокруг изменилось, и дома его встретили незнакомые люди, которые рассказали ему предание о рыбаке Урасима, жившем триста лет назад и однажды не вернувшимся из моря. Урасима возвратился на берег моря, вспомнил о шкатулке, и, нарушив запрет, открыл ее. Оказалось, что в ней было заперто время его земной жизни, и когда шкатулка открылась, Урасима в одночасье превратился в старика и умер.

Основным мотивом, реализуемым в сказке «Урасима Таро», является мотив дороги, символизирующий жизненный путь главного героя. Данный мотив актуализируется в тексте сказки посредством метафоры пути, которая, в свою очередь, конструируется при помощи перемещений главного героя. Многие исследователи отмечают, что мотив дороги является важным сюжетообразующим элементом в фольклоре и литературе [Бахтин 1975; Лотман 1988; Неклюдов 2015], именно благодаря удобству его использования для «моделирования темпоральных категорий (“жизненный путь”, “дорога” как средство разворачивания характера во времени)» [Лотман 1988]. Мы присоединяемся к данной точке зрения и, вслед за М. М. Бахтиным, считаем, что «дорога в фольклоре никогда не бывает просто дорогой, но всегда либо всем, либо частью жизненного пути» [Бахтин 1975].

Подчеркнем, что при анализе выбранной сказки мы употребляем слово «дорога» в широком смысле, т. е. дорогой признается сказка как целое. Существует и другое, узкое, понимание сказочной дороги, когда дорога оказывается одной из форм пространства сказки, элементом ее композиционной структуры [Неёлов 1986]. В отношении сказки «Урасима Таро» затруднительно говорить о дороге как об

отдельном композиционном элементе, поскольку соответствующая языковая репрезентация в тексте отсутствует, лексема 道 – *мити* – *дорога* встречается всего один раз в следующем контексте:

青い青い水の底へ <...> 行きますと、ふと <...> 白玉のようにきれいな砂の道がつづいて、むこうにりっぱな門が見えました。¹

Когда они добрались ... до дна синего-синего моря, вдруг ... показалась жемчужная песчаная дорога, в конце которой виднелись прекрасные ворота.

В данном контексте лексема – *мити* – является лишь частью описания подводного царства. Вербализуется именно путь героя, неотделимый от дороги, основным средством репрезентации которого являются глаголы движения.

Если время анализируемой сказки необратимо, и герой движется в нем непрерывно, то движение героя в пространстве, напротив, характеризуется прерывностью – на своем пути он совершает остановки. Таких остановочных пунктов, или, по терминологии М. М. Бахтина, «локальностей» [Бахтин 1975], можно выделить четыре: *рыбацкая деревня*, *море*, *подводное царство* и *неопределенная точка*, которую задает темпорально-пространственный номинатор 途中 *тотю*: – *по пути*, в которой происходит встреча героя с черепахой. Движение героя не является однонаправленным, в пределах ограниченного линейного пространства он совершает разнонаправленные перемещения, двигаясь вперед и возвращаясь назад.

Топос данной сказки отражает перемещения главного героя и является своего рода аналогом обыденного мира, существующего параллельно с другим, волшебным, миром, отделенным от первого морем. Границей между волшебным и обыденным является поверхность моря, и чтобы попасть в подводное царство, необходимо погрузиться на морское дно. Для каждого из миров, обыденного и волшебного, характерна своя специфическая пространственно-временная организация. Так, например, направленность пространства, как характерное свойство текстов, реализующих мотив линейной дороги, в условно реальном мире является горизонтальной (герой передвигается по земле от одного локуса к другому), а в волшебном – вертикальной (герой по вертикали опускается на морское дно и затем вертикально

¹ Аои-аои мидзу-но соко-э ... икимасу то, футо ... сиратама-но ё:ни кирэина мити га цудзуйтэ, муко:-ни риппана мон га мизмасита.

поднимается обратно). В противопоставлении «обыденного» и «волшебного» заключается также магистральная мифологическая оппозиция свой – чужой, герой проходит типичный сказочный путь «туда и обратно» – путь в «чужой», волшебный, мир и затем возвращение в «свой» условно реальный мир.

Специфика языковой репрезентации хронотопа сказки «Урасима Таро»

Пространственно-временные координаты мира, в котором протекает повседневная жизнь героя, задаются в первом эпизоде с помощью предложения:

むかし、むかし、丹後の国水の江の浦に、浦島太郎 というりょうしがありました。¹

Давным-давно, в провинции Танго, на берегу залива Мидзуноэ жил рыбак по имени Урасима Таро.

Это традиционный для японских сказок зачин, открывающийся темпоральным именем существительным со значением неопределенного времени в далеком прошлом *むかし、むかし – мукаси-мукаси – давным-давно*. Указанием места служит топоним *丹後の国水の江の浦 – Танго-но кuni мидзуноэ-но ура ни – в провинции Танго, на берегу залива Мидзуноэ*. Можно сказать, что данный топоним обладает ассоциативным значением, поскольку лексема *浦 – ура – бухта, залив* несет дополнительную информацию о том, что дальнейшие приключения героя будут связаны с волшебным подводным миром.

Положение героя в описанном пространстве и времени задается глаголом со значением нахождения в пространстве *ありました – был, находился*. В следующем далее описании повседневных действий героя используется наречие со значением частотности *毎日 – майнити – каждый день*, которое в сочетании с конструкцией со значением длительности действия, образованной глаголом в форме деепричастия на *て – тэ* и аспектуальным вспомогательным глаголом *いる – иру*, создает значение регулярности, повторяемости действия.

Процесс перемещения героя от одной локальности к другой вербализуется при помощи лексических единиц, таких как глаголы движения *行く – ику – ходить*, *来る – куру – приходить*, *出る – дэру – выходить*, *帰る – каэру – возвращаться*, *出かける – дэкакэру –*

¹Мукаси-мукаси, Танго но кuni Мидзуноэ-но ура-ни, Урасима Таро: то иу рё:си га аримасита.

выходить откуда-л. Отметим, что языковую репрезентацию получает только направление движения на синтаксическом уровне – с помощью модификаций следующей синтаксической модели: глагол со значением движения + послелог конечной точки движения へ – э + локализатор – лексема со значением конечной точки движения: 海へ出かける – *уми-э дэкакэру* – *отправляться в море*, 海へ出て – *уми-э дэру* – *уходить в море*, うちへ行く – *ути-э ику* – *идти домой*. В то же время объект, по которому движение осуществляется, не вербализуется. Дополняют динамику повествования, создаваемую глаголами, наречия, характеризующие скорость перемещения в пространстве: すぐに – *сугуни* – *сейчас же*, まもなく – *мамонаку* – *скоро, вскоре*. Следует отметить использование ономастопозитической лексики, а именно – наречия ずんずん – *дзун-дзун* для передачи быстроты перемещения: ずんずんおよいで行きました – *дзун-дзун оёидэ икимасита* – *быстро уплыла*, ずんずんへとおって行きました – *дзун-дзун оку-э тооттэ икимасита* – *быстро отвела его внутрь*.

Общий временной контекст повествования выстраивается на основе системы форм прошедшего времени. Конечные сказуемые каждого предложения (за исключением прямой речи в диалогах), как глагольные, так и именные, имеют форму прошедшего времени. Выбор временных форм указывает, во-первых, на то, что события происходили давно в прошлом, а, во-вторых, учитывая, что конкретные временные рамки не заданы, – на отсутствие связи происходящего с реальностью.

Время описываемых в сказке событий четко не определено. Так, эпизоды отделяются друг от друга лексическими единицами со значением неопределенного времени, например, ある日 – *ару хи* – *однажды*, 二、三日 – *ни сан нити* – *несколько дней*. Это основное средство хронологизации в пределах художественного времени. Кроме того, последовательность событий во времени передается на уровне лексики союзными наречиями まず – *мадзу* – *вначале*, 次に – *цуги ни* – *затем*, そのあとで – *соно ато дэ* – *после этого*, それから – *сорэ кара* – *затем*, そのとき – *соно токи* – *тогда*. На грамматическом уровне нейтральное следование событий вербализуется в соединительных формах глагола с суффиксом て – *тэ*. Быстрая смена событий передается с помощью наречий すぐに – *сугу ни* – *вскоре*, やがて – *ягатэ* – *скоро, вскоре*, ふと – *футто* – *внезапно*, きゅうに – *кю: ни* – *быстро, резко*, さっそう – *сассоку* – *немедленно*,

いつのまにか—*しゅноманика*—*незаметно*, союзных наречий, например, *すると*—*суру то*—*тогда, вслед за этим*.

Для описания смены событий в тексте часто используются условные предложения с союзом *と*—*то* в таксисной интерпретации, т.е. в значении следования во времени. Такие конструкции указывают на отсутствие контроля со стороны субъекта придаточного предложения над действием, называемым в главном предложении, и в некоторых контекстах интерпретируются как неожиданность действия [Алпатов, Аркадьев, Подлесская 2008, кн. 2], как, например, в следующем предложении:

何かとおもって浦島がのぞいてみると、小さいかめの子を一びきつかまえて、棒でつついたり、石でたたいたり、さんざんにいじめているのです。

Когда Урасима посмотрел, что же это они делают, оказалось, что они поймали маленькую черепаху и всячески издеваются над ней—бьют палками и бросают в нее камни.

Как отмечалось выше, в волшебный подводный мир герой попадает, перейдя границу, в качестве которой выступает поверхность моря. Чтобы достигнуть границы с волшебным миром, герой преодолевает большое расстояние по морю: <...> 浦島はまた舟にのって海へつりに 出かけました。遠い沖のほうまでもこぎ出して <...>。В данном предложении значение «большое расстояние» выражается в лексеме *遠い*—*тоои*—*далекий*: *遠い沖*—*тоои оки*—*далекое открытое море*. Перейдя границу, герой также должен пройти большое расстояние, чтобы попасть на морское дно, где находится дворец:

それはなんでも海の底にあるということではないか。<...> わたしにはとてもそこまでおよいでは行けないよ

Разве это не на самом дне моря? <...> Мне туда ни за что не доплыть.

Так сначала отвечает Урасима на приглашение черепахи посетить подводное царство. Сочетание существительных *海の底*—*уми-но соко*—дно морское и отрицательная потенциальная форма глагола *いけな*—*не могу прийти* в данном контексте имеют значение «далеко» и имплицитно передают идею «большого расстояния». Использование данных языковых средств свидетельствует о том, что обыденное и волшебное находятся в значительном удалении друг от друга.

Несмотря на удаленное расположение реального и волшебного, попасть из одного мира в другой и обратно при помощи проводника (здесь – черепахи) можно быстро. Например, в следующем предложении значение быстрого перемещения между мирами сказки эксплицируется в синонимичных наречиях *すぐ* – *сугу* и *間もなく* – *мамонаку* – *скоро, вскоре*.

かめはすぐ波を切って上がって行って、まもなく もとの浜べにつきました。

Черепаха быстро поплыла вверх, рассекая волны, и тотчас же они прибыли обратно на берег моря.

Важно, что, когда герой попадает в подводный дворец, происходит замедление времени. Известно, что средством замедления художественного времени может служить расширение пространства, которое, в свою очередь, достигается путем подробного описания интерьера, что мы и видим в данном тексте [Косиченко 2017]. Интерьер дворца – единственный локус, описываемый в деталях, причем для описания используется такой стилистический прием, как параллельные синтаксические конструкции. На каждой из четырех сторон дворца, соответствующих сторонам света, расположена дверь, ведущая в сад. Принцесса открывает двери по очереди, и за каждой из них взору Урасима предстает пейзаж, характерный для какого-то одного из четырех времен года:

まず、東の戸をおあけになりました。次に <...> おあけになりました。次に <...> おあけになりました。一番おしまいに <...> おあけになりました。

Вначале она открыла восточную дверь. Затем открыла <...>. Затем открыла <...>. Самой последней открыла <...>.

Ряд из четырех предложений одинаковой синтаксической организации способствует выражению значения временной протяженности, длительности описываемых событий.

Следующее предложение также используется для создания эффекта длительности времени в подводном царстве:

毎日おもしろい、めずらしいことが、それからそれとつづいて <...>.

Каждый день интересные и необычные события продолжались одно за другим <...>.

Протяженность времени вербализуется в наречии 毎日 – *майнити* – *каждый день*, глаголе つづく – *цудзуку* – *продолжаться* и наречии それからそれと – *сорэ-кара сорэ то* – *один за другим*. Время нахождения героя в волшебном пространстве не определяется четко, по восприятию самого Урасима, оно составляет три года – 三年 – *саннэн*. Выйдя на сушу, он узнает предание о рыбаке Урасима Таро, не вернувшемся из моря триста лет назад:

浦島太郎さんというと、 あれはもう三百年も前の人ですよ。

А, Урасима Таро, так это ведь человек, который жил целых триста лет назад.

Таким образом, рассмотренные нами средства пространственно-временной организации сказки «Урасима Таро» благодаря своим семантическим свойствам создают специфический, характерный для жанра сказки хронотоп, основными особенностями которого являются метафоричность и нереальность. При этом меньшей степенью реальности характеризуется время, поскольку для его обозначения используются лексические единицы со значением неопределенности, а основные пространственные координаты сказки задаются топонимами, один из которых является реальным (название деревни), а другой – вымышленным (название морского дворца).

Заключение

На основе проведенного анализа средств выражения пространственно-временных отношений можно сделать вывод о том, что в тексте данной сказки пространство получает метафорическое переосмысление (что вообще характерно для текстов жанра сказки). В основу метафоры положен образ моря, которое символизирует волшебный мир, где время течет иначе (медленнее), нежели в мире обыденном. Заметим, что в мифологической картине мира японцев море амбивалентно и имеет как положительные, так и отрицательные характеристики [Мещеряков 2016]. В рассматриваемом тексте оно наделяется, скорее, негативными качествами, символизируя неизведанную, неподвластную человеку безжалостную стихию, сгубившую главного героя.

Оппозиция «реальное – волшебное» накладывается на противопоставление «статичное – динамичное». Герой перемещается в реальном пространстве, в то время как перемещения героя в пространстве

подводного дворца (даже если они подразумеваются) не получают языковой репрезентации. Такой статичный характер пребывания героя в волшебном мире способствует эффекту «замедления времени», о котором говорилось выше.

Несмотря на то, что в японской сказке может иметься заключительная формула, например, повествование часто завершается пожеланием счастья и словами: «Вот и сказка вся, больше ничего не знаю», в данной сказке подобная формула отсутствует, сказочное время останавливается простой констатацией наступившего отсутствия событий.

Анализ средств репрезентации хронотопа в сказке «Урасима Таро» позволяет сделать следующие выводы:

1. Основными языковыми средствами создания хронотопа на лексическом уровне являются: темпоральная лексика (существительные со значением временных отрезков, наречия частотности, наречия и союзные наречия со значением следования во времени, наречия со значением скорости); дейктические местоимения; топонимы; глаголы движения и их сочетания с темпоральными наречиями; оноματοпозитическая лексика; прилагательные с пространственной семантикой.

2. На грамматическом уровне в формировании хронотопа участвуют: временные формы глагола (прежде всего глаголы в прошедшем времени); соединительные формы глагола; конструкции с послелогами *ни* и *дэ* (в локативном значении), *э* (в значении конечной точки движения); конструкции с отыменными послелогами пространственного и временного значения; условные предложения; параллельные синтаксические конструкции.

3. Хронотоп сказки об Урасима Таро обладает следующими особенностями:

1. Объективные категории пространства и времени получают мифологическое переосмысление: время не определяется точно; хронологические рамки происходящего не указаны, для обозначения времени используются темпоральные лексические единицы с семантикой неопределенности; немногочисленная лексика со значением временных интервалов, уточняемая числительными (например 三年 – *саннэн* – три года), также не соотносится с реальным временем, что говорит об условности времени сказки. Кроме того, сказочное время замкнуто в сюжете, т.е. оно не выходит за пределы сказки – она начинается из отсутствия времени и событий и заканчивается констатацией отсутствия дальнейших событий. Сказочное время неоднородно:

в волшебной локальности (подводном дворце) время замедляется. Пространственные и временные характеристики вступают в противоречие друг с другом – большие расстояния преодолеваются за короткие промежутки времени. Для топонима первостепенным становится ассоциативный компонент значения, который не просто указывает на место, но задает вектор дальнейшего развития событий. В лексеме «море» актуализируется семантический компонент «волшебное пространство». Всё это указывает на несовместимость сказочного хронотопа с объективной реальностью.

2. В основе сказки лежит метафора пути, который представляется цикличным, поскольку в конце герой возвращается в исходную точку; время при этом является необратимым, оно последовательно движется вперед.

3. Пространственные значения выражаются с помощью языковых средств с временной семантикой (подробное описание пространства дворца как средство расширения пространства и вместе с тем замедления времени).

4. Пространственно-временные отношения выражаются как эксплицитными, так и имплицитными средствами.

5. Главным компонентом хронотопа можно считать пространство. Данный вывод делается на основе преобладания в тексте средств языковой репрезентации именно этой категории.

6. Для хронотопа данной сказки большое значение имеет природный компонент; переход от реального к волшебному осуществляется путем перехода от одной природной среды к другой (с суши в глубину моря).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
- Косиченко Е. Ф.* Лингвосемиотическая концепция ономастикона (на материале художественных текстов) : дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГЛУ, 2017. 354 с.
- Лотман Ю. М.* В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. 352 с.
- Неклюдов С. Ю.* Поэтика эпического повествования: пространство и время. М.: Форум, 2015. 216 с.
- Маркова В. Н.* (сост.) Десять вечеров. Японские народные сказки / пер. В. Н. Маркова. М.: Художественная литература, 1972. 366 с.

- Мещераков А. Н. Между водой соленой и пресной: осмысление моря в японской культуре // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 3 (12). С. 117–137.
- Неёлов Е. М. Волшебно-сказочные корни научной фантастики. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. 200 с.
- Париева Н. Е. Концепт «Время» в японской лингвокультуре : дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 168 с.
- Пропт В. Я. Фольклор и действительность // Избранные статьи. М.: Наука, 1976. 328 с.
- Садокова А. Р. Японская легенда о рыбаке Урасима-Таро: фольклорные и литературные версии // Филологические науки в России и за рубежом: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2016 г.). СПб.: Свое издательство, 2016. С. 13–17.
- 楠山正雄. 浦島太郎. URL: www.aozora.gr.jp/cards/000329/files/3390_33153.html.

REFERENCES

- Bahtin M. M. Voprosy literatury i jestetiki. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1975. 504 s.
- Kosichenko E. F. Lingvosemioticheskaja koncepcija onomastikona (na materiale hudozhestvennyh tekstov) : dis. ... d-ra filol. nauk. M.: MGLU, 2017. 354 s.
- Lotman Ju. M. V shkole pojeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol': Kn. dlja uchitelja. M.: Prosveshhenie, 1988. 352 s.
- Nekljudov S. Ju. Pojetika jepicheskogo povestvovanija: prostranstvo i vremja. M.: Forum, 2015. 216 s.
- Markova V. N. (sost.) Desjat' vecherov. Japonskie narodnye skazki / per. V. N. Markova. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1972. 366 s.
- Meshherjakov A. N. Mezhdju vodoj solenoj i presnoj: osmyslenie morja v japonskoj kul'ture // Vestnik RGGU. Serija «Istorija. Filologija. Kul'turologija. Vostokovedenie». 2016. № 3 (12). S. 117–137.
- Nejolov E. M. Volshebno-skazochnye korni nauchnoj fantastiki. L.: Izd-vo Leningrad. un-ta, 1986. 200 s.
- Parieva N. E. Koncept «Vremja» v japonskoj lingvokul'ture: dis. ... kand. filol. nauk. M.: MGIMO (U) MID Rossii, 2017. 168 s.
- Propp V. Ja. Fol'klor i dejstvitel'nost' // Izbrannye stat'i. M.: Nauka, 1976. 328 s.
- Sadokova A. R. Japonskaja legenda o rybake Urasima-Taro: fol'klornye i literaturnye versii // Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, dekabr' 2016 g.). SPb.: Svoe izdatel'stvo, 2016. S. 13–17.
- 楠山正雄. 浦島太郎. URL: www.aozora.gr.jp/cards/000329/files/3390_33153.html.

УДК 81'1

Линь Сюе

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: linuxue@mail.ru

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА
В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ
(на материале доклада о работе Правительства КНР 2017 г.
и на Послании Президента Федеральному Собранию РФ на 2017 г.)**

В статье предпринимается попытка определить специфику использования метафор в русском и китайском политическом дискурсе. Материалом исследования данной работы послужили доклад о работе Правительства КНР 2017 г. и Посланию Президента РФ Федеральному Собранию в 2017 г.

Теоретическую основу исследования составила теория Дж.Лакоффа и М. Джонсона о концептуальной метафоре, понимаемой как когнитивный механизм сознания. В проанализированном материале на китайском языке было обнаружено 58 метафор, в тексте русском – 62, без учета «мертвых» метафор. Выявленные метафоры обладают высоким оценочным потенциалом и являются средствами выражением положительного, отрицательного либо нейтрального отношения говорящего к тому, что сообщается.

Лингвосемантический анализ текстов политических выступлений на двух языках позволяет выделить 10 групп метафор: связанные с человеком, природные, пространственные, военные, медицинские, театральные, спортивные, цветочные, связанные с животными, фразеологические. Сфера использования метафор в русском и китайском политическом дискурсе имеют четко выраженные сходства и различия.

Проведенное исследование демонстрирует, что большинство используемых в данном типе дискурса метафор отражают традиционные для русской и китайской ментальности представления о родной стране, а также раскрывают специфику межличностных взаимоотношений и взаимоотношений человека и общества. В наибольшей степени отражены ценностные приоритеты общества, специфика мышления народа и особенности его быта в определенный исторический период.

Ключевые слова: когнитивные метафоры; политический дискурс; положительная оценка; отрицательная оценка; классификация метафор; китайский образ мышления; русский образ мышления.

Lin Xue

PhD student at the Department of General and Comparative Linguistics, MSLU;
e-mail: linuxue@mail.ru

POLITICAL METAPHOR IN RUSSIAN AND CHINESE **(an analysis of the 2017 Report on the work of the Chinese Government** **and of the Russian President's message to the Federal Assembly)**

This article discusses the functional aspect of metaphors in Chinese and Russian political discourse. A comparative analysis serves to reveal similarities and differences in the two languages. The methodological basis of the study is the theory of conceptual metaphor by G. Lakoff and M. Johnson, who regard metaphors as a cognitive mechanism.

The study relies on the 2017 report on the work of the Chinese government and on the 2017 message of the Russian President to the Federal Assembly. The analysis of both texts makes it possible to establish the cultural and linguistic specificity of evaluative metaphors in the political discourses of Chinese and Russian languages. The analyzed Chinese text contains 70 metaphors, and the Russian text contains 71 metaphors, the so-called "dead" metaphors were not taken into account. All metaphors are used to express positive, negative or neutral judgements. Analysis of examples containing metaphors gives grounds for classifying them into 10 groups: related to a person; natural, spatial, military, medical, theatrical, sports, color, animal-related, and phraseological. The functions performed by metaphors in Russian and Chinese political discourse have distinct similarities and differences as in the type of discourse metaphors mostly reflect Russia and Chinese traditions, the national mentality and the character of interpersonal relationships and relationships between a person and society.

Key words: cognitive metaphors; political discourse; positive assessment; negative evaluation; types of metaphors; Chinese mentality; Russian mentality.

Введение

Традиции исследования метафоры насчитывают более двух тысяч лет, беря свое начало от Аристотеля. Расцвет метафоры приходится на период Античности, где она изучается в рамках риторики и поэтики. Возникновение когнитивной теории метафоры связано с концепцией Д. Лакоффа и М. Джонсона, которые рассматривают метафору как когнитивный механизм, подчеркивая, что метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в образе нашего мышления, и в наших поступках и действиях [Лакофф, Джонсон 1990, с. 387–415].

Благодаря активным исследованиям когнитивной метафоры сегодня уже совершенно очевидно, что языковые метафоры представляют собой результат когнитивной деятельности человека. Как один из способов выражения оценочного суждения, метафора обладает большей иллюкативной силой по сравнению с прямой оценкой. Это

происходит благодаря тому, что метафора всегда связана с эмоциональной сферой, воздействует на эмоциональное состояние реципиента. Метафоре уделяется достаточное внимание как в научной российской литературе (К. И. Алексеев, Н. Д. Арутюнова, В. В. Виноградов, Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия, А. П. Чудинов и др.), так и в зарубежной (М. Джонсон, Д. Лакофф, Дж. Серль и др.). Тем не менее остается немало вопросов, нуждающихся в решении и связанных с изучением метафоры в политическом дискурсе с межкультурных коммуникативно-прагматических и когнитивных позиций [Чудинов 2001].

Первым обращением к метафоре, как объекту философско-лингвистического исследования в Китае, можно считать сборник стихотворений «Шицзин»¹ [Шу 1995, с. 9], где рассматриваются следующие образные модели: *Фу* – описание, *Би* – сравнение, *Син* – метафора. *Би* – сравнение – это наиболее обобщенное понимание сравнения, *Син* – метафора частично совпадает с современным пониманием метафоры. В более поздних работах китайских философов и поэтов метафора также рассматривалась главным образом как украшение языка. Однако на современном этапе развития лингвистики китайские ученые всё чаще обращаются к концептуальной метафоре, полагая, что когнитивный подход к изучению метафоры является наиболее перспективным. Большой вклад в исследование когнитивной метафоры внесли Шу Динфан, Ху Чжанлинь, Линь Шуу и др. Таким образом, исследования метафоры остаются в центре внимания лингвистов на протяжении долгих лет. При этом исследовательский материал всё время расширяется.

Метафора в политическом дискурсе

Если изучение метафоры в художественной речи имеет давнюю традицию, то метафора в научном, деловом и публицистическом дискурсе стала изучаться сравнительно недавно. Наиболее активно в настоящее время исследуются средства создания метафоры в публицистическом тексте. Проведенные исследования показывают, что использование метафоры в публицистике увеличивает информационную ценность сообщения благодаря ассоциациям, которые возникают

¹ Шицзин – один из древнейших памятников китайской литературы; содержит записи древних песен, гимнов и стихов различных жанров, созданных в XI–VI вв. до н. э.; отбор и редакция произведений приписывается Конфуцию.

в результате употребления слов в переносном значении, способствуя реализации важнейшей функции публицистики, а именно – оказывая эмоциональное воздействие на читателя.

Политический дискурс всегда несет в себе глубокий идеологический смысл, а попытки политиков скрыть идеологическую составляющую приводят к тому, что данный тип дискурса часто бывает очень абстрактным и сложным для понимания. Своим естественным, органичным вхождением в публицистический текст метафора обязана определенным свойствам публицистического стиля. Лингвистический анализ случаев использования метафора проясняет содержание политических текстов, эксплицирует прагматический компонент, позволяет распознать передаваемую оценку.

В данной статье предпринимается попытка определить идеологическую составляющую дискурса при помощи когнитивной метафоры. Наш интерес к политическому дискурсу обусловлен тем, что в нем можно наблюдать не только реализацию когнитивной по своей природе способности человека к созданию метафорических текстов, но и как ни в каком другом виде дискурса, отражение личности говорящего, его социально-бытовую, культурную и политическую ориентацию. Очевидна здесь и непосредственная связь между бытием (образом жизни) и сознанием (национальным характером) как народа в целом, так и наиболее ярких его представителей, к которым относятся видные политические и государственные деятели. Рассматриваются когнитивные метафоры на материале доклада о работе Правительства КНР 2017 г. и Послания Президента РФ Федеральному Собранию в 2017 г. Анализ текстов двух лидеров позволяет установить особенности функционирования оценочных метафор в политических дискурсах китайского и русского языков.

В проанализированном материале в китайском языке нами было обнаружено 58 метафор, в русском – 62, без учета «мертвых» метафор, которые являются настолько привычными, что не воспринимаются как метафоры. Количество найденных примеров говорит о том, что метафоры довольно часто используются в политических текстах и являются для данного типа дискурса естественным явлением.

Для сравнения нами сначала был проведен подсчет всех случаев употребления метафор в каждом выступлении и установлено, что выявленные метафоры имеют различные семантические основания, что позволяет предложить следующую классификацию (см. табл. 1).

Таблица 1

Группа метафор	Источник	Примеры	кол.
Связанные с человеком	Доклад КНР	Сыны и дочери китайской нации; государство, полное энергии, опора развития страны; мужество храбреца, отрубавшего себе безжизненную руку; преодолеть барьер; точка приложения силы; предприятие-зомби; вцепиться зубами в зеленые горы; железная рука	9
	Послание РФ	Глаз не замылился; нечистые на руку; ситуация открывала дорогу авантюристам и переворотам; уроки истории; сердечная, искренняя забота; общество решительно отторгает спесь; безвольная власть; томительные годы; сын Родины; двигаться дальше; целое созвездие таких площадок; отрасль кормит страну; система очищается от контор; травля спортсменов; сталкиваться с очередями; столкнуться с экономическими вызовами	17
Пространственные	Доклад КНР	Последний километр; экономический спад; антиглобализация; встреча в верхах (саммит); внешность и внутренность города; глубокое (особое) значение; протекционизм поднял голову; повышать политическое сознание; равняться руководящее ядро; углубление реформ; прирост ВВП; выйти в число первых экономик мира; вклад Китая в рост мировой экономики; потребительские цены выросли; удельная энергоемкость ВВП снизилась; продвигать развитие вперед; идти вперед, несмотря на трудности; сдвигать развитие экономики; делать шаг вперед; прорвется застава; без выхода	21
	Послание РФ	Широкие и равные возможности; двигаться дальше; подкрепить деловую активность; кроются риски; партия является главной опорой; тащить расколы, злобу, обиды, и ожесточение в нашу сегодняшнюю жизнь; социальная сфера становилась ближе к людям; устойчивый подъем; возводиться торговые барьеры; проходная тема; цепляться к ним; выйти на позиции передовых стран мира; принципиальный шаг; повестка выходит на первый план	13

Продолжение таблицы 1

Группа метафор	Источник	Примеры	кол.
Природные	Доклад КНР	Охладить; вид «полива большой водой»; малые предприятия заслоняют небо и покрывают землю; сплоченность армии, правительства и народа росла и крепла, как могучее густое дерево; бурно развиваются; плоды технологии; путь развитие	7
	Послание РФ	Бурный век; пузырь в экономике; развиваться на зыбкой почве слабого государства; охлаждение отношений; реакция выливается; бесплодные препирательства; тернистый путь; целое «созвездие» таких площадок; наращивать уровень; атмосфера общих дел; изъяны делового климата; подросли золотовалютные резервы; горизонт роботы и горизонт планирования	12
Военные	Доклад КНР	Обсуждать войну на бумаге (обр.: попусту теоретизировать); предприятие, бросающееся в бой налегке; бороться за исполнение китайской мечты; бороться с коррупцией; государственная стратегия больших данных; победить все трудности; направление главного удара	7
	Послание РФ	«Холодная война»; бороться с коррупцией; по какую бы сторону баррикад; завоевать международный рынок; взять на вооружение	5
Медицинские	Доклад КНР	Здоровое развитие; здоровье страны; оздоровить; похудение и оздоровление государственного предприятия; болезни городов	5
	Послание РФ	Здоровое общество; укрепляется иммунитет к популизму; конкуренция закалит и оздоровит нашу экономику; оживление экономики	4

Продолжение таблицы 1

Группа метафор	Источник	Примеры	кол.
Театральные	Доклад КНР		0
	Послание РФ	Арена; шоу; абстрактные сценарии; жонглировать красивыми словами	4
Спортивные	Доклад КНР		0
	Послание РФ	Слабые игроки; состязания амбиции; жизненный старт; управляться в этом направлении	4
Цветовые	Доклад КНР	Зеленое развитие; зеленые финансы; развитие великой зеленой стены; финансовые бюджет красным иероглифами-«финансовый дефицит	4
	Послание РФ	Черная дыра	1
Связанные с животными	Доклад КНР	Процесс превращение куколки в бабочку; разгрызать твердые кости	2
	Послание РФ		0

Продолжение таблицы 1

Фразеологические	Доклад КНР	Новый чиновник отворачивался от старых счетов; процесс превращение куколки в бабочку; разгрызать твердые кости	3
	Послание РФ	Глаз не замылился; плясать под чужую дудку	2

Анализ примеров, содержащих метафоры, дает основания для классификации их на 10 групп: *связанные с человеком; природные, пространственные, военные, медицинские, театральные, спортивные, цветочные, связанные с животными, фразеологические*. Сфера использования метафор в китайском и русском политическом дискурсе имеют четкие сходства и различия. Более глубокое изучение вопроса о семантических основаниях метафор показало, что военные, медицинские, природные, пространственные и связанные с человеком метафоры чаще всего встречаются на страницах СМИ как на китайском, так и на русском языках. При этом, метафоры, относящиеся к этим подгруппам, имеют в двух языках похожие значения, поскольку имеют единые концептуальные основания.

Например, среди военных метафор распространено использование концепта «борьба». Такие метафоры несложные для понимания любого народа и всегда отражают направление развития страны, ее острые социальные проблемы.

Премьер-министр Ли Кэцян четыре раза использовала слово «бороться/борьба» в своем докладе, а в Послании В. В. Путина Федеральному Собранию России оно упоминалось семь раз.

В. В. Путин: «И, конечно, рассчитываю на объединение усилий с США в борьбе с реальной, а не выдуманной угрозой – международным терроризмом».

Ли Кэцян: «Группа коррупционеров уже предстала перед законом, в борьбе с коррупцией подавляющий перевес уже на нашей стороне».

Метафора борьбы относится, на наш взгляд, к концептуальным метафорам, о которых писали Дж. Лакофф и М. Джонсон, и которые характерны для многих языков. Метафора борьбы – это оценочная метафора, обычно мы боремся во имя благой цели, защищаем

собственное право, боремся против зла и ради хорошего результата. В этих случаях «бороться/борьба» имеет позитивную оценку. Однако слово «борьба» ассоциируется с войной и противоречиями. Данные ассоциации проецируются на другие области жизни человека, определяя специфику выражений «борьба с угрозой» и «борьба с коррупцией». Кроме того, использование метафоры борьбы в двух языках свидетельствует о наличии острых проблем в обоих государствах.

Особый интерес представляет метафора *борьба с коррупцией* – это не шоу. Послание В.В. Путина наглядно демонстрирует ее эффективность:

Хочу обратить, уважаемые коллеги, Ваше внимание на это и сказать, что борьба с коррупцией – это не шоу, она требует профессионализма, серьезности и ответственности, только тогда она даст результат, получит осознанную, широкую поддержку со стороны общества.

Понятие «шоу» принадлежит к другой семантической группе, нежели понятие «борьба». Шоу развлекает людей и никаким образом не связано с борьбой. Однако в русском языке такие слова, как «шоу», «жонглировать» («жонглировать красивыми словами» в Послании В.В. Путина) и другие метафоры, связанные с театром, в большинстве своем выражают отрицательную оценку, поскольку представляют жизненные ситуации как фальшивые или ироничные.

Однако данное замечание не относится ко всем театральным метафорам, например метафоры со словами «арена», «сценарии» имеют в разных языках похожие значения и являются нейтральными.

Принципы справедливости, уважения и доверия универсальны. Мы твердо отстаиваем их и, как видим, не без результата – на международной арене. Нужно продолжить идти в этом направлении системно и наступательно. Необходимы не абстрактные сценарии, в которых от нас мало что зависит, а профессиональный, выверенный прогноз развития.

В докладе Ли Кэцяна не были использованы метафоры из театральной сферы. Вместе с тем подобные театральные метафоры есть и в китайском политическом дискурсе, но они встречаются очень редко: как правило, они либо также содержат слова, которые передают нейтральную оценку («арена», «сценарии») и общепринятые значения, либо создают значения, характерные только для китайского языка, например, «артист», «дразнить обезьяну», и передающие негативный смысл.

При сравнении текстов политических выступлений на предмет установления используемых театральных метафор становится очевидно, что театральная метафора играет более важную роль в русском политическом дискурсе, нежели в китайском. Данная метафора тесно связана с культурой России, где театральная культура является важной частью жизни людей и имеет длинную, богатую историю. В Китае, напротив, театральная культура традиционно не занимает особо важного места в жизни людей. По сравнению с метафорами военными, медицинскими, природными, пространственными или связанными с человеком, театральные метафоры используются относительно редко.

Относительно редко представлены и цветовые метафоры. На основе проведенного анализа собранного материала можно сделать вывод о том, что подобные метафоры больше присущи китайской речи, особенно концепция зеленого цвета. Ли Кэцян в своем докладе использовал образ зеленого цвета в разных областях:

绿色金融 – *зеленые финансы*,
绿色农产品 – *зеленые сельские продукты*,
绿色生活方式 – *зеленый образ жизни*,
发展绿色资源 – *развитие зеленых ресурсов*,
绿色长城 – *Великая зеленая стена*,
绿色发展 – *зеленое развитие*. Например:

Приумножая наше экологическое достояние, мы сможем возвести гарантирующую устойчивое развитие Великую зеленую стену.

Это, вероятно, связано с тем, что в Китае очень важна символика цвета, каждый цвет имеет определенный смысл. Зеленый цвет чаще всего отражает положительную оценку – означает здоровье, гармонию и экологическую чистоту. Хотя в России у некоторых цветов тоже есть свой устоявшийся смысл (черный – плохой, зеленый – здоровый и др.), в речи В. В. Путина не было использовано ни одной подобной метафоры. Из этого можно сделать вывод, что цветовые метафоры не так распространены в русском политическом дискурсе.

Один из самых трудных для восприятия видов метафор – это метафоры, которые устоялись в языке и приобрели статус фразеологизмов. Например: *глаз не замылился* (В. В. Путин); *плясать под чужую дудку* (В. В. Путин); *разгрызая твердые кости / орешки* (Ли Кэцян); *процесс превращения куколки в бабочку* (Ли Кэцян); *новый чиновник отворачивался от старых счетов* (Ли Кэцян); *упорно кусать зеленые*

горы и не опустить (Ли Кэцян). Эти метафоры более старые, имеют яркую национальную специфику, их дословный перевод не помогает понять общий смысл фразы. Приведем примеры:

Процесс трансформации и модернизации, ведущий к качественным изменениям, это процесс превращения куколки в бабочку. Он как наполнен надеждой, так и сопровождается мучительной болью, как насущно необходим, так и чрезвычайно сложен и труден (Ли Кецянь).

Фразеологизм «化蛹成蝶» дословно переводится как 'превращение шелковичного червя в бабочку'. Смысл, который вкладывается в эту метафору, следующий: чтобы стать бабочкой, обязательно нужно разрушить кокон, при этом процесс будет болезненным и трудным, но, в конце концов будет достигнут хороший результат. Таким образом, метафора означает, что «приложив много усилий, можно выйти из трудной ситуации». Стертые метафоры часто используются в политической сфере, позволяют ёмко выразить мысль и являются источником мудрости целого народа.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что языковое сознание носителей русского и китайского языков характеризуется определенной спецификой, которая наиболее полно представлена во фразеологических слоях языка. Поскольку политический дискурс ориентирован на все слои населения страны, анализ политических выступлений, в частности на китайском и русском языках, раскрывает особенности мировосприятия граждан России и Китая, позволяет выявить существующие в сознании русских и китайцев представления о политических и экономических тенденциях, а также сделать выводы об отношении людей к представителям власти и к оппозиции, проследить их реакцию на важнейшие события в жизни государства.

Заключение

Таким образом, употребление метафор в политическом дискурсе — явление очень частое. В обоих языках, говоря о совершенно разных сферах жизни, используется большое разнообразие образов и красноречивых оборотов. Однако число сфер происхождения метафор весьма ограничено, и в нашем случае метафоры распадаются на 10 больших подгрупп: военные, медицинские, природные, связанные с человеком, пространственные, театральные, спортивные, цветовые, связанные с животными, фразеологические. Самые частые и самые

понятные обоим народам метафоры передают похожий смысл и легкодоступны для понимания носителю любого языка; какие-то отражают положительную оценку, какие-то – отрицательную, остальные – нейтральную. Менее часто используются театральные и спортивные метафоры, главным образом, они характерны для российского политического дискурса. Это связано со спецификой культуры России, в которой театр и цирк являются важными культурными явлениями и широко используются как образные основания для создания метафор. В свою очередь, в китайском политическом дискурсе шире используются метафоры цветковые и связанные с животными, что также обусловлено культурными особенностями страны. Самые сложные для понимания, но наиболее ярко отражающие менталитет людей – фразеологические метафоры. Они встречаются в политических речах лидеров обеих стран и позволяют четко и образно донести свою мысль до народа.

Проведенное исследование позволило выявить культурную специфику политического дискурса, а также продемонстрировать, что большинство используемых в данном типе дискурса метафор отражают традиционные для русской и китайской национальной ментальности представления о родной стране, а также раскрывают специфику межличностных взаимоотношений и взаимоотношений человека и общества. Наиболее часто и широко используемые метафорические выражения утрачивают свою образность, но вместе с тем именно в них в наибольшей степени отражены ценностные приоритеты общества, специфика мышления народа и особенности его быта в определенный исторический период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Лакофф Д., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем: Теория метафоры / пер. Н. В. Перцова. М.: Прогресс, 1990. 415 с.
- Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : монография. Екатеринбург, 2001. 238 с.
- Динфан Шу.* Исследование метафоры. Шанхай : Шанхайское изд-во образования по иностранным языкам, 1995. 266 с.

REFERENCES

- Lakoff D., Dzhonson M.* Metafory, kotorymi my zhivem: Teorija metafory / per. N. V. Percova. M.: Progress, 1990. 415 s.
- Chudinov A. P.* Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000) : monografija. Ekaterinburg, 2001. 238 s.
- Vjeje Chjen'.* Funkcii metafory v politicheskom diskurse // Vesnik universiteta Nan'hua. Seriya: obshhestvennye nauki. 2006. № 6 (91). S.71–83.
- Din'fan Shu.* Issledovanie metafory. Shanhaj : Shanhajskoe izd-vo obrazovaniya po inostrannym jazykam, 1995. 266 s.

УДК 811.111

О. Б. Мангова, Л. В. Ивина

Мангова О.Б., кандидат филологических наук; доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук ИМО и СПН ФГБОУ ВО МГЛУ; e-mail: o_kassandra@mail.ru

Ивина Л.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий ИМО и СПН ФГБОУ ВО МГЛУ; e-mail: ivins@mail.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИИ ОПЕРАЦИОННОГО КОНЦЕПТА «ИНВЕСТИРОВАНИЕ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается вербализация в экономическом дискурсе операционного концепта «инвестирование» с позиций когнитивной лингвистики, делаются выводы о его структуре и релевантных свойствах. Изучаемый операционный концепт представляет собой фрейм с облигаторными элементами (пропозиция Субъект – Предикат – Объект) и необлигаторными слотами («инструмент», «цель», «законодательная основа»).

Полевая организация операционного концепта «инвестирование» подразумевает наличие ядра, ближней и дальней периферии. В работе приводятся примеры узуальной и окказиональной метафор, а также концептуальных моделей, актуализирующих рассматриваемый операционный концепт. Языковой материал получен методом сплошной выборки из интернет-ресурсов и периодических изданий. Особое внимание уделяется случаям использования омонимичных акронимов в заголовках, делается вывод об их продуктивности как средстве номинации операционных концептов. Авторы приводят примеры зоометафор, используемых в биржевой инвестиционной деятельности, подчеркивают их продуктивность в биржевом дискурсе и предлагают их классификацию: названия инвестиционных инструментов, названия инвесторов, названия инвестиционных стратегий, названия ситуаций на фондовом рынке. В статье подчеркивается, что большинство терминов, вербализующих операционный концепт «инвестирование», появились в русском языке в ходе заимствования как самих терминов, так и целой области знания об инвестиционной деятельности.

Ключевые слова: вербализация; дискурс; инвестирование; номинация; операционный концепт; полевая организация.

O. B. Mangova, L. V. Ivina

Mangova O. B., Ph.D., Associate Professor of the Department of Linguistics and Professional Communication in Political Sciences, Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, MSLU; e-mail: o_kassandra@mail.ru

Ivina L. V., Ph.D., Associate Professor of the Department of Linguistics and Professional Communications in the Field of Media Technologies, Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, MSLU; e-mail: ivins@mail.ru

VERBALIZATIONS OF OPERATIONAL CONCEPT «INVESTMENT» IN RUSSIAN AND ENGLISH ECONOMIC DISCOURSE

The article employs a cognitive approach to analyzing the operational concept "investment": its structure, field and verbalizations in the economic discourse. The authors explore relevant features and the frame structure of the operational concept, which includes both obligatory elements incorporated into the "Subject – Predicate – Object" proposition and the non-obligatory slots "Instrument", "Aim", "Legislation". The field structure of the operational concept «investment» is described in terms of the nucleus, close and far periphery. The authors analyze examples of common and nonce metaphors along with conceptual models, which actualize the examined operational concept in the economic discourse. The examples are selected from Internet-resources and periodicals through the purposive sampling method. The study highlights that homonymous acronyms are productive means of nomination for operational concepts, especially in newspaper headings. The article features examples of stock exchange zoological metaphors classified into four groups: names of investment instruments, names of investors, names of investment strategies, names of situations in the stock markets. A conclusion is drawn about their productivity in the stock exchange discourse. The study highlights that most Russian terms verbalizing the operational concept «investment» were borrowed from the English language as part of the conceptual sphere of investment.

Key words: discourse; field model; investment; nomination; operational concept; verbalization.

Введение

Современная лингвистика рассматривает любой языковой материал как часть дискурса, который соотносится с определенной концептосферой. Концептосферы представлены суммой концептов, отражающих в языковом сознании соответствующую область знания. Реализация экономического дискурса имеет место преимущественно в учебных пособиях и текстах СМИ, посвященных экономике, а также в бизнес-коммуникации. Для данного вида дискурса характерна связь с языком экономики, т. е. использование специальной лексики (экономической терминологии).

В концептосфере экономического дискурса важное место занимают операционные концепты «планирование», «регулирование», «протекционирование», «прогнозирование», «субсидирование», «инвестирование». Сфера инвестирования является важной в системе

экономических отношений и имеет выраженную языковую репрезентацию, анализ которой дает представление о том, какое место занимает операционный концепт «инвестирование» в экономической картине мира.

Давая определение операционного концепта, мы отталкиваемся от унифицированного определения, разработанного В.Г.Кузнецовым, который определяет концепт как «ментальный структурированный комплекс этносемантической категориальной природы, репрезентирующий совокупность знаний языкового коллектива об отраженном фрагменте объективной или субъективной действительности и вербализуемый языковыми средствами, формирующими картину мира» [Кузнецов 2010, с. 316]. В нашем исследовании под операционным понимается действие, проводимое над объектом с определенной целью. Операционные концепты характеризуются набором релевантных свойств: объективность, динамичность и институциональность. В них наличествует рациональная составляющая, их структура строго фиксирована, они возникли сравнительно недавно и вербализуются преимущественно терминами.

По своей структуре операционный концепт представляет собой фрейм с облигаторными и необлигаторными элементами. Облигаторные элементы объединяются в пропозициональную схему СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ – ОБЪЕКТ, которая отражает структуру идеализированной ситуации инвестирования, включающей субъект, объект и саму операцию инвестирования. Необлигаторные элементы представляют собой слоты, содержащие информацию, связанную с ситуацией инвестирования: инструмент, метод, цель, законодательная основа [Мангова 2011, с. 36].

Когнитивно-дискурсивный подход к анализу средств номинации в экономических текстах выявляет способ подачи информации об определенном фрагменте знания, представленного операционными концептами. В современных исследованиях принято анализировать структуру концепта в плане его полевой организации и описывать номинативное поле концепта. Известно, что к ядру относятся элементы, характеризующиеся наибольшей конкретностью, в то время как более абстрактные признаки составляют периферию концепта.

Структура операционного концепта «инвестирование»

Исследование операционного концепта «инвестирование» позволило выявить следующие слоты:

Слот СУБЪЕКТ. Субъекты инвестирования разнообразны: государственные структуры, юридические или частные лица.

Слот ОБЪЕКТ. Единственный объект инвестирования – капитал, поскольку, инвестирование – это потенциально прибыльное размещение капитала, а капитал – это совокупность материальных, интеллектуальных и финансовых средств, используемых для получения прибыли. Разнообразие форм инвестирования объясняет многочисленность средств вербализации данного слота.

Слот ЦЕЛЬ. Инвестирование осуществляется с целью получения прибыли в будущем.

Слот ИНСТРУМЕНТ. Инструменты – это совокупность активов и ценностей (материальных и нематериальных), посредством которых субъекты инвестирования используют капитал в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта. Номинации слота ИНСТРУМЕНТ в большой степени обусловлены национальными особенностями экономики. Спектр инструментов инвестирования чрезвычайно широк и включает ценные бумаги, нефинансовые активы (драгоценные металлы, предметы коллекционирования), а также вложение средств в производственные и жилые здания, оборудование и нематериальные ценности: научные исследования, переподготовку персонала и др.

Слот ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ОСНОВА. Законы, обеспечивающие инвестиционную деятельность и защищающие права инвесторов.

В ходе исследования выяснилось, что операционный концепт «инвестирование» обладает высокой номинативной плотностью, что свидетельствует о его коммуникативной релевантности.

Ядро вербально выраженного концепта «инвестирование» содержит лексему, охватывающую своим значением всю структуру действия. Она дает самое общее отражение идеи инвестирования (вложение капитала с целью получения прибыли) без выделения отдельных концептуальных признаков. Поскольку реляционные отношения операционного характера в силу их природы вербализуются, как правило, глаголами и отглагольными существительными, то, соответственно, ядерными единицами являются глаголы *инвестировать* – *to invest* и отглагольные существительные *инвестирование* – *investment*.

К области ближней периферии относятся глаголы и отглагольные существительные, которые вербализуют концепт «субсидирование», приводятся в экономических словарях как синонимы ядерных единиц

и обладают свойством терминологичности. В глаголах и отглагольных существительных ближней периферии происходит сужение понятийного объема за счет выделения определенного концептуального признака: *to speculate / speculation; to finance / financing; to contribute / contribution; to fund / funding; спекулировать / спекуляции; финансировать / финансирование; спонсировать / спонсирование*.

К дальней периферии относятся синонимы ядерных единиц концепта «инвестирование», лишенные терминологичности: *to buy into, bankroll, to capitalize, credit, to endow / endowment, to donate / donation, to lease / leasing, placement; покупка, лизинг, размещение, кредитование* и др. В этой же части поля находятся терминологические и не-терминологические номинации отдельных слотов, в комплексе представляющие процесс инвестирования.

Номинация слотов операционного концепта «инвестирование»

Приведем примеры номинаций отдельных слотов операционного концепта «инвестирование».

Слот СУБЪЕКТ: *investor – инвестор, creditor – брокер, stockbroker – стокброкер, dealer – дилер, trader – трейдер, speculator – спекулянт* и др.

Отметим тот факт, что в русском языке при номинации данного слота используются заимствования из английского языка.

Слот ОБЪЕКТ: *capital, funds, money, savings, equity, finance, expenditure, assets, resources, stake, budget, holdings, possessions; капитал, средства, деньги, вложения, капиталовложения, сбережения, финансы, накопления, затраты, бюджет, инвестиции, активы, ресурсы* и др.

Данные номинации являются прямыми. Для прямой номинации характерна непосредственная соотнесенность с предметом обозначения, использование нейтральных единиц. Большинство приведенных выше глаголов и отглагольных существительных, вербализующих слоты операционного концепта, не имеют эмоционально-экспрессивной окрашенности.

Косвенные средства номинации, представленные в нашем исследовании метафорами и акронимами, обладают совокупностью стилистических и эмоционально-экспрессивных свойств, которые позволяют выразительнее представить номинируемое явление. Такими средствами чаще всего номинируется слот ИНСТРУМЕНТ.

Например, *Bowie bonds* (облигации Боуи) – обеспеченные облигации, по которым держатели получали часть гонорара известного британского рок-музыканта Дэвида Боуи в течение десяти лет.

Matilda bond – облигация Матильда – долговая ценная бумага, номинированная в австралийских долларах, эмитируемая на австралийском рынке иностранными компаниями, желающими привлечь австралийских инвесторов. Матильда стала символом Австралии благодаря неофициальному гимну Австралии, известной народной песне «Вальс с Матильдой».

Rembrandt bond – облигация Рембрандт – долговая ценная бумага, размещенная в Нидерландах иностранным заемщиком, номинированная в гульденах.

Многие финансовые инструменты носят антропонимические названия, эксплицитно свидетельствующие о стране-эмитенте. Поскольку человеческие образы являются важной частью комплекса символов разных государств и пользуются всемирной узнаваемостью, они становятся эффективными средствами номинации финансовых инструментов, выпускаемых на национальных и международных рынках капитала.

Примерами косвенной номинации являются и термины *bells and whistles* (колокольчики и свистки) – облигации, имеющие определенные особенности, повышающие их привлекательность для инвесторов; *junk bonds* (мусорные облигации) – высокодоходные облигации, сопряженные с высокими рисками дефолта их эмитента; *baby bonds* (детские облигации) – облигации с низким номиналом; *blue chips* (голубые фишки) – акции крупнейших компаний со стабильно высоким доходом; *cats and dogs* (кошки и собаки) – сомнительные инвестиционные инструменты, не могущие служить обеспечением ссуды.

Функционирование операционного концепта «инвестирование» в экономическом дискурсе

В дискурсе косвенные средства номинации реализуют свой прагматический потенциал, который в соответствии с намерениями субъекта речи (автора) заключается в способности вызывать у реципиента различные эмоции: положительные (интерес, восхищение) и отрицательные (неприязнь, возмущение), а также в формировании у адресата аналогичного мнения.

В ходе исследования экономического дискурса были использованы интернет-ресурсы, книги по экономической тематике, а также такие периодические печатные издания, как «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», The USA Today, The Financial Times, журнал Newsweek. Приведем наиболее яркие примеры, иллюстрирующие функционирование изучаемого операционного концепта.

«Невидимая рука рынка» породила монстра – спекулятивный капитал, оторвавшийся в гонке за прибылями от реальных материальных ценностей. Вот он абсурдный апофеоз псевдоэффективности – деньги, сделанные из воздуха. Кризис – не российское явление, он пришел к нам с Запада. В то же время надо признать: мы сами активно поучаствовали в мировом лохотроне, устроенном американскими финансовыми *алхимиками*» (*Аргументы и Факты* № 20, 13 мая 2009).

В данном примере реализована концептуальная модель «Инвестирование – Угроза». В качестве средства прагматического воздействия используется гиперболическая метафора «монстр», метафора с сильной отрицательной коннотацией – «деньги, сделанные из воздуха». Для вербализации субъекта инвестирования используется окказиональная метафора «финансовые алхимики». Финансовые алхимики – это беспринципные трейдеры-спекулянты, выдающие желаемое за действительное на «лохотроне» – рынке ценных бумаг. При этом Нью-Йоркская фондовая биржа является важнейшим элементом системы мировых финансовых потоков. Обе метафоры обладают ярко выраженной иронической коннотацией, реализующей прагматическую установку автора.

Inflation fears hurt bonds – turning them into Clinton bonds – early in the President's first term in office, causing yields to increase temporarily [Morris 2005, с. 53].

Слот ИНСТРУМЕНТ вербализуется антропонимом: *Clinton bond* – облигация Клинтона – неформальное название долгового финансового инструмента, не представляющего ценности по проценту или по сроку действия. Такое название появилось в результате кредитной политики Билла Клинтона, из-за которой держатели облигаций потеряли миллиарды долларов в первые годы его президентского срока.

Приведенные выдержки из статьи свидетельствуют о сложившемся недоверии финансовых инвесторов к президенту Клинтону и его неспособности регулировать экономику. Помимо президента Клинтона,

свое имя «подарил» облигациям и его вице-президент, Дэн Квейл. Однако название «Quaule bonds» можно встретить гораздо реже.

Следующий пример антропонимического названия облигации является ярким примером наличия прагматической составляющей: *baby bond* – *детская облигация* – облигация с низким номиналом. Данная номинация обладает мощной аттрактивностью и призвана вызывать умиление инвестора и, соответственно, желание приобрести данные бумаги. Однако эмоции в данном случае могут подтолкнуть покупателей к принятию неверных инвестиционных решений, поскольку «детские» облигации относятся к необеспеченным долговым бумагам, т. е. они не подкреплены никакими активами. Поэтому существует риск дефолта эмитента облигаций.

Об этом явно свидетельствует следующий текст:

Before you bond with babies, learn the facts. It's important to note that while a real baby is generally harmless (unless you count sleep deprivations as harm), baby bonds carry a number of risks... If you plan to hold baby bonds till maturity, our baby might not be looking so cute for long [Morris 2005, с. 39].

Как видно, в данном примере обыгрывается многозначность английских слов *bond* («облигация» и «связать себя») и *maturity* («совершеннолетие, полное развитие» и «срок погашения долгового обязательства»).

In 2004, rating agency Moody's Investors Services downgraded Bowie bonds to only one level above "junk"... The risks are high: assets with little history are hard to model... But enough of them will succeed for Bowie's financial oddity to stay in fashion [Espiner Tom].

В этом примере мы видим аллюзию на одну из самых известных песен Боуи «Space oddity», в которой описывается курьез, имевший место в реальности при запуске космического корабля. По сути, термин *oddy* обозначает внештатную ситуацию, однако чаще переводится как *диовинка*, *странность*, *причуда*. Как мы видим, инвестиционные инструменты вербализуются фразой «финансовая причуда Боуи», что предполагает уникальность и необычность данных облигаций.

Среди терминологических номинаций встречается довольно много зоометафор, номинирующих объекты, субъекты и явления, связанные с куплей-продажей акций. В ходе исследования была разработана

классификация терминов-зоометафор, выделены четыре основные класса:

- названия инвестиционных инструментов (*bunny* – кролик, *tail* – хвост);
- названия инвесторов (*bull* – бык, *bear* – медведь, *stag* – олень и др);
- названия спекулятивных стратегий (*bear raid* – налет медведей);
- названия ситуаций на фондовом рынке (*dead cat bounce* – прыжок дохлой кошки).

В ходе исследования был обнаружен ряд случаев использования омонимичных акронимов, вербализующих операционный концепт «инвестирование» в экономическом дискурсе.

Способность омонимичных акронимов привлекать внимание и выразительно представлять номинируемое явление является одной из причин использования их в заголовках экономических статей. Двусмысленность, порожденная употреблением омонимичного акронима, придает заголовку оттенок комизма. В то же время образ, формируемый у адресата, облегчает восприятие представленного акронимом термина.

Яркий примером является заголовок «SIP it Slow And Steady». Известно, что акронимы приобретают частеречную парадигму слова, ставшего основой для омонимии и, соответственно, возможность выполнять его синтаксические функции. В анализируемом примере акроним SIP (план систематического инвестирования) омонимичен глаголу *to sip* (пить маленькими глотками) и выступает в роли сказуемого. Обыгрывая главное значение глагола, автор статьи заверяет читателей, что финансовые инвесторы, выбравшие данную инвестиционную стратегию, смогут не спеша наращивать свои капиталы.

Заключение

Операционный концепт «инвестирование» – сложное ментальное образование, отражающее фрагмент знания комплексного и энциклопедического характера об операционном действии. Вербализован данный концепт преимущественно терминами.

Плотность номинативного поля операционного концепта «инвестирование» свидетельствует о его важности для языкового коллектива. Номинативное поле исследуемого операционного концепта неоднородно, содержит как прямые, так и косвенные номинации, а также окказиональные и индивидуально-авторские номинации.

Значительные различия зарегистрированы по мере продвижения от ядра к ближней и дальней перифериям.

Использование зоометафор в биржевом дискурсе продолжает живущую в народном сознании мифологическую, фольклорную и литературную традицию, в которой свойства определенных животных выступают как вариант мифологического кода языкового коллектива.

Акронимия как способ терминообразования получает всё большую распространенность в специальных языках. Есть мнение, что она открывает новые перспективы дальнейшего совершенствования английской словообразовательной системы. С одной стороны, в акронимах реализуется принцип экономии языковых усилий. С другой – они обладают совокупностью стилистических и эмоционально-экспрессивных свойств, которые позволяют выразительнее представить номинируемое явление.

Большинство терминов, вербализующих операционный концепт «инвестирование», появилось в английском языке в ходе заимствования экономической теории. Калькированный перевод, безусловно, дает только приблизительное и неполное представление о содержании экономических реалий. Отсутствие собственных инвестиционных терминов в русском языке объясняется не только различиями лексико-семантических систем, но и культурно-историческими причинами – гораздо более длительным опытом инвестиционной деятельности в Великобритании и США.

Когнитивно-дискурсивный подход к анализу средств вербализации операционного концепта позволяет выявить способ подачи информации об определенном фрагменте знания. Знание этих вербализаций, а также экономических реалий, лежащих в основе операционного концепта «инвестирование», играет ключевую роль в успешном овладении знанием в сфере инвестиционной и биржевой деятельности, что необходимо соответствующим специалистам, частным инвесторам, а также переводчикам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кузнецов В. Г. Типология концептов // Когнитивные исследования языка: сб. материалов Международного конгресса по когнитивной лингвистике. Тамбов : ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. С. 316–318.
- Мангова О. Б. Репрезентация операционного концепта «государственное регулирование» в экономическом дискурсе английского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 179 с.

Espiner Tom. Bowie bonds – the singer's financial innovation. URL: www.bbc.com/news/business-35280945.

Morris Virginia B., Morris Kenneth M. Guide to money and investing. Lightbulb Press Inc., New York, 2005. 192 p.

REFERENCES

Kuznecov V. G. Tipologija konceptov // Kognitivnye issledovanija jazyka: sb. materialov Mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoj lingvistike. Tambov : TGU im. G. R. Derzhavina, 2010. S. 316–318.

Mangova O. B. Reprezentacija operacionnogo koncepta «gosudarstvennoe regulirovanie» v jekonomicheskom diskurse anglijskogo i russkogo jazykov: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2011. 179 s.

Espiner Tom. Bowie bonds – the singer's financial innovation. URL: www.bbc.com/news/business-35280945.

Morris Virginia B., Morris Kenneth M. Guide to money and investing. Lightbulb Press Inc., New York, 2005. 192 p.

УДК 8.81.811

У. П. Природина

кандидат филологических наук; преподаватель Частного образовательного учреждения дополнительного образования по изучению иностранных языков «Скандинавская школа»;
e-mail: brasikaika@rambler.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИФFUЗНОСТЬ КОМПОНЕНТА -GÅRD В ШВЕДСКОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

В настоящее время существуют три принципа номинации, в основе которых лежит представление о свойствах называемых объектов, та или иная связь объектов с человеком, соотношение объектов. Названия могут модифицироваться, когда в результате деятельности человека изменяются свойства, назначение и функции номинируемых объектов. Некоторые деривационные компоненты в составе ряда топонимических словообразовательных моделей могут претерпевать различные семантические изменения и, в частности, расширение значения. Подобные явления отмечаются и в шведских топонимах. В статье рассматривается функционирование компонента *-gård* в шведской топонимической номинации. Для установления семантической специфики компонента *-gård* методом сплошной выборки было отобрано 150 топонимов из шведских и отечественных источников.

В ряде отобранных топонимов семантика изучаемого компонента не является прозрачной, определить которую представляется возможным с помощью предварительного анализа топонима. На неоднозначность семантики компонента *-gård* указывает характер его орфографического представления и грамматические показатели.

Для выявления семантических признаков исследуемого компонента в составе различных топонимов были рассмотрены следующие географические термины: *Rosengård, Grevagården, Millesgården, Bottarvegården, Julita Gård, Zorngården*. Подробно была изучена семантика топонима *Djurgården*.

Установлена определенная семантическая взаимосвязь компонента *-gård* с компонентом *-torp* 'торп, хутор, земельный надел' в словах *soldattorp* 'дом с земельным участком, выделенные солдату' и *gårdsnamn* 'название хутора, крестьянского двора'. Названия хуторов, крестьянских дворов находим в антропонимических формулах, сохранившихся до настоящего времени.

Ключевые слова: шведский язык; топонимика; словообразовательная топонимическая структура; семантический компонент; трансформация семантики деривационных компонентов; номинация.

U. P. Prirodina

PhD, Lecturer, "Nordic School", Private Educational Institution of Additional Education for the Study of Foreign Languages;
e-mail: brasikaika@rambler.ru

SEMANTIC DIFFUSIVITY OF THE *-gård* COMPONENT IN THE SWEDISH TOPONYMIC NOMINATION

Currently, there are three principles of nomination, based on the idea of properties of an object, the way an object is related to a person, correlation between objects. Names modify when the properties, purpose and functions of the nominated objects change. Some derivational components in a number of toponymic derivational models may undergo various semantic changes, expansion of meaning in particular. Similar phenomena have been registered in Swedish place names. The article is about the functioning of the *-gård* component in the Swedish toponymic nomination. To establish the semantic specificity of the component *-gård*, the method of continuous sampling selected 150 toponyms from some Swedish and Russian sources.

In a number of selected toponyms, the semantics of this component is not transparent and cannot be determined by means of preliminary analysis of the toponym. The ambiguity of the semantics of the *-gård* component is proved by the nature of its spelling representation and grammatical indicators.

To identify the semantic features of the analyzed component the following geographic names were examined: Rosengård, Grevagården, Millesgården, Bottarvegården, Julita Gård, Zorngården. The semantics of the toponym Djurgården was studied in detail.

A certain semantic interconnection of the component *-gård* with the component *-torp* 'torp, farm, land allotment' in the words soldattorp 'house with land, allocated to the soldier' and gårdsnamn 'name of farm, peasant yard' is established. The names of farms, peasant households are found in anthroponymic formulas that have survived until the present day.

Key words: the Swedish language; toponymy; derivational toponymic structure; semantic component; transformation of semantics of derivational components; nomination.

Введение

В современной ономастике выделяют, по крайней мере, три принципа номинации, в основе которых лежит представление человека (1) о свойствах называемых объектов, (2) о той или иной связи познаваемых объектов с человеком, (3) о соотношении объектов в познавательной деятельности индивида. Поскольку перечисленные представления могут трансформироваться в результате деятельности человека или естественных причин, когда изменяются свойства, назначение и функции номинируемых объектов, меняется и характер их языковой репрезентации. В этом случае некоторые деривационные компоненты в составе ряда топонимических словообразовательных моделей могут претерпевать различные семантические изменения:

от расширения значения словообразовательных компонентов до полной их десемантизации. Подобные явления отмечаются и в шведской топонимической системе.

В свое время мы подробно рассматривали вопрос о названии хуторов, крестьянских дворов (*gårdsnamn*), в частности, в провинции Даларна и последующем включении этих названий в антропонимические формулы, которые сохранились до сегодняшнего дня: *Busk Margit Jonsson* (Буск Маргит Йонссон, оперная певица), *Niss Oskar Jonsson* (Нисс Оскар Йонссон, основатель спортивной компании Jofa), *Hållbus Totte Matsson* (Холльбус Тотте Матссон, фольк-музыкант) и др. [Природина 2017]. Было установлено, что названия крестьянских дворов, которые образуются от слов, обозначающих географическое местоположение, выражают различные связи. Среди них выделяются:

1. Названия, изначально выполняющие функцию адреса и обозначающие человека как «происходящего из» или «проживающего» в населенном пункте: например, *Gårds* (Ердс) – фамилия/прозвище человека из села *Gärde* (Ерде), который переехал в *Storbyn* (Стурбюн), или *Tyn* (Тюн) – фамилия / прозвище жителя села *Tyna* (Тюна).

2. Названия, выражающие «происхождение» или «проживание» в определенном дворе, а также указывающие на его географическое местоположение, например, *Sjö* – 'озеро' – наименование поселения, находящегося рядом с озером или морем; *Storstens* (Стурстенс) (*stora stenar* 'большие камни') – усадьба, на территории которой находятся крупные камни.

3. Редко встречающиеся обозначения жителей той или иной усадьбы, например, *Järnkarl* (Ернкарл) – 'тот, кто живет в приходе *Järna* (Ерна), человек из *Järna*' или *Finn* (Финн) – 'финн, житель Финляндии'. В тех случаях, когда эти названия встречаются в официальных документах, они воспринимаются как имена людей.

Цель настоящей статьи – исследование исторических корней семантической диффузности и определить основные тенденции динамики семантики шведского топонимического компонента *-gård*. Актуальность и новизна темы исследования определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, слабой изученностью активных деривационных процессов в топонимической системе шведского языка, во-вторых, необходимостью обнаружения причин и тенденций изменения словообразовательных компонентов деривационных моделей шведского языка.

Материалом для исследования семантической специфики компонента **-gård** послужили 150 топонимов, отобранные методом сплошной выборки из путеводителей по Швеции *Upplev Sverige. En guide till upplevelser i hela landet*, «Швеция. Города и страны – как на ладони», «Швеция. Исторический путеводитель» [Ottosson M., Ottisson A. 2010; Штрейфферт 2011; Антонова 2009].

Исследование

На неоднозначность семантики компонента **-gård** указывает уже характер его орфографического представления: сложные топонимы, содержащие компонент **-gård** (1. двор; 2. хутор, усадьба, дом; 3. астр. кольцо вокруг солнца, луны [Миланова 1998, с. 215]) пишутся слитно (*Grassagården, Garvaregården, Kornettgården*), раздельно (*Finsta gård, Aske gård, Kockska gården*) или через дефис (*Artur Lundkvist-gården, Andreas Lundberga-gården, Joe Hill-gården*), что фиксирует разную степень семантической связности компонентов сложного слова.

Грамматические показатели таких топонимических названий тоже указывают на их семантическую неоднородность. Так, часть номинаций содержит определенный постпозитивный артикль, который пишется слитно: **-en** (*Abhamasgården, Borgmästargården, Tingsgården*); географические термины, являющиеся последним элементом сложных и составных топонимов, употребляются в единственном (*Lurö skärgård, Gideå hembygdsgård*) или множественном числе (*Kosters trädgårdar, Hälsingegårdar*) и др.

Большинство шведских топонимов являются сложными, состоящими из двух и более компонентов: географического термина, в данном случае **-gård** или сложного слова, содержащего этот компонент, и предшествующих ему слов. В качестве последних могут быть и составляющие антропонимической формулы: *Ernst Rolfs födelsegård, Ol-Anders hälsingegård, Zorns gammelgård, Ströms hembygdsgård*. При этом форма родительного падежа образуется присоединением к имени или фамилии окончания **-s**. В ряде топонимов находим **-s** в качестве соединительного элемента *Abrahamsgården, Karlsgården*.

Отметим также, что лексическая единица **-gård** неактивна в идиоматике, однако в ряде устойчивых выражений ассоциируется с сельской местностью, хутором: *gamal i gården* – *старый и привычный*; *gå från gård och grund* – *остаться ни с чем, покинув свой дом и всё имущество*; *Det hänger på gårdgården* (швед. *gårdgård* 'деревянный

забор, изгородь, в старину в сельской местности, сделанная из деревянных кольев') – не иметь хороших шансов, не продвигаться (о человеке); *быть неудачно расположенным* (о доме); *som en ladugårdsdörr* (швед. *ladugård* 'хлев, скотный двор') – как дверь в скотный двор – характеристика толстого человека [Алёшин 2012; Luthan 2006].

Первоначально весь полученный массив материала анализировался в аспекте определения семантики **-gård** как топоосновы. Были получены следующие результаты:

-gård – 'краеведческий клуб' (15 наименований): *Järbo hembygds-gård, Bjurholms hembygds-gård, Liljenäs hembygds-gård*;

-gård – 'архипелаг, шхеры' (10 наименований): *Östra skärgården, Stockholms skärgård, Söderhamns skärgård*;

-gård – 'сад, парк' (9 наименований): *Kungsträdgården, Kostersträdgårdar, Linnéträdgården*;

-gård 'поместье, усадьба' (8 наименований): *Grimmestorps herrgård, Hensbacka herrgård, Katrinetorps herrgård*;

-gård – 'ферма с сохранением культурной и исторической ценности' (6 наименований): *Kämpens hälsingegård, Lyktan hälsingegård, Ol-Anders hälsingegård*;

-gård – 'резиденция, поместье, сельскохозяйственные угодья, которые принадлежали и до сих пор принадлежат скандинавским монархам и королевским семьям' (4 наименования): *Väsby kungsgård, Otteby kungsgård, Horns kungsgård*;

-gård – 'бывшая усадьба, поместье' (3 наименования): *Bjuråkers forngård, Delsbo forngård, Forsa forngård*;

-gård – 'ферма-музей' (3 наименования): *Kattlunds museigård, Bottarve museigård, Petes museigård*;

-gård – 'усадьба, дом священника, пасторская усадьба' (3 наименования): *Vamlingbo prästgård, Hössna prästgård, Prästgården i Gärdslös*;

-gård – 'музей-мемориал' (3 наименования): *Vike minnesgård, Gustav Frödings minnesgård*;

-gård – 'музей, в котором представлена сельскохозяйственная техника' (3 наименования): *Brötegårdens gårdsmuseum, Vanges gårdsmuseum, Görvålns gårdsmuseum*;

-gård – 'кладбище, погост' (2 наименования): *Mjösunds kyrkogård, Skogskyrkogården*;

-gård – 'старый двор, старая ферма, усадьба' (2 наименования): *Ludvika gammelgård, Zorns gammelgård*;

-gård – 'огород с травами, приправами' (2 наименования): *Visingsborgs örtagård, Lysekils örtagård*;

-gård – 'постройка, имеющая связь с эпохой викингов' (2 наименования): *Årsunda vikingagård, Ale vikingagård*;

-gård – 'усадьба, поместье, где родился человек' (1 наименование): *Ernst Rolfs födelsegård*;

-gård – 'сад, расположенный на крыше' (1 наименование): *Augustensborgs takträdgård*;

-gård – 'отреставрированный особняк' (1 наименование): *Färna bruksherrgård*;

-gård – 'постоялый двор, ресторан' (1 наименование): *Grythyttans gästgivaregård*;

-gård – 'хлев, скотный двор' (1 наименование): *Näs lagård*;

-gård – 'арт-ферма' (1 наименование): *Hjäljebol konstgård*;

-gård – 'поместье, усадьба, разделенная на две части, с повторяющимся количеством построек' (1 наименование): *Smedstorps dubbelgård*;

-gård – 'поместье, усадьба в котором (-ой) встречаются наскальные изображения' (1 наименование): *Boglösa hållristningsgård*;

-gård – 'дом культуры' (1 наименование): *Frägsta kulturgård*;

-gård – 'кладбище автомобилей' (1 наименование): *Västra Fågelviks bilkyrkogård*.

В ходе изучения современных топонимов нам не встретились такие лексические единицы, как *bondgård* 'крестьянский двор, хутор, ферма, крестьянское хозяйство', *lantgård* 'хутор, крестьянский двор', имеющиеся в словарных статьях [Миланова 1998].

В остальных названиях отобранных топонимов семантика компонента **-gård** не является прозрачной, например, *Grassagården, Sundbergs gård, Kornettgården, Tjörnedalagården, Västagården, Tingsgården* и др. В связи с этим не представляется возможным однозначно определить значение исследуемого компонента без предварительного анализа топонима.

Рассмотрим ряд подобных топонимов с компонентом **-gård** подробнее для возможного выявления интегративных семантических признаков исследуемого компонента в составе различных топонимов. Так, *Rosengård* (Русенгорд) – один из кварталов

в г. Мальмё, построенный в 1960–1970 гг. Каждый третий житель квартала – иммигрант, выходец из бывшей Югославии, Ирака, Ирана, Польши, Ливии и др.; *Grevagården* (Гревагорден) – графская усадьба, экспозиция которой почти полностью посвящена развитию г. Карлсруны в XVIII в.; *Millesgården* (Миллесгорден) – государственный художественный музей и парк скульптур, созданный шведским скульптором Карлом Миллесом (Karl Milles) и его супругой; *Bottarvegården* (Боттарвегорден) – одна из старейших ферм XIX в. на острове Готланд, которая сегодня является музеем под открытым небом; *Julita Gård* (Юлита-Горд) – музей под открытым небом, среди экспонатов которого можно увидеть ферму, пожарное депо, церковь, сад, парк. В Средневековье поместье было монастырем, позже превратилось в королевскую резиденцию, в 40-е гг. XX в. стало музеем культуры; *Zorngården* (Цурнгорден, Дом Цорна) – бывший дом Андерса Леонарда Цорна, шведского живописца, графика, фотографа и скульптора.

Приведенные топонимы номинируют популярные объекты, активно посещаемые туристами, общая информация о них содержится в различных путеводителях и справочной литературе по Швеции.

Рассмотрим подробно семантику топонима *Djurgården* (Юргорден, ‘Звериный остров’), обозначающего известный туристический объект с целью установления путей его формирования. *Djurgården* (швед. *djur* ‘животное, зверь’ + *-gård* ‘двор, хутор, усадьба’ + *-en* – постпозитивный артикль) является названием местности, первые поселения на которой возникли еще в начале Железного века. С распространением христианства большая часть острова перешла во владение различных церквей. В 1527 г. эта земля стала собственностью Густава I Вазы.

В Средние века Юргорден назывался *Valmundsön* (Вальмундсён) или *Walmundsö* (Вальмундсё). Позже название исказили до *Valdemarsön* (Вальдемарсён), или *Waldemarsön* (Вальдемарсён) (XVII в.), который потом стал именоваться *Waldemarsudde* (Вальдемарсудде), на старых картах находим *Waldemars Udden* (Вальдемарс Удден). В 1286 г. Юргорден назывался *Walmunzø* (Вальмунсё), в 1288 г. – *Walmundzø* (Вальмундсё), в 1516 г. – *Walmalssöo* (Вальмалссё).

Walmundsö – памятник древней культуры, представляющий собой места захоронения, или курганы эпохи раннего Железного века (550–1100 в. до н. э.). При этом насчитывается три кургана и пять выкладок камней, что свидетельствует о том, что здесь жили викинги

(*vikingatiden gård*). Обычно доисторические могильники располагались около домов и деревень викингов. Если хоронили в земле, то над могилой делали насыпь, т.е. курган, особенно когда умершие были знатными людьми.

В представленных модификациях названия острова Юргорден отражено как изменение собственно природных свойств острова, так и изменение его назначения в связи с миграционными процессами и разнонаправленной культурной деятельностью человека. Возможно, появление названия *Waldemarsudde* связано с образованием мыса (швед. *en udde*), что привело к модификации компонента «остров» (швед. *en ö*); а причиной появления компонента *-gård* являются «следы» поселений викингов; компонент *-djur* вызван появлением заповедника на острове.

Во времена Густава III Юргорден превратился в народный парк. Некоторые зарубежные дипломаты получили разрешение на строительство эксклюзивных вилл на дорогах земельных участках этой территории. В конце XVI в. остров впервые упоминается в летописях как Звериный, поскольку любитель охоты король Юхан III велел создать в тех местах заповедник (1579), где планировалось держать лосей и оленей. Веком позже этот питомник обнесли изгородью длиной 20 км, чтобы отгородить места обитания потенциальной дичи от волков, медведей и браконьеров. Изгородь продержалась всего столетие, потому что интерес королевских особ к охоте стал ослабевать. Оленей (именно они составляли основное «население» тогдашнего Юргордена) вывезли в стоковые пригороды, богатые замки и дворцы знатных особ. Поврежденную многовековой охотой природу решили восстанавливать с помощью питомника, где выращивали деревья, которые впоследствии должны были высадить по всему Юргордену [Антонова 2009, с. 82–83]. Так на острове появился парк, со временем получивший статус первого Национального парка Стокгольма, который отличается большим количеством дубов. В 1820 г. Карл XIV построил на острове дворец Rosendal (Русендаль).

Сегодня Звериный остров известен средоточием музеев и парком аттракционов *Tivoli Gröna Lund* (Тиволи Грёна Лунд).

Часть острова – *Waldemarsudde* (Вальдемарсудде, Вальдемаров зубец, или мыс) – участок земли, который вдаётся в море, омываемый с обеих сторон *Saltsjön* (Сальтшён) и *Ryssviken* (Рюссвикен, Русский

залив). В Вальдемарсудде – усадьбе принца Евгения (Prins Eugens Waldemarsudde) – находится один из наиболее посещаемых художественных музеев Швеции.

Но самый известный музей на острове – Skansen (Скансен), который открылся в 1891 г., – первый в мире музей под открытым небом. Он занимает треть территории острова и включает около 150 домов и сельскохозяйственных построек. Из разных уголков Швеции, начиная с периода Средневековья и вплоть до XX в., на территорию Скансена, который представляет собой гору в юго-восточной части Стокгольма, со всех концов Швеции свозили деревянные дома и строения. В настоящее время в огородах Скансена растут типичные для Швеции овощи, в садах выращивают типично шведские цветы и лекарственные растения.

В южной части Скансена находится зоопарк, где в основном представлена дикая скандинавская фауна (медведь, волк, зубр, кабан, олень, россомаха, рысь, лось), а также домашний скот и птица: коровы, лошади, козы, свиньи, куры. Кроме того, в зоопарке есть дикие гуси, павлины, экзотические животные [Чеснокова 2012, с. 91].

Таким образом, исторические исследования характера заселения острова, изменения его природных очертаний и специфики хозяйственно-культурной деятельности человека приводит к динамике номинации острова от Valmundsö до Djurgården. Значение словообразовательного компонента *-gård* при этом изменяется от места, где жили викинги, до заповедника.

Существует определенная взаимосвязь компонента *-gård* с компонентом *-torp* 'торп, хутор, земельный надел'.

Географические наименования, оканчивающиеся на *-torp*, встречаются, главным образом, в южной и средней частях Швеции – от Сконе до реки Дальэльвен; в более северных районах они довольно редки. Наименования со вторым элементом *-torp* проникли в Швецию из Дании, однако существует возможность проникновения их также из Германии, где топонимы с этимологически идентичной вышеназванному компоненту частью *-dorf* широко употреблялись уже во время великого переселения народов (IV–VII вв. н.э.) [Bengt 2007, с. 43–44].

Шведский исследователь Ёран Сальгрэн полагает, что данный тип топонимов возник в Дании и Сконе самое позднее в IX в., в Вэстергётланде и Эстергётланде – примерно в XII в. (по мнению

Хеллберга, уже до распространения христианства), в Даларне и южной части Норрланда – в XV в. [Bengt 2007, с. 43–44]. Кроме того, встречается указанный Хеллбергом более древний тип наименований на *-torp*, который трудно отличить от более раннего в южных частях страны, однако в провинциях Медельпад и Йе́мтланд различие между такими топонимами вполне очевидно. По крайней мере, часть подобных названий, по мнению Хеллберга, может относиться к Железному веку. Наконец, существует пласт совсем ранних наименований, оканчивающихся на *-torp*, характеризующихся тем, что второй их компонент часто употребляется в определенной форме, и слово *-torp* имеет значение, до сих пор существующее в таких словах, как *dagsverkstorp* – 'земельный участок, на котором выполняется подневная работа', *soldattorp* – 'дом с земельным участком, выделенные солдату'.

Война между Швецией и Данией в 1676–1679 гг. подорвала мощь шведского Великодержавия. Карл XI занялся обороной протяженных границ государства. Дорогостоящие иностранные наемники или насильно рекрутируемые шведские и финские солдаты заменялись солдатами, которых содержало население, так называемыми *indelta soldater*. Они получали небольшой дом и надел земли, работая на котором могли прокормить себя и свою семью. Поэтому солдатами стали тысячи молодых людей, у которых никогда не хватило бы средств на свой двор или маленький домик. Крестьянские дворы (обычно два – четыре) составляли группы, так называемые роты. Каждая такая группа должна была обеспечить одного солдата, предоставить ему дом, землю и всё необходимое. Офицерам предоставлялись дома с участками земли, размеры которых зависели от офицерского чина. Кроме того, налоги, взимаемые с определенного числа крестьянских дворов, шли на жалование офицерам [Мелин, Юхансон, Хеденборг 2002, с. 133]. Солдатам давались специальные прозвища – *soldatnamn* 'солдатские имена', такие имена, как *Dunderkarl* ('отчаянный парень'), *Räven* ('лиса'), *Stekpannan* ('сковорода') и др.

Введение солдатских прозвищ решило проблему с именами среди военных. Когда десятки людей на хуторе оказывались с одним и тем же именем, к нему добавляли *gårdsnamn* 'название хутора, крестьянского двора'. Если *Anders Persson* (Андерс Перссон) жил на хуторе *Pers* (Перс), то он звался *Pers Anders Persson* (Перс Андерс Перссон), а иногда – *Anders Pers Persson* (Андерс Перс Перссон).

Выводы

Активность компонента в топонимической номинации связана с диффузностью его семантики, которая всё больше расширяется с течением времени. Интегративным семантическим компонентом *-gård* является 'краеведческий клуб' в модели «слово(-а) + сложное слово, содержащее компонент *-gård*».

Обнаруживается семантическое сближение исторически различных компонентов *-torp* и *-gård* в словах *soldattorp* и *gårdsnammn*. Оно проявляется в том, что значение компонентов в ряде лексем современного шведского языка практически совпадает.

Семантическое исследование малоизвестных топонимов, содержащих компонент *-gård*, требует изучения истории становления каждого конкретного географического термина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алёшин А. С. Устойчивые сравнения шведского языка: лингвокультурологический аспект. СПб. : Нестор-История, 2012. 260 с.
- Антонова Ю. В. Швеция. Исторический путеводитель. М. : Вече, 2009. 400 с.
- Миланова Д. Э. Большой шведско-русский словарь: ок. 160 000 слов и словосочетаний. 6-е изд. М. : Рус. яз., 1998. 760 с.
- Природина У. П. Прозвищная номинация. Понятие «крестьянский двор» в шведской антропонимической формуле // Общественные науки. Вып. 2. М. : Международный исследовательский институт. 2017. С. 235–242.
- Чеснокова Т. А. Стокгольм времен Астрид Линдгрен. История повседневности. М. : Продюсерский центр Александра Гриценко, 2012. 216 с.
- Штрейфферт Б. Швеция. Города и страны – как на ладони. Дорлинг Киндерсли. М. : Астрель, 2011. 360 с.
- Bengt P. Ortnamnen i Sverige. Lund : Studentlitteratur, 2007. 200 с.
- Luthan H. Svenska idiom. Kristianstad : Kristianstads Boktryckeri AB, 2006. 181 s.
- Ottosson M., Ottisson Å. Upplev Sverige. En guide till upplevelser i hela landet. Stockholm : Bonnier Fakta, 2010. 528 s.

REFERENCES

- Aljoshin A. S. Ustojchivye sravnenija shvedskogo jazyka: lingvokul'torologicheskij aspekt. SPb. : Nestor-Istorija, 2012. 260 s.
- Antonova Ju. V. Shvecija. Istoricheskij putevoditel'. M. : Veche, 2009. 400 s.
- Milanova D. Je. Bol'shoj shvedsko-russkij slovar': ok. 160 000 slov i slovosochetaniy. 6-e izd. M. : Rus. jaz., 1998. 760 s.

- Prirodina U.P.* Prozvishhnaja nominacija. Ponjatie «krest'janskij dvor» v shvedskoj antroponimicheskoj formule // Obshhestvennye nauki. Vyp. 2. M. : Mezhdunarodnyj issledovatel'skij institut. 2017. S. 235–242.
- Chesnokova T.A.* Stokgol'm vremen Astrid Lindgren. Istorija povsednevnosti. M. : Produserskij centr Aleksandra Gricenko, 2012. 216 s.
- Shtreiffert B.* Shvecija. Goroda i strany – kak na ladoni. Dorling Kindersli. M. : Astrel', 2011. 360 s.
- Bengt P.* Ortnamnen i Sverige. Lund : Studentlitteratur, 2007. 200 s.
- Luthan H.* Svenska idiom. Kristianstad : Kristianstads Boktryckeri AB, 2006. 181 s.
- Ottosson M., Ottisson Å.* Upplev Sverige. En guide till upplevelser i hela landet. Stockholm : Bonnier Fakta, 2010. 528 s.

УДК 81`33

А. О. Стеблецова, Ю. Н. Наumenко

Стеблецова А.О., доктор филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Воронежского государственного медицинского университета им. Н.Н.Бурденко; e-mail: annastebl@mail.ru

Наumenко Ю.Н., преподаватель кафедры иностранных языков Воронежского государственного медицинского университета им. Н. Н. Бурденко; e-mail: naumenko1981@mail.ru

ЗАГОЛОВКИ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ: ДИСКУРСИВНО-КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Работа посвящена дискурсивно-когнитивной специфике заголовков английских и русских научных статей. Рассматриваются заголовки научных статей ведущих британских и российских медицинских журналов в аспекте их лингвокультурной идентичности и принадлежности академическому дискурсу. В результате сопоставительного анализа выявлены синтаксические модели заголовков английских и русских научных медицинских статей, которые соотносятся с категориями научного анализа. Описаны способы эксплицитного и имплицитного выражения категорий научного анализа, обнаружены их лексические маркеры, проанализированы когнитивные особенности семантической и синтаксической организации заголовков.

Ключевые слова: академический дискурс; заголовок медицинской статьи; дискурсивно-когнитивные особенности; синтаксическая модель заголовка; категории научного анализа; лексические маркеры.

A. O. Stebletsova, Yu. N. Naumenko

Stebletsova A.O., Doctor of Philology, Head of Foreign Languages Department, Voronezh N. N. Burdenko State Medical University; e-mail: annastebl@mail.ru

Naumenko Yu. N., Lecturer at the Department of Foreign Languages, Voronezh N.N.Burdenko State Medical University; e-mail: naumenko1981@mail.ru

TITLES OF ENGLISH AND RUSSIAN RESEARCH ARTICLES: DISCURSIVE AND COGNITIVE FEATURES

The paper discusses discursive and cognitive features of the titles of English and Russian research articles. The titles of research articles from the leading British and Russian medical journals are investigated both from the cultural perspective and with regard to the type of academic discourse. A comparative analysis has revealed correlation between the syntactic structure of the title and cognitive categories. The authors have also described explicit and implicit means of these categories representation in the title including lexical markers as well as cognitive features of their semantic and syntactic structure.

Key words: academic discourse; research articles titles; discourse and cognitive features; article syntactic model; categories of analysis; lexical markers.

Введение

Английский язык является современным *lingua franca* международной науки. Наряду с очевидными преимуществами лингвокультурной глобализации академического дискурса возникает и ряд существенных проблем для иноязычных участников дискурса. Можно выделить несколько проблемных зон, в которые попадают русскоязычные исследователи, стремящиеся стать частью англоязычного академического сообщества. Некоторые из них очевидны и лежат на поверхности, другие не столь явны и имеют глубинные причины. Попробуем представить себе эти трудности в виде трех категорий. Первая категория – лингвистическая – является наиболее очевидной: недостаточная языковая компетенция русскоязычных авторов, ошибки грамматического, лексического, синтаксического характера, пунктуация и прочие. Эти проблемы достаточно подробно рассматриваются в разных лингводидактических, методических и переводоведческих работах [Стеблецова, Торубарова 2017; Стеблецова, Торубарова 2018]. Вторая категория – лингвокультурные барьеры – это проблема содержания научного дискурса в профессиональном смысле. Нерелевантность темы исследования, отсутствие или несовпадение научных дисциплин или отраслей, несовпадение жанров, ложные толкования понятий и явлений – частично эти проблемы могут быть отнесены к числу лингвокультурных барьеров академического дискурса. Поскольку многие из них выходят за рамки собственно лингвистической парадигмы, они не стали предметом языкового анализа. Наконец, третья категория – дискурсивно-когнитивные барьеры – представляет особый интерес. Эти проблемы, вызванные национально-культурными особенностями восприятия и порождения научного текста, спецификой научного мышления на родном языке и необходимостью перестраивать собственный способ рефлексии под англоязычный научный стиль и нормы аргументации. Само осознание наличия дискурсивно-когнитивных барьеров происходит, на наш взгляд, пока только в лингвистическом сообществе, в среде специалистов, занимающихся проблемами иностранного языка для специальных целей в методическом аспекте. Между тем именно дискурсивно-когнитивные различия в вербальной манифестации английского и русского научного стиля заслуживают глубокого изучения.

Выявление и анализ национально-специфических черт английского и русского академического дискурса является одним из актуальных направлений лингвистических исследований. Научная статья, как наиболее распространенный и универсальный жанр письменного академического дискурса, является релевантным материалом таких исследований.

В работе мы сконцентрировались на важном структурном и содержательном компоненте научной статьи – заголовке. Заголовок – это коммуникативно значимый элемент в структурной организации текста. Именно заголовок прогнозирует содержание и определяет последующее восприятие содержания текста. Изучению академического дискурса и текста посвящено большое количество работ зарубежных исследователей [Crosby 1976; Carter-Thomas & Rowley-Jolivet 2001; Hartley 2007; Hyland 2004, с. 210; Hyland 2008, с. 15; Soler 2007]. Заголовок рассматривался отечественными лингвистами такими, как А. Н. Гвоздев, Е. М. Галкина-Федорук, Н. А. Кожина, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, А. М. Пешковский, А. С. Попов, Н. П. Харченко, А. А. Шахматов и другими. На материале газетных, художественных, поэтических и научных текстов глубоко рассматриваются функциональные, структурные, семантические и стилистические особенности заголовков [Лазарева 1989; Москавец 2015; Лицюнь 2004; Храмушина 2015; Кольцова 2007; Бородина 2007]. Однако несмотря на большое количество исследований о роли заголовков в художественном и публицистическом стилях речи, их особых функциях в маркетинге и политехнологиях заголовки научных текстов всё еще остаются на периферии лингвистического и дискурсивного анализа. В эпоху глобализации академического дискурса заголовки научных текстов являются актуальным предметом исследования особенно в сопоставительном аспекте. Актуальность настоящего исследования продиктована необходимостью изучения дискурсивно-когнитивной специфики заголовков русскоязычного и англоязычного научных текстов с целью преодоления дискурсивно-когнитивных барьеров в сфере международного медицинского дискурса, что особенно значимо для русскоязычных участников. Таким образом, цель настоящего исследования состоит в выявлении и анализе дискурсивно-когнитивной специфики английского и русского академического дискурса на материале заголовков медицинских статей. Результаты такого анализа могут представлять определенную значимость для сопоставительных языковых исследований, дискурсивного анализа и когнитивной лингвистики;

ценность для функционального направления сопоставительной стилистики, занимающегося сравнительным исследованием научного стиля английского и русского языков.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили заголовки, аннотации и статьи авторитетных российских медицинских журналов «Вестник Российской академии медицинских наук» за 2015–2018 гг., «Вестник хирургии имени И. И. Грекова» за 2016–2018 гг. и ведущего британского научного издания The British Medical Journal (далее – BMJ) за 2017–2018 гг. Общий объем проанализированного материала составил 123445 знаков текста. Авторами статей BMJ являлись ученые-медики – носители английского языка; авторами статей российских медицинских журналов были носители русского языка, кандидаты и доктора медицинских наук, а также работники практического здравоохранения.

На начальном этапе анализу подвергались заголовки оригинальных английских статей BMJ. Заголовки английских статей рассматривались в дискурсивно-когнитивном аспекте. Когнитивно-дискурсивный анализ заключался в поиске и выявлении соответствия между конкретными номинативными группами (словосочетаниями с существительным), составляющими структурную основу заголовка, и смысловыми категориями научного анализа, скрытыми в этих номинативных группах. Для выявления этих соответствий мы воспользовались классификацией заголовков, предложенной Дэвидом Порушем в работе A Short Guide to Writing about Science [Porush 1995].

Классификация Дэвида Поруша, на наш взгляд, является оптимальной для анализа заголовков научных статей и включает следующие типы заголовков. Первый тип – заголовок содержит название проблемы, гипотезы или теории, которые проверяются или обсуждаются в статье. Второй тип – заголовок содержит название исследуемого явления или предмета. Третий тип – заголовок содержит название метода, используемого для исследования явления. Четвертый тип – заголовок содержит краткое описание полученных результатов. Уточним, что Дэвид Поруш предложил классификацию заголовков научных статей по химии. Исходя из эмпирического опыта работы с заголовками научных медицинских статей, мы пришли к выводу, что данная классификация может быть дополнена. Проанализировав

большую часть заголовков научных статей, мы отметили, что заголовки англоязычных авторов часто содержат название дизайна, т. е. типа медицинского, биомедицинского или клинического исследования. Это происходит потому, что медицинские исследования отличаются строго разработанной типологией, характерной именно для этой области науки. Так, например, частотными типами исследований являются *cohort study* – «когортное исследование», *prospective cohort study* – «проспективное когортное исследование», *retrospective cohort study* – «ретроспективное когортное исследование», *observational study* – «неэкспериментальное исследование», *randomised trial* – «рандомизированное клиническое испытание». Следовательно, категория дизайна медицинского исследования является принципиально важным компонентом смысловой структуры заголовка и должна получить свое отражение в разработанной нами классификации синтаксических моделей заголовка научной медицинской статьи.

Методика исследования заключалась в следующем. Проводился анализ синтагматических структур номинативных групп заголовка для установления типичных синтаксических моделей построения заголовка. В ходе анализа заголовков английских научных медицинских статей были выявлены закономерности выражения смысловых категорий научного анализа в заголовке и способы их синтаксической организации. Аналогичному анализу подвергались заголовки русских научных медицинских статей. На сопоставительном этапе исследования выявленные закономерности выражения смысловых категорий научного анализа в синтаксических моделях заголовков английских научных медицинских статей сравнивались с синтаксическими моделями заголовков русских научных медицинских статей. Случаи расхождения последних с англоязычными моделями свидетельствовали о наличии дискурсивно-когнитивной специфики в заголовках русских и английских научных медицинских статьях.

Результаты и обсуждение. Синтаксические модели заголовков английских научных медицинских статей

В ходе анализа заголовков английских научных статей медицинского дискурса были определены их синтаксические модели в соответствии с типами заголовков.

1. Первый тип заголовков содержит название проблемы, гипотезы или теории, которые проверяются или обсуждаются в статье

и дизайн (тип исследования). Схематически синтаксическую модель первого типа заголовков можно представить следующим образом:

***N* проблема / гипотеза / теория ↔ *N* дизайн,**

где

N проблема – это номинация *категории научного анализа* – проблемы, гипотезы, теории с помощью существительного или номинативной группы (словосочетанием с существительным);

N дизайн – это номинация *категории научного анализа* – дизайна (типа) медицинского исследования с помощью существительного или номинативной группы (словосочетанием с существительным);

↔ символизирует структурное равноправие компонентов заголовка.

В данной синтаксической модели содержатся равноправные компоненты заголовка, выраженные номинативными группами. Выраженные в них категории максимально подробно и точно информируют читателя о проблеме исследования и его дизайне. Номинативные группы являются самыми распространенными и нормативными конструкциями заголовков англоязычных статей. Ниже приводятся примеры данной модели:

Association of paternal age with perinatal outcomes between 2007 and 2016 in the United States: population based cohort study.

Взаимосвязь между возрастом отца и пеританальными исходами между 2007 и 2016 годами в США: популяционное когортное исследование¹.

Impact of London's road traffic air and noise pollution on birth weight: retrospective population based cohort study.

Влияние транспортного и шумового загрязнения окружающей среды в Лондоне на вес новорожденных: ретроспективное популяционное когортное исследование.

Trends for prevalence and incidence of resistant hypertension: population based cohort study in the UK 1995–2015.

Тенденции распространенности и заболеваемости резистентной гипертонией: популяционное когортное исследование в Великобритании, 1995–2015 гг.

¹Зд. и далее перевод наш. – А. С., Ю. Н.

2. Второй тип заголовков содержит название исследуемого явления или предмета и дизайн. Схематически синтаксическую модель второго типа заголовков можно представить следующим образом:

N объект / предмет ↔ дизайн,

где

N объект / предмет – это номинация *категории научного анализа* – исследуемого объекта или предмета с помощью существительного или номинативной группы (словосочетанием с существительным);

N дизайн – это номинация *категории научного анализа* – дизайна (типа) медицинского исследования с помощью существительного или номинативной группы (словосочетанием с существительным);

↔ символизирует структурное равноправие компонентов заголовка.

Ниже приведем примеры данной модели:

Statins for primary prevention of cardiovascular events and mortality in old and very old adults with and without type 2 diabetes: retrospective cohort study.

Статины в первичной профилактике сердечно-сосудистых заболеваний и смертности у людей пожилого и старческого возраста с диабетом II типа и в его отсутствии: ретроспективное когортное исследование.

Thyroid hormone treatment among pregnant women with subclinical hypothyroidism: US national assessment.

Гормональная терапия щитовидной железы беременных с субклиническим гипотиреозом: национальная экспертиза США.

Treatment strategies for women with WHO group II anovulation: systematic review and network meta-analysis.

Стратегии лечения женщин с ановуляцией II класса по классификации ВОЗ: систематический обзор и мета-анализ.

3. Третий тип заголовков содержит название результатов исследования и дизайн. Схематически синтаксическую модель третьего типа заголовков можно представить следующим образом:

N результат ↔ дизайн

где

N результат – номинация *категории научного анализа* – результата с помощью существительного или номинативной группы;

N дизайн – это номинация *категории научного анализа* – дизайна (типа) медицинского исследования с помощью существительного или номинативной группы (словосочетанием с существительным);

↔ символизирует структурное равноправие компонентов заголовка.

Ниже приведены примеры данной модели:

Efficacy and effectiveness of screen and treat policies in prevention of type 2 diabetes: systematic review and meta-analysis of screening tests and interventions.

Эффективность и результативность стратегии скрининга и лечения в профилактике диабета II типа: систематический обзор и мета-анализ скрининговых тестов и медицинских мероприятий.

Effectiveness and safety of reduced dose non-vitamin K antagonist oral anticoagulants and warfarin in patients with atrial fibrillation: propensity weighted nationwide cohort study.

Результативность и безопасность применения сниженной дозы пероральных антикоагулянтов – антагонистов витамина К и варфарина у пациентов с фибрилляцией предсердий: общенациональное когортное исследование группы риска.

Effect of diet and physical activity based interventions in pregnancy on gestational weight gain and pregnancy outcomes: meta-analysis of individual participant data from randomized trials.

Влияние питания и физической активности во время беременности на увеличение веса и исход родов: мета-анализ отдельных данных рандомизированных исследований.

Семантические характеристики заголовков английских научных медицинских статей

В ходе лексического и дескриптивного анализа заголовков, аннотаций и текстов статей мы отметили, что англоязычные авторы регулярно используют определенные лексемы абстрактной семантики, например, *association* – *взаимосвязь*; *effectiveness* – *действенность, результативность, эффективность*; *effect* – *эффект, влияние, результат*; *management* – *терапия, лечение, тактика*; *impact* – *воздействие*; *trend* – *направление, тенденция*. Соотнесение их с проблематикой исследования позволяет предположить, что эти лексемы служат для эксплицитной манифестации определенных смысловых

категорий научного анализа исследования. Их можно считать своего рода *маркерами проблемы, гипотезы, результата, объекта или предмета исследования*, отраженными в заголовке. Мы предполагаем, что данные лексемы-маркеры являются средствами экспликации категории научного анализа, таких как:

– *гипотеза*, которая проверяется в ходе исследования и обсуждается в статье, например:

Association of paternal age with perinatal outcomes between 2007 and 2016 in the United States: population based cohort study.

Взаимосвязь между возрастом отца и пеританальными исходами между 2007 и 2016 годами в США: популяционное когортное исследование.

– *результаты*, представленные в сжатом виде, например:

Effectiveness of flexible sigmoidoscopy screening in men and women and different age groups: pooled analysis of randomised trials.

Результативность гибкого сигмоидоскопического скрининга у мужчин и женщин разных возрастных групп: объединенный анализ рандомизированных исследований;

– *объект* или *предмет*, рассматривающийся в исследовании, например:

Self-management of patients with mild COPD in primary care: randomised controlled trial.

Тактика самоконтроля пациентов с легкой формой ХОБЛ на уровне первичной помощи: рандомизированное контролируемое исследование.

Безусловно, далеко не все заголовки английских научных медицинских статей содержат вышеперечисленные лексемы-маркеры категорий научного анализа. Однако это не означает, что в их отсутствие номинации категории научного анализа не происходит. Предполагаем, что при отсутствии лексем-маркеров – экспликаторов категорий научного анализа – эти категории могут быть выражены имплицитно с помощью номинативных групп, организованных в синтаксические модели.

В большинстве случаев синтаксические конструкции с номинативными группами представляют собой двучлен или трехчлен, у которого оба его компонента (главный и зависимый) соединены с помощью синтаксической (атрибутивной) подчинительной связи. Следует

отметить, что любое существительное, стоящее перед другим существительным, выполняет атрибутивную функцию, т. е. образует препозитивную атрибутивную конструкцию. Широкое употребление существительных в качестве препозитивных атрибутов считается одной из специфических характеристик английского языка и наиболее распространено именно в научном стиле. Употребление многокомпонентного словосочетания дает возможность передачи максимального количества информации при минимальном использовании грамматических средств связи. Широкое употребление синтаксических конструкций с номинативными группами в заголовках английских научных медицинских статей является ярким примером языковой компрессии, отличительной чертой английского научного стиля. Рассмотрим следующий пример:

Laparoscopic cholecystectomy versus percutaneous catheter drainage for acute cholecystitis in high risk patients (CHOCOLATE): multicentre randomised clinical trial.

Лапароскопическая холецистэктомия, или чрезкожное катеторное дренирование при остром холецистите для пациентов с высокой степенью риска (ШОКОЛАД): многоцентровое рандомизированное клиническое исследование.

В данном заголовке существительное *cholecystectomy* распространяется прилагательным *laparoscopic* в предпозиции по отношению к главному члену группы. Необходимо отметить, что роль адъективного атрибута могут выполнять и слова других частей речи в функции определения (adjective + noun). Так, в номинативной группе *percutaneous catheter drainage for acute cholecystitis in high risk patients* главное существительное *drainage* распространяется в предпозиции прилагательным *percutaneous* и существительным *catheter*, а также распространяется предложным оборотом в постпозиции по отношению к главному члену группы.

Следующий пример демонстрирует прием реализации языковой компрессии за счет употребления номинативных групп:

Intensification of older adults' outpatient blood pressure treatment at hospital discharge: national retrospective cohort study.

Интенсификация амбулаторного лечения пациентов пожилого возраста с артериальным давлением при выписке из больницы: национальное ретроспективное когортное исследование.

Существительное *intensification* распространяется в постпозиции предложным оборотом *of older adults' outpatient*, а существительное *treatment*, входящее в номинативную группу *blood pressure treatment*, распространяется в предпозиции существительными *blood* и *pressure*.

Отдельного комментария заслуживает функционально-семантические особенности союзов в английских заголовках. Синтаксические конструкции с союзами достаточно частотны в заголовках британских медицинских статей. Примечательно, что союз *and*, помимо прямого значения добавления, может использоваться в конструкциях, номинативные группы которых находятся в *причинно-следственных отношениях*, например:

Obesity *and* obstetric conditions: umbrella review of the literature.

Ожирение и акушерско-гинекологические осложнения: зонтичный обзор.

Из содержания статьи следует, что гинекологические заболевания могут являться результатом ожирения. Это заключение следует из обзорного исследования, выполненного авторами по указанной проблематике. Возвращаясь к трактовке заголовка, можно утверждать, что союз *and* между существительным *obesity* и номинативной группой *obstetric conditions* не просто играет роль соединительной связки, но и имплицитует причинно-следственные отношения между двумя понятиями.

Таким образом, можно заключить, что в заголовках английских научных медицинских статей категории научного анализа могут быть выражены как эксплицитно, так и имплицитно с помощью синтаксических и семантических средств, нормативных для научного дискурса.

Синтаксические модели заголовков русских научных медицинских статей

В ходе анализа текстов русских научных медицинских статей и аннотаций были выявлены наиболее распространенные типы заголовков русского научного дискурса. Их мы также попытались представить в виде синтаксических моделей и прокомментировать их семантические характеристики.

1. Широко распространен в русских медицинских статьях заголовков, содержащий номинативную группу, выражающую категорию

дизайна или типа исследования в сочетании с номинацией предмета исследования. Схематически синтаксическую модель первого типа заголовков русских научных медицинских статей можно представить следующим образом:

N дизайн → n предмет,

где

N дизайн – это номинация *категории научного анализа* типа медицинского исследования с помощью существительного или номинативной группы;

n предмет – это номинация *категории научного анализа* – предмета с помощью существительного или номинативной группы;

→ грамматически зависимый тип связи между компонентами заголовка.

Наши данные свидетельствуют о том, что русские заголовки часто содержат следующие лексические единицы – *анализ, оценка, изучение, исследование*. Это говорит о том, что русские авторы также активно используют номинацию категории дизайна или типа исследования в заголовках, причем в качестве основного члена номинативной группы. Лексема, выражающая категорию предмета или объекта исследования ставится в грамматически зависимую позицию – позицию дополнения. Необходимо отметить, что номинация дизайна присутствует только в генерализированном виде (анализ, исследование, изучение), иными словами, название не содержит точного указания на тип исследования. Номинация категории предмета исследования обычно детализирована и выражена большим количеством конкретных существительных, часто терминами, например:

Анализ отдаленных результатов хирургического лечения пациентов с интрадуральными опухольями спинного мозга;

Исследование психологических особенностей детей и подростков с заболеваниями органов пищеварения.

Изучение видового разнообразия бактерий рода Bifidobacterium кишечной микрофлоры с использованием метода Maldi-TOF массспектрометрии.

Такая типичная для русского научного стиля схема построения номинативных групп существенно отличается от английской, в которой номинация предмета как наиболее существенная (новая, актуальная) категория исследования стоит на первой позиции, а номинация

категории дизайна – на второй, но синтаксически равноправной позиции.

2. Ко второму типу заголовков русских научных медицинских статей можно отнести те, в которых тема или проблема исследования, как категория научного анализа исследования, вводится при помощи предложного оборота *к вопросу о... к понятию ... к проблеме ...* и их модификациями. Схематически синтаксическую модель второго типа заголовков русских научных медицинских статей можно представить следующим образом:

Прер предложный оборот N предмет,

где

Прер предлог или предложный оборот – вводит главный член словосочетания;

N предмет – это номинация *категории научного анализа* предмета или проблемы с помощью существительного или номинативной группы.

Например:

Еще раз к вопросу о дренировании брюшной полости.

О проблеме низкой комплаентности российских пациентов.

3. К третьему типу заголовков русских научных медицинских статей можно отнести заголовки, содержащие указание на результат исследования, возможно, прикладного или инструментального характера. Схематически синтаксическую модель третьего типа заголовков русских научных медицинских статей можно представить следующим образом:

N результат → область или условия его применения

где

N прикладной результат – это номинация *категории научного анализа* прикладного результата с помощью лексем абстрактной семантики;

N область или условия его применения – это номинация *категории научного анализа* области или условия применения результата с помощью существительного или номинативной группы;

→ символизирует грамматически зависимый тип связи между компонентами заголовка.

Интересно отметить, что номинация результата происходит с помощью лексем абстрактной семантики, часто с положительной

коннотацией, например, оптимизация, способ формирования, алгоритм, модель. Рассмотрим следующие примеры.

Оптимизация хирургической тактики у пациентов с опухолями моторной зоны коры головного мозга на основе транскраниальной магнитной стимуляции и магнитно-резонансной трактографии.

Под оптимизацией хирургической тактики... подразумевается некое улучшение существующей хирургии.

Способ формирования панкреатоэнтероанастомоза при панкреатодуоденальной резекции.

Способ формирования ... предполагает новый хирургический метод.

С помощью такой номинации авторы акцентируют прикладную значимость результатов своего исследования и его эффективность. При этом выбор абстрактной лексики не позволяет читателю непосредственно из заголовка понять, какая именно оптимизация, модернизация или др. предлагается авторами, это можно узнать из текста статьи.

4. Четвертый выделенный тип заголовков русских научных медицинских статей представляет собой две номинативные группы, связанные союзом *как*. Такая синтаксическая конструкция с союзом *как* может выступать аналогом дефиниции, выраженной неполным предложением.

Схематически синтаксическую модель четвертого типа заголовков русских научных медицинских статей можно представить следующим образом:

N предмет как N результат,

где

N предмет – это номинация категории научного анализа предмета с помощью существительного или номинативной группы;

N результат – это номинация категории научного анализа результата с помощью существительного (термином) или номинативной группы.

Например:

Транссфеноидальная хирургия назальной ликвореи как осложнение медикаментозного лечения пролактином.

Флегмона предплечья как следствие развития в тканях дирофилярии.

«Комплаентность» пациента как один из факторов, определяющих эффективность эрадикационной терапии.

Заболевания гепатобилиарной системы как предикторы прогрессирования псориаза.

Как правило, в моделях такого типа авторы предлагают новые трактовки уже известных предметов или открывают их новые качества.

Семантическая организация заголовков русских научных медицинских статей

Национально-специфической чертой заголовков русских научных медицинских статей является отвлеченно-обобщенный, или абстрактный характер изложения.

Это выражено в широком употреблении лексики абстрактной общенаучной семантики в заголовках научных медицинских статей. Лексемы выступают как обозначения общих понятий или абстрактных предметов: *подходы* к трахеостомии у пациентов с глубокими ожогами шеи и ингаляционной травмой т. е. автором не указывается какой именно подход используется при терапии ожогов.

Абстрактный характер повествования создается и за счет номинализации (субстантивации). Частотное использование такой лексики, как *создание, формирование, оптимизация* и других отглагольных существительных в заголовке является, на наш взгляд, следствием закрепившегося в сознании русских ученых представления о том, что данные лексемы являются маркерами научного и формального стиля речи. В русском научном дискурсе лексемы *создание, организация, оптимизация, модернизация, реализация, формирование* и др. традиционно используются как содержательный элемент заголовков, указывающий на общий существенный характер обсуждаемой проблемы, например,

Способ формирования панкреатоэнтероанастомоза при панкреатодуоденальной резекции.

Использование в заголовках предложных оборотов *к вопросу о ... к понятию ... к проблеме ...* придает формулировке темы статьи несколько абстрактное звучание. Однако, возможно, использование этой модели заголовка преследует совершенно иные цели. Автор намеренно концентрирует внимание на исследуемом предмете, который настолько актуален или неоднозначен, что заголовок призван подчеркнуть его дискуссионность. Автор называет предмет и определяет его

как вопрос, имеющий проблемный характер. Например, заголовок *«Еще раз к вопросу о дренировании брюшной полости»* можно трактовать таким образом: «Дренирование брюшной полости по-прежнему является проблемой».

В целом использование лексики абстрактной семантики является характерной особенностью заголовков русских научных медицинских статей.

Выводы

Проведенный анализ заголовков английских и русских научных медицинских статей позволил выявить дискурсивно-когнитивную специфику заголовков английских и русских научных медицинских статей, которую можно выразить в следующих положениях.

Заголовки английских научных медицинских статей отличаются достаточно четкой содержательной (семантической) и композиционной (синтаксической) организацией, нормативной для научного дискурса.

Заголовки русских научных медицинских статей также следуют определенным схемам, которые содержат универсальные категории научного анализа, однако их синтаксическая и семантическая структуры существенно отличаются от английских. Использование абстрактных лексем общенаучной семантики в качестве первого компонента номинативной группы является типичным для русскоязычного научного дискурса. В синтаксической организации заголовков наблюдается грамматически зависимый тип связи между компонентами.

Заголовки английских научных медицинских статей эксплицитно или имплицитно выражают универсальные категории научного анализа, которые можно классифицировать в виде нескольких базовых групп. Предложенная нами типология синтаксических моделей заголовков обязательно содержит номинацию научной категории дизайна исследования, что является характерной особенностью медицинского дискурса, любое исследование которого проходит по методике того или иного типа (или дизайна).

Заголовки русских научных медицинских статей содержат категорию (дизайна) типа исследования в качестве основного члена номинативной группы, а категория предмета или объекта исследования находится в грамматически зависимой позиции. Категория научного анализа эксплицируется предложным оборотом, такой прием является типичным для заголовков русских научных медицинских статей.

В заголовках английских научных медицинских статей регулярно используются определенные лексемы – маркеры категорий научного анализа. Выявление данных лексем, соотнесение их с типом заголовка может служить для русскоязычных авторов некой вспомогательной моделью, нормой англоязычного научного стиля, которую можно и нужно воспроизводить при создании собственных текстов.

Заголовки русских научных медицинских статей традиционно используют слова абстрактной общенаучной семантики или отглагольной лексики в качестве первого компонента номинативной группы как содержательный элемент заголовков, указывающий на общий существенный характер обсуждаемой проблемы. Отвлеченно обобщенный характер номинализаций в русском заголовке объясняется представлением русских авторов о необходимости использования абстрактной лексики, как атрибута языка науки вызваны национально-культурными нормами научного стиля, представлениями об академичности научно-го текста, спецификой научного мышления на родном языке.

Повторяемость синтаксической организации заголовков также является типичной чертой английской научной медицинской статьи. Использование выявленных наиболее распространенных синтаксических конструкций может быть эффективным для русскоязычных авторов с точки зрения приближения своих текстов к нормам англо-язычного научного стиля и дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бородина О. А.* Именные группы в заголовке и реферате как отражение концепта текста: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 236 с.
- Кольцова Л. М.* Заголовок в структуре художественного текста // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2007. № 2. С. 6–19.
- Лазарева Э. А.* Заголовок в газете. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 96 с.
- Лицунь Ли.* Структура, семантика и прагматика заглавий художественных произведений: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 185 с.
- Москавец М. Н.* Классификация газетных заголовков по степени автономности семантики (на материале французской прессы) // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2015. № 3. С. 77–83.
- Стеблецова А. О., Торубарова И. И.* Трудности перевода научно-популярных медицинских текстов // Сопоставительные исследования: материалы III Всерос. науч. конф. «Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях: межязыковое и внутриязыковое сопоставление», Воронеж, 3 февраля 2017 г. М., 2017. С. 208–212.

- Стеблецова А. О., Торубарова И. И. Лингвистические несоответствия при переводе медицинского текста как проявление интерференции русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Ч. 2. Тамбов, 2018. № 10. С. 351–355.
- Храмушина Л. М. Функционально-семантические и стилистические особенности заглавия художественного текста: на материале английского языка // Молодой ученый. 2015. № 8. С. 1189–1194.
- Carter-Thomas S. & Rowley-Jolivet E. Syntactic differences in oral and written scientific discourse: the role of information structure // English for Specific Purposes, 31. 2001. P. 19–37.
- Crosby Harry H. Titles, a Treatise on. College Composition and Communication 27. no. 4. 1976: 387–91. doi:10.2307/356303.
- Hartley J. (2007). There's More to the Title Than Meets the Eye: Exploring the Possibilities. Journal of Technical Writing and Communication. no 37(1), 95–101. doi.org/10.2190/BJ16-8385-7Q73-1162.
- Hyland K. As can be seen: Lexical bundles and disciplinary variation // English for Specific Purposes. 27(1). 2008. P. 4–21.
- Hyland K. Disciplinary Discourses. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2004. 323 p
- Porush D. A Short Guide to Writing About Science. New York : Harper Collins, 1995, 275 p.
- Soler V. Writing titles in science: An exploratory study // English for Specific Purposes. 2007. Vol. 26. Issue 1. P. 90–102.

REFERENCES

- Borodina O. A. Imennye gruppy v zagolovke i referate kak otrazhenie koncepta teksta: dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2007. 236 s.
- Kol'cova L. M. Zagolovok v strukture hudozhestvennogo teksta // Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki. 2007. № 2. S. 6–19.
- Lazareva Je. A. Zagolovok v gazete. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1989. 96 s.
- Licjun' Li. Struktura, semantika i pragmatika zaglavij hudozhestvennyh proizvedenij: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2004. 185 s.
- Moskavec M. N. Klassifikacija gazetnyh zagolovkov po stepeni avtonomnosti semantiki (na materiale francuzskoj pressy) // Vestnik MGOU. Serija: Lingvistika. 2015. № 3. S. 77–83.
- Steblecova A. O., Torubarova I. I. Trudnosti perevoda nauchno-populjarnyh medicinskih tekstov // Sopostavitel'nye issledovanija: materialy III Vseros. nauch. konf. «Sopostavitel'nye metody v lingvisticheskikh issledovanijah: mezhdzjazykovoe i vnutrizjazykovoe sopostavlenie», Voronezh, 3 fevralja 2017 g. M., 2017. S. 208–212.

- Steblecova A. O., Torubarova I. I.* Lingvisticheskie nesootvetstvija pri perevode medicinskogo teksta kak projavlenie interferencii russkogo jazyka // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Ch. 2. Tambov, 2018. № 10. S. 351–355.
- Hramushina L. M.* Funkcional'no-semanticheskie i stilisticheskie osobennosti zaglavija hudozhestvennogo teksta: na materiale anglijskogo jazyka // *Molodoj uchenyj*. 2015. № 8. S. 1189–1194.
- Carter-Thomas S. & Rowley-Jolivet E. Syntactic differences in oral and written scientific discourse: the role of information structure // *English for Specific Purposes*, 31. 2001. P. 19–37.
- Crosby Harry H.* Titles, a Treatise on. *College Composition and Communication* 27. no. 4. 1976: 387–91. doi:10.2307/356303.
- Hartley J.* (2007). There's More to the Title Than Meets the Eye: Exploring the Possibilities. *Journal of Technical Writing and Communication*. no 37(1), 95–101. doi.org/10.2190/BJ16-8385-7Q73-1162.
- Hyland K.* As can be seen: Lexical bundles and disciplinary variation // *English for Specific Purposes*. 27(1). 2008. P. 4–21.
- Hyland K.* *Disciplinary Discourses*. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2004. 323 p.
- Porush D.* *A Short Guide to Writing About Science*. New York : Harper Collins, 1995, 275 p.
- Soler V.* Writing titles in science: An exploratory study // *English for Specific Purposes*. 2007. Vol. 26. Issue 1. P. 90–102.

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯДРА КОНЦЕПТА «ИЗОБРЕТЕНИЕ» В РОССИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ ГАЗЕТНЫХ ДИСКУРСАХ

В статье с семантико-стилистической точки зрения рассматривается ядерный репрезентант концепта изобретение / 发明 в современных русских и китайских медиатекстах. Цель исследования – сопоставить особенности репрезентации концепта в русской и китайской языковых картинах мира и установить их сходство и различие. Для достижения поставленной цели прослеживается динамика значения вербализаторов концепта «изобретение», начиная с появления лексем в обоих языках.

Основные методы исследования – дискурсивный (контекстный) анализ, концептуально-семантический анализ собранных фактов, а также сопоставительный анализ семантических и стилистических характеристик репрезентанта ядра данного концепта при его объективации в российском и китайском газетных дискурсах в лексеме «изобретение».

Статистический анализ фактов вербализации ядра исследуемого концепта говорит о неравном соотношении единиц с предметной семантикой в двух разноязычных дискурсах. В российском газетном дискурсе таких единиц в 1,8 раза больше, чем в китайском, что свидетельствует об активности русского отглагольного существительного в репрезентации концепта, и наоборот, активности предиката-синкрета в китайском языке. Установлено, что в обоих дискурсах вербализуются принадлежность, степень значимости, количественный, временной и видовой признаки, степень новизны / оригинальность, а также оценочный признак. Однако только в русской языковой картине мира изобретение вербализуется в форме отглагольного существительного при указании на факт признания в обществе, а также на степень завершенности действия. При этом в русскоязычном газетном дискурсе более разнообразны и экспрессивны прилагательные – конкретизаторы объекта.

Ключевые слова: языковая картина мира; газетный дискурс; концепт «изобретение»; семантико-стилистическая репрезентация; синкретизм; сопоставительный анализ.

Yan Hongduo

PhD student at the Department of the Russian Language, Culture of Speech and Teaching Methods at the Faculty of Philology and Media Communications, Vyatka State University; e-mail: yhd_duoduo@163.com

REPRESENTATION OF THE CORE OF THE CONCEPT “INVENTION” IN THE RUSSIAN AND CHINESE NEWSPAPER DISCOURSE

The article develops a semantic and stylistic approaches to consider the core representative of the concept “invention” in modern Russian and Chinese mediatexts. The purpose of the present research is to compare means of representing this concept in the Russian and Chinese language pictures of the world and to describe the existing similarities and differences. To achieve this goal, the dynamics of the meaning of the verbalizers of the concept “invention” are traced; the chosen period of analysis is from the appearance of these lexemes in both languages until the present day.

The main research methods are discourse analysis, conceptual and semantic analysis of empirical data, a comparative analysis of the semantic and stylistic characteristics of the core of this concept as it is represented in the lexeme “invention” in Russian and Chinese newspapers.

Statistical analysis of means of verbalizing the core of the concept under study reveals an unequal correlation between units with subject semantics in the two discourses. In Russian newspaper discourse such units occur 1.8 times more often than in Chinese, which points to the active character of verbal nouns as representatives of the concept in Russian and predicate-syncret – in Chinese. It has been established that in both discourses the features of possession, quantity, time, category and evaluation are verbalized.

To convey the idea of completion and recognition in society in the Russian language the concept of invention is verbalized with help of verbal nouns. Besides, in the Russian newspaper discourse adjectives are more diverse and expressive.

Key words: language picture of the world; newspaper discourse; concept ‘invention’; semantic-stylistic representation; syncretism; comparative analysis.

Введение

При внедрении современных информационных технологий коммуникация между людьми разных народов становится социально-культурным фактором их сближения. Научно-технический прогресс – это не только прочная основа для развития современного общества, но и одна из основных тем СМИ, которые призваны отражать динамические процессы в его жизни. В связи с этим, с одной стороны, не удивительно, что при передаче информации о появлении новых конструктивных идей и путях их реализации, в газетных текстах разных стран слово «изобретение» обладает высокой частотностью. С другой стороны, как потенциальный репрезентант концепта межнационального дискурса, определяющего движение человечества вперед, данное слово должно получить когнитивно-дискурсивную интерпретацию.

Лингвистическое исследование тех или иных единиц газетного дискурса, входящего в различные лингвокультуры, крайне важно для выявления национальной специфики языковых картин мира. Если эти единицы представляют компоненты ценностной системы разных народов, дискурс-анализ может стать не чем иным, как поиском точек «соприкосновения национального и инонационального» [Руженцева, Антонова 2013, с. 8]. Нельзя не согласиться с мнением о перспективности анализа и «семантико-стилистических особенностей современного медиатекста, отражающего ключевой концепт» [Пушкарева 2015, с. 35]. Сопоставление концептов в разносистемных языках – это не только эффективный способ выявления специфики языковой номинации, но и путь к изучению глубинной семантики языка в процессе перевода [Нагель 2015].

Цели и задачи исследования

Основная цель проведенного исследования – выявление особенностей языковой концептуализации смыслового пространства *изобретение* в русской и китайской языковой картине мира на основе дискурс-анализа одноименной лексемы. Также были поставлены следующие задачи: проследить исторические изменения семантики данного слова в русском и китайском языках; определить особенности вербальной репрезентации концепта «изобретение» в рамках одноименной лексемы, называющей его ядро, и сопоставить репрезентирующие его когнитивно-семантические признаки; выявить и сравнить особенности сочетаемости репрезентантов концепта; установить прагматические параметры концептуализации «изобретения» в газетном дискурсе на основе анализа текстов современной российской и китайской прессы. Для решения поставленных задач использовались лексикографический, дискурсивный, концептуально-семантический и сопоставительный анализы.

В качестве материала для выявления особенностей семантико-стилистической репрезентации ядра концепта использовались 750 текстов онлайн-версий семи ведущих российских газет: «РБК Дейли», РИА «Новости», «Комсомольская правда», «Известия», «Труд-7», «Советский спорт» и «Новый день», а также 750 текстов двенадцати китайских газет такого же статуса: «Жэньминь жибао», «Гуанмин Жибао», «Политическая информация», «Справочные новости», «Справочник молодежи», «Китайская молодежная газета», «Газета

китайского искусства», «Китайская культурная газета», «Китайский женский еженедельник», «Южный еженедельник», «Южная городская газета» и «Газета здоровья», опубликованных в 2017 г. Таким образом, в базе данных собрано 1500 фактов (контекстов) разноязычного газетного дискурса, включающих лексему «изобретение».

Основные методы, использованные для решения задач исследования, – лексикографический анализ ядра концепта «изобретение», репрезентантом которого выступает соответствующая лексема; дискурсивный (контекстный) анализ, включающий концептуально-семантический анализ фактов и их последующую классификацию, а также сопоставительный анализ семантических, прагматических и стилистических характеристик репрезентанта ядра данного концепта в русскоязычном и китайском газетных дискурсах.

Концепт «изобретение» в русском и китайском языках: появление, динамика, современная лексикографическая характеристика

С точки зрения происхождения слово *изобретение* как имя существительное, производное от глагола *изобрести*, в русском языке фиксируется с XI в. [Этимологический словарь современного русского языка 2010, т. 1, с. 346]. Глагол *изобрести* имеет четкую точку отсчета в своей эволюции от *находить* – «рѣтти – обрѣсти – изобрѣсти» и считается заимствованием из старославянского языка, где, оно, по предположению ученых, является словообразовательной калькой греческого слова *exeyrisko* – *изобретаю, разыскиваю; изобрести* букв. 'найти' и через *обрести* этимологически связано со словом *встреча* [Шанский, Боброва 1994, с. 105]. Опираясь на этимологические данные, можно сделать вывод о том, что изменение значения слова *изобрести* в русском языке шло определенным историческим путем: *встречать* – *встретить* – *находить* – *найти* (или *придумать*) [Этимологический словарь... 2010, т. 2].

Как отглагольное имя существительное *изобретение* наследует значение действия от своих производящих и приобретает второе (предметное) значение, т.е. той же лексемой называется результат данного действия.

В китайской языковой картине мира данное слово появилась намного раньше. Производящий глагол впервые фиксируется в период Сражающихся царств (403–256 г. до н. э.) и имеет следующие значения: **1.** развивать и расширять (чи-л. знания), умнеть; **2.** разъяснять,

на основе критического подхода к старому развивать новое (идея или мнение)¹ [辞源 2015, с. 2851]. Таким образом, можно считать, что в древнюю эпоху концепт «изобретение» вербализуется только в глагольной форме. На уровне диахронии устанавливается четкое различие семантической основы производного слова *изобретение* в русском и китайском языках: в китайском языке она более конкретизирована, а именно – в смысловых пространствах *знание, развитие*), обладает более емким содержанием и с когнитивной точки зрения репрезентируется через названные существенные признаки; компонент «находить» отсутствует.

В процессе социально-политического развития общества, особенно после XIX в., в языковой картине мира двух языков наблюдается тенденция к сближению представлений о концептуальных признаках слова «изобретение» и, в конечном счете, к тождеству. Это подтверждается результатами лексикографического анализа описаний вербального репрезентанта концепта в русских и китайских толковых словарях.

Согласно «Словарю русского языка» лексема «изобретение» на синхроническом уровне имеет следующие значения: **1.** действие по знач. глаг. *изобрести, изобретать*, т. е. *творчески работая, создать (создавать)* что-л. новое, прежде неизвестное. || разг. придумать; **2.** то, что изобретено; *вновь созданный, прежде неизвестный предмет*. || разг. *выдумка, затея*² [Словарь русского языка 1999, с. 48–49].

Значение данной лексемы в китайском языке не было установлено до 20-х гг. XX в. [辞海 2009, с. 549]. Слово 发明 в самом авторитетном китайском толковом словаре «现代汉语词典» (словарь современного китайского языка) семантизируется следующим образом: **1.** *творчески создать (создавать) новый предмет или способ*; **2.** то, что творчески создано, т. е. *новый предмет или способ*; **3.** *книжн. творчески раскрывать (смысл) и объяснять; выражать смысл или истину полностью*³ [现代汉语词典 2016, с. 351].

На основе сопоставительного анализа словарных статей данных словарей можно заметить сходные понятийно-логические признаки концепта «изобретение» в обеих лингвокультурах. Общими выступают, во-первых, признак «действие», стремящееся к определенному

¹ Перевод автора. – Я. Х.

² Выделено нами. – авт.

³ Выделено нами. – авт. Пер. – авт.

результату – появлению чего-либо нового; во-вторых, в репрезентации действия отражаются три одинаковые семы – «творчески», «создание» и «новое»; в-третьих, разные значения (действие и предмет) синкретически совмещаются в одной форме слова.

Однако между двумя лексемами, репрезентирующими концепт «изобретение» в русском и китайском языках, обнаруживаются следующие различия.

1. С точки зрения соотнесенности с частью речи слово *изобретение* в русском языке – это производное отглагольное имя существительное, а слово «发明» в китайском языке – это и глагол, и существительное, т. е. две разные части речи существуют в одной форме слова. Причина данного отличия заключается в том, что китайский язык не обладает свойственной русскому языку системой словоизменения и, следовательно, в нем нет флексий – показателей членоречной принадлежности слова. Синкретическое совмещение глагола и существительного в одной форме слова является очень распространенным явлением в китайском языке [Чжао 2003].

2. При обозначении действия русское слово «изобретение» имеет более широкое содержание в своем семантическом объеме: *творчески работая, создать (создавать) что-л. прежде неизвестное* отсутствует в семантической структуре «发明». Из-за небольшого отличия в значении действия семантический элемент **прежде неизвестный предмет** тоже не наблюдается в семантической структуре единицы «发明». Поэтому можно предположить, что «изобретение» имеет более широкую (практически неограниченную) референцию, чем «发明», в котором четко обозначены *новый предмет* или *способ*.

3. В словарной статье лексемы «изобретение» в толковом словаре русского языка дополнительно указаны семантические особенности, свойственные ей при употреблении в разговорной речи. В обиходно-бытовой сфере коммуникации слово «изобретение» может обозначать действие по значению глагола *придумать*, а в рамках предметной семантики – *выдумку* и *затею*. Близкая семантическая связь «изобретения» с этими лексемами также отражается в словаре синонимов русского языка [Гаврилова 2013]. Подчеркнем, что в лексикографической интерпретации лексемы «发明» в толковом словаре китайского языка указывается ее стилистическая принадлежность книжного характера, что не имеет аналога в словаре русского языка.

В когнитивной лингвистике лексикографический анализ признается эффективным способом отражения ядра концепта [Маслова 2004]. С помощью анализа словарных статей ключевого вербализатора концепта «изобретение» установлены его сходства и различия в русской и китайской лингвокультурах. Однако необходимо учитывать, что «для того чтобы определить все оттенки значения слова, следует обратиться к многочисленным контекстам его употребления» [Попова 2017, с. 50].

Особенности концептуализации «изобретения» в русскоязычном и китайском медиадискурсах

Дискурс-анализ медийных (газетных) текстов позволяет сделать вывод, что слова *изобретение* и 发明 имеют достаточно разнообразный спектр применения в российском и китайском дискурсах, потому что в самом широком смысле слова почти все достижения и открытия в современном человеческом обществе являются результатом создания нового, прежде неизвестного, т. е. изобретениями. Результаты статистического анализа фактов с данным синкретом, репрезентирующим возможные для него смыслы в российских и китайских газетах, отражены в следующей диаграмме:

Рис. 1. Количественное соотношение вербализаторов концепта *изобретение* и 发明 с российском и китайском медиадискурсах

Следует отметить, что явного различия референциальной сферы в русском и китайском материале не наблюдается. При репрезентации признаков с предметной семантикой оба слова могут обозначать любые конкретные созданные людьми предметы, обладающие определенной функциональностью и удовлетворяющие какие-либо потребности людей (например, в транспорте, связи, лечении: *автомобиль*,

телеграф, лекарство и т.д.). Изобретатель, как правило, может получить патент, деньги, премию, заслужить репутацию или получить какое-либо вознаграждение за свое изобретение. Предикатная семантика тех же лексем связана с отражением процесса создания названных и многих других предметов. Иными словами, ядерное содержание концепта, репрезентуемое лексемами «изобретение» и «发明», имеет идентичные концептуально-семантические признаки и обнаруживает общие черты в русской и китайской языковых картинах мира.

Однако с помощью сопоставительного анализа сочетаемости данных лексем нами были обнаружены национально специфичные признаки в морфологических способах репрезентации данного концепта. В проанализированном материале слово «изобретение», выражающее значение действия, может сочетаться с рядом прилагательных (например: *многолетнее, отдельное и собственное*), а глагол 发明 сочетается с наречиями (например: *самозабвенно, самостоятельно, сознательно и необоснованно*). Однако ряды признаков слов в сочетаниях со словом «изобретение»-действие невелики, так как предикатная семантика реализуется преимущественно в дискурсе, объективно представляющем факты.

Прилагательные, которые сочетаются со словами «изобретение» и «发明», выражающими значение предмета, гораздо более многочисленны. Выявленные факты можно разделить на несколько групп на когнитивно-семантической основе.

Лексема «изобретение» в текстах российских газет может сочетаться с прилагательными, обозначающими:

1) принадлежность: *российское, русское, собственное, другое, чужое, тульское, советское, отечественное, петербургское, сталинское, ленинское, итальянское, московское, монгольское, европейское, украинское, австрийское, зарубежное, американское, испанское и греческое*;

2) степень важности/значимости: *инновационное, великое, величайшее, важнейшее, основное, главное, историческое, важнейшее, выдающееся, прорывное, революционное, необходимое, крупное, ключевое*;

3) количественный признак: *многие, различные и всевозможные*;

4) временной признак: *новейшее, новое, последнее, свежее, современное, модное, недавнее, неновое, давнее, прошедшее, древнее, древнейшее*;

5) видовой признак: *научное, техническое, конкретное, инженерное, стилистическое, технологическое, гастрономическое, оптическое, подобное, военное, детское и компьютерное;*

6) степень оригинальности новизны/исключительность: *уникальное, простейшее, интересное, дерзкое, авторское, секретное, оригинальное, заурядное, необычное, невероятное, смелое, крутое;*

7) оценочный признак: *гениальное, перспективное, совершенное, отличное, идеальное, яркое, лучшее, эффектное, удачное, полезное, демократичное, наивысшее, сложное, хитроумное, случайное, бесполезное, абсурдное, вредоносное, страшное;*

8) факт признания/отсутствия признания научным сообществом, на практике или в социуме в целом: *запатентованное, внедренное, патентованное, использованное, ненужное, нужное, мировое;*

9) степень завершенности: *сделанное, созданное, недоработанное, реальное, несуществующее.*

Слово 发明 имеет следующую сочетаемость в рамках исследуемого дискурса (цифрами обозначены соответствующие признаки, совпадающие с признаками, выявленными в русскоязычном материале):

1) *китайское, японское, американское, английское, европейское, германское, иностранное, отечественное, собственное, чужое, другое;*

2) *большое, маленькое, революционное, важное, великое, прорывное, перспективное, драгоценное, знаменитое;*

3) *многие, некоторые, разные, бесчисленные;*

4) *новейшее, новое, современное, передовое, начальное, будущее, древнее;*

5) *практическое, техническое, механическое, научно-техническое, высокотехнологичное, математическое, сельскохозяйственное, кулинарное;*

6) *классическое, оригинальное, уникальное, необычайное, роскошное, шокирующее, необычное, творческое, причудливое, простое;*

7) *наилучшее, полезное, хитроумное, смешное, наихудшее¹.*

Можно говорить о том, что обе лексемы репрезентируются на уровне сочетаемости одинаково широко в газетном дискурсе России и Китая. При сопоставлении можно обнаружить некоторые различия. С точки зрения семантики концепт «изобретение» в русской картине мира имеет более широкий ряд характеристик, выраженных прилагательными. Однако это не означает, что языковые репрезентации

¹ Пер. – авт.

аналогичных семантических признаков 8-й и 9-й групп отсутствуют в китайском дискурсе. Мы объясняем данный факт иными способами, характерными для грамматической системы китайского языка (например, вместо полной формы страдательного причастия «запатентованное» используется краткая форма – «было запатентовано» или сочетание «получило патент»).

На уровне стилистической репрезентации ядерного репрезентанта концепта «изобретение» прилагательные, используемые при выражении одного и того же признака, различны по окраске. Например, прилагательные *большое* и *маленькое*, которые указывают на степень значимости изобретений в китайской языковой картине мира (2-я группа), не встречаются в русскоязычных текстах. Прилагательные *крутое* и *яркое*, единичные в собранном российском материале, в китайских текстах не встречаются вообще. Следует подчеркнуть, что прилагательные, характеризующие слово «изобретение» в российских газетных текстах, более экспрессивны и выражают более разнообразные эмотивные оттенки.

Выводы

В результате проведенного анализа семантико-стилистических свойств ядерного репрезентанта концепта «изобретение» в русском и китайском газетном дискурсе, можно сделать следующие выводы. Судя по времени «прихода» одноименной лексемы в тот и иной язык, ядерный вербализатор концепта «изобретение» появляется в китайской языковой картине мира намного раньше, чем в русской, причем первоначально семантика репрезентанта в китайском языке значительно отличалась от русского этимона. В китайском языке это слово долгое время, вплоть до XX в., имело только глагольную форму, обозначая развитие знания, его расширение, объяснение и входило в концептуальную сферу «познание», т. е. концептуализация носила отвлеченный, умозрительный, характер, отличаясь философской основой. В русском языке вербализатор ядра концепта имеет старославянское происхождение и этимологически связан с номинацией действия («искать»), а точнее, результатом этого действия («находить»). В лексикографическом описании ключевого репрезентанта данного концепта на уровне синхронии наблюдается сходство семантических признаков («творчески», «создание», «новое»), но в русской языковой картине мира отражается более широкий

семантический объем на понятийном уровне, обеспечивающий практически неограниченную референцию вербализатора. На уровне дискурса выявлена более разнообразная сочетаемость лексемы «изобретение» в русском языке, объясняемая его грамматической системой. В целом можно говорить об установлении идентичных концептуально-семантических признаков, свидетельствующих об общих чертах русской и китайской языковых картин мира при концептуализации изобретения. Следует отметить большую степень экспрессивности русскоязычного материала.

Таким образом, несмотря на разность грамматических систем русского и китайского языков, а также частичное несовпадение морфологической основы действующего в них механизма семантического синкретизма, концептуализация изобретения в газетном дискурсе России и Китая обнаруживает преимущественно общие когнитивно-семантические признаки, что свидетельствует о динамике первоначальных с исторической точки зрения представлений как о процессуальной, так и о (позже) предметной семантике репрезентанта концепта в обеих картинах мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаврилова А. Н. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50000 слов. М. : Аделант, 2013. 800 с.
- Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. Минск : Тетра Системс, 2004. 256 с.
- Нагель О. В. Деривационная специфика наименований лица в славянских языках (на материале параллельного подкорпуса НКРЯ) // Русин. 2015. № 3 (41). С. 226–240.
- Попова Т. П. Семантическая сочетаемость и лингвокультурные корреляции концепта терпимость в русской языковой картине мира // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 15. 2017. № 2. С. 47–60.
- Пушкарева И. А. Концепт «Правда» в современной газетной публицистике: семантико-стилистический анализ (на материале городской газеты «Кузнецкий рабочий») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 1 (33). С. 26–37.
- Руженцева Н. Б., Антонова Ю. А. Межнациональный дискурс: модель в контексте эпохи: монография. М. : Екатеринбург, 2013. 292 с.
- Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А-Й. 702 с.

- Чжао Юньтин. Сопоставительная грамматика русского и китайского языков. М. : Прогресс, 2003. 460 с.
- Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М. : Просвещение, 1994. 400 с.
- Этимологический словарь современного русского языка / сост. А. К. Шапошников: в 2 т. Т. 1–2. М. : Флинта : Наука, 2010. Т. 1. 584 с.; Т. 2. 576 с.
- 辞海, 夏征农、陈至立, 上海: 上海辞书出版社, 2009年, 3477页
- 辞源, 何九盈、王宁、董琨, 北京: 商务印书馆, 2015年, 4922页
- 现代汉语词典 (第七版), 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编, 北京: 商务印书馆, 2016年, 1803页

REFERENCES

- Gavrilova A. N. Slovar' sinonimov i antonimov sovremennogo russkogo jazyka. 50000 slov. M. : Adelant, 2013. 800 s.
- Maslova V. A. Kognitivnaja lingvistika: ucheb. posobie. Minsk : Tetra Sistems, 2004. 256 s.
- Nagel' O. V. Derivacionnaja specifika naimenovanij lica v slavjanskix jazykax (na materiale parallel'nogo podkorpora NKRJa) // Rusin. 2015. № 3 (41). С. 226–240.
- Popova T. P. Semanticheskaja sochetaemost' i lingvokul'turnye korrelyacii koncepta terpimost' v russkoj jazykovoj kartine mira // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. T. 15. 2017. № 2. S. 47–60.
- Pushkareva I. A. Koncept «Pravda» v sovremennoj gazetnoj publicistike: semantiko-stilisticheskij analiz (na materiale gorodskoj gazety «Kuzneckij rabochij») // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2015. № 1 (33). S. 26–37.
- Ruzhenceva N. B., Antonova Ju. A. Mezhnacional'nyj diskurs: model' v kontekste jepohi: monografija. M. : Ekaterinburg, 2013. 292 s.
- Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / pod red. A. P. Evgen'evoj. 4-e izd., stereotip. M. : Rus. jaz. : Poligrafresursy, 1999. T. 1. A–J. 702 s.
- Chzhao Junypin. Sopostavitel'naja grammatika russkogo i kitajskogo jazykov. M. : Progress, 2003. 460 s.
- Shanskij N. M., Bobrova T. A. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka. M. : Prosveshhenie, 1994. 400 s.
- Jetimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka / sost. A. K. Shaposhnikov: v 2 t. Т. 1–2. М. : Flinta : Nauka, 2010. Т. 1. 584 с.; Т. 2. 576 с.
- 辞海, 夏征农、陈至立, 上海: 上海辞书出版社, 2009年, 3477页
- 辞源, 何九盈、王宁、董琨, 北京: 商务印书馆, 2015年, 4922页
- 现代汉语词典 (第七版), 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编, 北京: 商务印书馆, 2016年, 1803页

Грамматическое описание языков: история и современность

УДК 81(091), 81'44

Н. Н. Германова

доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания ФГБОУ ВО МГЛУ;

e-mail: nata-germanova@yandex.ru

ТРАКТАТ «СООБРАЖЕНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ФОРМАЦИИ ЯЗЫКОВ» АДАМА СМИТА: БЫЛИ ЛИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ У БРАТЬЕВ ШЛЕГЕЛЕЙ?

В статье анализируются идеи А. Смита как предшественника типологических учений XIX в. Автор дает краткую характеристику вклада А. Смита, более известного своими трудами в области экономики и философии, в разработку филологической проблематики. Показано, что уже в XVIII вв. Великобритании было осознано различие между аналитическим и синтетическим строем языков, причем одним из источников интереса к выделению различных типов языков была разработка проблемы происхождения человеческого языка и попытка установить этапы его развития. Различие в грамматическом строе языков рассматривалось как в диахронии (для гипотетической стадияльной интерпретации развития человеческого языка), так и в синхронии (для классификации реальных языков). Автор отмечает существенные различия в оценке трактата А. Смита «Соображения о происхождении и формации языков» современными лингвистами. По мнению автора, хотя А. Смит нельзя назвать основоположником типологического языкознания, он высказал целый ряд идей, которые были развиты лингвистами в XIX и даже XX вв., в том числе в области диахронической типологии. Мысли, высказанные А. Смитом относительно роли языковых контактов в развитии языков и в упрощении систем склонения и спряжения, также получили развитие в конце XIX в. Сходство с идеями типологов XIX в., в том числе с идеями братьев Шлегелей, проявляется и в трактовке А. Смитом усиления аналитизма как регресса в развитии языка. Вместе с тем типологические построения А. Смита ограничены индоевропейскими языками, что не позволяет ему заложить основы типохорической классификации языков, поставив вопрос о типе языка как закономерном сочетании различных структурных признаков.

Ключевые слова: история языкознания; лингвистическая типология; синтетические языки; аналитические языки; языковые контакты; А. Смит.

N. N. Guermanova

Doctor of Philology, Professor, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University;

e-mail: nata-germanova@yandex.ru

“CONSIDERATIONS CONCERNING THE FIRST FORMATION OF LANGUAGES” BY A. SMITH: DID THE SCHLEGEL BROTHERS HAVE PREDECESSORS?

In the article A. Smith is presented as a forerunner of linguistic typology of the 19th century. The author characterizes the contribution made by A. Smith, who is better known for his work in the field of economics and philosophy, into philological research. It is shown that the difference between synthetic and analytic languages was already realized in the 18th century, the interest to this problem being inspired by conjectures concerning the origin of language and the stages of its development. The difference in grammar was interpreted both diachronically (for conjectural stadial interpretation of language evolution) and synchronically (for classification of existing languages). The author points out to the difference in the assessment of the treatise “Considerations concerning the first formation of languages” by modern linguists, arguing that though A. Smith cannot be considered the founder of linguistic typology, he managed to put forward ideas which were later elaborated by linguists of the 19th and 20th centuries, e.g. in diachronic typology. His ideas on the role of language contacts in the development of languages leading to simplification of conjugation and declination found support in linguistics at the end of the 19th century. The affinity with the 19th century typology also reveals itself in A. Smith’s negative attitude to the spread of analytical constructions. At the same time his typology is based exclusively on Indo-European languages, which precludes him from raising the problem of typochoric classification of languages, which treats language type as a natural combination of different structural linguistic properties.

Key words: history of linguistics; language typology; synthetic languages; analytic languages; language contacts; Adam Smith.

Адам Смит: не только экономист

Создание генеалогической и типологической классификаций языков мира по праву считается великим достижением лингвистики XIX в. Именно с ними историки лингвистической науки обычно связывают формирование языкознания как науки. Огромный вклад в разработку проблем сравнительно-исторического и типологического языкознания внес А. Шлейхер, работы которого составили целую эпоху в истории языкознания XIX в.

Однако любое великое научное открытие готовится усилиями предшественников и опирается на заложенный ими фундамент. Когда речь заходит о предшественниках А. Шлейхера в области типологических исследований, обычно (и совершенно справедливо) называют братьев Шлегелей и их труды «О языке и мудрости индийцев» (1809) и «Заметки о провансальском языке и литературе» (1818).

Первая работа, написанная Ф. Шлегелем, предлагает деление языков на флективные и аффиксирующие; вторая, принадлежащая перу его брата, Августа-Вильгельма Шлегеля, добавляет к ним языки аморфного типа и делит флективные языки на синтетические и аналитические. В дальнейшем идеи братьев Шлегелей были развиты В. фон Гумбольдтом и А. Шлейхером, а учения последних, в свою очередь, переосмыслены лингвистами XX в.

Однако возникает закономерный вопрос: а были ли предшественники у самих братьев Шлегелей, или, другими словами, поднимались ли проблемы типологии языков в XVIII в., и как именно, в каком научном контексте они рассматривались. Ответ на эти вопросы позволит точнее определить вклад лингвистов XIX в. в создание лингвистической типологии и даст возможность проследить филиацию лингвистических идей.

В статье речь пойдет об Адаме Смите – британском ученом, более известном своими трудами в области экономики и философии (кто не помнит пушкинские строки: «Зато читал Адама Смита и был глубокий эконом...»). Публикацию труда шотландского ученого «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776) историки науки считают началом формирования экономики как отдельной научной дисциплины.

Менее известен тот факт, что Адам Смит является также автором трактата, посвященного проблемам языка и содержащего набросок типологической классификации языков. В русском переводе этот труд получил не совсем точное название «Соображения о происхождении и формации языков» (1761); в полном виде работа имеет достаточно пространное название: «Трактат о происхождении языков, или Соображения относительно происхождения языков и различного гения первоначальных и составных языков» (*A dissertation on the origin of languages: or, considerations concerning the first formation of languages and the different genius of original and compounded languages*). Как видно, типологическая направленность труда А. Смита заявлена в самом заглавии его трактата.

Интерес к проблемам языка у А. Смита возник не случайно: к лингвистической и, шире, филологической проблематике он обращался на протяжении большей части своей жизни, хотя далеко не все тексты были опубликованы. С 1748 по 1751 гг. А. Смит с большим успехом читал лекции по риторике в Эдинбурге (видимо, на

заседаниях Философского общества); после переезда из Эдинбурга в Глазго в 1751 г. он прочел курс лекций (предположительно тот же самый) в Университете г. Глазго как часть курса «Моральной философии».

У текста этих лекций интересная судьба: при жизни автора они не были опубликованы, их рукописный вариант, в соответствии с пожеланием автора, высказанным им Д. Юму, был сожжен вместе с другими рукописями, и, казалось, текст был полностью утерян. Однако в 1961 г. были найдены и опубликованы студенческие конспекты лекций А. Смита. Их публикация позволила считать его основоположником британской риторики XVIII в. В частности, лекции А. Смита оказали влияние на авторов наиболее значительных британских риторик XVIII в. – на Дж. Кэмбелла и особенно на Х. Блэра (А. Смит впоследствии даже обвинял его в плагиате), которые были в числе его эдинбургских слушателей. Принципиальным новаторством А. Смита был акцент на ясности (*precision*) как главном требовании к литературному тексту, в отличие от тропов и фигур, которые А. Смит считал необязательным, а порой и излишним украшательством. Этим его лекции радикально отличались от британских риторик начала и середины XVIII в. А. Блэквелла (1718), Дж. Стирлинга (1733), Дж. Уорда (1759) Дж. Холмса (1755), Т. Гиббонса (1767), которые оставались, по сути, стилистическими, излагавшими теорию тропов. Положение о ясности, как принципиальном требовании к тексту, было полностью сохранено в риториках Дж. Кэмбелла и Х. Блэра, а также было положено в основу грамматических рекомендаций того времени [Германова 2014].

Происхождение и развитие языка в трактовке А. Смита

Исследование роли лекций А. Смита в развитии британской риторики, несомненно, заслуживает того, чтобы стать темой отдельного исследования, но в настоящей статье предметом рассмотрения являются его типологические изыскания, изложенные в трактате «Соображениях о происхождении и формации языков». Этот труд был опубликован как приложение к третьему изданию «Теории нравственных чувств» (1761) под названием «Трактат о происхождении языков» (*‘Dissertation on the Origin of Languages’*) и посвящен проблемам происхождения и развития человеческого языка – проблеме, которая в XVIII в. оказалась в центре философско-лингвистических исследований во Франции и в Великобритании [Smith 1774; Badenoch

1999]. Среди гипотетических построений, касающихся происхождения человеческого языка, наиболее известными были гипотезы лорда Монбоддо, Э. Б. Кондильяка и Ж.-Ж. Руссо, хорошо известные А. Смит. Гипотезы об истоках языка в 1760–1780-х гг. активно обсуждали и члены Абердинского философского общества (в работе которого принимал участие А. Смит), в том числе Томас Рейд, Джеймс Дунбар и лорд Монбоддо [Badenoch 1999].

Естественно, в силу отсутствия фактического материала рассуждения на тему происхождения языка носили исключительно предположительный характер и вытекали из гипотез о природе человека и его эпистемологических способностях. Уже в XVIII в. подобные исследования получили название «*conjectural linguistics*» («умозрительная лингвистика», или «лингвистика, основанная на предположениях»); авторство этого оборота приписывал себе шотландский философ Дугалд Стюарт [Stewart 1877]. К чести А. Смита следует заметить, что он, по мере возможности, пытался обосновать свои предположения о ходе языковой эволюции известными ему фактами, ссылаясь, к примеру, на явление антономазии (в превращении единичных имен собственных в нарицательные А. Смит видел начало языковой эволюции), на детскую речь и особенности усвоения иностранного языка.

Интерес к проблеме происхождения человеческого языка имеет двоякое объяснение: с одной стороны, философов интересовала загадка происхождения языка, с другой – обращение к этой проблематике позволяло исследовать природу человека и его интеллектуальных возможностей (способность к сравнению, обобщению, классификации, абстрагированию). Это объясняет публикацию трактата А. Смита в качестве приложения к его сочинению «Теории нравственных чувств»: в обоих сочинениях речь, в конечном счете, шла о природе человека – нравственной и интеллектуальной.

Вкратце картина происхождения и развития языка представлялась А. Смиты следующим образом: сначала возникли существительные, которые первоначально были именами собственными и обозначали конкретные объекты, потом на их базе в результате генерализации возникли нарицательные существительные. Одновременно (или даже раньше существительных – этот момент трактуется автором непоследовательно) появились глаголы, причем первые глаголы были безличными и обозначали целостное событие, не разделяя его на составные части. Как пояснял А. Смит, первоначально восклицание типа *venit!*

(идет!) обозначало приближение любой опасности, потом, по мере появления существительных, стало возможно обозначение субъекта действия отдельным словом (*Лев идет!*). Со временем имена стали изменяться, прежде всего, по роду, потом и по падежам; за счет этого стало возможно указывать на качества объектов, хотя пока еще без достижения высокого уровня абстрагирования, не отделяя эти качества от предмета.

Следующей частью речи стало прилагательное, что потребовало более высокого уровня абстрагирования: если при изменении существительных по родам и падежам качество и его носитель еще слиты воедино, то формирование прилагательных потребовало достаточно сложной операции отвлечения качества от его носителя.

Следующей частью речи оказался предлог, появление которого свидетельствовало о еще большей способности человека к абстрагированию. Предлоги передают отношения, а отношение, как писал Смит, это еще более метафизическое явление, чем качество. Появление предлогов меняет всю структуру предложения: те значения, которые раньше выражались формами слов, теперь могут выражаться предложными сочетаниями или порядком слов.

Как видно, в основе последовательности формирования частей речи и усложнения языковой системы лежит степень сложности ментальных операций, прежде всего, уровень абстрагирования, доступный человеку (сравнение, генерализация, классификация, абстрагирование, анализ). Другими словами, прогресс в языке определяется усложнением мыслительных операций. Отметим, что внимание к ментальным операциям, лежащим в основе речевой деятельности, было присуще британской философии языка по крайней мере со времен выхода в свет трактата Дж. Локка «Опыт о человеческом разумении» (1690). Однако, в отличие от Дж. Локка, А. Смит полагал, что язык возник у человеческих существ, еще не обладавших способностью к абстрагированию и лишь постепенно усложнявших доступный им набор ментальных операций (во Франции подобные мысли высказывал Кондильяк, с трудами которого А. Смит был знаком)¹.

¹ По мнению Дж. Локка, формирование способности к абстрагированию предшествует образованию языка, а не развивается вместе с ним. Позднее лорд Монбоддо как сторонник неоплатонизма также признал наличие абстрактных идей отличительной чертой человека (хотя и на других философских основаниях).

Синтетические и аналитические языки в освещении А.Смита: подступы к типологической классификации языков

Нетрудно заметить, что с точки зрения типологических построений в трактате А. Смита речь идет о движении языков от синтетизма к аналитизму – тенденции, подтвержденной развитием языков индоевропейской семьи.

Эта же идея положена в основу предлагаемого Смитом деления языков на простые (т.е. синтетические) и составные (т.е. аналитические), или, в терминах автора, *uncompounded / compounded languages*. Адекватный перевод этих терминов на русский язык представляет определенные трудности, прежде всего в силу того, что автор пользуется термином *compounded language* в двух значениях. В начале трактата под «составными языками» подразумеваются языки аналитического строя, в которых цельной форме древнего языка (например, греческого или латыни) соответствует аналитическая («составная») конструкция.

При этом, чем больше в языке «составных» конструкций, тем проще в нем склонение и спряжение, и наоборот. Наиболее ярким примером «простого» («несоставного») языка для А. Смита был греческий; во всех остальных языках он усматривал сочетание «составных» и «несоставных» конструкций. По мнению А. Смита, простые и составные языки не представляли собой два изолированных класса (за исключением греческого языка, который представлялся ему идеалом несоставного языка): речь шла, скорее, о том, что в разных языках черты синтетизма и аналитизма сочетаются в различной степени. Это положение полностью соответствует современным представлениям.

В дальнейшем, когда речь заходит о причинах развития аналитизма, которые А. Смит усматривал в языковых контактах, термин *compounded language* начинает обозначать не только аналитический, но и «смешанный язык», возникший в результате языковых контактов. За исключением греческого, все остальные упоминаемые им языки в той или иной мере являются смешанными (*compounded*): латынь он характеризует как «смешение» греческого языка и «тосканских языков», французский – как «смешение» латыни и франкского языка, итальянский – как «смешение» латыни и языка лангобардов, английский – как «смешение» французского и саксонского языков. Характерно, что именно «смешением» языков объяснял аналитизм романских языков

и А. Шлегель, ссылаясь при этом, впрочем, не на А. Смита, а на французского драматурга и филолога-романиста Ф. М. Ренуара [Schlegel 1818, с. 23–25].

В результате получалось некоторое противоречие: «составные» языки, содержащие аналитические элементы (предлоги, вспомогательные глаголы «быть» и «иметь»), отличающиеся отвлеченностью значения и требующие от говорящих наибольших способностей к абстрагированию и, следовательно, большей интеллектуальной развитости, для усвоения оказываются проще «несоставных» языков. Это противоречие А. Смит объяснял так: сложные формы спряжения и склонения «несоставных» (т. е. синтетических) языков их носители постепенно и без труда усваивают в детстве, проблемы возникают только у чужестранцев, которым приходится овладевать новым языком во взрослом возрасте.

Еще одно, причем более существенное противоречие, заключается в том, что рост «составных» (аналитических) конструкций, требующих более развитой способности к анализу и абстрагированию, А. Смит оценивал отрицательно. Казалось бы, чем сложнее ментальные операции, лежащие в основе производства языковых форм, тем более развитым следует признать язык. Однако Смит приходит к противоположному выводу: аналитические языки уступают языкам синтетическим. Он сравнивал развитие языков с техническим процессом: сначала технические приспособления устроены очень сложно, но со временем изобретатели выясняют, что один и тот же принцип можно использовать для выполнения разных функций, за счет чего количество деталей уменьшается. Так и в языках: «четыре – пять предлогов и полдюжины вспомогательных глаголов способны заменить все формы спряжения и склонения древних языков» [Smith 1774, с. 474]. Казалось бы, налицо прогресс языкового механизма. Однако, как достаточно неожиданно заключает А. Смит, в языках, в отличие от техники, такое упрощение приводит к регрессу.

Шотландский философ называет следующие недостатки аналитических языков: во-первых, они более многословны, что ослабляет их эстетический потенциал: «Насколько красота любого выражения зависит от его краткости, известно любому, у кого есть некоторый опыт в сочинительстве» [там же, с. 475]. Два других возражения связаны с благозвучностью: упрощение лишает языки приятных слуху

окончаний, характерных для классических языков; кроме того, в речи появляются неблагозвучные сочетания на стыках слов, которых невозможно избежать из-за строгого порядка слов. Как видно, отмеченные Смитом недостатки аналитических языков связаны не с лежащими в их основе ментальными операциями, а с эстетическими соображениями, в чем, вероятно, отразился интерес шотландского философа к риторике и выразительным возможностям языка.

Так был ли А. Смит предтечей типологии XIX века?

Трактат «Соображения о происхождении и формации языков» был несколько раз переведен на французский язык, а позднее и на немецкий, что, несомненно, свидетельствует о его высокой оценке современниками [Noordegraaf 1977]. В Великобритании концепцию А. Смита в целом поддержал его младший современник шотландский философ Дугалд Стюарт, посвятивший анализу основных положений трактата Смита раздел «О происхождении истории языка» в своем итоговом труде «Элементы философии человеческого разума» (1792) [Stewart 1877].

Оценка типологических идей А. Смита современными учеными оказывается не столь однозначной. Весьма высоко оценил вклад А. Смита в лингвистическую типологию Э. Косериу, видевший в нем предтечу типологических учений XIX в. [Coseriu 1968]. По мнению Косериу, именно влияние идей Смита можно легло в основу различения синтетических и аналитических языков А. Шлегеля. Такую же позицию занимал отечественный лингвист В. А. Родионов, указывавший, что «первая попытка сознательного противопоставления древних («простых») с языками новыми («составными») ... принадлежит А. Смигу» [Родионов 1989, с. 19].

Оценка многих других исследователей была не столь благосклонной. Так, весьма критически оценивает типологию Смита Й. Ноордеграаф, усматривающий прямую зависимость классификации языков А. Смита от классификации языков аббата Жирара (1747) [Noordegraaf 1977]. Впрочем, с этим положением трудно согласиться: хотя А. Смит был знаком с трудом аббата Жирара и в письме другу признавал влияние на себя идей этого автора, основания для классификации языков в трудах французского и шотландского авторов были совершенно различными. Если А. Смит положил в основу своей классификации

способы выражения грамматических значений, то аббат Жирар, разделяя языки на аналогические (с прямым порядком слов), транспозитивные (со свободным порядком слов) и смешанные, взял за основу порядок слов – тему, ставшую предметом активного обсуждения во Франции XVIII в.

Многие другие современные исследователи также оценивают заслуги А.Смита в области лингвистической типологии достаточно сдержанно. Так, Е.Ф.К. Кернер решительно отрицает роль А.Смита в разработке морфологической классификации языков XIX в. Он указывает на отсутствие прямых доказательств того, что работа А.Смита оказала влияние на братьев Шлегелей и приходит к заключению, что «можно с уверенностью утверждать, что начало “научных” попыток классифицировать языки на основании их морфологической структуры лежит в трудах братьев Шлегелей» [Koerner 2011, с. 3]. «Хотя умозрительная лингвистика, как это видно по работе А.Смита, поощряет интерес к сравнению древних и современных языков, она не делает такое сопоставление систематичным, и, следовательно, не знаменует начало сравнительно-исторической лингвистики» [Jaffro 2013, с. 142].

Истина, на наш взгляд, где-то посередине. А.Смит действительно не может считаться основоположником сравнительно-исторического и типологического языкознания, что не помешало ему внести вклад в формирование типологической классификации языков. Приходится, однако, признать, что классификации языков XVIII в. (и классификация А.Смита, и классификации аббата Жирара и других французских авторов) не выходят за рамки классохорических таксономий, поскольку основаны на особенностях частных подсистем и категорий в языке, в то время как морфологические классификации языков XIX в., предложенные братьями Шлегелями, В. фон Гумбольдтом, А.Шлейхером и рядом авторов более позднего периода, положили начало типохорическим классификациям, отражающим внутренние закономерности сочетания различных структурных признаков¹.

Несомненным ограничением был и узкий круг привлекаемых авторами XVIII в. языков. Так, в трактате А.Смита фигурируют исключительно индоевропейские языки, в то время как типологи

¹ Хотя, конечно, и они не выходили за пределы того, что А.Е.Кибрик назвал КАК типологией [Кибрик 1989].

XIX в. стремились распределить по типам все языки мира; синтетические и аналитические языки у А. Шлегеля – это всего лишь подтипы флективных языков. В этом смысле, действительно, между типологическими исканиями XVIII и XIX вв. проходит определенная граница.

Однако нельзя отрицать того, что в трактате «Соображения о происхождении и формации языков» А. Смит высказал много идей, которые были развиты лингвистами в XIX и даже XX вв. Вопрос о том, в какой степени немецкие авторы XIX в. были знакомы с его трактатом и в какой степени он оказал на них влияние, выходит за рамки настоящего исследования, но ответ на него ни в коей мере не влияет на значимость самого трактата (хотя, конечно, этот вопрос представляет несомненный интерес для изучения истории трансфера научных идей)¹.

Работа А. Смита ясно свидетельствует о том, что уже в XVIII в. (а, возможно, и раньше) было четко осознано (хотя и закреплено в другой терминологии) различие между аналитическим и синтетическим строем языков. Распространенному представлению о том, что ранняя британская грамматика ориентировалась исключительно на латынь и не видела различий между синтетическим строем латинского языка и аналитической грамматикой английского языка противоречит и возникшая еще в XVII в. теория «знаков» – формальных языковых средств, которые служат в английском языке для передачи грамматических значений (термином «знак» применительно к предлогам и вспомогательным глаголам пользовались такие грамматисты XVII в., как А. Хьюм, А. Гилл, Ч. Батлер, К. Купер, Б. Джонсон и Дж. Уортон) [Германова 2014]. Таким образом, если учитывать общеевропейский

¹ А. Шлегель, несомненно, знал о существовании трактата А. Смита, хотя бы потому, что в 1809 г. труд его брата Ф. Шлегеля «О языке и мудрости индийцев» (впервые изданный в 1808 г.) был опубликован под одной обложкой с переводом трактата А. Смита [Smith, Schlegel 1809], о чем А. Шлегель упоминает в своих «Заметках о провансальском языке и литературе» [Schlegel 1818, с. 85]. Однако он едва ли был знаком с содержанием работы своего британского предшественника детально. Так, в работе А. Шлегеля «Заметки о провансальском языке и литературе» содержится заявление, что А. Смит отдавал предпочтение современным аналитическим языкам по сравнению с древними синтетическими [там же, с. 25], что, как было показано выше, противоречит позиции А. Смита. Очевидно, что говорить о серьезном влиянии работы А. Смита на А. Шлегеля представляется неоправданным.

контекст, противопоставление синтетических и аналитических языков в работе А. Шлегеля «Заметки о провансальском языке и литературе» (1818) нельзя назвать новаторским прорывом.

Обращает на себя внимание тот факт, что противопоставление простых и составных языков рассматривается А. Смитом как в диахронии (применительно к процессу развития языка), так и в синхронии (для характеристики современных «смешанных» языков). Обе трактовки оказались востребованы в XIX в.: первая – в стадияльной интерпретации языковых типов как этапов развития человеческого языка А. Шлейхером, вторая – в исследованиях языковых контактов Г. Шухардтом и итальянскими неолингвистами. Подтвердилась и догадка Смита о том, что языковые контакты приводят к упрощению систем спряжения и склонения и усилению аналитизма. Несомненное сходство с идеями типологов XIX в., прежде всего с идеями А. Шлейхера, имеет и положение о регрессе языков по мере усиления в них черт аналитизма (хотя для доказательства этого регресса А. Смит и А. Шлейхер приводили разные доводы). Впрочем, это положение было в филологии XVIII и XIX вв. весьма распространенным мнением – преклонение перед латинским и греческим языками и литературой заставляло филологов искать идеал языкового устройства в «золотом прошлом».

Таким образом, трактат «Соображения о происхождении и формации языков» А. Смита позволяет достаточно высоко оценить его вклад в науку о языке XVIII в., что дает возможность трактовать его как непосредственного предшественника типологических учений XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Германова Н. Н. История нормирования английского языка. Лингвокультурные основания британской нормативной грамматики. М.: ЛЕЛАНД, 2014. 368 с.
- Кибрик А. Е. Типология: таксономическая или объяснительная, статическая или динамическая // Вопросы языкознания. 1989. № 1. С. 5–15.
- Родионов В. А. «Цельносистемная типология» vs. «частная типология» // Вопросы языкознания. 1989. № 1. С. 1–30.
- Badenoch Ch. H. The Conjectural History of the Scottish Enlightenment. Ontario: University of Western Ontario, 1999. 143 p.
- Coseriu E. Adam Smith und die Anfänge der Sprachtypologie // Wortbildung, Syntax und Morphologie. Festschrift zum 60. Geburtstag von Hans Marchand / H. T. Brekle, L. Lipka. Mouton, 1968. P. 46–54.

- Jaffro L.* Language and thought // The Oxford Handbook of British Philosophy in the Eighteenth Century. Oxford : Oxford University Press, 2013. P. 128–148.
- Koerner E. F. K.* Toward a history of linguistic typology // Linguistic Reconstruction and Typology / J. Fisiak (ed.). The Hague–Berlin : Walter de Gruyter, 2011. P. 1–24.
- Noordegraaf J.* A few remarks on Adam Smith's Dissertation (1761) // Historiographia linguistica. 1977. Vol. IV: I. P. 1–6.
- Schlegel A. W.* Observations sur la langue et la littérature provençales. Paris : A la Librairie grecque-latine-allemande, rue des Fossés-Montmartre. n 14, 1818. 122 p.
- Smith A.* The Theory of Moral Sentiments Or An Essay Towards an Analysis of the Principles by Which Men Naturally Judge Concerning the Conduct and Character, First of Their Neighbours, and Afterwards of Themselves, to Which is Added, a Dissertation on the Origin of Languages. London, W. Strahan, J. & F. Rivington, W. Johnston, T. Longman, and T. Cadell, 1774. 478 p.
- Smith A., Schlegel F.* Essai sur la première formation des langues, et sur la différence du génie des langues originales et des langues composées; traduit de l'anglais d'Adam Smith. Suivi du premier livre des Recherches sur la langue et la philosophie des Indiens. Extrait et traduit de l'Allemand de F. Schlegel par J. Manget. Genève: chez Manget et Cherbuliez, 1809. 229 p.
- Stewart D.* Elements of the philosophy of the human mind. Edinburgh: T. & T. Clark, 1877. 422 p.

REFERENCES

- Germanova N. N.* Istorija normirovanija anglijskogo jazyka. Lingvokul'turnye osnovanija britanskoj normativnoj grammatiki. M. : LELAND, 2014. 368 s.
- Kibrik A. E.* Tipologija: taksonomicheskaja ili ob#jasnitel'naja, staticheskaja ili dinamicheskaja // Voprosy jazykoznanija. 1989. № 1. S. 5–15.
- Rodionov V. A.* «Cel'nosistemnaja tipologija» vs. «chastnaja tipologija» // Voprosy jazykoznanija. 1989. № 1. S. 1–30.
- Badenoch Ch. H.* The Conjectural History of the Scottish Enlightenment. Ontario : University of Western Ontario, 1999. 143 p.
- Coseriu E.* Adam Smith und die Anfänge der Sprachtypologie // Wortbildung, Syntax und Morphologie. Festschrift zum 60. Geburtstag von Hans Marchand / H. T. Brekle, L. Lipka. Mouton, 1968. P. 46–54.
- Jaffro L.* Language and thought // The Oxford Handbook of British Philosophy in the Eighteenth Century. Oxford : Oxford University Press, 2013. P. 128–148.
- Koerner E. F. K.* Toward a history of linguistic typology // Linguistic Reconstruction and Typology / J. Fisiak (ed.). The Hague–Berlin : Walter de Gruyter, 2011. P. 1–24.

- Noordegraaf J.* A few remarks on Adam Smith's Dissertation (1761) // *Historiographia linguistica*, 1977. Vol. IV: I. P. 1–6.
- Schlegel A. W.* Observations sur la langue et la littérature provençales. Paris : A la Librairie grecque-latine-allemande, rue des Fossés-Montmartre. n 14, 1818. 122 p.
- Smith A.* The Theory of Moral Sentiments Or An Essay Towards an Analysis of the Principles by Which Men Naturally Judge Concerning the Conduct and Character, First of Their Neighbours, and Afterwards of Themselves, to Which is Added, a Dissertation on the Origin of Languages. London, W. Strahan, J. & F. Rivington, W. Johnston, T. Longman, and T. Cadell, 1774. 478 p.
- Smith A., Schlegel F.* Essai sur la première formation des langues, et sur la différence du génie des langues originales et des langues composées; traduit de l'anglais d'Adam Smith. Suivi du premier livre des Recherches sur la langue et la philosophie des Indiens. Extrait et traduit de l'Allemand de F. Schlegel par J. Manget. Genève: chez Manget et Cherbuliez, 1809. 229 p.
- Stewart D.* Elements of the philosophy of the human mind. Edinburgh: T. & T. Clark, 1877. 422 p.

УДК: [811.111:811.581]'373.45

Н. В. Перфильева, И. И. Галанкина

Перфильева Н. В., кандидат филологических наук; доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; e-mail: perfiljeva_nv@pfur.ru

Галанкина И. И., ст. преподаватель кафедры русского языка № 2 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин Российского университета дружбы народов; e-mail: galankina_ii@pfur.ru

ДЕРИВАЦИОННАЯ КОНТАМИНАЦИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РУССКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ (на примере коммерческих наименований)

В статье анализируется деривационная модель контаминации, продуктивная в современном английском языке. Данное явление и его разновидности известны также под названиями: *blending* – *слияние, стяжение, вставочное словообразование, телескопия, гибридизация*. Контаминация включает в себя различные словообразовательные механизмы, которые задействуют элементы с измененными морфемными границами, например, *brunch* ← *breakfast & lunch*.

Термин *морфема*, традиционно используемый для описания словообразовательных процессов, не подходит для структурных единиц контаминации. Представление о корне, аффиксе, окончании как о неделимых единицах неприменимо к компонентам контаминационных комплексов. Для наименования такого рода деривационных «осколков» используется термин *квазиморфема*, введенный Ю. С. Степановым, – сегмент лексической единицы. Значение дериватов квазиморфемизации не является суммой значений исходных слов.

Авторы предлагают классификацию слов-контаминантов: последовательное соединение морфем и квазиморфем, наложение, вставка, квазиаффиксация.

Феномен контаминации в русском языке свидетельствует об универсальности данного явления. В отличие от английского языка, где данная модель продуктивна, в русском языке она используется окказионально, являясь фактом языковой игры. В русском языке в течение последнего десятилетия контаминационная модель встречается в коммерческих названиях (при образовании эргонимов), причем в некоторых из них комбинируется русская и латинская графика, элементы русских и английских слов. Перечисленные особенности являются свидетельством влияния английской словообразовательной модели на деривационные модели в русском языке.

Активизация контаминационной словообразовательной модели в английском языке и ее освоение русским языком отражают реалии современного общества со свойственными ему интеграционными процессами.

Ключевые слова: морфема; квазиморфема; контаминация; контаминационный комплекс; наложение; вставка; квазиаффиксация; эргоним.

N. V. Perfilieva, I. I. Galankina

Perfilieva N. V., PhD, Associate Professor at the Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University);
e-mail: perfileyeva_nv@pfur.ru

Galankina I. I., Senior Lecturer at the Department of the Russian Language and General Education Disciplines, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University);
e-mail: galankina_ii@pfur.ru

**DERIVATIONAL CONTAMINATION
IN ENGLISH AND ITS INFLUENCE ON RUSSIAN WORD FORMATION
(an analysis of commercial names)**

The article considers the derivational model contamination, which is productive in modern English. This phenomenon and its modifications are also known as *blending* – *teleskopie*, *overlapping*, *conflusion*, *confusion*, *incorporation* and *hibridization*. Contamination includes mechanisms of word-building with altered morphemic boundaries: *brunch* ← *breakfast* & *lunch*.

The traditional term *morpheme* is not appropriate for contamination structural elements. The notion of *root*, *affix* and *flection* as indivisible units could not be used to refer to components of contamination complexes. These derivational “splinters” are named *quasi-morphemes* (segments of lexical units) – term introduced by I.S.Stepanov. The meaning of a quasi-morphemization derivate doesn't summarize lexical meanings of initial words.

The authors come up with a classification of contamination mechanisms: consecutive compound of morphemes and quasi-morphems, overlapping, interjection, quasi-affixation.

Examples of contamination in the Russian language reflect the universality of this phenomenon. Unlike English, where this model is productive, in Russian it is used occasionally as a language game.

In the last decade the contamination model has been found in Russian ergonyms (commercial names). Some of them combine Latin and Cyrillic graphics, elements of English and Russian words. These examples reveal the influence of English derivation.

Active usage of contamination in English and its adoption in Russian reflect the integration processes in modern society.

Key words: morpheme; quasi-morpheme; contamination; contamination complex; overlapping; interjection; quasi-affixation; ergonym.

Введение

Словообразовательная контаминация в течение последних трех десятилетий, т.е. на рубеже XX–XXI вв. стала частотной в современном английском языке и из разряда «курьезов», элементов языковой игры перешла в разряд продуктивных деривационных моделей.

Под контаминацией понимается формирование лексических единиц с изменением значений и границ морфем, например, *brunch* ← *breakfast & lunch* – *поздний завтрак*.

Данная словообразовательная модель и ее варианты известны также под названиями *блендинг*, *телескопия*, *вставочное словообразование*, *слияние*, *сращение*, *гибридизация*.

Под влиянием английского языка в последние время в русском языке появляются слова-контаминанты как окказиональные образования нескольких видов:

- на основе сегментов русских морфем, например, *Колбасыры*;
- с использованием графем, например, *100ловая* или *100LOVEая*;
- комплекс сегментов русских и английских морфем *Веерлога*.

Подобные дериваты в русском языке немногочисленны и могут рассматриваться как проявление языковой игры. Использование данной словообразовательной модели наблюдается, в частности, в коммерческих названиях.

Постановка проблемы

Рассмотрим специфику контаминации как словообразовательной модели. Для анализа многочисленных дериватов-контаминантов в английском языке представляется целесообразным пересмотреть традиционные представления о морфеме как о единице словообразования. Согласно постулатам традиционной лингвистики, язык представляет собой иерархическую уровневую систему, в которой абстрактные единицы неделимы в пределах репрезентируемого уровня. Однако в современном английском языке (в большей степени) и в русском языке (в меньшей степени) встречаются случаи употребления части морфемы как словообразовательного элемента.

Известно, что традиционной единицей словообразования является *морфема* – термин, впервые использованный И. А. Бодуэном де Куртенэ, который утверждал: «...морфема является родовым для частных, видовых понятий вроде “корень”, “префикс”, “суффикс”, “окончание”. Морфема – любая часть слова, обладающая самостоятельной психической жизнью и далее неделимая с этой точки зрения (т. е. с точки зрения самостоятельной психической жизни)» [Бодуэн де Куртенэ 1963, с. 291].

Понятие морфемы как неделимой единицы недостаточно для описания новых деривационных процессов, при которых происходит

перераспределение границ морфем в новых лексических единицах. Для описания подобных единиц Ю. С. Степанов использует термин *квазиморфема*. По его мнению, «квазиморфема может быть представлена как любой сегмент лексической единицы, которая является в плане выражения полным или частичным омофоном другого такого же сегмента другой лексической единицы, а в плане содержания частично совпадает с этим другим сегментом» [Степанов 1975, с. 52]. Иными словами, квазиморфема – это некий сегмент слова, отличающийся от морфемы границами и значением, например, *river + panorama = riverama* – панорамный вид реки.

Контаминация в английском языке. Обзор научной литературы

Словообразовательные процессы с участием квазиморфем могут называться квазиморфемизацией. Частным случаем квазиморфемизации является контаминация, которая рассматривается в статье. Одной из проблем при описании контаминации является отсутствие единой терминологии для названия соответствующей деривационной модели и ее вариантов, а также различные наименования ее производных. В англоязычной традиции данный процесс словообразования именуется *блендингом*. Слова, образованные по этой модели, называют *блендами* (в частности, И. Плэг) и относят «к классу сложно-составных слов»¹ [Plag 2003]. В отечественной лингвистике помимо термина *блендинг* используются и другие наименования, так, например, Т. А. Гридина включает бленды в состав *слововых аббревиатур* [Гридина, Коновалова 2009, с. 92]. Способ образования подобных слов и его разновидности также называются:

- *сращением* [Сахибгареева 1972, с. 5];
- *сокращением, наложением и сращением* [Дюжикова 1998, с. 123];
- *телескопией* [Шевелева 2003, с. 5];
- *слиянием* [Раевская 1979, с. 137];
- *нелинейным словообразованием* [Карашук 1977, с. 13–14].

И. М. Берман пользуется термином *вставочное словообразование*, включая данную модель в разряд *аббревиации* [Берман 1959, с. 104]. В ряде работ описаны случаи *псевдоаффиксации*, которые можно отнести к интересующей нас словообразовательной модели [Гридина, Коновалова 2009, с. 141; Хрущева 2009, с. 99].

¹ Пер. – авт.

В статье используются термины *контаминация*, *контаминированные слова*, которые объединяют перечисленные выше понятия. По Н. А. Лавровой, «компонентами контаминированного слова являются единицы разных морфологических уровней – морфемы и квазиморфемы» [Лаврова 2008, с. 78]. Следует отметить, что, несмотря на очевидное сходство аббревиации и контаминации, между этими способами словообразования существуют определенные различия. При контаминации «осколки» морфем приобретают новые коннотации, а, следовательно, значение производных не всегда вытекает из значений исходных слов.

Проведенный анализ работ отечественных лингвистов по этой проблеме показывает, что первоначальное восприятие данного языкового явления как элемента языковой игры или нарочитой небрежности по отношению к языку изменилось. В настоящее время большинство лингвистов рассматривают контаминацию как продуктивную словообразовательную модель.

С начала XXI в. английские неологизмы, образованные с помощью контаминации, исчисляются многими десятками и составляют 18,8% всех новых лексем, зафиксированных в словарях. Так, например, 11-е издание словаря Marriam-Webster's Collegiate Dictionary содержит 44 слова-контаминанта из 251 неологизмов [Marriam-Webster's Collegiate Dictionary 2009]. Современные источники дают богатый материал, позволяющий выявить неологизмы-контаминанты [The Oxford Dictionary of New Words 1992; Эйтс 1990; Трофимова 1993]. Кроме того, данная модель частотна в окказиональном образовании, где точный подсчет новообразований невозможен.

Работы середины XX в. содержат интересные наблюдения. Так, П. М. Карашук называет образования, полученные в результате фонологического преобразования корня или основы слова (например, *abnormouse*), нелинейными, утверждая, что подобные дериваты неделимы [Карашук 1977, с. 13–14]. Однако в подобных сложносоставных словах четко угадывается наличие двух и более морфем. Сложность с определением границ составных частей легко снимается введением понятия квазиморфемы. Представляется дискуссионным также утверждение Н. М. Раевской, использующей термин *слияние*: «...слова-“слитки” возникают в результате произвольного или небрежного обращения со словами» [Раевская 1979, с. 137].

Начиная с конца XX столетия, появляются многочисленные английские неологизмы, образованные по данной модели, которые фиксируются в словарях и активно используются, и системность которых признается лингвистами. Так, К. Л. Егорова отмечает, что контаминированные образования «не являются результатом случайного столкновения слов в языке» [Егорова 1985, с. 60]. Ю. Н. Несветайло справедливо утверждает: «Контаминированные образования ... являются наглядным свидетельством развития словообразовательной структуры и, как правило, используются для обозначения понятий, не имеющих однословной единицы номинации» [Несветайло 2010, с. 67]. Ю. Н. Несветайло называет следующий детерминирующий признак контаминантов: «Новое предметно-логическое значение контаминированных образований не является суммой значений составляющих их компонентов» [там же].

Классификации контаминантов в английском языке

Имеется несколько классификаций контаминантов. И. М. Берман различает виды вставок по характеру комбинации частей: *полные*, *частичные* и *накладки* [Берман 1959, с. 105–106]. К полным вставкам отнесены слова с усеченной основой первой части *scurry* – *беготня*, *galumph* – *скакать*.

Среди полных вставок выделены слова, первый элемент которых представлен неслоговым *dunch* – *промежуток между завтраком и обедом*, *smog* – *смог* и слоговым сокращением *motel* – *мотель*.

Частичными вставками названы комплексы, первый элемент которых представлен неусеченной основой *motorcade* – *кавалькада машин*, *airmada* – *строй самолетов*. К накладкам отнесены слова с одинаковыми звуками на стыке элементов, причем бывает трудно определить, к какой из исходных частей данный звук относится *river + panorama = riverama* – *панорамный вид реки* [прив. по: Берман 1959, с. 105–106].

Е. А. Дюжиковой предложена классификация вариантов наложения [Дюжикова 1998, с. 125–127], А. Н. Шевелева анализирует механизмы телескопии [Шевелева 2003, с. 12–25].

Предлагаем систематизировать варианты контаминации в английском языке следующим образом:

1. Слова-контаминанты, состоящие из последовательно соединенных частей – морфем и/или квазиморфем:

- начало первого слова + второе слово: *docu-soap* – документальный сериал;
- конец первого слова + второе слово: *blog* – *web* + *log* – блог;
- соединение начала первого слова и конца второго слова: *nescape-net* + *landscape* – сетевое пространство, *intermercial* – *Internet* + *commercial* – рекламный ролик;
- целое первое слово + конец второго слова: *burninate* – *burn* + *terminate* – уничтожить огнем, *zoolatry* – *zoo* + *idolatry* – увлечение животными;
- тройные комплексы: *turducken* – *turkey* + *duck* + *chicken* – индейка, начиненная мясом курицы и утки.

2. Контаминанты с наложением частей морфем или слов, частичным фонетическим или графическим совпадением элементов: *slimnastics* – гимнастика для похудения, *charitarian* – *charity* + *humanitarian* – связанный с благотворительностью для людей.

3. Слова-контаминанты с инкорпорацией, т. е. с разрывом исходного слова и добавлением вставки: *askility* – приобретение навыков, *a-ski-lity* – *ability* + *skill*.

4. Контаминанты с аффиксоидами; при данной контаминации может происходить усечение корневой морфемы и сращение части корневой морфемы и суффикса с образованием своего рода аффиксоида или квазисуффикса. В словах *alcoholic* – алкоголик, *workaholic* – трудоголик, *shopaholic* – шопоголик, *bookaholic* – книгоман, *gimoholic* – излишне увлеченный спортом можно выделить аффиксоид *-holic* / *-aholic* со значением «зависимый от чего-л.». Слово *selfie* с корнем *self-* и суффиксом *-ie* в результате перераспределения основы дало производные с аффиксоидом *-elfie*: *helfie* – селфи волос (*hair* + *selfie*), *drelfie* – селфи в пьяном виде (*drunk* + *selfie*), *bellfie* – селфи ягодич (belly + *selfie*).

Контаминация в русском языке.

Обзор научной литературы

Последние десять лет в русском языке чаще наблюдается использование словообразовательных контаминационных моделей, распространенных в английском языке. В отличие от английского языка, где данная модель продуктивна, в русском языке она обычно воспринимается как элемент языковой игры (или как средство выразительности). Примеры ее не столь многочисленны. Однако уже их наличие может

свидетельствовать об универсальности контаминации как способа создания новых слов.

Отметим, что подобные слова встречаются в русском языке довольно давно. Так, К. Чуковский в книге «От двух до пяти» упоминает подобные образования в детской речи, называя их *словами-гибридами*: *паукан* / паук + таракан, *пифтомат* / пистолет + автомат [прив. по: Беглова 2006, с. 14–15].

К контаминации могут быть отнесены некоторые примеры из сленга конца XX в., которые приведены в «Словаре аргю»: *алконавт*, *апофигей*, *хрущоба* и др. [Елистратов 2000].

С начала XXI столетия данные словообразовательные модели функционируют в средствах массовой информации, например, *безОРЕЛяционное решение*, *КРЫМинальный арсенал* и т. д. [Замальдинов 2016, с. 212]. Отмечается использование контаминантов в коммерческих названиях: *ШашлычОК*, *БиGOODи*, *Суп-станция* [Васильева 2017, с. 139], *ШиК* (шины и колеса), *Камазин* (камаз + магазин) [Вайрах 2010, с. 82–83] и др.

Эргонимы-контаминанты представляются нам наиболее интересными для исследования. Поясним, что эргонимы – «это достаточно многочисленная, постоянно пополняемая группа слов, представляющая собой собственные наименования предприятий различного функционального профиля» [Перфильева, Новоспаская, Лазарева 2017, с. 93]. Эргонимы, будучи окказионализмами, функционируют в языке дольше, чем окказионализмы языка СМИ и парадоксы детской речи. Вывески, рекламные постеры являются частью городской среды, они постоянно находятся на виду у тысяч жителей мегаполисов, коммерческие наименования многократно упоминаются в речи. Материалом для анализа в данной статье стали названия продуктовых магазинов и кафе Москвы (более 11 тысяч наименований), подготовленные методом сплошной выборки из интернет-ресурса по запросу «Продовольственные магазины Москвы» (2gis.ru/moscow/search/rubricId/373?queryState=center%2F37.75177%2C55.554661%2Fzoom%2F11).

Классификация контаминантов в современном русском языке (на материале коммерческой номинации)

Полученный материал был дополнен названиями различных коммерческих учреждений других российских городов из интернет-источников: «Смешные вывески и реклама» (prikol.mediasole.ru/smeshnye_vyveski_i_reklama_21_foto), а также примерами, собранными

лично авторами. Выявленные примеры немногочисленны: общее количество составляет 27 наименований.

Сравним структуру русских контаминантов с английскими. Условно отнесем русские контаминанты к пунктам 1, 2, 3 и 4 из классификации англоязычных слов-контаминантов:

1) последовательное соединение компонентов: *Рубли* (**Русские блины**), *СладКо* (**слад-** + **кондитерское объединение**);

2) наложение морфем двух слов: *Ноутбутик* (ноут**бук** + **бутик**), *Dambar* (дам**ба** + **бар** – кафе на дамбе);

3) вставка: вместо части русской морфемы инкорпорируется созвучная английская морфема или графема: *Бьютека* (б-илио-тека + beauty), *Веерлога* (б-ер-лога + beer), *100LOVEая*;

4) квазисуффиксация: осмысление английского сокращения ОК в качестве русского суффикса **-ок** – *Пирож'ОК*, *Дым'ОК*, *Баимач'ОК*.

Некоторые из представленных наименований-контаминантов содержат элементы английских слов и морфем, т.е. заимствуется английская словообразовательная модель. Вывески с названиями могут быть выполнены как кириллицей, так и латиницей, причем встречаются смешанные варианты. Некоторые наименования кафе или магазинов пародируют явления массовой культуры англоязычных стран: *Шаурмен* (шаурма + Супермен), *Рыбокоп* (Робокот + рыба – рыбный магазин), *Морддональдс* (Мордовия + Макдональдс). Названия-контаминанты вносят разнообразие в городскую среду, воспринимаются как необычные или забавные, о чем говорит, например, название интернет-ресурса – одного из используемых источников – «Смешные вывески и реклама» (prikol.mediasole.ru/smeshnye_vyveski_i_reklama_21_foto).

Выводы

Рассмотренный материал позволяет прийти к выводу, что контаминация как частный случай квазиморфемизации часто ведет к изменению семантики морфем, а также к перераспределению границ внутри слова – фонематическим преобразованиям, включающим различные варианты усечения, соединения и частичного наложения морфем.

Слова-контаминанты:

- содержат морфемы и квазиморфемы;
- выражают понятия, не имеющие однословной единицы номинации;
- значения компонентов при этом, как правило, модифицируются.

Контаминация в английском языке в последнее время стала одним из продуктивных способов словообразования. Аналитический строй английского языка, расхождение между написанием и фонематическим составом слова способствуют размыванию границ морфем в сознании носителей и неносителей языка. Стремление к экономии языковых средств приводит к дроблению и перераспределению морфем.

Стремительное развитие техники, экономики, медицины и других сфер деятельности формирует потребность в номинации новых понятий наиболее экономичными способами. Распространение английского языка приводит к его упрощению, своеобразной пиджинизации.

Одним из примеров влияния английского языка на русский является активизация английских словообразовательных моделей в русском языке, в том числе и в области коммерческих наименований, причем данная деривационная модель не чужда русскому языку. Потенциальная возможность контаминации как универсального явления заложена в русской языковой системе, о чем свидетельствуют примеры из детской речи и сленга.

Реструктуризация морфем приводит не к разрушению, а к выявлению новых возможностей языка, что побуждает искать новые подходы к описанию лингвистических явлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беглова Е. И. Языковая игра // Детская речь: материалы Всероссийской нац. конф. Екатеринбург : 2006. С. 14–15.
- Герман И. М. О «вставочном» типе словообразования // Вопросы языкознания. 1959. № 2. С. 104–107.
- Бодуэн де Куртене И. А. Избранные работы по общему языкознанию. Т. 2. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. 384 с.
- Вайрах Ю. В. Способы словообразования наименований коммерческих предприятий Иркутска // Вестник Иркутского гос. лингвист. ун-та. 2010. № 4 (12). С. 78–84.
- Васильева Ю. А. Эргонимикон города Астрахани: лексико-семантическая и словообразовательная характеристики // Вестник Костромского гос. ун-та. 2017. № 2. С. 137–141.
- Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Современный русский язык: Словообразование, алгоритмы анализа, тренинг. 3-е изд. М. : Флинта, 2009. 160 с.
- Дюжикова Е. А. Сращения и накладки в современном английском языке // Вестник Дальневосточной гос. академии экономики и управления. 1998. № 2 (6). С. 123–127.

- Егорова К. Л. О так называемом телескопическом словообразовании // Филологические науки. 1985. № 5. С. 56–60.
- Елистратов В. С. Словарь русского арго: материалы 1980–1990-х гг. М. : Азбуковник : Русские словари, 2000. 694 с.
- Замальдинов В. Е. Новообразования-гибриды как проявления языковой игры в текстах СМИ // Вестник Нижегородского ун-та им. Лобачевского. 2016. № 1. С. 210–214.
- Карацук П. М. Словообразование английского языка. М. : Высшая школа, 1977. 303 с.
- Лаврова Н. А. Контаминация и другие способы словообразования // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2008. № 26. С. 75–78.
- Несветайло Ю. Н. Неологизмы и окказионализмы как конститuentы лексического макрополя современного английского языка: Системный и словообразовательный аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. 161 с.
- Перфильева Н. В., Новоспаская Н. В., Лазарева О. В. Эффективность коммерческого имени // Вопросы психолингвистики. 2017. № 2. С. 92–107.
- Раевская Н. М. Лексикология английского языка. Киев : Виша школа, 1979. 303 с.
- Сахибгареева Л. В. Проблемы аббревиации в разноструктурных языках. М. : Воениздат, 1972. 320 с.
- Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М. : Наука, 1975. 312 с.
- Трофимова З. С. Dictionary of New Words and Meanings // Словарь новых слов и значений в английском языке. М. : Павлин, 1993. 304 с.
- Хрущева О. А. Блендинг в системе словообразования // Вестник Оренбургского гос. ун-та. № 11 (105). 2009. С. 95–101.
- Шевелева А. Н. Структура и семантика телескопических производных с точки зрения когнитивной лингвистики (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 195 с.
- Эйто Дж. Словарь новых слов английского языка. М. : Русский язык, 1990. 425 с.
- Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. 11th Ed. Springfield, Massachusetts : Merriam-Webster Inc., 2009. 1623 p.
- Plag I. Word-Formation in English / Ed. by Cambridge University Press, 2003. 240 p. Blending as a tipe of Word-Formation. URL: grin.com/document/232366
- The Oxford Dictionary of New Words: A Popular Guide to Words in the News / Ed. by Oxford University Press. 1992. 322 p. URL: koapp.ru/english/diction/book8.htm

REFERENCES

- Beglova E. I.* Jazykovaja igra // Detskaja rech': materialy Vserossijskoj nac. konf. Ekaterinburg : 2006. S. 14–15.
- Berman I. M.* O «vstavocnom» tipe slovoobrazovanija // Voprosy jazykoznanija. 1959. № 2. 104–107.
- Bodujen de Kurtenje I. A.* Izbrannye raboty po obshhemu jazykoznaniju. T. 2. M. : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963. 384 s.
- Vajrah Ju. V.* Sposoby slovoobrazovanija naimenovanij kommercheskih predpriyatij Irkutska // Vestnik Irkutskogo gos. lingvist. un-ta. 2010. № 4 (12). S. 78–84.
- Vasil'eva Ju. A.* Jergonimikon goroda Astrahani: leksiko-semanticheskaja i slovoobrazovatel'naja harakteristiki // Vestnik Kostromskogo gos. un-ta. 2017. № 2. S. 137–141.
- Gridina T. A., Konovalova N. I.* Sovremennij russkij jazyk: Slovoobrazovanie, algoritmy analiza, trening. 3-e izd. M. : Flinta, 2009. 160 s.
- Djuzhikova E. A.* Srashhenija i nakladki v sovremennom anglijskom jazyke // Vestnik Dal'nevostochnoj gos. akademii jekonomiki i upravlenija. 1998. № 2 (6). S. 123–127.
- Egorova K. L.* O tak nazyvaemom teleskopicheskom slovoobrazovanii // Filologicheskie nauki. 1985. № 5. S. 56–60.
- Elistratov V. S.* Slovar' russkogo argo: materialy 1980–1990-h gg. M. : Azbukovnik : Russkie slovari, 2000. 694 s.
- Zamal'dinov V. E.* Novoobrazovanija-gibridy kak projavlenija jazykovoj igry v tekstah SMI // Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. Lobachevskogo. 2016. № 1. C. 210–214.
- Karashhuk P. M.* Slovoobrazovanie anglijskogo jazyka. M. : Vysshaja shkola, 1977. 303 s.
- Lavrova N. A.* Kontaminacija i druge sposoby slovoobrazovanija // Vestnik Cheljabinskogo gos. un-ta. 2008. № 26. S. 75–78.
- Nesvetajlo Ju. N.* Neologizmy i okkazionalizmy kak konstituenty leksicheskogo makropoljasovremennogo anglijskogo jazyka: Sistemnyj slovoobrazovatel'nyj aspekty: dis. ... kand. filol. nauk. Stavropol', 2010. 161 s.
- Perfil'eva N. V., Novospasskaja N. V., Lazareva O. V.* Jefferktivnost' kommerchesko-go imeni // Voprosy psiholingvistiki. 2017. № 2. S. 92–107.
- Raevskaja N. M.* Leksikologija anglijskogo jazyka. Kiev : Visha shkola, 1979. 303 s.
- Sahibgareeva L. V.* Problemy abbreviacii v raznostrukturnyh jazykah. M. : Voenizdat, 1972. 320 s.
- Stepanov Ju. S.* Metody i principy sovremennoj lingvistiki. M. : Nauka, 1975. 312 s.
- Trofimova Z. S.* Dictionary of New Words and Meanings // Slovar' novyh slov i znachenij v anglijskom jazyke. M. : Pavlin, 1993. 304 s.

- Hrushheva O. A.* Blending v sisteme slovoobrazovanija // Vestnik Orenburgskogo gos. un-ta. № 11 (105). 2009. S. 95–101.
- Sheveleva A. N.* Struktura i semantika teleskopicheskikh proizvodnyh s točki zrenija kognitivnoj lingvistiki (na materiale sovremennogo anglijskogo jazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2003. 195 s.
- Jejto Dzh.* Slovar' novyh slov anglijskogo jazyka. M.: Russkij jazyk, 1990. 425 s.
- Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. 11th Ed. Springfield. Massachusetts : Merriam-Webster Inc., 2009. 1623 p.
- Plag I.* Word-Formation in English / Ed. by Cambridge University Press, 2003. 240 p.
- Blending as a tipe of Word-Formation. URL: grin.com/document/232366
- The Oxford Dictionary of New Words: A Popular Guide to Words in the News / Ed. by Oxford University Press. 1992. 322 p. URL: koapp.ru/english/diction/book8.htm

Миноритарные языки в эпоху глобализации

УДК 811.511.11

Т. Б. Агранат

доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры общего и сравнительного языкознания ФГБОУ ВО МГЛУ; ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН; e-mail: tagranat@yandex.ru

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА И ТРАДИЦИИ ПЕЧОРСКИХ СЕТО¹

В статье по материалам, полученным автором в ходе экспедиции, описывается современное состояние языка, традиций и культуры печорских сето, а также функциональное распределение языков, которые используют носители сето в Печорском районе Псковской области. Делается вывод о причинах исчезновения языка.

Ключевые слова: язык; диалект; прибалтийско-финские идиомы; культура; традиции.

T. B. Agranat

Doctor of philology, Associate Professor; Professor at the Department of General and Comparative Linguistics of Moscow State Linguistic University; Leading researcher at Institute of Linguistics RAS; e-mail: tagranat@yandex.ru

LANGUAGE, CULTURE & TRADITIONS OF PECHORA REGION SETOS

The article is based on linguistic data obtained by the author during an expedition and field research, and describes the current state of the language, traditions and culture of Pechora Seto, as well as the functional distribution of languages used by Seto speakers in the Pechora district of the Pskov region. The article specifies reasons for language disappearance.

Key words: language; dialect; Baltic-Finnish idioms; culture; traditions.

Введение

Сето – небольшая этническая группа, носители прибалтийско-финского идиома, близкородственного эстонскому языку; автохтонное население Печорского района Псковской области и юго-восточной части Эстонии. Территория, исторически заселенная сето, называется Сетомаа, букв. 'земля сето'. Две небольшие группы переселенцев с начала XX в. компактно проживают в Красноярском крае и в Крыму. В отличие от эстонцев, все сето исповедуют православие.

¹ Работа поддержана грантом РФФИ, проект № 18-012-00802.

Существует три гипотезы о происхождении сето. По одной из них, сето – подвергшиеся эстонизации русские староверы. По другой гипотезе, сето – потомки эстонских переселенцев. Наиболее правдоподобная точка зрения – сето являются автохтонным прибалтийско-финским населением Сетомаа.

История

Границы проживания сето установились с XIII в. До 1920 г. Эстония была частью Российской империи, соответственно, и земля сето целиком входила в ее состав.

Важной составляющей идентичности сето до 1917 г., бесспорно, была православная религия. Себя они осознавали, прежде всего, принадлежащими к этой конфессии, которая ассоциировалась у них с русской идентичностью и русским языком, они ее называли русской религией. По этой причине они себя иногда называли русскими, хотя и осознавали, что говорят на другом языке [Chalvin 2011, с. 120].

Языком церкви у сето был русский, которого большинство из них не знало, из-за чего, наряду с христианскими, они сохраняли и языческие обычаи. Поэтому сето называли себя полуверцами и до сих пор используют этот термин в качестве этнонима, говоря по-русски.

Помимо религиозной идентичности, для сето представляли важность социальная идентичность (принадлежность к сословию крестьян) и локальная идентичность (принадлежность к конкретной деревне). Языковая идентичность имела второстепенное значение. С одной стороны, локальные говоры довольно сильно отличались друг от друга, при этом не было литературного языка, который мог бы стать фактором, влияющим на этническую сплоченность. С другой – этот язык не был полностью специфичен для сето: если абстрагироваться от деталей, критерий взаимопонимания мог бы сблизить сето с эстонцами, главным образом, из региона Выру, диалект которых довольно схож, хотя и ощущаются достаточно сильные различия [там же, с. 122–123].

В 1920 г. Эстония получила независимость, Сетомаа стала ее частью. По свидетельству информантов автора, с этого момента была насильственно изменена социальная организация сето. Сето привыкли жить небольшими деревнями, но в 1920-е гг. они были переселены на хуторы, поскольку такой способ расселения был характерен для эстонцев. Дело в том, что сето гораздо более общительны, чем

эстонцы, поэтому предпочитают проживать более компактно. Темперамент и скорость речи сето также отличаются от эстонского, что отразилось в поговорке: «Сето строчат, как швейная машинка».

С 1920 г., когда Эстония получила независимость, и до 1940 г., когда она была присоединена к СССР, территория исконного проживания сето входила в состав Эстонии. В 1944 г. произошла демаркация административной границы между Эстонской ССР и РСФСР, и Печорский район был присоединен к Псковской области. Таким образом, часть сето проживали в Эстонии, часть – в России. До 1991 г. это не создавало проблем, но теперь народ оказался разделенным государственной границей. О бытовых проблемах сето, возникших из-за установления государственной границы [Dautancourt 2010].

Традиции и современность

Согласно переписи населения 2010 г., в России проживает 214 сето, 123 из них – в Псковской обл., в местах традиционного проживания, 75 живут в Красноярском крае, остальные дисперсно расселены в других регионах Российской Федерации. Этим цифрам нельзя полностью доверять, так как некоторые сето называли себя эстонцами, а поскольку эстонцы также проживают в России, невозможно определить реальное число проживающих в России сето. Сето представлена как одна из этнических групп эстонцев, исповедующая православие. Важным наследием советского времени является значительное сокращение количества людей, идентифицирующих себя как сето [Тишков 1994]. По некоторым оценкам, всего сето от 10000 до 13000 человек, большинство проживают в Эстонии.

Общая площадь Сетомаа составляет около 1700 кв. км. В настоящее время около 2/3 принадлежит России, около 1/3 – Эстонии. По переписи населения Эстонии 2011 г., около 12800 чел. в Эстонии понимают язык сето. Около 4000 из них проживают в эстонской части Сетомаа, около 8500 – в других частях Эстонии [Külvik 2014].

В действительности число носителей сето может быть и не таким. Дело в том, что в ситуации, когда официальная статистика в Эстонии не признает сето национальным меньшинством, единственным способом заявить о своей этнической принадлежности остается возможность сказать переписчикам об использовании своего этнического языка, что не обязательно связано ни с реальным знанием языка, ни с его практическим употреблением. Реальный уровень компетенции

этих «носителей» явно очень разный, и эстонский для подавляющего большинства из них – основной язык, который они используют чаще и с которым чувствуют себя комфортно, в том числе и в Сето-маа [Chalvin 2015, с. 75]. Далее со ссылкой на социолингвистическое обследование, будут приведены некоторые данные об уровне владения эстонских сето этническим языком.

Важнейшим культурным и религиозным центром, объединяющим всех сето, является Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь в г. Печоры. Монастырь был основан в 1473 г., и сето в то время были обращены в православие. Сето, проживающие в Эстонии, не прерывают связей с монастырем. Ежегодно 28 августа, в праздник Успения, в Печоры съезжаются сето не только из окрестных деревень, но и из Эстонии, а также из красноярской и крымской диаспор. Затем этнический праздник уже без религиозной составляющей продолжается в деревне Сигово в «Музее-усадьбе народа сето», где можно услышать сетоское многоголосое пение, занесенное ЮНЕСКО в список нематериального наследия. Сетоская песенная культура очень древняя и не похожа на эстонскую¹.

Сетоских этнических праздников и регулярных мероприятий довольно много, среди них нужно выделить выборы короля – День королевства сето, проводимый ежегодно с 1994 г. в эстонской деревне Обиница. В основу мероприятия был положен сетоский эпос о короле Пеко, искусственно придуманный эстонскими фольклористами в 1920-е гг. [Chalvin 2015, с. 114–117].

На этнические праздники и женщины, и мужчины сето приходят в национальных костюмах. Специфические женские серебряные украшения есть в каждой семье, они передаются по наследству. По свидетельству информантов, еще в 1980-е гг. некоторые пожилые женщины носили национальную одежду в повседневной жизни. Язык в естественном бытовании сохранялся дольше.

Язык

Эстонская конституция 1920 г. гарантировала право малочисленных народов на обучение на родном языке. Но это не относилось

¹ Довольно много сетоских обычаев и традиций не похожи на эстонские, в частности сето пьют эфир, чем сильно выделяются из окружающих этносов.

к сето. Во-первых, не было письменности, поэтому невозможно было обучение на этом языке. А, кроме того, сето официально признавались эстонцами, поэтому их обучали на стандартном эстонском языке, в основе которого лежат северные эстонские диалекты, сильно отличающиеся от языка, на котором говорят сето. Южные эстонские диалекты в настоящее время признаются лингвистами отдельным языком. Дети сето с большим трудом понимали стандартный эстонский [Chalvin 2011, с. 128–129].

То, какие прибалтийско-финские идиомы считаются эстонскими диалектами, в большей степени зависит от политической и этнической истории Эстонии и не основывается на лингвистических критериях. Например, водский язык и диалект сето отличаются от стандартного эстонского в одинаковой степени. Почему водский – язык, а сето – диалект, объясняется различием их политической и этнической истории [Pajusalu 2003, с. 232].

Однако идиом сето стал признаваться даже диалектом лишь в последнее время, относительно недавно он считался говором вырусского диалекта эстонского языка. (О различных классификациях эстонских диалектов [Pajusalu 2003, с. 239–260]).

В 1921 г. была идея создания письменности для сето, но она не реализовалась, тем не менее, в 1928 г. на сето было издано Евангелие, которое позже переиздавалось.

В 2011 г. в Эстонии вышел первый сетоский букварь, сето стал преподаваться в эстонской части Сетомаа, открыли также «языковые гнезда», но количество часов и уровень преподавания как в школе, так и в детских садах, явно недостаточны. Письменный сето используется редко, слабо он представлен и в Интернете [Chalvin 2015, с. 77–79].

В ходе социолингвистического исследования в эстонской части Сетомаа в 2011 г. респондентам предлагалось оценить свой уровень владения сето и эстонским, в обоих случаях как устным, так и письменным, по шкале от 0 до 4 баллов. По собственным оценкам, уровень компетенции в устном эстонском превосходил сето во всех возрастных когортах, кроме тех, что старше 65 лет. У последних уровень владения двумя языками одинаков. Респонденты моложе 30 лет оценили свой уровень владения устным сето гораздо ниже, чем представители более старших поколений; среди младших когорт разрыв между владением сето и эстонским оказался значительно более существенным. Как можно было ожидать, во всех возрастных когортах уровень

письменного сето оценен как слабый и значительно ниже эстонского. Последнее с очевидностью объясняется тем, что все респонденты обучались в школе на эстонском языке и имели редкую возможность попрактиковаться в письменном сето, поскольку в Сетомаа существует диглоссия [Chalvin 2015, с. 75–76].

Сето-эстонская диглоссия прогрессировала в ущерб сето за одно поколение, но реальное распределение языков (частота и сферы употребления одного и другого языка) еще не были объектом пристального изучения. Анкетирование показало только, что сето используется прежде всего дома («всегда» или «часто» двумя третями опрошенных респондентов), при общении с соседями (60%), с друзьями и семьей (немного меньше 60%), гораздо меньше на работе, в магазине, на улице или в церкви (около 40% в каждой из этих сфер), еще меньше при общении с администрацией (менее 25%) и в школе (менее 20%). Эстонский язык используется «всегда» или «часто» большинством респондентов во всех сферах, в том числе дома и с друзьями (немного более 60%) [Chalvin 2015, с. 74].

И всё же представляется, по описанному выше функциональному распределению языков, что имеет место не прогресс диглоссии, а смена диглоссии сето-эстонским билингвизмом.

В Печорском районе функциональное распределение идиомов более сложное, чем в эстонской части Сетомаа.

Несмотря на то, что формально в советское время это была территория РСФСР, там функционировали школы с эстонским языком преподавания, в которых учились дети сето. После распада СССР вплоть до 2005 г. в городе Печоры в одной из школ велось обучение на эстонском языке, а в 1990-е гг. детям, живущим в приграничных деревнях, разрешалось ежедневно пересекать границу и ходить в эстонские школы. С 2005 г. всё школьное обучение было переведено на русский язык. Поколение этнических сето, получившее школьное образование на русском языке, уже не владеет сето. Интересно, что обучение на эстонском языке служило фактором сохранности сето как языка домашнего общения. У обучавшихся в школе по-эстонски функциональная дистрибуция языков следующая: сето-эстонская диглоссия и одновременно сето-русский билингвизм. (Среди информантов была только одна женщина 1925 г. рождения, не владеющая русским языком). Сето используется в неофициальных сферах как язык домашнего общения, при разговоре с друзьями, семьей. Эстонский язык

используется для письменного общения, если необходимо написать письмо знакомым сето, то пишут по-эстонски, в то же время общаться в быту друг с другом носителям сето не придет в голову, поскольку в сознании эти языки функционально четко распределены. Русский язык может использоваться во всех сферах при общении с людьми, не владеющими сето и эстонским. Как выше указывалось, в 1928 г. вышло Евангелие на сето, которое позже было переиздано. Информантам, активно посещающим церковь, был задан вопрос, читают ли они Евангелие на сето. Они отметили, что язык Евангелия хороший и для них родной и понятный, но читать на сето неестественно, и потому они читают Евангелие на церковнославянском языке. Поскольку они православные, то читать Евангелие по-эстонски для них тоже неестественно.

Представляется, что именно диглоссное распределение эстонского и сето языков служило фактором сохранения последнего. По словам информантов, когда дети учились в школе на эстонском языке, с ними старались перед школой говорить по-эстонски. Но очевидно, что попытки сводились к разговорам на сето, поскольку эстонский не может выполнять функцию языка домашнего общения. Как только школьное обучение перевели на русский язык, родители перешли в разговоре с детьми на русский язык, таким образом, после 2005 г. передача сето детям прекратилась.

Заключение

На исчезновение идиома сето в Печорском районе повлиял и экстралингвистический фактор. После окончания школы с преподаванием на эстонском языке на родине остались только те, кто планировал заниматься низкоквалифицированным трудом, поскольку продолжать обучение в России можно только на русском языке, что практически невозможно, когда русский язык преподавался только как предмет. Многие уезжали в Эстонию, чтобы получить высшее образование. Впрочем, в Эстонии они постепенно теряют этнический язык, поскольку там меняется функциональная дистрибуция сето и эстонского (см. выше). Кроме того, по свидетельству информантов, как проживающих постоянно в Печорском районе, так и переселившихся в Эстонию, но периодически приезжающих в родные места, сето в Эстонии очень сильно подвергается интерференции с эстонским языком, в то время как российские сето лучше сохраняют

исконные черты идиома. Различия между сетоскими идиомами, распространенными по разные стороны границы, существовали и ранее в лексике, фонетике и грамматике, но в последнее время они увеличиваются, поскольку контакты стали менее интенсивными. В целом идиом сето очень слабо изучен, но даже имеющиеся немногочисленные исследования проводились на материале говоров, распространенных в Эстонии, в то время как идиом печорских сето остается неописанным. Идиом печорским сето, какой бы социолингвистический статус ни был ему определен, нуждается в срочном документировании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Тишков В. А.* (ред). Народы России. Энциклопедия. М. : Большая российская энциклопедия, 1994. 479 с.
- Chalvin A.* La construction de l'identité des Setos (1920–1940) // *Études finno-ougriennes*. 2011. T. 43. P. 119–144.
- Chalvin A.* Les Setos d'Estonie. Armeline. Crozon, 2015. 154 с.
- Dautancourt V.* La frontière Estonie-Russie entre absence de traité juridique et réalités quotidiennes // *Études finno-ougriennes*. 2010. T. 42. P. 159–195.
- Külvik H.* (ed.) Setomaa. Unique and genuine. Seto instituut, 2014. 160 с.
- Pajusalu K.* Estonian dialects // *Erelt M.* (ed.) Estonian Language. *Linguistica Uralica*, supplementary series. Vol. 1. 2003. P. 231–272.

REFERENCES

- Tishkov V.A.* (red). *Narody Rossii. Jenciklopedija*. M.: Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija, 1994. 479 s.
- Chalvin A.* La construction de l'identité des Setos (1920–1940) // *Études finno-ougriennes*. 2011. T. 43. P. 119–144.
- Chalvin A.* Les Setos d'Estonie. Armeline. Crozon, 2015. 154 s.
- Dautancourt V.* La frontière Estonie-Russie entre absence de traité juridique et réalités quotidiennes // *Études finno-ougriennes*. 2010. T. 42. P. 159–195.
- Külvik H.* (ed.) *Setomaa. Unique and genuine*. Seto instituut, 2014. 160 s.
- Pajusalu K.* Estonian dialects // *Erelt M.* (ed.) *Estonian Language. Linguistica Uralica*, supplementary series. Vol. 1. 2003. P. 231–272.

УДК 81'26

Л. С. Архипова

ст. преподаватель кафедры иностранных языков № 50 национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»; e-mail: arkhipova.lucy@gmail.com

ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ (на материале ольстерского шотландского языка)

Автор рассматривает грамматический аспект нормирования современных миноритарных языков на примере ольстерского шотландского языка – официально признанного миноритарного языка Великобритании. Материалом исследования послужили современные грамматики Ф. Робинсона (2018) и И. Дж. Парсли (2012).

В статье представлен краткий обзор содержания грамматик, их основных особенностей и различий, а также выявлены некоторые серьезные недостатки представленных работ, проявляющиеся в несоответствиях в изложении материала, объеме рассматриваемых грамматических явлений и использовании терминологического аппарата. Важно отметить, что обе работы характеризуются дескриптивным подходом к описанию грамматического строя ольстерского шотландского языка, в то время как процесс стандартизации остро нуждается в наличии грамматических справочников прескриптивного толка, поскольку именно прескриптивный подход способствует созданию и распространению письменной нормы языка.

Одним из главных принципов, которого придерживались авторы исследуемых работ, является принцип дифференциации, проявляющийся в намеренном отграничении ольстерского шотландского языка от доминирующего стандартного английского (в данном случае – на уровне грамматики). Это вызвано рядом различных причин, связанных с особенностями возникновения и развития данного миноритарного языка.

Ключевые слова: миноритарные языки; ольстерский шотландский язык; нормирование языка; языковое планирование; грамматика.

L. S. Arkhipova

Senior lecturer at the Department of Foreign Languages №50; National Research Nuclear University “MEPhI”; e-mail: arkhipova.lucy@gmail.com

GRAMMATICAL ASPECT OF NORMALIZATION OF MODERN MINORITY LANGUAGES (the case of Ulster-Scots)

The author considers the grammatical aspect of normalization of modern minority languages on the example of the Ulster-Scots language – one of the officially recognized minority languages of Great Britain. The study is based on modern grammars by Ph. Robinson (2018) and I.J. Parsley (2012).

The article provides a brief overview of grammars, their main features and differences, and reveals a number of significant shortcomings such as inconsistencies in the presentation, the amount of material and the use of terminology. It is noteworthy that both works are characterized by a descriptive approach to the presentation of the Ulster-Scots grammatical system, while the standardization process requires prescriptive grammar guides as the prescriptive approach contributes to the creation and dissemination of the written norm of a language.

One of the main principles the authors of the works under study followed is the principle of differentiation, manifested in the intentional separation of Ulster-Scots from the dominant Standard English language (in this case – at the level of grammar). This was caused by a number of different reasons related to emergence and development of this minority language.

Key words: minority languages; Ulster Scots; language standardization; language planning; grammar.

Введение

Изучение различных аспектов нормативной традиции представляется нам фактором, в значительной степени способствующим успешности проведения мер в области языкового строительства и обеспечивающим преемственность, цельность и полноту содержания нормативных сочинений. В случае миноритарных языков разработка языковых стандартов может оказаться ключевым условием сохранения или ревитализации языка, поскольку наличие письменной нормы обеспечивает передачу языка будущим поколениям носителей и увеличивает их число, расширяет количество сфер его функционирования, повышает престиж и практическую значимость владения языком, тем самым способствуя росту его этнолингвистической витальности [Челышева 2010, с. 53].

Сам термин «нормирование» (также нормализация) определяется как «процесс формирования орфоэпических, грамматических и лексических норм, считающихся образцовыми в данном языке» [Словарь социоллингвистических терминов 2006, с. 152]. Однако, по замечанию И. И. Челышевой, в контексте многих современных миноритарных языков более подходящим является термин «стандартизация», поскольку в этом случае основой процесса нормирования выступает «искусственное синтезирование норм», в отличие от постепенно формирующейся нормы литературного языка [Челышева 2010, с. 53–55]. Для них процесс кодификации, т.е. закрепления отобранных вариантов в нормативных сочинениях, происходит без опоры на язык

столицы или политического, экономического, культурного центра или ориентации на общепризнанные шедевры художественной литературы [Чельшева 2010, с. 55].

Н. Н. Германова сформулировала ряд вопросов, решение которых входит в задачи истории нормализаторской деятельности как особого раздела языкознания [Германова 2014, с. 138]. Наиболее актуальными для характеристики процесса стандартизации современного ольстерского шотландского языка, проходящего стадию ревитализации, нам представляются следующие: изучение имеющихся нормативных сочинений с целью выяснения соотношения их типов и жанров, описание их внутренней структуры на различных этапах развития языка, выяснение соотношения их дескриптивных и прескриптивных компонентов, определение специфики нормирования различных языковых уровней, выявление способов и форм кодификации [там же, с. 138].

Обзор современных грамматик ольстерского шотландского языка

Цель данного исследования заключается в анализе опыта нормирования грамматического аспекта современных европейских миноритарных языков на примере ольстерского шотландского языка. Материалом исследования послужили две современных грамматики: *Ulster-Scots. A Grammar of the Traditional Written and Spoken Language* (1-е изд. – 1997; 3-е изд., расшир. и доп. – 2018) Ф. Робинсона и *Ulster Scots: A Short Reference Grammar* (2012) И. Дж. Парсли. На момент исследования данные сочинения являются единственными опубликованными справочниками по грамматике ольстерского шотландского языка.

Грамматика Ф. Робинсона базируется на сочетании описания устной речи носителей ольстерского шотландского языка и глубокого изучения его истории на материале сохранившихся аутентичных текстов разных периодов, но в целом носит выраженный интроспективный характер, т. е. в ее основе лежит личный опыт автора и его представления о предмете исследования [Robinson 2018, с. 10]. Помимо собственно грамматического материала, работа содержит сведения об истории, культуре и географии провинции Ольстер. Отдельная глава посвящена особенностям орфографии и произношения ольстерского шотландского языка. Кроме того, в нее включен краткий базовый глоссарий ольстерского шотландского языка и образцы современных прозаических текстов.

И. Дж. Парсли, в свою очередь, акцентирует внимание на письменной речи, отграничении формального стиля речи от разговорного и сравнении ольстерского шотландского языка с родственными ему языками германской группы (в основном, со стандартным английским и шотландским (скотс), а также нидерландским, немецким, африкаанс) [Parsley 2012, с. 6–7]. Автор отмечает, что значительная часть сведений, содержащихся в справочнике, относится ко всем разновидностям шотландского языка, хотя главным объектом изучения, тем не менее, остается ольстерский шотландский [там же, с. 6]. Как и работа Ф. Робинсона, грамматика И. Дж. Парсли содержит сведения об истории и современном состоянии языка, орфографии и пунктуации, а также краткий глоссарий. Кроме того, данный справочник доступен не только в печатном, но и в цифровом формате для устройства для чтения электронных книг и приложения Amazon Kindle, что способствует более широкому, удобному и быстрому распространению предложенных автором вариантов и правил и помогает сделать их узнаваемыми для большинства носителей и лиц, изучающих данный язык.

Трудности нормирования грамматического строя ольстерского шотландского языка

Система частей речи ольстерского шотландского языка во многом повторяет английскую и включает в себя как самостоятельные части речи (имена существительные, имена прилагательные, местоимения различных типов (личные, возвратные, указательные, вопросительные, относительные), глаголы (в том числе вспомогательные и модальные), имена числительные), так и служебные (определенный и неопределенный артикли, наречия, предлоги, союзы).

Несмотря на то, что обе грамматики, на первый взгляд, не обнаруживают принципиально различных точек зрения по поводу исследуемых грамматических явлений, можно заметить некоторые несоответствия в изложении материала и объеме представленных авторами сведений. Более того, в отдельных случаях они оперируют различной терминологией, что препятствует эффективному практическому использованию справочников в академических и научных целях.

Значительную трудность для процесса нормирования грамматического строя представляет наличие большого количества схожих черт у ольстерского шотландского и английского языков. Например,

следующий набор грамматических характеристик имен существительных, представленных в исследуемых грамматических справочниках, является для них общим:

1) имена существительные или именные группы в предложении выполняют функции подлежащего или дополнения [Robinson 2018, с. 89];

2) использование некоторых лексических единиц как в качестве имен существительных, так и в качестве глаголов, например, *dannèr* (англ. *walk, stroll*) [там же, с. 89–90];

3) образование отглагольных существительных путем добавления окончания *-in* (англ. *-ing*) [там же, с. 90];

4) употребление уменьшительно-ласкательного суффикса *-ie* [Robinson 2018, с. 96–97; Parsley 2012, с. 25–26];

5) образование множественного числа имен существительных путем добавления окончания *-s*, *-is* (после *p, l, g, n*) [Robinson 2018, с. 98] или *-es* (после *-ch, -s, -sh*) [Parsley 2012, с. 19]; некоторые имена существительные имеют особую форму образования множественного числа [там же, с. 19–21];

6) наличие перед именами существительными квантификаторов, указывающих на число или количество, например: *awee* (англ. *a little bit*), *monie* (англ. *many*) и др. [Robinson 2018, с. 90–96; Parsley 2012, с. 48–50];

7) образование формы притяжательного падежа путем добавления *-s* к имени существительному либо образования именного словосочетания с предлогом *o* (аналогичны английским *of-phrases*) [Parsley 2012, с. 24; Robinson 2018, с. 99–100].

Отсутствие значительного числа заметных особенностей, отличающих миноритарный язык от доминантного, вызывает необходимость намеренного подчеркивания уже имеющихся различий или даже искусственного создания таковых на разных уровнях языка. Нормализаторы вынуждены в первую очередь руководствоваться принципом дифференциации, т. е. акцентирования отличий миноритарного ольстерского шотландского языка от доминантного стандартного английского с целью укрепить его в статусе отдельного, самостоятельного языка и сохранить его этнолингвистическую витальность. В качестве иллюстрации данного принципа приведем следующие грамматические особенности имен существительных, представленные в исследуемых работах:

1) частотное использование отглагольных существительных и именных словосочетаний вместо глаголов, например: *pit in an apologie* (= to apologise), *mak an approach* (= to approach) [Robinson 2018, с. 90];

2) употребление существительного в единственном числе после указания числа или количества (например: *two pun* – англ. *two pounds*) [Robinson 2018, с. 98; Parsley 2012, с. 21–22];

3) отсутствие апострофа при присоединении *-s* для образования формы притяжательного падежа, например: *Dereks kye* (англ. *Derek's cows*) [Parsley 2012, с. 99–100; Robinson 2018, с. 24].

Тем не менее мнения авторов грамматик по поводу последнего пункта несколько различаются. В ольстерском шотландском языке притяжательный падеж имен существительных, как правило, передается конструкцией типа *tha biddin o tha Queen* (англ. – *the Queen's Command*), аналогичной конструкции с предлогом *of* в стандартном английском [Robinson 2018, с. 99; Parsley 2012, с. 24–25]. В грамматике Ф.Робинсона способ образования притяжательного падежа с помощью окончания *-s* показан только на примере множественного числа собственных имен существительных в единственном числе, оканчивающихся на *-s* (например, *Burns's poems*) [Robinson 2018, с. 99–100].

Справочник И. Дж. Парсли, напротив, в первую очередь предлагает три способа образования притяжательного падежа в зависимости от конечных согласных: *-es* для существительных, заканчивающихся на *-ch*, *-s* или *-sh*; существительные, заканчивающиеся на одну *-s*, не меняют формы; ко всем остальным добавляется *-s* [Parsley 2012, с. 23]. Притяжательный падеж, как правило, используется с именами собственными (*Rebeccas car*), существительными, обозначающими людей (в частности, членов семьи) (*ma mithers opeinion*), конкретными указаниями времени (*themorns morn*), иногда – с названиями животных (*doags tail*) [там же, с. 24–25].

Еще одним примером несоответствия объема и содержания материала могут послужить грамматические характеристики имен числительных, представленные в обеих работах. Так, справочник И. Дж. Парсли содержит информацию об образовании, особенностях и употреблении трех лексико-грамматических разрядов числительных – количественных, порядковых и дробных; отдельные разделы посвящены различию *ae* и *ane* для передачи значения английского

one и использованию числительных для указания даты и времени [Parsley 2012, с. 45–47].

Грамматика Ф. Робинсона, напротив, не уделяет внимания порядковым числительным – приводятся ольстерские шотландские варианты только для англ. *first, second, third* (*first, secant* и *thurd* соответственно) [Robinson 2018, с. 103]; сведения о дробных числительных не представлены. При этом подробно рассматриваются различные варианты правописания и особенности произношения числительных *one, two, three, four, seven, eight, eleven, twelve* [там же, с. 101–103], не всегда совпадающих с орфограммами, предложенными И. Дж. Парсли (например, *fouwer* [Parsley 2012, с. 45] и *fower / fivver* [Robinson 2018, с. 100] (англ. *five*); *sax* [Parsley 2012, с. 45] и *six* [Robinson 2018, с. 100] (англ. – *six*) и др.).

Следует отметить, что Ф. Робинсон указывает весьма специфические ольстерские шотландские варианты написания года: *18&62* и *18 an 62* наряду с общепринятым *1862* [там же, с. 101], позволяющие визуально отграничить ольстерский шотландский от других языков и языковых идиомов (необязательно родственных) и подчеркнуть его своеобразие. Еще одной отличительной чертой ольстерского шотландского языка, касающейся числительных, является употребление в устной речи двух детерминантов одновременно – определенного артикля и числительного [там же, с. 101].

Мнения авторов по поводу числительного *one* также расходятся. И. Дж. Парсли противопоставляет варианты *ae* и *ane*: *ae* является детерминантом (*ae peir* – англ. *one pear*), в то время как *ane* – местоимением (*the yella ane wad be better* – англ. *the yellow one would be better*), имеющим, в отличие от *ae*, форму множественного числа (*the yella anes* – англ. *the yellow ones*) [Parsley 2012, с. 46]. Ф. Робинсон, наряду с *ane* и *ae*, предлагает также варианты *yin* и *yae*, при этом *ane / yin* употребляются в качестве имен существительных, а *ae / yae* – в качестве имен прилагательных и имеют книжную окраску и иное лексическое значение (*конкретный, единственный в своем роде, такой же* и др.) [Robinson 2018, с. 101–102].

Как было отмечено выше, в работе Ф. Робинсона, помимо грамматических сведений, содержатся образцы прозаических текстов, написанных как самим автором, так и Дж. Фентоном – ольстерским шотландским лингвистом, поэтом и автором популярного словаря ольстерского шотландского языка *The Hamely Tongue: A Personal*

Record of Ulster-Scots in County Antrim (последнее издание – 2014 г.). В первом издании справочника в качестве примера ольстерской шотландской прозы были приведены отрывки из Библии [Robinson 2018, с. 289]. Позднее Академия ольстерских шотландцев (The Ulster-Scots Academy) сделала перевод Библии одним из своих масштабных проектов, который на момент исследования не завершен.

Материалы, включенные в третье издание, представляют собой как фрагменты художественных произведений Дж. Фентона, так и небольшие прозаические тексты и диалоги, специально составленные Ф. Робинсоном для обучения взрослых ольстерскому шотландскому языку. При этом автор отмечает неизбежные различия в правописании некоторых лексических единиц, представленных в текстах, поскольку они были созданы до 2007 г., когда был завершен процесс стандартизации орфографии, а также использование устаревших лексических единиц в произведениях Дж. Фентона [там же, с. 294].

Именно учебные диалоги и тексты, призванные отразить грамматические особенности ольстерского шотландского языка и выступить образцами для дальнейшего самостоятельного построения высказываний (а также закрепить предложенные автором варианты правописания лексических единиц и особенности их употребления), придают справочнику практическую направленность и, следовательно, являются актуальными для нашего исследования. Они иллюстрируют ситуации бытового общения и традиционный уклад жителей провинции Ольстер, часто в юмористическом ключе. Ф. Робинсон отмечает эффективность использования предложенных диалогов для развития навыков чтения, говорения и восприятия речи, а также повышения уверенности в себе у взрослых, обучающихся в смешанных группах, в которые входят как носители языка, так и лица, для которых ольстерский шотландский язык не является родным [там же, с. 300].

Грамматические особенности ольстерского шотландского языка

Далее предлагаем рассмотреть некоторые особенности грамматики ольстерского шотландского языка, отраженные в теоретической части справочника Ф. Робинсона, на примере представленных в нем текстов и диалогов.

Прежде всего, внимание привлекает синтаксис, которому посвящена отдельная глава грамматики Ф. Робинсона. Несмотря на то, что нормы синтаксиса стандартного английского языка в значительной

степени повлияли на письменную речь на ольстерском шотландском и особенно на литературу (даже при передаче устной речи на письме), ольстерский шотландский синтаксис, тем не менее, обладает рядом значительных отличий, связанных, в основном, с позицией глагола в предложении [Robinson 2018, с. 267].

Особое внимание уделено порядку слов: по мнению автора, для ольстерского шотландского языка характерен порядок слов O-S-V (англ. *object-subject-verb constructions*), в отличие от S-V-O в стандартном английском. На месте дополнения может также стоять предложная группа (англ. *prepositional phrase*) или прилагательное в роли именной части составного сказуемого (англ. *predicate adjective*). Однако в предложенных текстах и учебных диалогах (за редким исключением, например, *Aa colours the' wur, swirl't up in the gless'*) используется порядок слов S-V-O, отражающий нормы английского, а не ольстерского шотландского языка.

Сочинительный союз *but* (тж. – *bot*, англ. – *but*) имеет свои особенности употребления и может находиться в различных местах в предложении в зависимости от значения. Как и в стандартном английском, он используется либо в качестве противительного союза для соединения частей сложного предложения, либо в начале следующего предложения для передачи значения контраста: *A think he's intae an echt or nine mebbe, but A'm no wantin' tae spen big money too. But A suppose the' hae tae be carefu noo-a-days <...>*. Однако он также может использоваться для передачи значения наречий *however* или *yet*, при этом он обычно (но необязательно) ставится в конец предложения: *Yinst we got a TV but, we'd nae mair need o sitch diversions. She niver luk't back yinst, but. Dinnae be chowin wi yer mooth apen but.*

Правила согласования подлежащего и сказуемого также имеют свои особенности: в ольстерском шотландском языке в настоящем времени окончание *-s* добавляется не только для 3-го л. ед. ч., но для всех лиц и чисел (за исключением тех случаев, когда за личным местоимением, выступающим в предложении в качестве подлежащего, сразу следует глагол-сказуемое) [там же, с. 183]: “*Ay*”, *says me <...>. Whar's ma new socks an shaes? D'ye no think thaim cannles is lovely?*

Несмотря на существенное влияние грамматики стандартного английского, для ольстерского шотландского языка характерно двойное

¹Зд. и далее примеры взяты из представленных в справочнике текстов и диалогов (с. 289–307).

отрицание (в том числе в предложениях с глаголами, выражающими сомнение): *An, hae – ye'r no kickin nae fitbaa nor fur daein ocht else on Settdèday <...>. I doot naeboadie bothers wi that noo.* В стандартном английском обычно используется только одно отрицание, в то время как двойное отрицание меняет значение предложения на противоположное.

В целом, представленные в справочнике тексты и диалоги отражают некоторые существенные особенности грамматики ольстерского шотландского языка, однако их объем, по-видимому, не является достаточным для иллюстрации всего теоретического материала справочника. Более того, в качестве примеров автор часто приводит отрывки поэтических текстов, датируемых XVIII – началом XX вв., которые, вероятно, могут уже не соответствовать современному употреблению, принятому в среде носителей языка.

Заключение

Современный этап ревитализации и развития ольстерского шотландского языка характеризуется зарождением его нормативной традиции в области грамматики, хотя имеющиеся сочинения пока не позволяют говорить о высокой степени разработанности письменной нормы данного миноритарного языка. Процесс ее формирования осложнен рядом проблем, препятствующих успешному закреплению нормы, расширению социально значимых сфер функционирования языка и росту его этнолингвистической витальности; эти проблемы требуют решения со стороны нормализаторов и лиц, занимающихся вопросами языковой политики и языкового строительства.

Прежде всего, значительное количество морфологических и синтаксических черт являются общими для ольстерского шотландского и стандартного английского и/или шотландского (скотс) языков; некоторые из этих особенностей проникли и в другие языковые идиомы, распространившись по всей территории провинции Ольстер [Hickey 2012, с. 312–313]. Также необходимо отметить некоторые несоответствия в изложении материала и использовании терминологического аппарата у различных авторов грамматических справочников, что препятствует полноценному использованию данных сочинений в сфере образования, практике перевода и других социально значимых сферах жизни общества.

Не следует также забывать о том, что процесс нормирования языка включает в себя решение не только практических, но и теоретических задач, тогда как в имеющихся грамматиках отсутствует развернутый теоретический анализ рассматриваемых грамматических явлений [Германова 2014, с. 137]. Кроме того, оба автора подчеркивают, скорее, дескриптивный, нежели прескриптивный, нормативный характер грамматик [Parsley 2012, с. 3; Robinson 2018, с. 9–10], препятствующий формированию единой речевой практики (подробнее о соотношении дескриптивного и прескриптивного подходов в нормировании языка [Германова 2011]).

Хотя имеющиеся сочинения и не могут в полной мере удовлетворить потребности процесса нормирования ольстерского шотландского языка, они вносят весомый вклад в формирование и развитие его письменной нормы и могут послужить фундаментом для дальнейшего создания нормативных сочинений. В целом, обе грамматики характеризуются широким диапазоном охвата грамматических явлений и значительным объемом иллюстративных примеров из аутентичных источников. Кроме того, они строятся на сравнении особенностей грамматик ольстерского шотландского, английского и шотландского (скотс) языков, что делает их до определенной степени пригодными для использования в академических и научных целях (например, носителями языка, желающими улучшить свои навыки владения письменной речью, а также исследователями, изучающими данный миноритарный язык).

Следует признать, что фрагменты литературных прозаических текстов и учебные диалоги, включенные в справочник Ф. Робинсона для практического использования на занятиях по ольстерскому шотландскому языку взрослыми обучающимися, не отражают в полной мере все особенности ольстерской шотландской грамматики, представленные в теоретической части работы. Однако они могут успешно использоваться для развития у обучающихся рецептивных и продуктивных навыков речевой деятельности, в том числе в практике перевода, в ходе аудиторной и самостоятельной работы.

Важным принципом конструирования языковой нормы ольстерского шотландского языка, которым руководствовались авторы справочных грамматик, представляется нам принцип дифференциации, т. е. подчеркивание его отличий как от стандартного английского, так и от шотландского языка (скотс). Такой подход обусловлен близостью

к генетически родственным идиомам, а также спорным лингвистическим статусом ольстерского шотландского языка, вызванным длительной маргинализацией миноритарной лингвистической группы, сравнительно небольшим числом носителей языка, их низким социальным статусом и свойственным им билингвизмом, прерывистым характером его письменной традиции и длительным отсутствием в системе образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Германова Н. Н.* История нормирования английского языка. Лингвокультурные основания британской нормативной грамматики. М.: ЛЕНАНД, 2014. 368 с.
- Германова Н. Н.* Прескриптивизм как социолингвистическая проблема (на материале англоязычных грамматик XVIII века) // Вопросы филологии. 2011. № 3 (39). С. 21–29.
- Словарь социолингвистических терминов. М.: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.
- Чельшева И. И.* Миноритарные романские языки и проблема языковой нормы // Вопросы филологии. 2010. №1 (34). С. 53–59.
- Hickey R.* Ulster Scots in Present-day Ireland // Researching the Languages of Ireland. 2011. P. 291–323.
- Parsley I. J.* Ulster Scots. A Short Reference Grammar. Ultonia Publishing, 2012. 196 p.
- Robinson Ph.* Ulster-Scots. A Grammar of the Traditional Written and Spoken Language. Ullans Press, 2018. 286 p.

REFERENCES

- Germanova N. N.* Istorija normirovanija anglijskogo jazyka. Lingvokul'turnye osnovanija britanskoj normativnoj grammatiki. M.: LENAND, 2014. 368 s.
- Germanova N. N.* Preskriptivizm kak sociolingvisticheskaja problema (na materiale anglojazychnyh grammatik XVIII veka) // Voprosy filologii. 2011. № 3 (39). S. 21–29.
- Slovar' sociolingvisticheskikh terminov. M.: Institut jazykoznanija RAN, 2006. 312 s.
- Chelysheva I. I.* Minoritarnye romanskije jazyki i problema jazykovoju normy // Voprosy filologii. 2010. №1 (34). S. 53–59.
- Hickey R.* Ulster Scots in Present-day Ireland // Researching the Languages of Ireland. 2011. P. 291–323.

- Parsley I. J.* Ulster Scots. A Short Reference Grammar. Ultonia Publishing, 2012. 196 p.
- Robinson Ph.* Ulster-Scots. A Grammar of the Traditional Written and Spoken Language. Ullans Press, 2018. 286 p.

Лингвистические аспекты переводоведения: контрастивный анализ и психолингвистика

УДК 811.161.1

А. В. Лентовская

ст. преподаватель русского языка; Департамент филологии, литературы и языкознания Пизанского университета, Италия; e-mail: anna.lentovskaya@unipi.it

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ХАРАКТЕРИЗОВАННЫХ СПОСОБОВ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК

Статья посвящена сопоставительному анализу характеризованных способов действия в русском языке и их переводных соответствий в итальянском языке. Первоначальный анализ переводной литературы показал, что при выборе итальянского эквивалента русских глаголов, выражающих, в том числе, «характеризованные» способы действия (*заиграться*, *перехватать* и др.), в соответствующих языковых ситуациях для передачи данных глагольных значений широко используются конструкции с «опорными глаголами». Выявление соответствия таких конструкций в итальянском языке единичным русским глаголам и/или подобным русским конструкциям стало темой нашего исследования.

Ключевые слова: акциональность; акциональные классы; способы глагольного действия; перевод с русского на итальянский язык; конструкции с опорными глаголами.

A. Lentovskaya

Senior Lecturer at the Department of Filology, Literature and Linguistics, University of Pisa (Italy); e-mail: anna.lentovskaya@unipi.it

ON TRANSLATING DESCRIPTIVE VERBAL ACTIONS FROM RUSSIAN INTO ITALIAN

The article carries out a contrastive analysis of morphologically marked Aktionsarten in Russian and in Italian. Data collected as a result of translating verbs from Russian (L1) into Italian (L2) have shown that light verb constructions in L2 were often preferred as equivalents of similar Aktionsarten in L1. The undertaken research addresses eventual correlations between light verb constructions in Italian and similar constructions / simplex verbs in Russian.

Key words: actionality; actional classification; Aktionsarten; translation from Russian into Italian; light verb constructions.

Введение

Многие авторы сравнительно-сопоставительных и переводоведческих работ, опубликованных в начале XXI в. [Славкова 2007; Тетерукова 2009], продолжают обращаться к исследованиям возможностей эквивалентной передачи русских (о)характеризованных способов действия при переводе на другие языки. Наш интерес к данной теме возник при работе над построением сопоставительной классификации русской и итальянской глагольной лексики: анализ русских производных глаголов и их итальянских коррелятов позволил выявить частичные функциональные соответствия русских «нехарактеризованных» и «характеризованных» способов действия итальянским конструкциям с «базовыми» и «специфическими» опорными глаголами.

Термины «способ (глагольного) действия» и «характер (глагольного) действия» являются ключевыми понятиями данного сообщения. Предваряя иллюстрацию результатов сопоставительного анализа, остановимся на подробном определении данных понятий, учитывая наличие нескольких различных трактовок, которые часто подменяют друг друга.

Две различные трактовки данных понятий в русской традиции связаны с именами А. В. Исаченко и М. А. Шелякина. В то время как А. В. Исаченко различал способы глагольного действия, включающие в себя только русские производные одновидовые глаголы (т. е. глаголы со специфической морфологической характеристикой), и характеры глагольного действия, среди которых рассматривал только непроизводные глаголы, М. А. Шелякин (Шелякин 1982) определял характеры глагольного действия как «формы проявления способа действия» [Исаченко 1960].

Более широкая трактовка данного понятия берет свое начало от предложения Ю. С. Маслова, который рекомендовал подразделять способы действия (выделяемые на основе сходства в типах протекания и распределения во времени глагольного действия) или семантические разряды глаголов на характеризованные (морфемно выраженные), нехарактеризованные и непоследовательно характеризованные способы действия [Маслов 1965, с. 53–80].

В ряде более поздних предложений русских глагольных классификаций сопоставительного или типологического, нелингвоспецифического свойства понятие характеров глагольного действия приравнивается к понятию глагольных акциональных классов, выделяемых

посредством классификации глаголов на основе универсальных акциональных характеристик (предельность, длительность, стативность и т. д., которые позволяют определить принадлежность глаголов к тому или иному акциональному (или семантическому) классу предикатов [Булыгина 1982; Горбова 2010; Зализняк, Шмелев 2000; Мелиг 1985; Падучева 1996; Brecht 1985; Breu 1994; Comrie 1976; Gebert 1991; Janda 2007; Smith 1991; Tatevosov 2002]. Подобная трактовка характеров глагольного действия в полной мере соотносится с положениями двухкомпонентных теорий вида, описывающих взаимодействие грамматической и лексической аспектуальности (акциональности) и ставших основой нашего исследования [Smith 1991; Горбова 2010].

Акциональные классы глаголов и способы глагольного действия

В рамках теоретического подхода, кратко описанного выше, мы приравниваем понятие характера действия к понятию «акциональный класс глагола», закрепляя понятие способа действия (далее – СД) за русскими глагольными группировками, обладающими специфическим морфологическим выражением.

Предлагая альтернативный вариант акциональной классификации русской глагольной лексики, мы опирались на предложенный Л. Яндой принцип группировки глаголов в «кластеры», или «агломераты» (*clusters*), т. е. группы, объединенные морфологической общностью и выделяемые путем тестирования аспектуально-семантических характеристик [Bertinetto, Lentovskaya 2015; Janda 2007]. В подобных классификациях в одном ряду рассматриваются глаголы, эксплицитно маркированные или немаркированные по СД, в рамках предположения о том, что морфологические маркеры (главным образом, префиксы) акциональной характеристики глагола могут отсутствовать, но при их наличии не бывают «пустыми» [Janda 2013]. В дальнейшем, исходя из данного принципа «групповой» классификации, мы предложили организовывать члены групп вокруг шести ключевых акционально «гибридных» глаголов (*hybrid pivot verbs*)¹, иллюстри-

¹ Главной характеристикой «гибридных» глаголов считается их способность демонстрировать синтаксическую сочетаемость с аспектуальными граммами, свойственную одновременно для нескольких семантических (акциональных) классов глагольной лексики (например, для состояний, деятельности и свершений) [Bertinetto 1986; Gebert 2016; Mehlig 2012].

рующих действие, внутреннюю структуру которого описывают члены каждой конкретной глагольной группы [Лентовская 2015]:

1) стативная группа	STA-pivot (<i>соответствовать</i>)
2) агентивная группа	P-ACT-pivot (<i>работать</i>)
3) мультипликативная группа	MULT-pivot (<i>стучать</i>)
4) градативная группа
(градативы + терминативы)	DV-pivot (<i>краснеть</i>)
5) терминативная группа	H-ACT-pivot (<i>рисовать</i>)
6) моментативная группа	ACH-pivot (<i>умереть</i>)

Остальные члены глагольной группы, как правило, оказываются морфологически характеризованы посредством префиксации или суффиксации, причем, не всегда одинаково в рамках одного и того же семантического класса.

Способы действия в сопоставительной акциональной классификации

На первом этапе разработки сопоставительной акциональной классификации русских и итальянских глаголов было подтверждено предположение о соответствии каждой русской глагольной группе (*cluster azionale*) с гибридным опорным глаголом одного многозначного итальянского глагола (например, *швырять, пошвырять, зашвырять, швырнуть* (камень) – *scagliare* (un sasso) [Bertinetto 1986; Лентовская 2010] (см. табл. 1). К так называемым специализированным перфективам, глаголам, привносящим значительное изменение семантики и способным образовывать отдельные глагольные «агломераты» (с соответствующими вторичными имперфективами, например, *вышвырнуть / вышвыривать*), были отнесены и многочисленные характеризованные СД (*засидеться / засиживаться, подзабыть / подзабывать*) [Janda 2007].

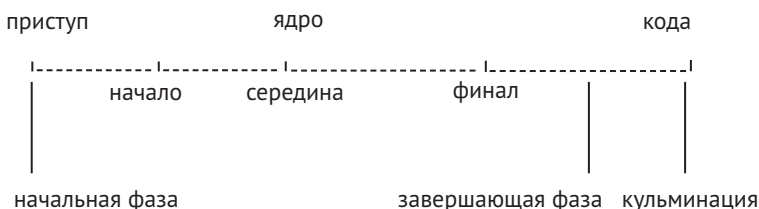
Таблица 1

Сопоставительная акциональная классификация русской и итальянской глагольной лексики

STATIVO / sta possedere essere malato	СТАТИВЫ обладать (STA) болеть – поболеть – заболеть (STA + ingr + del) Продолжение таблицы 1
---	---

CONTINUATIVO / act piangere dormire	АГЕНТИВЫ (< стативы) плакать – поплакать – заплакать (P-ACT + ingr + del) спать – поспать (P-ACT + del)
RISULTATIVO / h-act mangiare una mela risolvere un dilemma GRADATIVO incresparsi	ТЕРМИНАТИВЫ (< агентивы < стативы) есть – поесть – съесть (H-ACT + del + acc) (яблоко) решать – порешать – решить (H-ACT + del + acc) (проблему) ГРАДАТИВЫ / ТЕРМИНАТИВЫ (< агентивы < стативы) трескаться – потрескаться – растрескаться (IPF—DV + pf-dv + acc)
TRASFORMATIVO / ach nascere rientrare	МОМЕНТАТИВЫ (терминативы < агентивы < стативы) рождаться – родиться (ACH + iter) возвращаться – возвратиться (ACH + iter)
PUNTUALE / sta (mult) emettere un grido scagliare (un sasso) ¹	МУЛЬТИПЛИКАТИВЫ (моментативы < терминативы < агентивы < стативы) вскрикивать – повскрикивать – завскрикивать – вскрикнуть (MULT + del + ingr + semel) швырять – пошвырять – зашвырять – швырнуть (MULT + del + ingr + semel) (камень)

Было также отмечено, что при выборе итальянского эквивалента ряда таких морфологически характеризованных русских глаголов в соответствующих языковых ситуациях широко используются, среди прочих, конструкции с «опорными глаголами»² [Cantarini 2004; Jezek 2004]. Чтобы выяснить, какие именно характеризованные СД в русском языке коррелируют с итальянскими конструкциями с опорными глаголами, вернемся к представлению о внутренней структуре действия, которую в глагольной группе («агломерате»), на наш взгляд, иллюстрирует ключевой глагол³:

В русских глагольных группах, структурированных вокруг опорного глагола, каждой из временных фаз протекания действия, отмеченных начальной и/или конечной временной границей, будет соответствовать конкретная форма, маркированная префиксом или суффиксом.

Обратимся к конкретным примерам глагольных групп с непрерывными глаголами-опорами, описывающими деятельность в первом случае (1) и многоактную деятельность (мультипликатив) в другом (2). Вслед за рядом исследователей мы различаем начальную границу протекания действия (далее – ГД), выраженную ингрессивом, и конечную ГД, которая, в отсутствие предела действия может описывать прекратившееся действие (финитивный СД¹) [Tatevosov 2002; Rozwadowska 2014]. Начальная и конечная ГД могут быть выражены одним членом глагольной группы: длительным делимитативом или одноактным семейфактивом².

(1) АСТ-cluster / деятельность (агентивная группа)

а)	начальная	начальная	конечная	конечная
	ГД ¹	ГД ²	ГД ¹	ГД ²
	1-----	-----	-----	-----
	зашуметь	...пошуметь...	прошуметь...	шуметь

слов. far rumore (chiasso, scandalo), emettere un rumore, strepitare, riscaldarsi, strombazzare

¹ Зд. и далее приведена терминология СД Маслова Ю.С. [Маслов 1965].

² В примерах 1–3b русские глаголы сопоставлены со словарными переводами на итал. яз. (слов. = русско-итальянские и итальянско-русские словари под ред. О.В. Дмитриева, Г.В. Степенко, Г.В. Зорько, В. Ковалева, АВВУ Lingvo), а также с переводами, найденными в параллельном корпусе (www.ruscorpora.ru) (корп.). Наличие производных СД в русском языке проверено по [Зализняк 1987].

¹ Итальянская терминология П.М. Бертинетто. Развернутый комментарий к таблице 1 в [Лентовская 2010].

² Costrutti a verbi supporto (итал.) / light verb constructions (англ.).

³ Схематичное представление внутренней структуры действия с переводом терминологии с англ. яз. [Binnick 1991, с. 187].

корн. rumoreggiare, far baccano, vociare, vociferare, schiamazzare, sbraitare; stormire, bisbigliare, soffiare, frusciare, scrosciare, brontolare, borbottare, rombare

(b) *слов.* *расшуметься* – far sempre più chiasso, far la voce grossa; *отшуметь* – cessare di rumoreggiare, finire di far rumore; *нашуметь* – gridare, fare scandalo; *нашуметься* – far baccano a sufficienza; *пошумливать* – emettere rumori di tanto in tanto;

(2) MULT-cluster / многоактная деятельность (мультипликативная группа)

а) начальная	начальная	конечная	начальная=конечная
ГД ¹	ГД ²	ГД ¹	ГД ²
~~~~~	~~~~~	~~~~~	~~~~~
застучать	...постучать...	стукнуть	стучать

слов. battere, bussare, picchiare

корн. sbattere, risuonare, picchiettare, urtare, battere / dare un pugno / un colpo

(b) *слов.* *достучаться* – bussare fino a farsi aprire; *настучаться* – dare colpi a sazietà; *постукивать* – picchiettare.

В группах с предельным глаголом-опорой, например в терминативных группах, конечная ГД совпадает с достижением предела действия и описывается терминативом (3).

(3) ACC-cluster / совершение (терминативная группа)

а) начальная	начальная	конечная	начальная и предел
ГД ¹	ГД ²	ГД ¹	ГД ²
-----	-----	-----	-----
зарисовать	...порисовать...		рисовать – нарисовать

слов. disegnare, dipingere, rappresentare

корн. fare un disegno, ritrarre, svolgere il quadro

(b) *слов.* *дорисовать* – disegnare fino alla fine, completare un disegno; *дорисоваться* – arrivare a disegnare delle assurdità, disegnare fino a disgustarsi del pennello; *изрисовать* – coprire di disegni; *изрисоваться* – consumarsi, esaurirsi disegnando.

**«Характеризованные» по способу действия глаголы
и конструкции с опорным глаголом**

В целях сопоставительного анализа глаголы, «характеризованные» по СД, определяются нами как те, чья семантика предполагает не только указание на временные ГД, но и серьезное расширение значения (1–3b vs. 1–3a и пр.). Таким образом, из списка «характеризованных» глаголов исключены, например, ингрессивы, делимитативы и семьelfактивы. Как будет показано далее, разграничение СД, входящих в одну глагольную группу и обозначающих временные ГД, с одной стороны, и СД, которые в силу значительного семантического сдвига могут образовывать отдельные группы (как и другие так называемые специальные перфективы) – с другой, находит свое отражение при переводе на итальянский язык [Janda 2007].

Методом нашей работы стал сопоставительный анализ переводов русскоязычных произведений на итальянский язык, а также анкетирование информантов-носителей русского и итальянского языков. Первичный анализ показал, что в переводах русских СД фигурируют разнообразные конструкции с опорным глаголом.

В итальянской и французской традиции устойчивые глагольно-именные сочетания (конструкции с опорными глаголами) классифицируют как с точки зрения принадлежности существительных к одному из гиперклассов (действие, состояние, ситуация и т. д.), так и с точки зрения семантической характеристики глаголов, актуализирующих имя в предикативной функции [Cantarini 2004; Jezek 2004; Gross 1981]. Среди таких опорных (легких) глаголов выделяют базовые, обладающие наиболее широкой лексической сочетаемостью, и специфические, сочетающиеся с небольшим количеством предикативных имен. В итальянском языке базовые, или нейтральные, глаголы: *avere* – *иметь* (*avere una speranza* ‘надеяться’); *essere* – *быть* (*essere in panico* ‘паниковать’); *dare* – *давать* (*dare un consiglio* ‘дать совет’, *dare il permesso* ‘разрешить’); *prendere* – *брать* (*prendere una decisione* ‘принять решение’); *fare* – *делать* (*fare rumore* ‘шуметь’).

В свою очередь, специфические опорные глаголы, помимо своей более ограниченной сочетаемости, маркированы по целому ряду параметров (см. табл. 2) [Jezek 2004, с. 190].

Таблица 2

Конструкции с опорными глаголами в итальянском языке

Маркированный параметр	Синтетический глагол	Базовый опорный глагол	Специфический опорный глагол
Акциональность	discutere	fare	intavolare una discussione
Модальность	rispondere	dare	azzardare una risposta
Интенсивность	colpire	dare	sferrare un colpo
Количество	criticare	fare	abbondare in critiche
Регистр речи	disturbare	dare	arrecare disturbo
Коннотация	errare	fare	commettere un errore
Переносный смысл	segnalare	dare	lanciare un segnale

Особое внимание при анализе мы обратили на акционально маркированные опорные глаголы, выражающие соотнесенность с тем или иным периодом протекания действия во времени, поскольку изначально ожидали их корреляцию с соответствующими характеристизованными СД в русском варианте [Cantarini 2004, с. 175].

Среди акционально маркированных специфических опорных глаголов Э. Йезек и С. Кантарини выделяют те, которые выражают:

- ингрессивный/начинательный СД (*influenzarsi vs. avere vs. covare influenza* – заболеть / болеть / заболевать *gruppom*);
- предингрессивный СД (*discutere vs. fare vs. intavolare una discussione* – спорить / заспорить / начать спор);
- статальный СД (*calmarsi vs. conservare la calma* – успокоиться / сохранять спокойствие, быть спокойным);
- итеративный / многократный СД (*augurare vs. fare vs. rinnovare gli auguri* – поздравить / поздравлять);
- терминативный / (обще)результативный СД (*truffare vs. fare vs. perpetrare una truffa* – обмануть / обманывать / схитрить);
- семейфактивный / одноактный СД (*telefonare vs. fare una telefonata* – звонить / позвонить / звякнуть', *dormire vs. fare una dormita* 'спать / поспать / вздремнуть).

Фазисность также могут выражать некоторые конструкции с базовыми опорными глаголами, например в случае семейфактивного / одноактного СД – *saltare vs. fare un salto* – прыгать / прыгнуть. Кроме того, для выражения различных фаз протекания действия в итальянском

языке функционируют глагольные перифразы *cominciare a fare* – *начать что-то делать*; *iniziare a fare* – *начать что-то делать*; *prendere a fare* – *приняться за что-то*; *finire di fare* – *закончить что-то делать*; *smettere di fare* – *прекратить что-то делать*; *fare per un po* – *поделать что-то* и т. д.

Анализ переводного корпуса выявил общую тенденцию, которая заключается в следующем.

1. В большинстве случаев «нехарактеризованным» русским глаголам, входящим в одну и ту же акциональную «группу» (в нашей трактовке среди таких глаголов упоминаются ингрессивы, делимитативы, семельфактивы), соответствуют простые итальянские глаголы, а не конструкции с опорными глаголами или другие распространенные конструкции. В примерах (4) – (5) для перевода производных членов агентивной группы с ключевым глаголом *шуметь* (1) и мультипликативной группы с ключевым глаголом *стучать* (2) используются простые (непроизводные) итальянские глаголы, соответственно *rombare* и *battere*:

(4) Да, теперь я понимаю, что он безопасен! Машина зашумела, удаляясь от ворот (*М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита. Ч. 2, 1929–1940*).

E quello straniero non è affatto pericoloso, no, adesso capisco che non è pericoloso! La macchina rombò, allontanandosi dal portone (*Trad. di Vera Dridso, 1967*).

(5) Он взялся за сияющий медный молоток и два раза стукнул (*Борис Акунин. Азazel, 1998*).

Impugnò il lucido martelletto di bronzo e batté due volte (*Trad. di Pia Pera*).

2. Итальянские конструкции с базовыми опорными глаголами, в том числе выражающими фазисность, например (*корп.*): *шуметь* (и производные): *rumoreggiare / fare rumore* (базовый опорный глагол); *стучать* (и производные): *battere / dare un pugno, dare dei colpetti* (базовый опорный глагол); *cominciare a battere i denti* (фазисный опорный глагол), также появляются в подобных случаях (см. (6)–(7)), но гораздо реже (75–25 %):

(6) Наконец ... полковник засмеялся, зашумел, встал и ушел (*Л. Н. Толстой. Анна Каренина. Ч. 5–8, 1873–1877*).

Infine... si mise a ridere e a far chiasso, poi si alzò e uscì (*Trad. di Maria Bianca Luporini*).

(7) Орлов стукнул кулаком по столу так, что вся посуда подпрыгнула (Максим Горький. *Супруги Орловы, 1897–1898*).

Orlof diede un tale pugno sulla tavola che tutte le stoviglie balzarono tintinnando (*Trad. di Eugenio Wenceslao Foulques*).

3. При передаче значения глаголов, которые выражают «характеризованные» СД и, вследствие значительного семантического сдвига, в ряде случаев образуются в предложенной классификации отдельные акциональные «агломераты», в итальянском языке могут использоваться как конструкции со специфическими опорными глаголами (*расиуметься – alzare la voce*), так и глагольные конструкции с исходным простым или производным глаголом (*постукивать – battere, picchiettare*), примеры (8) – (11):

(8) За него стоит чуждое нам крыло, которое примыкало к кругу самогонщиков, дети кулаков и лавочников, колчаковские дезертиры. Они особенно расшумелись (Б. Л. Пастернак. *Доктор Живаго, 1945–1955*).

Dalla sua parte sta l'ala a noi ostile, che è vicina ai distillatori clandestini, i figli dei kulaki e dei bottegai, i disertori di Kolčak. Sono quelli che hanno sollevato un putiferio (*Trad. Serena Prina, 2017*);

Lo appoggia la parte ostile a noi, che si è legata con quelli del «samogòn», figli di «kulàk» e di bottegai, tutti disertori di Kolchak. Sono questi a far più chiasso (*Trad. di Pietro Zveteremich, 1957*).

(9) Петр Ильич Перхотин ... кончил, разумеется, тем, что наконец достучался (Ф. М. Достоевский. *Братья Карамазовы, 1880*).

Pëtr Ilić Perchotin..., riuscì naturalmente a farsi sentire (*Trad. Ediz. Fermento*).

(10) Она накричалась, настучалась, наругалась ... у себя в библиотеке (Ю. О. Домбровский. *Хранитель древностей. Ч. 1, 1964*).

Aveva urlato a squarciagola, battuto i pugni sul tavolo, imprecato ... nella sua biblioteca (*Trad. di A. Oltini, 2014*).

(11) В данном случае недосказанность – это недорисованность той девушки, то есть ... благодарная возможность дорисовать ее за счет своего идеала (Фаизль Искандер. *Школьный вальс, или Энергия стыда // Знамя, 1987*).

Nel caso specifico la reticenza e l'incompiutezza del disegno della ragazza, cioè ... la benedetta possibilità di rifinirlo a seconda del proprio ideale (*Trad. Emanuela Guercetti, 2014*).

Заключение

Вопрос выбора эквивалента при переводе как характеризованных СД, так и итальянских конструкций с опорными глаголами остается открытым для дальнейших изысканий. Основная выявленная нами тенденция состоит в том, что итальянские конструкции с опорным глаголом регулярно появляются при переводе в тех контекстах, где в русском языке употреблены СД, вызывающие значительное расширение значения, но не СД, описывающие временные границы реализации действия. Отметим также, что словарные варианты перевода характеризованных СД на итальянский язык (см. (1b–2b)) во многих случаях не нашли отражения ни в переводной литературе, ни в вариантах перевода, предложенных информантами.

Интересный и плодотворный подход к такого рода сопоставительному анализу недавно был проиллюстрирован в работе итальянских авторов [Бенини, Котта Рамузино 2011], использовавших в статистическом исследовании конструкций с опорными глаголами *fare* / *fare*, помимо Национального русского корпуса, также данные Russian Web Corpus С.А. Шарова и ITWas В.Барони. Корпусные многоуровневые сопоставительные исследования конструкций с опорными глаголами на материале русского, итальянского и других языков представляются весьма плодотворной темой для будущих межъязыковых изысканий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бенини В., Котта Рамузино П. Итальянские конструкции с глаголом поддержки *fare* в сопоставлении с русскими / Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2011. Вып. 10 (17). С. 68–83.
- Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке / Семантические типы предикатов / под ред. О.Н. Селиверстовой. М.: Наука, 1982. С. 7–86.
- Горбова Е.В. Акциональность глагольной лексики и аспектуальные грамме-мы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. 198 с.
- Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1987. 880 с.
- Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. 221 с.
- Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Ч.2: Морфология. Братислава: Изд-во Словацкой Академии наук, 1960. 570 с.

- Лентовская А. В. Перевод характеризованных способов действия в русском языке на итальянский язык в контексте акциональной классификации глагольной лексики: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ «Русский язык и литература в пространстве мировой культуры»: в 15 т. Т. 12. 2015, С. 168–170.
- Лентовская А. В. Акциональная классификация русской лексики в ее сопоставлении с итальянской // *L'analisi linguistica e letteraria*. 2010. № 18. Р. 81–94.
- Мелиг Х. Семантика предложения и семантика вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1985. № 15. С. 227–250.
- Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. Л. : Изд-во ЛГУ, 1965. С. 53–80.
- Падучева Е. В. Семантические исследования. М. : Языки славянской культуры, 1996. 480 с.
- Славкова С. Устойчивые глагольно-именные словосочетания, лексические функции и Национальный корпус русского языка в преподавании русского языка иностранным студентам // Национальный корпус русского языка и проблемы гуманитарного образования / под ред. Н. Р. Добрушиной. М., 2007. С. 86–100.
- Тетерукова И. М. Грамматические трансформации текста при переводе (на материале итальянского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 21 с.
- Bertinetto P. M. Tempo, aspetto e azione nel verbo italiano. Il sistema dell'indicativo. Firenze : Accademia della Crusca, 1986. 552 p.
- Bertinetto P. M., Lentovskaya A. Degree Verbs: English-Russian contrastive analysis, in *Verbal Aspect. Grammatical Meaning and Context* / R. Benacchio (ed.). München ; Berlin ; Washington D.C.: Verlag Otto Sagner, 2015. P. 93–115.
- Binnick R. I. Time and the Verb. A Guide to Tense and Aspect. Oxford : Blackwell, 1991. 584 p.
- Brecht R. D. The Form and Function of Aspect in Russian / *Issues in Russian Morphosyntax*; [M.S. Flier, R. D. Brecht, eds.]. Columbus, OH : Slavica, 1985. P. 9–34.
- Breu W. Interactions between lexical, temporal and aspectual meanings // *Studies in Language*. 1994. no 18/1. P. 23–44.
- Cantarini S. Costrutti con verbo supporto. Italiano e Tedesco a confronto. Bologna : Pàtron, 2004. 317 p.
- Comrie B. Aspect. Cambridge : Cambridge University Press, 1976. 156 p.
- Gebert L. Il sintagma verbale // *La lingua russa: storia, struttura, tipologia*; [Fici Giusti F., Gebert L., Signorini S., eds.]. Roma : La Nuova Italia Scientifica, 1991. P. 235–292.

- Gebert L.* Verbi ibridi nelle lingue slave e romanze // *Lingue slave a confronto*; [O. Inkova, A. Trovesi, eds.]. Bergamo : Sestante edizioni, 2016. P. 17–36.
- Gross M.* Les bases empiriques de la notion de prédicat sémantique // *Langages*. 1981. no 15, 63. P. 7–49.
- Janda L. A.* Aspectual Clusters of Russian verbs // *Studies in Language*. 2007. no 31/3. P. 607–648.
- Janda L. A. et al.* Why Russian Aspectual Prefixes are not empty. Prefixes as Verb Classifiers. Bloomington, ID : Slavica Publishers, 2013. 212 p.
- Jezeq E.* Types et degrés de verbes supports en italien // *Linguisticae Investigationes*. 2004. no 23. Amsterdam ; Philadelphia : J. Benjamins. P. 185–201.
- Mehlig H. R.* Hybrid predicates in Russian // *Journal of Slavic Linguistics*. 2012. Vol. 20. no 2. Bloomington, ID : Slavica Publishers. P. 171–227.
- Rozwadowska B.* Initial Boundary and Telicity in the Semantics of Perfectivity / *FDSL*. 2014. no 4. P. 1–14.
- Smith C.* The Parameter of Aspect. Dordrecht : Kluwer, 1991. 329 p.
- Tatevosov S.* The parameter of actionality // *Linguistic Typology*. 2002. no 6. P. 317–401.
- Vendler Z.* Verbs and Times // *Linguistics in Philosophy*. New York : Ithaca, 1957. P. 97–121.

REFERENCES

- Benin'i V., Kotta Ramuzino P.* Ital'janskije konstrukcii s glagolom podderzhki fare v sopostavlenii s russkimi / *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii*. 2011. Vyp. 10 (17). S. 68–83.
- Bulygina T. V.* K postroeniju tipologii predikatov v russkom jazyke / *Semanticheskie typy predikatov* / pod red. O. N. Seliverstovoj. M. : Nauka, 1982. S. 7–86.
- Gorbova E. V.* Akcional'nost' glagol'noj leksiki i aspektual'nye grammemy. SPb. : Izd-vo SPbGU, 2010. 198 s.
- Zaliznjak A. A.* Grammaticheskij slovar' russkogo jazyka. M. : Russkij jazyk, 1987. 880 s.
- Zaliznjak A. A., Shmelev A. D.* Vvedenie v russkuju aspektologiju. M. : Jazyki russkoj kul'tury, 2000. 221 s.
- Isachenko A. V.* Grammaticheskij stroj russkogo jazyka v sopostavlenii s slovackim. Ch. 2: Morfologija. Bratislava : Izd-vo Slovackoj Akademii nauk, 1960. 570 s.
- Lentovskaja A. V.* Perevod harakterizovannyh sposobov dejstvija v russkom jazyke na ital'janskij jazyk v kontekste akcional'noj klassifikacii glagol'noj leksiki: materialy XIII Kongressa MAPRJaL «Russkij jazyk i literatura v prostranstve mirovoj kul'tury»: v 15 t. T. 12. 2015, S. 168–170.

- Lentovskaja A. V.* Akcional'naja klassifikacija russkoj leksiki v ee sopostavlenii s ital'janskoj // *L'analisi linguistica e letteraria*. 2010. № 18. P. 81–94.
- Melig H.* Semantika predlozhenija i semantika vida v russkom jazyke // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. M. : Progress, 1985. № 15. S. 227–250.
- Maslov Ju. S.* Sistema osnovnyh ponjatij i terminov slavjanskoj aspektologii // *Voprosy obshhego jazykoznanija*. L. : Izd-vo LGU, 1965. S. 53–80.
- Paducheva E. V.* Semanticheskie issledovanija. M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 1996. 480 c.
- Slavkova S.* Ustojchivye glagol'no-imennye slovosochetaniya, leksicheskie funkcii i Nacional'nyj korpus russkogo jazyka v prepodavanii russkogo jazyka inostrannym studentam // *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka i problemy gumanitarnogo obrazovanija* / pod red. N. R. Dobrushinoj. M., 2007. S. 86–100.
- Tatevosov S. G.* Akcional'nost': tipologija i teorija // *Voprosy jazykoznanija*. 2005. № 1. S. 108–141.
- Teterukova I. M.* Grammaticheskie transformacii teksta pri perevode (na materiale ital'janskogo i russkogo jazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2009. 21 s.
- Bertinetto P. M.* Tempo, aspetto e azione nel verbo italiano. Il sistema dell'indicativo. Firenze : Accademia della Crusca, 1986. 552 p.
- Bertinetto P. M., Lentovskaja A.* Degree Verbs: English-Russian contrastive analysis, in *Verbal Aspect. Grammatical Meaning and Context* / R. Benacchio (ed.). München ; Berlin ; Washington D.C.: Verlag Otto Sagner, 2015. P. 93–115.
- Binnick R. I.* Time and the Verb. A Guide to Tense and Aspect. Oxford : Blackwell, 1991. 584 p.
- Brecht R. D.* The Form and Function of Aspect in Russian / *Issues in Russian Morphosyntax*; [M. S. Flier, R. D. Brecht, eds.]. Columbus, OH : Slavica, 1985. P. 9–34.
- Breu W.* Interactions between lexical, temporal and aspectual meanings // *Studies in Language*. 1994. no 18/1. P. 23–44.
- Cantarini S.* Costrutti con verbo supporto. Italiano e Tedesco a confronto. Bologna : Pàtron, 2004. 317 p.
- Comrie B.* Aspect. Cambridge : Cambridge University Press, 1976. 156 p.
- Gebert L.* Il sintagma verbale // *La lingua russa: storia, struttura, tipologia*; [Fici Giusti F., Gebert L., Signorini S., eds.]. Roma : La Nuova Italia Scientifica, 1991. P. 235–292.
- Gebert L.* Verbi ibridi nelle lingue slave e romanze // *Lingue slave a confronto*; [O. Inkova, A. Trovesi, eds.]. Bergamo : Sestante edizioni, 2016. P. 17–36.
- Gross M.* Les bases empiriques de la notion de prédicat sémantique // *Langages*. 1981. no 15, 63. P. 7–49.
- Janda L. A.* Aspectual Clusters of Russian verbs // *Studies in Language*. 2007. no 31/3. P. 607–648.

- Janda L. A. et al.* Why Russian Aspectual Prefixes are not empty. Prefixes as Verb Classifiers. Bloomington, ID : Slavica Publishers, 2013. 212 p.
- Jezek E.* Types et degrés de verbes supports en italien // *Linguisticae Investigationes*. 2004. no 23. Amsterdam ; Philadelphia : J. Benjamins. P. 185–201.
- Mehlig H. R.* Hybrid predicates in Russian // *Journal of Slavic Linguistics*. 2012. Vol. 20. no 2. Bloomington, ID : Slavica Publishers. P. 171–227.
- Rozwadowska B.* Initial Boundary and Telicity in the Semantics of Perfectivity // *FDSL*. 2014. no 4. P. 1–14.
- Smith C.* The Parameter of Aspect. Dordrecht : Kluwer, 1991. 329 p.
- Vendler Z.* Verbs and Times // *Linguistics in Philosophy*. New York : Ithaca, 1957. P. 97–121.

УДК 81

В. А. Мягкова

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: valentinamiagkova@gmail.com

ПЕРЕВОД КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье рассматривается проблема воссоздания в тексте перевода лексических элементов оригинального текста с культурно-специфическим значением в контексте психолингвистической теории речевой деятельности А. А. Леонтьева и концепции доминантного смысла текста В. А. Пищальниковой. Автором предпринята попытка обоснования необходимости моделирования механизма включения культурно специфических смыслов как семантических признаков единиц поэтического текста в структурирование доминантного смысла оригинального и переводного текстов, а также применения экспериментального метода для оценки эффективности переводческой стратегии.

Ключевые слова: перевод; деятельностьная теория перевода; культурно-специфический смысл; доминантный смысл текста.

V. A. Miagkova

PhD Student at the Department of General and Comparative Linguistics, MSLU;
e-mail: valentinamiagkova@gmail.com

RENDERING CULTURALLY SPECIFIC MEANINGS OF POETIC TEXTS AS A PSYCHOLINGUISTIC ISSUE

The article looks into the problem of rendering lexical elements with culturally specific meanings in the context of A.A.Leontiev's psycholinguistic theory of speech activity and V.A.Pishchalnikova's concept of text dominant meanings. The author emphasizes the necessity of modelling a mechanism that secures inclusion of culturally specific meanings – regarded as semantic features of poetic texts – in structuring the dominant meaning of both original and translated texts, and stresses the importance of applying an experimental method to evaluate the effectiveness of translation strategy.

Key words: translation; activity theory of translation; culturally specific meaning; the dominant meaning of the text.

Введение

Проблема воссоздания в переводном тексте культурного наполнения оригинала является одной из главных в переводоведении. Модель переводческой деятельности включает в качестве одного из наиболее

значимых компонентов способы передачи культурно специфического знания. Так, А.Д.Швейцер определил перевод не только как процесс взаимодействия между текстами исходного и переводящего языков, но и как диалог двух культур [Швейцер 1998]. Ю.А.Сорокин трактует перевод как форму существования семиотического опыта одной лингвокультурной общности в знаках другой лингвокультурной общности [Сорокин 2003]. Однако, несмотря на значительную разработанность теоретических рекомендаций о способах воссоздания в тексте перевода культурно-специфических смыслов оригинала, процессы воспринимающей и воспроизводящей деятельности переводчика, а также усвоения текста получателем перевода до сих пор не получали необходимого обоснования и систематизации.

В этой связи привлечение к решению переводоведческих и собственно переводческих проблем положений теории речевой деятельности и методов психолингвистического моделирования важно для разработки эффективных осознанных переводческих стратегий. Изучение механизмов смыслопорождения, восприятия, понимания и интерпретации текста необходимо для создания более полных моделей переводческой деятельности. Цель нашей статьи – выявление потенциала применения психолингвистических теорий (теории речевой деятельности А.А.Леонтьева и концепции доминантного смысла текста В.А.Пищальниковой) для решения проблемы перевода культурно-специфических смыслов.

Данная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) обозначить место проблемы перевода культурно-специфического в теории и практике перевода;
- 2) обосновать целесообразность рассмотрения перевода как особого вида речевой деятельности;
- 3) обосновать необходимость моделирования механизма включения культурно-специфических смыслов как семантических признаков единиц поэтического текста в структурирование доминантного смысла оригинального и переводного текстов;
- 4) обосновать применение экспериментального метода для оценки эффективности переводческой стратегии.

Проблема культурно-специфического в теории перевода

Рассмотрение теории перевода как деятельностной (в трактовке Ю.А.Сорокина «психотипической/интерпретативной»), на сегодняшний день представляется более перспективной задачей, нежели

ее построение только на основе понятия эквивалентности исходного и переводного текстов, поскольку последний подход предполагает, главным образом, обобщение уже существующих переводоведческих концепций [Сорокин 2000].

Уточняя используемое нами понятие культурно специфического содержания, мы опираемся на понятие «культурема» в концепции В. Г. Гака: «Культурема – некий знак той или иной сферы культуры, где означаемое – реалия культуры, означающее – языковая единица (чаще лексема)» [Гак 1998, с. 140]. В. Г. Гак рассматривает четыре аспекта языкового выражения культурного содержания: аспект артефактов – то, «что способствует правильному функционированию, усвоению, совершенствованию языка»; технологический аспект, выраженный в семантике языковых единиц, а также во взглядах общества на свой язык; поведенческий аспект (представлен вербальными реакциями в конкретных культурных сферах и условиях, а также общими тенденциями – константами – языкового поведения) [там же, с. 142]. При этом В. Г. Гак подчеркивает, что «решающим является не способ обозначения, но конкретное устройство и функционирование данной реалии и наличие связанных с ней определенных ассоциаций в сознании носителей языка» [там же, с. 145]. Мы, в свою очередь, считаем ключевым аспект функционирования текстовых единиц-носителей культурно специфических смыслов.

Довольно подробно рассуждают о лексических и грамматических способах языковой репрезентации предметов и концептов, значимых для культурной системы того или иного народа, С. Влахов и С. Флорин. В частности, исследователи призывают отличать реалии от других видов безэквивалентной лексики (далее – БЭЛ) (например, экзотизмов), «не являющихся носителями колорита страны или народа ИЯ», но придающих экзотический оттенок тексту на ПЯ [Влахов, Флорин 1980, с. 31]. Под реалией, как разновидностью культурно специфического, исследователи понимают «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому» [там же, с. 19]. Отмечается также то, что «будучи носителями национального и/или исторического колорита, они (реалии), как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу “на общих основаниях”, требуя особого подхода» [там же, с. 47].

Примечательно, что, размышляя над проблемами вычленения и воссоздания реалий, исследователи обращают внимание на понятие избыточных реалий, имеющих все признаки данного класса (что отличает их от экзотизмов или «мнимых реалий»), но не представляющих ценности при переводе конкретного контекста.

Таким образом, вариативность функциональной значимости культурного компонента для создания доминантного смысла текста подчеркивалась исследователями уже на ранних этапах систематизации переводческого опыта в теоретические построения.

Развитие переводоведческой науки: конфликт теории и практики

Исследователями (Ю. А. Сорокин, К. И. Леонтьева, С. В. Евтеев) отмечается значительный разрыв между переводоведением как наукой и собственно переводческой практикой. Примечателен, в частности, тот факт, что практический опыт переводческих успехов и неудач был описан до появления теоретических работ, анализирующих проблемы перевода культурно-специфического и способы решения этих проблем с точки зрения лингвистической, лингвокультурологической или лингвокогнитивной парадигм.

Е. Г. Эткинд, например, в книге «Поэзия и перевод» описывает случаи удачной замены одних реалий другими, описательного воссоздания культурно значимых единиц или их полного опущения [Эткинд 1963]. Подобные переводческие решения мотивируются стремлением облегчить восприятие переводного текста носителями другой культуры, избежать стилистических несоответствий, сохранить мелодическое и ритмико-интонационное единство поэтических строк и др.

Проблему перевода культурно-специфического (реалий, просторечий, диалектизм, звукоподражательных «вкраплений») в контексте воссоздания стилистического своеобразия художественного произведения весьма остроумно рассматривает К. И. Чуковский. Соответствующий фрагмент его книги «Высокое искусство» описывает сцену судебной полемики прокурора, адвоката и судьи о качестве перевода [Чуковский 2011]. Из этого отрывка следует, что переводчику нужно стремиться к обеспечению равнозначного стилистического впечатления, ориентируясь на собственный такт, вкус и владение языком.

Предположим, что «стилистическое впечатление» в данном случае включает в себя комплекс определенных эмоций и ассоциаций, возникающих у получателя перевода в ответ на те или иные средства

языковой репрезентации и позволяющих ему наиболее точно воспринять атмосферу оригинала. При этом исследователи отмечают неизбежность потерь в процессе перевода, из чего следует необходимость приоритизации языковых изобразительных средств оригинального текста относительно их роли в реализации неких более общих, не собственно языковых, но познавательных категорий.

Любопытно, прежде всего, то, что в подобных рассуждениях недвусмысленно подчеркивается важность личности переводчика и его мыслительных и интерпретативных навыков, а также предпринимаются попытки рассмотрения текста как познавательной модели, в то время как в теоретических моделях переводческого процесса того периода переводчика не было. Опыт переводческой практики указывал на неразрывную связь языка и мышления, деятельности и человека как субъекта деятельности, языковых и неязыковых факторов восприятия текста, однако ведущие теоретики перевода стремились рассматривать перевод как максимально объективный, исключительно лингвистический процесс, «в отвлечении от физиологических и психологических факторов, определяющих его реализацию» [Бархударов 1975, с. 6].

Тем более революционной стала в теории перевода трехфазная модель Отто Кадэ, ознаменовавшая поворот переводоведческой науки к коммуникативным аспектам и закрепившая место переводчика в систематизации процесса перевода. При этом существенно расширился понятийный аппарат переводоведения, антропоцентризм всё ярче проявлялся в трактовке базовых переводоведческих категорий, таких как собственно перевод, его адекватность и эквивалентность. А. Д. Швейцер трактует перевод так: «Однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному (переводческому) анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде; процесс, характеризуемый установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемой различиями между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями» [Швейцер 1988, с. 75]. Что касается критериев качества перевода, особое место в концепции Швейцера занимает прагматическая эквивалентность, подразумевающая установку на адресата, внимание к коммуникативной интенции и коммуникативному эффекту текста [там же].

Больше внимания стало уделяться не только личности переводчика, но и личности получателя перевода, в частности Л. К. Латышев формулирует понятие лингвоэтической эквивалентности, которая достигается путем создания эквивалентных исходных позиций для восприятия интеллектуальной и эмоциональной оценки получаемого текста, при этом то, какой будет индивидуальная реакция на этот текст зависит от личных качеств получателя, а значит, всегда нужно учитывать актуальное состояние ассоциативно-вербальной сети индивида и то, с чем связывается тот или иной возможный эквивалент компонента текста-оригинала [Латышев 2000].

Т. Г. Пшёнкина, с позиций психолингвистического обоснования переводческой деятельности, указывает, что переводчик как участник двуязычного коммуникативного акта руководствуется целью, определяющей выбор определенных языковых средств. Такая цель может быть сформирована только на базе понимания текста, рефлексии над способами представления его содержания. Принятие такого решения всегда субъективно и обусловлено не только психологически, но и психофизиологически – принципом действия определенной группы компонентов функциональных систем: широкой пластичностью, способностью к взаимозамене, адаптивности для достижения приспособительного результата в соответствии с предметной обстановкой и речевой ситуацией [Пшёнкина 2007].

В отношении поэзии как группы текстов, способной потенциально вызывать наиболее яркие эмоциональные переживания (по выражению Эткинда «искусства высокого напряжения» [Эткинд 1963, с. 6]), разрабатывается особая категория адекватности. Так Л. С. Макарова вводит более узкое понятие эмоционально-эстетической адекватности применительно к переводу поэтических текстов, говоря о «способности перевода обеспечить интеллектуально-гедонистическое переживание той же интенсивности, которая достигается подлинником» [Макарова 2005, с. 116]. Это в значительной степени перекликается с высказанными ранее рекомендациям Е. Г. Эткинда о важности создания художественного подобия (передачи авторской эмоциональной оценки мира) наравне с передачей смысла стихотворных фраз [Эткинд 1963, с. 401].

Интересно, что на необходимость достижения равенства эмоциональных и ассоциативных реакций С. Влахов и С. Флорин указывают в контексте специфики перевода реалий, сопоставляя с реалиями

слова с «культурным компонентом», в частности так называемую коннотативную лексику. Денотат таких лексических единиц не является собственно реалией какой-либо культуры, носителем «специфической национальной и / или исторической окраски», при этом слово способно вызывать у представителей конкретного народа особые ассоциации и эмоциональные переживания (например, слово «грач» у русского человека ассоциируется с приближением весны – пример Ив. Васевой [Влахов, Флорин 1980, с. 106]). При переводе авторы рекомендуют подбирать «функциональные» аналоги, т.е. единицы, вызывающие наиболее близкие ассоциации у получателей перевода [там же].

Много внимания в развивающемся переводоведении уделялось также прагматике перевода (Ю. Найда, А. Д. Швейцер, Л. С. Бархударов). Обобщая опыт теоретических и практических изысканий, В. В. Сдобников разрабатывает функционально-коммуникативный подход, в рамках которого переводчик, прежде всего, ориентируется на коммуникативную ситуацию, на удовлетворение коммуникативных потребностей ее участников посредством тщательного анализа не столько результирующего речевого продукта, сколько интенций, предшествовавших его появлению, и потенциально производимого эффекта [Сдобников 2015].

Подводя итог трансформации теории перевода, К. И. Леонтьева акцентирует ориентацию современного переводоведения на «принципы, определяющие современный облик социально-гуманитарного знания и человековедения в целом: антропоцентризм, интерпретицизм, диалогизм и динамизм, а также воплощенность и распределенность познания и сознания, обусловленные их интерпретирующей деятельностью природой» [Леонтьева 2015, с. 268].

Потенциал психолингвистических теорий для решения проблемы перевода культурно специфического

К. И. Леонтьева предлагает программу «интегративной теории перевода», которая рассматривает перевод во множестве его онтологий: «деятельностной (перевод как речемыслительная интерпретирующая деятельность индивида, реализующаяся во взаимодействии со средой, ее процесс, результат, средства, мотив и пр.), культурообразующей (перевод как социокультурная практика, как форма познания и трансляции культурных смыслов и ценностей, текст перевода как

продукт культуры), функциональной (перевод как форма межкультурного и социального посредничества...) и языковой (перевод как межъязыковое преобразование)» [Леонтьева 2015, с. 265].

Возможно, именно этот комплексный подход призван решить проблему структурирования доминантного смысла текста перевода, в частности проблему мотивационных ориентиров переводческой деятельности при передаче культурной специфики. Поисками ответа на этот вопрос в рамках интерпретативной концепции занимался А. Н. Крюков. Т. Г. Пшёнкина акцентирует внимание на тезисе А. Н. Крюкова о том, что переводу подлежат структуры сознания, подчеркивая его значительную роль в дальнейших исследованиях национально-культурной специфики речевого общения и закономерностей перевода [Пшёнкина 2007; Крюков 1998]. Разработка проблемы перевода культурно-специфического в рамках лингвистических моделей долгое время сводилась к анализу единиц языковой системы. А. Н. Крюков анализирует понятие фоновых знаний (сведений культурно и литературно-исторического характера) и способы их языковой репрезентации, опираясь, в частности, на положения А. Н. Леонтьева о психологическом значении и личностном смысле как образующих сознания. Исследователь настаивает на том, что значение слова не есть «вместилище знаний», но лишь форма презентации и удержания знания в индивидуальном сознании [Крюков 1988].

Исследователь также считает неправомерным сводить реалии и фоновые знания в целом к словам или иным номинативным единицам, поскольку фоновые знания могут быть представлены в языковом сознании недостаточно исчерпывающе (или не представлены вовсе) в виде готовых языковых знаков. Т. Г. Пшёнкина в этой связи развивает понятие доминанты интенционального смысла (авторского смысла, который накладывается на объективное языковое значение в ходе вторичного семиозиса в зависимости от прагматической интенции), связывая его с понятием доминантного смысла и механизмами его формирования на основе положений теории эстетической речевой деятельности В. А. Пищальниковой [Пищальникова 1992].

«Доминантный смысл концептуальной системы (и текста) выявляется не из интегративного значения фиксирующих его лексем, а из ассоциативно и логически связанного ряда концептов, представленных совокупностью лексем, репрезентирующих доминантный личностный смысл» [Пищальникова 1991, с. 47]. Под концептуальной

системой В. А. Пищальникова понимает «континуальную систему смыслов, структурирующуюся в деятельности индивида в результате присвоения конвенционального опыта, перцептивных процессов и собственно рефлексии» [Пищальникова 1992, с. 36]. Язык при этом выступает в качестве «средства конвенциональной ориентации концептуальных систем» участников коммуникации. Восприятие языкового знака основано на концептуальной системе реципиента, при этом актуализируются такие составляющие концепта, как его образное, эмоциональное и ассоциативное содержание.

В основе адекватного восприятия текста читателем (и переводчиком) лежит близость или совпадение концептуальных систем автора и реципиента, «наличие сходных механизмов восприятия и порождения речи; наличие единого механизма эквивалентных смысловых замен; наличие механизмов саморегуляции ассоциативных уровней» [Пищальникова 1991, с. 5].

В этой связи для понимания механизма решения проблемы перевода культурно-специфического важно определение места того или иного культурно-специфического смысла в концептуальной системе автора, переводчика и реципиента, а также учет переходов и трансформаций, происходящих в системе культурно специфического в различных коммуникативных ситуациях.

В. А. Пищальникова указывает на значимую роль эмоций, направляющих поток авторских ассоциаций, в структурировании компонентов личностного смысла. Эти идеи можно соотнести с необходимостью воссоздания в процессе перевода адекватного эмоционального воздействия, постулируемой в переводоведческих исследованиях. На наш взгляд, предложенная В. А. Пищальниковой типология способов структурного и языкового выражения «эмоциональной напряженности» может получить определенное развитие: наряду с повторами, ритмической организацией, метафорой (трактуемой как проблемной когнитивно-номинативной ситуацией со многими переменными) и перцептивными универсалиями, сформированными на основе вербальных процессов возможно выделение и других маркеров выражения доминантного смысла (например, семантизации звучания или явление «иконичности звуковой формы слова» – термин Л. В. Зубовой [Зубова 1999]).

Данный метод вычленения эмоционально заряженных элементов поэтического текста позволяет структурировать деятельность

переводчика на этапе восприятия и интерпретации оригинального текста. В то время как экспериментальное обоснование того, какие способы эмоционального маркирования характерны для поэтических традиций разных народов, может послужить основой для формирования переводческой стратегии, направленной на создание переводного текста равноценного эмоционального заряда.

В контексте применения теоретических положений В. А. Пищальниковой к проблеме культурно специфического, стоит обратить внимание на эксперименты Н. С. Панариной, посвященные выявлению закономерностей процессов восприятия культурно значимых единиц носителями русского языка [Панарина 2017]. Эксперименты показали, что культурная специфика знака не обязательно предполагает включение смысловых компонентов соответствующей культурно специфичной познавательной модели в процесс формирования доминантного смысла текста [там же]. Данный вывод представляется важным, поскольку подтверждает необходимость учета особенностей функционирования культурно-специфических элементов в системе формирования доминантного смысла на этапе переводческой интерпретации текста.

Следует также экспериментально выявить динамику ассоциативного содержания культурных знаков (элементов текста-оригинала) у реципиентов (носителей языка перевода). Для разработки эффективных переводческих стратегий важно понять, какую роль играют те или иные культурно-специфические единицы в структурировании доминантного смысла текста оригинала, как они соотносятся в системе репрезентации личностного смысла автора с другими изобразительными средствами, каким образом маркируются компоненты, воссоздание которых в переводе является ключевым для обеспечения адекватных ассоциативных и эмоциональных переживаний.

Заключение

В заключение сделаем следующие выводы. Моделирование ассоциативного значения культурно специфических единиц в системе доминантных смыслов поэтического произведения на основе ассоциативных экспериментов и экспериментов на понимание текста может обеспечить психолингвистическое обоснование фактов опущения или замены при переводе культурно окрашенных компонентов и позволит более четко сформулировать мотивацию тех или иных переводческих

решений, описанных практиками перевода еще на ранних этапах развития переводческих концепций.

Изучение механизма переводческой деятельности, включенной в коммуникативную ситуацию, моделирование пути от восприятия и понимания исходного текста к возникновению мотива, формированию цели и, как следствие, вторичной вербальной репрезентации, а также функционирования результата перевода, его восприятие и интерпретации получателем имеет большое значение на современном этапе развития переводоведения. Использование положений теории деятельности, а также теории доминантных смыслов в переводоведении поспособствует, на наш взгляд, сокращению разрыва между теоретическими положениями о переводе и реальной картиной его осуществления и результата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бархударов Л. С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
- Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе / под ред. Вл. Россельса. М.: Международные отношения, 1980. 352 с.
- Гак В. Г.* Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
- Зубова Л. В.* Язык поэзии Марины Цветаевой (Фонетика, словообразование, фразеология). СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1999. URL: philologos.narod.ru/portefolio/zubova1999.htm.
- Крюков А. Н.* [и др.]. Фоновые знания и языковая коммуникация // Этнопсихоллингвистика / Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина, А. Н. Крюков [и др.]; отв. ред. и авт. предисл. Ю. А. Сорокин. М.: Наука, 1998. С. 19–34.
- Латышев Л. К.* Технология перевода. М.: НВИ-Тезаурус, 2000. 280 с.
- Леонтьева К. И.* Теория перевода с «человеческим лицом»: старые песни на новый лад // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 4. С. 260–273.
- Макарова Л. С.* Поэтический дискурс и перевод // Филологические науки. 2005. Вып. 15. С. 116–118.
- Панарина Н. С.* Психоллингвистическое моделирование механизма реализации прецедентности: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 257 с.
- Пицальникова В. А.* Концептуальный анализ художественного текста: учебное пособие. Барнаул, 1991. 87 с.
- Пицальникова В. А.* Проблема смысла художественного текста: психоллингвистический аспект. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. 134 с.

- Пищёнкина Т. Г.* Вербальная посредническая деятельность переводчика в межкультурной коммуникации: психолингвистический аспект : дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2007. 330 с.
- Сдобников В. В.* Оценка качества перевода (коммуникативно-прагматический подход) : монография. 2-е изд., стереотип. М. : ФЛИНТА ; Наука, 2015. 112 с.
- Сорокин Ю. А.* Интерпретативная или деятельностная теория перевода? // Языковое сознание и образ мира : сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 2000. URL: www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/3-1.html#lit3.
- Чуковский К. И.* Высокое искусство. СПб. : Авалонь ; Азбука-Аттикус, 2011. 448 с.
- Швейцер А. Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М. : Наука, 1988. 215 с.
- Эткинд Е. Г.* Поэзия и перевод. Л. : Советский писатель, 1963. 430 с.

REFERENCES

- Barhudarov L. S.* Jazyk i perevod (Voprosy obshhej i chastnoj teorii perevoda). M. : Mezhdunarodnye otnoshenija, 1975. 240 s.
- Vlahov S., Florin S.* Neperevodimoe v perevode / pod red. Vl. Rossel'sa. M. : Mezhdunarodnye otnoshenija, 1980. 352 s.
- Gak V. G.* Jazykovye preobrazovanija. M. : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1998. 768 s.
- Zubova L. V.* Jazyk poezii Mariny Cvetaevoj (Fonetika, slovoobrazovanie, frazeologija). SPb. : Izd-vo Cankt-Peterburg. un-ta, 1999. URL: philologos.narod.ru/portefolio/zubova1999.htm.
- Krjukov A. N.* [i dr.]. Fonovyje znanija i jazykovaja kommunikacija // Jetnopsiholingvistika / Ju. A. Sorokin, I. Ju. Markovina, A. N. Krjukov [i dr.] ; otv. red. i avt. predisl. Ju. A. Sorokin. M. : Nauka, 1998. S. 19–34.
- Latyshev L. K.* Tehnologija perevoda. M. : NVI-Tezaurus, 2000. 280 s.
- Leont'eva K. I.* Teorija perevoda s «chelovecheskim licom»: starje pesni na novyj lad // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Filologija. 2015. № 4. S. 260–273.
- Makarova L. S.* Pojeticheskij diskurs i perevod // Filologicheskie nauki. 2005. Vyp. 15. S. 116–118.
- Panarina N. S.* Psiholingvisticheskoe modelirovanie mehanizma realizacii precedentsnosti : dis. ... kand. filol. nauk. M., 2017. 257 s.
- Pishchal'nikova V. A.* Konceptual'nyj analiz hudozhestvennogo teksta : uchebnoe posobie. Barnaul, 1991. 87 s.

- Pishhal'nikova V.A.* Problema smysla hudozhestvennogo teksta : psiholingvističeskij aspekt. Novosibirsk : Izd-vo NGU, 1992. 134 s.
- Pshjonkina T.G.* Verbal'naja posredničeskaja dejatel'nost' perevodchika v mezhkul'turnoj kommunikacii: psiholingvističeskij aspekt : dis. ... d-ra filol. nauk. Barnaul, 2007. 330 s.
- Sdobnikov V.V.* Ocenka kachestva perevoda (kommunikativno-pragmatičeskij podhod) : monografija. 2-e izd., stereotip. M. : FLINTA ; Nauka, 2015. 112 s.
- Sorokin Ju.A.* Interpretativnaja ili dejatel'nostnaja teorija perevoda? // Jazykovoe soznanie i obraz mira: sb. st. / otv. red. N.V. Ufimceva. M., 2000. URL: www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/3-1.html#lit3.
- Chukovskij K.I.* Vysokoe iskusstvo. SPb. : Avalon# ; Azbuka-Attikus, 2011. 448 s.
- Shvejcer A.D.* Teorija perevoda: status, problemy, aspekty. M. : Nauka, 1988. 215 s.
- Jetkind E.G.* Pojezija i perevod. L. : Sovetskij pisatel', 1963. 430 s.

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КАЧЕСТВО ПЕРЕВОДА

В поисках последовательного психолингвистического подхода к переводу как междисциплинарному объекту автор пытается подобрать адекватные интерпретативные термины для анализа перевода как особого вида речевой деятельности. С этой целью в статье пересматривается один из ключевых терминов переводоведения – понятие эквивалентности. Обзор традиционных определений эквивалентности выявил его сущностную связь с понятием инварианта, что, в свою очередь, позволило связать эквивалентность с теорией речевой деятельности А.А.Леонтьева. Далее автор статьи формулирует новое определение эквивалентности, основанное на методологических категориях теории речевой деятельности и представляющее не абстрактным параметром, а психологическим качеством перевода.

Ключевые слова: переводческая эквивалентность; инвариант перевода; речевая деятельность; внутренняя программа речевого высказывания.

V. I. Frolov

PhD, Associate Professor at the Department of Translation Studies and English Translation, MSLU; e-mail: pretransfallacy@gmail.com

EQUIVALENCE AS A PSYCHOLOGICAL QUALITY OF TRANSLATION

In search of a consistent psycholinguistic approach to translation as an interdisciplinary study object, the author seeks to adapt appropriate interpretive terms for analyzing translation as a specific type of speech activity. To that end, the article revises the concept of equivalence, one of the key terms of translation studies. A study of traditional definitions of equivalence revealed the term's essential connection with the concept of an invariant, allowing the author to relate equivalence to A.A. Leontiev's theory of speech activity. Further, a new definition of equivalence is set forth, based on the methodological categories of the theory of speech activity and presenting the notion not as an abstract parameter, but as a psychological quality of translation.

Key words: translation equivalence; translation invariant; speech activity; inner programme of the speech act.

Введение

В последние годы переводоведы всё чаще говорят об исчерпанности старых и необходимости поиска новых подходов к изучению перевода. Предпринимаются попытки переосмыслить объект, предмет

и базовые интерпретативные термины дисциплины. Действительно, ограниченность объяснительного потенциала традиционного лингвистического подхода осознавалась даже его классиками: так, В. Н. Комиссаров отмечал, что лингвистическим подходом «эвристические возможности изучения перевода далеко не исчерпаны» [Комиссаров 1988, с. 128], а Р. К. Миньяр-Белоручев писал, что «науке о переводе приходится изучать и условия порождения исходного текста, и условия восприятия переводного текста, и социальный статус коммуникантов, и речевую ситуацию, и различные сопутствующие явления ... важно исследовать не только лингвистическую часть объекта науки о переводе, а весь объект науки о переводе в целом» [Миньяр-Белоручев 1996, с. 6–7]. В связи с этим всё чаще раздаются голоса сторонников «междисциплинарного подхода», хотя само понимание междисциплинарной природы перевода у сторонников лингвистического подхода также всегда присутствовало. Впрочем, говоря о преодолении лингвистического и литературоведческого «изоляционизма», А. Д. Швейцер все-таки связывал междисциплинарный статус теории перевода непосредственно с расширением «горизонтов самого языкознания», характеризующимся установлением «тесных связей с другими науками» [Швейцер 1999, с. 21]. Так, с момента создания первых научных подходов переводоведение, изначально зародившееся в лоне языкознания, пытались «состыковать» с социологией, культурологией, герменевтикой, теорией информации, однако наиболее последовательными всегда оказывались усилия исследователей по разработке психологических и когнитивных теорий перевода.

В отечественной науке психолингвистическое понимание сути перевода связано с приложением к вопросам переводоведения сформулированной А. А. Леонтьевым теории речевой деятельности [Леонтьев 2014а; Леонтьев 2014б; Основы теории речевой деятельности 1974]. Так, попытки психологического анализа перевода как вида речевой деятельности делались в трудах И. А. Зимней и В. И. Ермолович [Ермолович 1999; Зимняя 1978; Зимняя, Ермолович 1981]. В одной из своих работ мы отмечали, что теория речевой деятельности, будучи теорией в первую очередь методологической, предоставляет концептуальный и методологический аппарат, подходящий для последовательного описания параметров и свойств перевода как междисциплинарного объекта [Фролов 2018]. Наиболее исчерпывающий на данный момент обзор предпосылок изучения психолингвистических

аспектов перевода представлен в монографии А. А. Яковлева, который тоже отмечает потенциальную пользу деятельностного подхода, а также указывает на то, что «интегративная теория перевода, объединяющая достижения различных наук, разумеется, должна обладать высоким объяснительным потенциалом, что предполагает выработку методологического и теоретического базиса, на котором будут объединяться данные ряда научных направлений и обобщаться результаты исследований» [Яковлев 2015, с. 26]. По-своему к переосмыслению задач и методов переводоведения подходят в зарубежной науке, где в последнее время возрастает интерес к когнитивным подходам, проводятся экспериментальные исследования, что вполне закономерно привело западных переводоведов к осознанию необходимости обобщения результатов усилий и выработке единой интерпретационной теории [The Handbook of Translation and Cognition 2017, с. 556].

Эквивалентность и инвариант перевода

Итак, признавая необходимость психолингвистического подхода, мы при этом не можем не задаться следующим вопросом: с чего следует начать исследования нового междисциплинарного объекта? Как справедливо отмечает В. А. Пищальникова, «новый междисциплинарный объект не может быть исследован с помощью старого понятийного аппарата. А если какой-то дисциплинарный термин все-таки используется, он требует обязательного приспособления для описания нового объекта» [Пищальникова 2016, с. 9]. Таким образом, мы предлагаем начать с выработки базовых интерпретативных терминов, которые были бы адекватны целям исследования перевода как междисциплинарного объекта. И в первую очередь необходим пересмотр терминов, уже имеющих в рамках традиционного переводоведения. Представляется целесообразным начать с одного из ключевых понятий не только лингвистической, но и всей существующей на данный момент теории перевода – понятия «эквивалентность». В том или ином виде понятие эквивалентности присутствует у большинства переводоведов, и «многие теоретики считали и считают ее одной из наиболее важных онтологических черт перевода» [Швейцер 2009, с. 76]. В частности, принципиальную важность этого термина отметил Э. Пим, выделивший отдельную «парадигму эквивалентности» в своей работе о периодизации теорий перевода [Пим 2014]. Однако наиболее последовательно категория эквивалентности

проблематизируется отечественными переводоведами: достаточно упомянуть типы эквивалентности, выделенные В. Н. Комиссаровым и А. Д. Швейцером [Комиссаров 2009, с. 51–100; Швейцер 2009, с. 76–91]. В своей трактовке эквивалентности А. Д. Швейцер, анализируя предыдущие подходы, выделяет определение Г. Йегера, согласно которому эквивалентность есть «отношение между текстами, существующее в тех случаях, когда при переходе от оригинала к конечному тексту сохраняется или остается инвариантной изначальная коммуникативная ценность текста» [Швейцер 2009, с. 79]. Вполне логично, что сам А. Д. Швейцер в своей теории уровней эквивалентности также описывает три типа инвариантов (прагматический, семантический и синтаксический), поскольку именно «инвариантность определенных свойств оригинала обеспечивает эквивалентность конечного текста исходному» [там же].

Задержимся на понятии «инвариант», ибо оно интересно для наших дальнейших рассуждений по следующей причине. В работе «Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания» А. А. Леонтьев попутно касается проблематики перевода и, используя понятия формулируемой им теории речевой деятельности, как раз определяет наличествующий при переводе инвариант. Что же является в таком случае инвариантом при переводе? Мы бы сказали, что таким инвариантом является как раз внутренняя программа речевого высказывания – система функционально «нагруженных» смыслами элементов предметно-изобразительного кода или действий над подобными элементами [Леонтьев 2014а, с. 172].

Проясним здесь два момента. Внутренняя программа речевого высказывания (далее – ВПРВ) является одним из ключевых понятий в рамках теории речевой деятельности. Внутреннее программирование есть «неосознаваемое построение некоторой схемы, на основе которой в дальнейшем порождается речевое высказывание» [там же, с. 158]. И далее: «...программа складывается из своего рода смысловых “вех”, т. е. включает в себя коррелаты отдельных, особенно важных для высказывания его компонентов, таких как субъект, предикат или объект, причем в той мере, в какой их взаимоотношение существенно для будущего высказывания» [там же, с. 159]. Итак, в модели А. А. Леонтьева ВПРВ представляет собой определенное звено, уже опосредованное речевой интенцией, но еще не выраженное в коде естественного языка. Действительно, именно в этом

нахождении «над языком» и состоит инвариантность ВПРВ. Второй момент – тот «язык», на котором в ней записываются компоненты будущего высказывания. Понятие предметно-изобразительного, или предметно-схемного, кода А. А. Леонтьев заимствует у Н. И. Жинкина. Последний описал этот своеобразный код внутренней речи в ходе проведения знаменитых экспериментов [Жинкин 1964].

Итак, в рамках традиционного лингвистического подхода эквивалентность – это в первую очередь отношение между текстами, возможное при наличии инварианта, в качестве которого выделяется коммуникативная ценность. А. А. Леонтьев же трактует текст как «модель речевой деятельности самого низшего уровня абстракции» [Леонтьев 2014б, с. 58]. Таким образом, психолингвистический подход к переводу заставляет нас переходить от текстов непосредственно к речевой деятельности, а точнее, к отдельным речевым действиям (А. А. Леонтьев неоднократно отмечал, что по сути правильнее говорить не о речевой деятельности, а о тех или иных речевых действиях, «встроенных» в другие виды деятельности). В структуре же речевого действия мы как раз и имеем, с одной стороны, ВПРВ, а с другой – набор операций. Но операциональный состав речевого действия связан с единицами конкретного языка, а значит, в инвариант не входит по определению. Итак, возвращаясь к предложенной выше А. А. Леонтьевым трактовке инварианта, мы можем определить эквивалентность с позиций теории речевой деятельности как тождественность внутренних программ двух речевых высказываний на разных языках. Самое важное здесь то, что эквивалентность больше не представит в качестве абстрактного термина, но составляет психологическое качество перевода.

Интересно отметить, что данное нами определение справедливо не только для двух высказываний на разных языках, но и для двух высказываний на одном языке. Таким образом, с позиций теории речевой деятельности перевод оказывается неспецифическим видом речевой деятельности. Действительно, как замечает В. Н. Комиссаров, «в процессе перевода можно выделить два этапа, которые в большей или меньшей степени аналогичны основным этапам речемыслительного процесса. Этап извлечения переводчиком содержания оригинала соответствует формированию выражаемой мысли при обычной речевой коммуникации, а этап собственно перевода – оформлению этой мысли языковыми средствами» [Комиссаров 1988, с. 128].

Выводы

Попробуем подвести предварительные итоги. Обозначив необходимость исследования перевода как междисциплинарного объекта, мы поставили задачу переосмыслить одно из ключевых понятий традиционного переводоведения – эквивалентность, чтобы выяснить, может ли оно являться интерпретативным термином психолингвистической теории перевода. Оказалось, что под эквивалентностью мы можем понимать особое психологическое качество перевода, а именно – тождественность внутренних программ двух речевых высказываний на разных языках. При этом важно отметить, что, называя его психологическим, мы подразумеваем вполне конкретное обращение к созданной в отечественной психологии теории деятельности и сформулированной на ее основе теории речевой деятельности.

С практической точки зрения, такая трактовка позволяет нам наметить направления для экспериментальных исследований. Так, с учетом того факта, что «языком» внутренней программы речевого высказывания является предметно-схемный код, по мнению А. А. Леонтьева, представляется важным попытаться определить на каких этапах в процессе перевода происходит переход *с/на* этот код. В свое время И. А. Зимняя высказала предположение о том, что предметно-схемный код используется как в первом звене «осмысления», так и во втором звене, предполагающем «установление, формирование смысла воспринимаемого ... формирование замысла высказываемого» [Зимняя, Ермолович 1981, с. 34–36]. Однако как эта, так и альтернативные гипотезы требуют экспериментального подтверждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26–38.
- Ермолович В. И. Проблемы изучения психологических аспектов перевода // Тетради переводчика. 1999. Вып. 24. С. 45–62.
- Зимняя И. А. Психологический анализ перевода как вида речевой деятельности : сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. 1978. Вып. 127. С. 37–49.
- Зимняя И. А., Ермолович В. И. Психология перевода. М. : МГПИИЯ им. Мориса Тореца, 1981. 100 с.
- Комиссаров В. Н. Речемыслительный процесс в зеркале перевода : сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1988. Вып. 308. С. 128–135.

- Комиссаров В. Н.* Лингвистика перевода. 3-е изд., стереотип. М. : УРСС, 2009. 170 с.
- Леонтьев А. А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. 4-е изд. стереотип. М. : URSS, 2014. 316 с.
- Леонтьев А. А.* Слово в речевой деятельности. 5-е изд. М. : URSS, 2014. 256 с.
- Миньяр-Белоручев Р. К.* Теория и методы перевода. М. : Московский лицей, 1996. 298 с.
- Основы теории речевой деятельности / под ред. А. А. Леонтьева.* М. : Наука, 1974. 368 с.
- Пицальникова В. А.* К проблеме содержания базовых терминов в современной отечественной психолингвистике // *Методология современного языкознания: Порождение и понимание речи. Значение и смысл. Виртуальная коммуникация: сборник материалов.* М. : URSS, 2016. С. 6–15.
- Фролов В. И.* Перевод с точки зрения теории речевой деятельности // *Языковое бытие человека и этноса : материалы XV Березинских чтений,* Москва, 25 мая 2018 г. М. : ИНИОН РАН, 2018. Вып. 20. С. 243–248.
- Швейцер А. Д.* Междисциплинарный статус теории перевода // *Тетради переводчика.* 1999. Вып. 24. С. 20–31.
- Швейцер А. Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. 2-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 216 с.
- Яковлев А. А.* Психолингвистические аспекты перевода. Красноярск : СФУ, 2015. 158 с.
- The Handbook of Translation and Cognition / Ed. by John W. Schwieter and Aline Ferreira.* John Wiley & Sons, 2017.
- Pym A.* *Exploring Translation Theories* (2nd ed.). London ; New York : Routledge, 2014.

REFERENCES

- Zhinkin N. I.* O kodovyh perehodah vo vnutrennej rechi // *Voprosy jazykoznanija.* 1964. № 6. S. 26–38.
- Ermolovich V. I.* Problemy izuchenija psihologicheskikh aspektov perevoda // *Tetradj perevodchika.* 1999. Vyp. 24. S. 45–62.
- Zimnjaja I. A.* Psihologicheskij analiz perevoda kak vida rechevoj dejatel'nosti : sb. nauch. tr. MGPIIJa im. M. Toreza. 1978. Vyp. 127. S. 37–49.
- Zimnjaja I. A., Ermolovich V. I.* Psihologija perevoda. M. : MGPIIJa im. Morisa Toreza, 1981. 100 s.
- Komissarov V. N.* Rechemyslitel'nyj process v zerkale perevoda : sb. nauch. tr. MGPIIJa im. M. Toreza. M., 1988. Vyp. 308. S. 128–135.
- Komissarov V. N.* Lingvistika perevoda. 3-e izd., stereotip. M. : URSS, 2009. 170 s.
- Leont'ev A. A.* Psiholingvisticheskie edinicy i porozhdenie rechevogo vyskazyvanija. 4-e izd. stereotip. M. : URSS, 2014. 316 s.

- Leont'ev A. A.* Slovo v rechevoj dejatel'nosti. 5-e izd. M. : URSS, 2014. 256 s.
- Min'jar-Beloruchev R. K.* Teorija i metody perevoda. M. : Moskovskij licej, 1996. 298 s.
- Osnovy teorii rechevoj dejatel'nosti / pod red. A. A. Leont'eva. M. : Nauka, 1974. 368 s.
- Pishhal'nikova V. A.* K probleme sodержanija bazovyh terminov v sovremennoj otechestvennoj psiholingvistike // Metodologija sovremennogo jazykoznanija: Porozhdenie i ponimanie rechi. Znachenie i smysl. Virtual'naja kommunikacija : sbornik materialov. M. : URSS, 2016. S. 6–15.
- Frolov V. I.* Perevod s točki zrenija teorii rechevoj dejatel'nosti // Jazykovoe bytie cheloveka i jetnosa : materialy XV Berezinskih chtenij, Moskva, 25 maja 2018 g. M. : INION RAN, 2018. Vyp. 20. S. 243–248.
- Shvejcer A. D.* Mezhdisciplinarnyj status teorii perevoda // Tetradi perevodchika. 1999. Vyp. 24. S. 20–31.
- Shvejcer A. D.* Teorija perevoda: Status, problemy, aspekty. 2-e izd. M. : LIBROKOM, 2009. 216 s.
- Jakovlev A. A.* Psiholingvisticheskie aspekty perevoda. Krasnojarsk : SFU, 2015. 158 s.
- The Handbook of Translation and Cognition / Ed. by John W. Schwieter and Aline Ferreira. John Wiley & Sons, 2017.
- Pym A.* Exploring Translation Theories (2nd ed.). London ; New York : Routledge, 2014.

УДК 811.111

Е. В. Нарбут

кандидат филологических наук; доцент Северо-Восточного государственного университета; проректор по развитию международной деятельности;
e-mail: narbut@rambler.ru

РОМАН Б. ШЛИНКА «DER VORLESER» И ЕГО ПЕРЕВОДЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье находят отражение промежуточные результаты проводимого автором исследования лагерной литературы. Основной проблемой работы выступает адекватность и эквивалентность переводческой рецепции, в данном случае – при переводе немецкого оригинального текста на русский язык. Материалом исследования явились роман Б.Шлинка «Der Vorleser» и его два русскоязычных перевода, выполненных Б.Хлебниковым и А.Тарасовым. Автор применяет метод сплошной выборки, а также методы стилистического и сравнительного анализов.

Ключевые слова: лагерная литература; литература Холокоста; художественный перевод; адекватность; эквивалентность; афористичность.

E. V. Narbut

PhD, Associate Professor; North-Eastern State University, Vice Rector for International Development; e-mail: narbut@rambler.ru

NOVEL “DER VORLESER” BY B. SCHLINK AND ITS RUSSIAN TRANSLATIONS

The article contains results of research into camp literature conducted by the author. The main problem of the present research is adequacy and equivalence of translator's reception of the original text, namely the German original text into Russian. B.Schlink's novel “Der Vorleser” and its Russian translations by B.Khlebnikov and A.Tarasov serve as the study material. The author uses the method of continuous sampling as well as methods of stylistic and comparative analysis.

Key words: camp literature; Holocaust literature; literary translation; adequacy; equivalence; aphoristic nature.

Введение

Бернхард Шлинка является одним из наиболее известных и читаемых современных немецких писателей. При этом он успешный юрист, доктор наук, преподававший в Боннском университете и занимавший

кафедру в Берлинском университете имени Гумбольдта. Это, на наш взгляд, не могло не отразиться на идейной направленности творчества автора.

В 80-е гг. XX в. в печати появляются первые произведения Б. Шлинка, среди которых роман «Die gordische Schleife» (*Гордиев узел*). Наибольшую известность как писатель Б. Шлинк приобрел в 1995 г., когда вышел в свет его роман «Der Vorleser» (*Чтец*) [Schlink 1995], посвященный трагедии Холокоста и переведенный впоследствии на 40 языков. Роман был отмечен несколькими литературными премиями, в том числе Дублинской литературной премией (International IMPAC Dublin Literary Award), одной из наиболее престижных литературных премий в мире. А в 2008 г. состоялась премьера фильма «The Reader», получившего ряд премий («Оскар», «Золотой глобус» и др.) в различных номинациях. Следует отметить, что Б. Шлинк с самого начала настаивал, чтобы экранизация романа была сделана на английском языке, поскольку проблема последствий Холокоста касается не только одной Германии. При этом еще в 1988 г. Б. Шлинк опубликовал публицистическую статью под названием «Recht – Schuld – Zukunft» (Право – Вина – Будущее), вошедшую впоследствии в сборник «Vergangenheitsschuld und gegenwärtiges Recht» (*Вина прошлого и современное право*), где затрагиваются темы, позднее ставшие основными для романа «Der Vorleser» [Schlink 2002].

Ключевая тема и сюжет романа

Одной из ключевых тем романа становится тема драматического внутреннего конфликта «второго поколения» между стремлением понять ужасные преступления нацизма, совершенные поколением родителей, и стремлением осудить эти преступления так, чтобы сделать возможным их искупление, которое само по себе проблематично из-за чудовищности вины. В этом, по мнению Б. Шлинка, суть чувства коллективной вины, наложившего свою печать на судьбы «второго поколения». «Право не признает понятия «коллективная вина», но это не отменяет остро переживаемого чувства вины и чувства ответственности за тех, кто связан с тобой узами кровного родства, узами поколения, узами исторической судьбы» [Хлебников URL].

Объем романа невелик, впрочем, как и все предыдущие произведения Шлинка. Роман состоит из трех глав, в каждой повествуется об определенном периоде жизни главного героя – Михаэля Берга.

На первый взгляд, сюжет романа прост – история любви. Кажется, всё так банально и обыденно, но при дальнейшем чтении чувства читателя перевернутся, ведь любимая женщина Михаэля – бывшая надзирательница в одном из лагерей, а сам он – свидетель происходящего суда, где на скамье подсудимых его первая и единственная любовь.

В первой части книги читатель знакомится с пятнадцатилетним учеником Михаэлем Бергом. Описываемые события начинаются осенью, когда заболевшему гимназисту помогает дойти до дома 36-летняя кондукторша Ханна Шмиц. Место действия – Германия конца 1950-х гг. В знак благодарности, выздоровев, юный Михаэль возвращается отблагодарить букетом цветов новую знакомую и влюбляется. Это чувство взаимное. Но через некоторое время его любимая исчезает без объяснений.

Во второй главе писатель показывает нам события семь лет спустя. Михаэль уже студент, учится на юриста. Один из преподавателей предлагает учащимся посещать с ним судебные заседания, процесс над несколькими женщинами, которые служили надзирательницами, а позже обсуждать его в качестве семинарских занятий. Михаэль один из этой группы. Но каково же было его удивление, когда на скамье подсудимых он видит Ханну Шмиц. Сначала Михаэль удивлен, что Ханна берет всю вину на себя. Однако в ходе процесса он понимает странное поведение подсудимой, раскрывает причину ее обмана даже под угрозой смерти. И теперь он должен для себя решить: осуждать Ханну Шмиц или попытаться ей помочь.

В третьей главе читатель узнает, что герой разведен, у него взрослая дочь, успешная карьера юриста. Жизнь идет своим чередом, но однажды он узнает о дальнейшей судьбе осужденной Ханны. И опять начинается сложная нравственная борьба в душе героя.

Этот роман Б.Шлинка получил большое количество положительных отзывов. Например, Рут Ренделл, ведущий британский автор последней трети XX в. и «королева детектива», писавшая под псевдонимом Барбары Вайн, выразила свое мнение об этой книге следующими словами: «Тонкая, смелая, задевающая за живое... эта книга настолько же выше стереотипного повествования о холокосте, насколько «Преступление и наказание» выше заурядного триллера» [Шелудько URL].

При этом роман получил и ряд критических замечаний. Так, наряду с категоричными обвинениями Б.Шлинка в «культурной

порнографии» и упрощении истории, высказываются мысли о некорректности изображения нацистских преступников как людей, у которых не было выбора, что, по мнению историка Д. Липштадт, представляется переписыванием истории [Lipstadt URL].

Рецепция романа в России

Российский читатель смог познакомиться с романом Б. Шлинка «Der Vorleser» уже в 1999 г., когда появился первый перевод, выполненный Анатолием Тарасовым. В 2004 г. был опубликован перевод Бориса Хлебникова.

Следует отметить, что из двух переводов наибольшим спросом пользуется перевод Б. Хлебникова, регулярно переиздающийся издательством «Азбука», а с переводом А. Тарасова можно ознакомиться пока только в Интернете на сайте *lib.ru*: *Библиотека Максима Мошкова* [Шлинк 2004; Шлинк URL]. Думается, в данном случае такой результат «конкуренции» двух переводов не случаен, что в определенной степени подтверждает предварительный сопоставительный анализ оригинала и двух переводов.

Роман Б. Шлинка «Der Vorleser» обладает эмоциональной насыщенностью, а язык произведения кажется легким для перевода. Для сопоставительного анализа нами было выбрано семь отрывков. Выбранные отрывки носят в основном описательный характер, два из них содержат диалоги между героями романа. Очередность отрывков передает динамику развития сюжета.

Общее количество предложений в выборках из оригинала составляет 201, из них 87 простых предложений и 114 сложных. Такая пропорция в данном произведении в сочетании с другими стилистическими приемами придают повествованию особую экспрессивность, динамизм и эмоциональность. Подобные результаты на синтаксическом уровне мы получили и в переводах Б. Хлебникова и А. Тарасова. Однако в переводах А. Тарасова отрывки значительно сокращены. В целом, этот вариант перевода можно охарактеризовать как буквальный, местами даже напоминающий машинный. В то же время вариант, предлагаемый Б. Хлебниковым, на наш взгляд, более литературный, красочный, написанный легким языком подобно оригиналу. Некоторые отступления от синтаксической структуры конкретного отрывка в оригинале, когда Б. Хлебников передает простые предложения сложными, выглядят оправданными, так как в целом соответствуют синтаксической доминанте оригинала.

В оригинале количество сложноподчиненных предложений превышает количество сложносочиненных, что отражает склонность автора к рассуждению, последовательности и логичности. К этому результату также максимально близок перевод Б. Хлебникова. Язык романа отличается использованием неполных простых и простых распространённых предложений, а также использованием параллелизма, анафоры и эллиптических конструкций. Использование этих стилистически значимых приемов находит отражение в обоих переводах.

Подробнее мы хотели бы остановиться на особенно важной стилистической черте оригинала – его стремлении к афористичности. В романе можно обнаружить девять афоризмов, причем интересно заметить, что они встречаются в описаниях воспоминаний главного героя. Это придает тексту особую силу в описании чувств и переживаний Михаэля.

В своих афоризмах Б. Шлинк облекает свои мысли по поводу того или иного события или явления в оригинальное и лаконичное высказывание. Задача переводчиков – воссоздать глубину и неоспоримость суждения. Как мы видим, в каждом афоризме присутствует то или иное средство выразительности, иногда их даже несколько. Всё это еще раз акцентирует внимание читателя не только на ярких высказываниях, но и подчеркивает чувства, переживания героев, ведь практически все эти высказывания используются при описании размышлений Михаэля о жизни, прошлом, происходящем в его жизни.

Отражение афористичности романа в русских переводах

Обратимся к переводам выбранных нами афоризмов. Мы постарались выбрать из имеющихся переводов каждого афоризма тот вариант, который наиболее полно и адекватно отражает его суть.

1. ...daß Denken und Entscheiden keinen Einfluß auf das Handeln hätten.

В основе данного афоризма лежит метафора, так как только человек может на что-то влиять, это можно наблюдать как в тексте, написанном Шлинком, так и в переводах на русский язык.

...размышления и принятые решения ... никак не влияют на поступки (Б. Хлебников).

...мысли и решения не влияют на поступки, нет (А. Тарасов).

В данном случае оба перевода практически идентичны, вариант А. Тарасова более лаконичен, Б. Хлебникова – литературен.

2. ...wir, seine Familie, seien für ihn wie Haustiere.

В этом афоризме есть сравнение – «wie Haustiere» – это же сравнение перенесено обоими переводчиками в русский вариант текста.

...мы, его семья, служили для него чем-то вроде домашних животных (Б. Хлебников).

...мы, его семья, были для него чем-то вроде домашних животных (А. Тарасов).

Мы полагаем, что в данном случае именно благодаря переводу глагола «*sein*» как «служили», Б. Хлебников еще более подчеркивает сравнение с животными, чем и усиливает его; трактовка этого же глагола как были, делает перевод этого авторского афоризма более простым и менее красочным.

3. Wenn bei Flugzeugen die Motoren ausfallen, ist das nicht das Ende des Flugs.

Когда у самолета отказывает мотор, это еще не конец пути (Б. Хлебников).

Когда у самолета отказывают моторы, это еще не означает конец полета (А. Тарасов).

Эти два перевода вновь практически идентичны, но, на наш взгляд, вариант, предлагаемый А. Тарасовым, перегружен глаголом *означает*, что делает перевод афоризма с языка оригинала более тяжелым. Но в то же время у Б. Хлебникова менее удачный вариант перевода слова *Flugs*, в то время как использование прямого значения данного существительного А. Тарасовым, еще больше усиливает возможный вариант краха жизненного пути с падением самолета. Ведь, с одной стороны, есть предначертанная судьба, как говорится – «никуда не денешься с подводной лодки», но даже в критической ситуации не исключен другой исход события, другой путь, который представится и который может выбрать человек.

4. ...weil der Verrat einer Verbrecherin nicht schuldig machen kann...

Здесь присутствует инверсия, что придает высказыванию некую эмоциональную напряженность, причем в немецком тексте это

объясняется тем, что афоризмом является придаточное предложение, в котором обратный порядок слов. Оба переводчика сохранили этот же порядок слов и в переводах.

...предать преступницу виной не считается... (Б. Хлебников).

...предательство по отношению к преступнице не может наложить на человека вину... (А. Тарасов).

Безусловно, интерпретация немецкого текста А. Тарасовым более дословная, нежели у Б. Хлебникова. Но именно из-за этого перевод последнего не только более выразительный, но и яркий. Таким образом, по нашему мнению, вариант перевода Б. Шлинка, который представляет в данном случае Б. Хлебников, несмотря на отступление от стиля автора, лучше, так как роман «Чтец» является художественным произведением, что, соответственно, невольно влияет и на стиль написания переводного текста.

5. Die Philosophie hat die Kinder vergessen.

Этот афоризм содержит метонимию, переосмысление значение слова на основе смежности понятий, их связи. Философия – это дисциплина, изучающая наиболее общие существенные характеристики и фундаментальные принципы отношения человека и мира. Философия обычно описывается как теория или наука, одна из форм мировоззрения, одна из форм человеческой деятельности, особый способ познания. Таким образом, в основе тропа – связь между наукой и человеком, т. е. детьми. А так как философия описывается как наука «человеческого образа и мышления», то это лишь усиливает значение, смысл тропа – философия забыла о тех, кто ее создал, кто ее «осмысляет» и о тех, для кого она была создана.

Философия забыла о детях... (Б. Хлебников).

...философии нет дела до детей (А. Тарасов).

Бесспорно, первый вариант – перевод Б. Хлебникова – наиболее удачен. Фраза очень лаконичная и четкая, легко запоминаема, что и является одной из основных характеристик афоризма.

6. ...die Liebe zu den Eltern ist die einzige Liebe, für die man nicht verantwortlich ist.

«...любовь к родителям – это единственная любовь, за которую не несешь ответственности» (Б. Хлебников).

«...любовь к родителям является единственной любовью, за которую не отвечают» (*А. Тарасов*).

В двух переводах средством языковой выразительности выступает неполное предложение, чего нет в тексте оригинала. В данном случае мы затрудняемся выбрать наиболее удачный вариант. В варианте Б.Хлебникова предложение перегружено повтором слова «любовь» в составном именном сказуемом «это любовь», то же относится и к варианту А.Тарасова. Правда, при переводе фразы «nicht verantwortlich ist» Б.Хлебников выбрал более удачный эквивалент, нежели А.Тарасов.

7. Nun ist Flucht nicht nur weglaufen, sondern auch ankommen.

Когда человек спасается бегством, он не только откуда-то уходит, но и куда-то приходит (*Б. Хлебников*).

Надо сказать, что бегство – это не только удаление от чего-то, но еще и приближение к чему-то (*А. Тарасов*).

Вариант перевода афоризма Б.Хлебникова усиливается использованием фразеологического оборота, а также однокоренных слов уходит – приходит, причем эти слова являются антонимами, таким образом автор еще раз акцентирует внимание на высказывании. В варианте А.Тарасова присутствуют только антонимы удаление – приближение. Следовательно, вариант, предлагаемый Хлебниковым, более удачен с точки зрения образности и выразительности.

8. Geschichte treiben heißt Brücken zwischen Vergangenheit und Gegenwart schlagen und beide Ufer beobachten und an beiden tätig werden.

Данное предложение буквально перегружено средствами выразительности – однородные члены предложения, являющиеся антонимами, а также олицетворение и метафора, причем все эти художественные средства сохранились и в обоих переводах.

История, выстраивая мосты между прошлым и будущим, видит, что происходит на обоих берегах, а потому деятельно причастна к происходящему и тут и там (*Б. Хлебников*).

Заниматься историей означает наводить мосты между прошлым и настоящим, вести наблюдение за обоими берегами и быть активным на каждом из них (*А. Тарасов*).

9. Flucht ist ... nicht die Beschäftigung mit der Vergangenheit, sondern gerade die entschlossene Konzentration auf Gegenwart und Zukunft...

В основе данного афоризма лежит антитеза, в состав которой входят антонимы. Это художественное средство выразительности передано в полной мере в обоих переводах.

Бегством является ... не обращение к прошлому, а наоборот – заикленность исключительно на настоящем или будущем... (Б. Хлебников).

Бегство здесь это не остановка на прошлом, но решительное сосредоточение на настоящем и будущем... (А. Тарасов).

Заключение

Проведенный предварительный анализ показывает, что перевод Б.Хлебникова совершенно справедливо выбран издательством для представления отечественному читателю романа Б.Шлинка «Der Vorleser». Но перевод А. Тарасова, мы полагаем, также находит своего читателя на просторах интернета.

При этом мы надеемся на появление новых переводов этого романа. Возможно, следующим переводчиком романа «Der Vorleser» станет маститый Роман Эйвадис, уже переложивший на русский язык романы Б. Шлинка «SelbsJustiz» (Правосудие Зельба) и «SelbsBetrug» (Обман Зельба).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Хлебников Б. Автопортрет второго поколения. Послесловие к роману Бернхарда Шлинка «Чтец» («Vorleser») // Deutsche Welle. URL: www.dw.com/downloads/25973286/послесловие-к-роману-чтец.pdf (дата обращения: 03.04.2019).
- Шелудько В. Бернхард Шлинка – самый популярный в мире немецкий писатель // Новости литературы. URL: novostiliteratury.ru/2010/08/interesno/samye-populyarnye-v-mire-pisateli/ (дата обращения: 03.04.2019).
- Шлинка Б. Чтец / пер. А. Тарасова. URL: lib.ru/INPROZ/SHLINK/vorleser.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 09.08.2018).
- Шлинка Б. Чтец / пер. Б.Хлебникова. М.: АСТ, 2004. 252 с.
- Шлинка Б. Чтец / пер. Б.Хлебникова. URL: www.litres.ru/bernhard-shlink/chtec-9/chitat-onlayn/ (дата обращения: 09.08.2018).
- Lipstadt D. The Reader: A Pernicious Book and Movie. URL: lipstadt.blogspot.com/2009/02/reader-pernicious-book-and-movie.html (дата обращения: 09.08.2018).

Schlink B. Der Vorleser. Bern : Diogenis, 1995. 207 S.

Schlink B. Recht – Schuld – Zukunft // Vergangenheitsschuld und gegenwärtiges Recht. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 2002. S. 10–37.

REFERENCES

Hlebnikov B. Avtoportret второго поколения. Posleslovie k romanu Bernharda Shlinka «Chtec» («Vorleser») // Deutsche Welle. URL: www.dw.com/downloads/25973286/posleslovie-k-romanu-chtec.pdf (data obrashheniya: 03.04.2019).

Shelud'ko V. Bernhard Shlink – samyj popularnyj v mire nemeckij pisatel' // Novosti literatury. URL: novostiliteratury.ru/2010/08/interesno/samye-populyarnye-v-mire-pisateli/ (data obrashheniya: 03.04.2019).

Shlink B. Chtec / per. A. Tarasova. URL: lib.ru/INPROZ/SHLINK/vorleser.txt_with-big-pictures.html (data obrashheniya: 09.08.2018).

Shlink B. Chtec / per. B. Hlebnikova. M. : AST, 2004. 252 s.

Shlink B. Chtec / per. B. Hlebnikova. URL: www.litres.ru/bernhard-shlink/chtec-9/chitat-onlayn/ (data obrashheniya: 09.08.2018).

Lipstadt D. The Reader: A Pernicious Book and Movie. URL: lipstadt.blogspot.com/2009/02/reader-pernicious-book-and-movie.html (data obrashheniya: 09.08.2018).

Schlink B. Der Vorleser. Bern : Diogenis, 1995. 207 S.

Schlink B. Recht – Schuld – Zukunft // Vergangenheitsschuld und gegenwärtiges Recht. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 2002. S. 10–37.

УДК 80

М. Б. Раренко

кандидат филологических наук; ст. научный сотрудник Отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН;
e-mail: rarenco@rambler.ru

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА РОМАНА И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Постоянно возрастающее количество художественных переводов ставит проблему качества перевода как одну из центральных. Вопрос о трансляции национального дискурса, т. е. как говорят по-русски или по-английски, или по-японски – один из ее аспектов, притом наиболее сложных. В основе перевода, как известно, лежат языковые операции, в результате сопоставления которых происходит сопоставление двух или более языковых систем. Последнее служит обычно в качестве отправной точки при обсуждении процесса перевода, в то время как семиотический или стилистический характер переводческих операций обсуждается гораздо реже. В статье рассматриваются различия и преодоление этих различий между языковыми (речевыми моделями) на стилистическом уровне.

Стиль любого произведения, а тем более художественного, представляет собой способ организации изображаемого мира, это очень хрупкое, но вместе с тем и очень важное измерение художественности. Писатель как творец мыслит свое произведение как цельность, в которой все черты и средства существуют не сами по себе, а призваны служить единому намерению. Художественный перевод, таким образом, представляет собой пересоздание произведения как целостности, и в этом смысле переводчик выступает как особого рода полноправный литератор.

Коммуникативные намерения обычно не осознаются носителями языка как особые языковые знания и как бы не замечаются ими. Нередко и переводчик не воспринимает «чужие» коммуникативные стратегии как способ общения, наделяемый специфической ценностью в «чужой» культуре. В результате при переводе «чужой» национально-специфический дискурс оказывается утерянным, что ведет к нарушению и нередко даже утрате той художественности текста, которую так бережно выстраивал на страницах своего произведения автор оригинала.

Проблема воссоздания национально-специфического дискурса в переводе рассматривается на примере романа И. А. Гончарова «Обломов».

Ключевые слова: И. А. Гончаров; «Обломов»; роман; «образ речи»; национальный характер; разговор по-русски; национальный язык; литература XIX в.; художественная литература; перевод; моделирование.

М. B. Rarenko

PhD, Senior Researcher at the Centre for Linguistics, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: rarenco@rambler.ru

ON TRANSLATION OF I. A. GONCHAROV'S NOVEL "OBLMOV" INTO ENGLISH

The ever-increasing number of literary translations raises the problem of translation quality as one of the central ones. The issue of translating national discourse, i.e. how to speak Russian or English, or Japanese is one of its aspects, moreover, the most complex one. The basis of translation is language operations that suggest comparison of two or more language systems. Comparison usually serves as a starting point in the discussion of the translation process, while the semiotic or stylistic nature of translation operations is discussed much less frequently. The article discusses the differences and the ways to overcome these differences between language (speech) models at the stylistic level.

The style of any work of literature reflects the way of organizing the depicted world, and is a very fragile, but at the same time a very important dimension of the artistry of the text itself. Being the creator of the work of literature the writer thinks of his work as a complete entity in which all features and means exist as a single whole and are designed to serve a single intention. Literary translation, therefore, is a re-creation of the whole work, and in this sense the translator acts as a co-writer.

Communicative intentions are usually not recognized by native speakers as special language knowledge and are not noticed by them. Often, the translator does not perceive "foreign" communicative strategies as a way of communication, endowed with a specific value in the "foreign" culture. As a result, the translation loses cultural coloring, which ruins the artistry of the original text.

The problem of reconstructing the features of national discourse in translation is considered on the example of I.A.Goncharov's novel "Oblomov".

Key words: I. Goncharov; "Oblomov"; novel; "image of speech"; national character; conversation in Russian; national language; literature of the XIX century; fiction; translation; modelling.

Введение

Сегодня уже будет преувеличением утверждать, что потребность в коммуникации между представителями разных народов и этносов стоит как никогда остро. «Бурное развитие в современном мире технико-технологических средств коммуникации в единстве с глобализационными процессами способствовало созданию предпосылок для реального формирования такого пространства, связало воедино исторически чуждые друг для друга культуры, создало возможности для интенсивного информационного обмена между ними, расширило перспективы взаимного сотрудничества» [Пшегусова 2003, с. 3].

Уже античные философы, в первую очередь, Платон, Сократ и Аристотель, указывали на особую роль коммуникации в развитии

человеческого общества, считая эту особенность одной из основных, отличающих человека от других животных. Более того, Сократ полагал жизнь вне диалогов, обсуждений и исследований, т. е. общения, коммуникации, бессмысленной, поэтому так высоко ставил роль живого, непосредственного общения, подчеркивая его уникальность.

По мере возникновения средств массового распространения информации – возникновения письменности, появления печатных станков, изобретения радио, телеграфа, телевизора, компьютера, Интернета и пр. – жизнь людей подвергается всё большему воздействию со стороны социума. Обмен информацией является неотъемлемой частью жизни человека, поскольку «жизнь индивидов протекает в социуме, и этот факт делает взаимообусловленными два процесса: воспроизводство сущности человека во взаимодействии с себе подобными и воспроизводство общества как результат совместной жизнедеятельности людей. Единство двух уровней социальной жизни обеспечивается благодаря связующим их информационным процессам» [Логутова 2005, с. 3].

Изначально, как повествует предание, на Земле был один язык и одно наречие, и все люди могли понимать друг друга. Но однажды жители Земли вознамерились построить город, а в нем высокую башню, до небес, желая таким образом прославить себя. Господь, узнав об их намерении и поняв, что люди добровольно не откажутся от своих планов, перемешал языки, чтобы помешать людям, строителям башни, воплотить задуманное в жизнь. Городу тому было дано имя Вавилон, а люди с тех пор стали говорить на разных языках. Строительство Вавилонской башне и положило начало, с одной стороны, многоязычию, а с другой – попыткам его преодолеть.

Как отмечает в своей работе доктор филологических наук, профессор Ю. Н. Марчук, в настоящее время существует три способа преодоления языковых барьеров:

- 1) создание единого языка (искусственного или естественного);
- 2) изучение иностранных языков в средней школе и на последующих стадиях образования;
- 3) перевод [Марчук 2015].

Несмотря на то, что во всем мире сейчас, в эпоху глобализации, активно обсуждаются возможности и перспективы создания единого – «глобального» языка, а иностранные языки изучаются уже в детском саду, может показаться странным, но именно перевод по-прежнему

является, на наш взгляд, наиболее востребованным инструментом преодоления языкового и культурного барьера, когда речь идет о чтении художественной литературы, изначально созданной на другом, отличном от родного, языке.

Довольно часто можно услышать мнение о недостаточно «хорошем» переводе – об этом говорят как специалисты в области теории и практики перевода, так и «потребители» переводов. И, к сожалению, часто с такой точкой зрения нельзя не согласиться.

Художественный перевод как особый вид перевода

Практика перевода иноязычной художественной литературы исключительно широка и ощутимо влияет на круг чтения современного человека, авторитетна в формировании его социально-эстетических представлений. Поэтому и проблема качества перевода на протяжении всей истории существования перевода – в разной степени, безусловно, и по-разному решаемая в разные периоды – всегда признавалась одной из центральных.

Художественный перевод является особым видом перевода в силу разных причин. Одну из них Е. М. Масленникова объясняет тем, что «конструируемая в художественном тексте действительность ... предполагает установление особых отношений между ТЕКСТОМ и его ЧИТАТЕЛЕМ, когда тот «верит» в реальность описываемых событий, благодаря чему поддерживается иллюзорность Мира текста и реалистичность представленных в нем персонажей» [Масленникова 2014, с. 5]. Помимо этого, специфика конкретного языка и культуры привносит свои особенности (лингвистические, экстралингвистические и прагматические) в межкультурное общение. Особенностью художественного перевода, как разновидности межъязыкового перевода, является и то, что он «становится случаем проявления креативной ассимиляции, когда личностные особенности переводчика как активного первичного читателя-интерпретатора заставляют его проецировать текст на свою картину мира, систему знаний и культурный фон» [там же, с. 41]. Проблема качества перевода, в частности, художественного, многоаспектна. Вопрос о трансляции национального дискурса, воспроизводимого на страницах художественного произведения, – один из ее аспектов, и следует признать, один из наиболее сложных. Ни у кого не возникает сомнения в том, что каждый язык уникален, управляется и характеризуется собственными законами,

которые получают отражение в художественном произведении. Во многом это справедливо и относительно национального дискурса.

Параллельный анализ ряда текстов оригинала и перевода демонстрирует, что переводчикам в целом удается передать общий смысл текста на иностранном языке средствами родного языка, однако при переводе художественных произведений не менее важным оказывается не только содержание (т. е. то, о чем говорится в произведении), но и как об этом говорится, т. е. форма.

Функция переводчика в этом случае заключается в таком виде посредничества между двумя культурами, когда происходит максимально полное понимание текста оригинального произведения в его глубинной онтологической связи с жизнью породившей его культуры и общества, с одной стороны, и не менее тонкое ощущение «горизонта ожидания» читателя, выросшего, воспитанного и существующего в другой, подчас совершенно иной социально-культурной среде, – с другой. В этом случае переводчик выступает единственным авторитетом для читателя в посредничестве между ним и оригиналом произведения, а перевод реализуется в читательском восприятии безотносительно к оригиналу и становится для читателя единственным текстом – тем самым, через который он проникает в чужую культуру и познает ее. Такая модель взаимодействия между оригиналом и читателем возможна, если читатель не владеет языком оригинального текста. Возможна и иная ситуация – читателю известен оригинал, он имеет возможность сопоставить оригинальное произведение и его перевод на родной для читателя язык. Тогда переводное произведение рассматривается читателем как нечто вторичное. Но и в первом, и во втором случаях при переводе имеет место столкновение двух культурных систем и на коммуникативном уровне, и на уровне текста.

Таким образом, литературный факт можно и нужно представить себе как живую и изменчивую знаковую деятельность, которая не прекращается после написания (и издания) произведения, но заново приходит в движение на коммуникативном уровне как своеобразный диалог между автором подлинника и переводчиком, где последний стремится выступать в качестве «идеального» читателя, не упуская в то же время из виду и вполне «реального» читателя-современника, потенциального иноязычного адресата книги.

Перевод как воссоздание национального дискурса

Поскольку в романе И. А. Гончарова «Обломов» одной из задач, стоящих перед автором, как следует из признаний самого писателя, было передать особенности национального языка, который понимался им как «самое живое и чуть ли не единственное выражение национальности» [Гончаров 1977, с. 258]. Сам писатель неоднократно напоминал о том, что творит бессознательно, ведомый поэтической интуицией, ощущением целого: «Я писал как будто по диктовке. И, право, многое явилось бессознательно; подле меня кто-то невидимо сидел и говорил мне, что писать» [там же, с. 107]. Тем ценнее оказывается то идеально общение, образ которого писатель моделирует на страницах романа – общение, основанное на взаимопонимании на уровне интуиции, наиполнейшего вчувствования в мир собеседника [Раренко 2019].

Стиль произведения – способ организации изображаемого мира, очень хрупкое, но и очень важное измерение художественности. Каждый писатель мыслит свое произведение как цельность, в которой все средства и черты существуют не сами по себе, а служат единому намерению, поэтому и художественный перевод должен рассматриваться как пересоздание художественного произведения как целостности, и в этом смысле переводчик может и должен рассматриваться как полноправный литератор.

Следует признать, что коммуникативные стратегии, принятые в обществе, обычно не воспринимаются их носителями как особые языковые знания и не замечаются ими. Нередко не замечаются они и переводчиком, т. е. не рассматриваются им как культурно-специфический способ коммуникации, принятый в данном национальном сообществе, и потому игнорируются при переводе. Следует отметить еще и такой факт: отступление от традиционных для данной языковой культуры коммуникативных стратегий в речи иностранца может рассматриваться адресатом и как проявление негативных качеств собеседника – бестактность, развязность, высокомерие, несообразительность – и проецироваться на весь этнос, в конечном итоге приводя к формированию ложных этнических стереотипов. В свою очередь, понимание природы и специфики смысловой ценности «чужой» коммуникативной стратегии, напротив, может послужить ключом к пониманию другой культуры, способом ее познания.

**Особенности перевода
романа И. А. Гончарова «Обломов» на английский язык**

В настоящее время известны, по крайней мере, шесть переводов романа И. А. Гончарова «Обломов» на английский язык, первый из которых – *сокр.* перевод К. Дж. Хогарта (C. J. Hogarth) был издан в 1915 г., в 1929 г. появился перевод Н. Даддингтона (N. Duddington), в 1954 г. перевод Д. Магаршака (D. Magarshack), считающийся классическим переводом, в 1963 г. – Э. Данниген (A. Dunnigan). Еще два перевода – перевод С. Перла (St. Pearl) и перевод М. Шварц (M. Schwartz) появились уже в XXI в., в 2006 и 2008 гг. соответственно.

Переводы Н. Даддингтона и Д. Магаршака неоднократно издавались и признаны авторитетными, по этой причине они были выбраны нами для сопоставительного анализа с текстом оригинала. Более того, переводчик более позднего перевода был, несомненно, знаком с более ранним переводом и в ряде случаев заимствовал удачные, с его точки зрения, пассажи, и в интересующем нас аспекте принципиальных различий в переводческих тактиках двух указанных переводов выявлено не было.

При переводе «Обломова», как и вообще при трансляции русскоязычных художественных текстов в иноязычную культуру, особую сложность представляет перевод имен собственных, занимающих в любой культуре нишу повышенного значения, поскольку являются не просто наименованием, но и символизируют определенные отношения, сложившиеся в той или иной среде. В случае с русской культурой ситуация осложняется большим разнообразием существующих форм имен собственных, в первую очередь это является справедливым по отношению к наименованиям людей¹. Так, к Обломову разные персонажи обращаются по-разному, во многом это определяется отношениями, которые сложились между Ильей Ильичом и его собеседником. Диапазон обращений необычайно широк: от сентиментального Илюши до обращения по фамилии (следует отметить, что и в этом случае отношение к называемому может различаться, вплоть до противоположного). Каждый вид обращения наполнен особым содержанием, которое русскоязычный читатель часто угадывает интуи-

---

¹ Нередко можно услышать сетования читающих русские романы иноязычных читателей, что им очень сложно разобраться в *dramatis personae* в связи с этим. – М. Р.

тивно. В англоязычной культуре подобного ряда обращений не существует, поэтому информация, заложенная в ряд: Илюша, Илья, Илья Ильич, Обломов, барин, барчонок и т. д., таким образом, оказывается обреченной на непонимание, являясь своего рода культурологической лакуной. Как своеобразную переводческую находку Д. Магаршака, безусловно, упрощающую процесс чтения англоязычному читателю, следует его стремление конкретизировать родственные и другие отношения в романе посредством упоминания главного действующего лица в качестве своеобразного ориентира: так вместо авторского «Илья Иванович», «сам Обломов», «старик Обломов» или «жена», «хозяйка» появляются «Oblomov's father» и «Oblomov's mother». Что же касается наименования главного лица, то в результате переводческого упрощения он превратился раз и навсегда в «Oblomov». Нельзя не согласиться с тем, что неразрешимая для англоязычного читателя путаница решена, но текст лишился образности, потому что, когда оценочное именование (Илюша, Илья, Илья Ильич и пр.) превращается в безликое наименование по фамилии, снимается определенный и важный метасемантический смысл, поскольку исчезает модальность общения, и остается лишь указание на персонаж.

Приведем несколько примеров.

– А, Волков, здравствуйте! – сказал Илья Ильич.	Oh, Volkov, how are you? – said Oblomov.
– Здравствуй, Обломов, – говорил блистающий господин, подходя к нему [Гончаров 1979, с. 19]	How are you, Oblomov? the dazzling gentleman said, walking up to him» [Magarshak 1954, с. 25]
Взрослый Илья Ильич хотя после и узнает, что нет медовых и молочных рек, нет добрых волшебниц, хотя и шутит он с улыбкой над сказаниями няни, но улыбка эта не искренняя, она сопровождается тайным вздохом...	Though when he grew up Oblomov discovered that there were no rivers flowing with milk and honey, nor fairy godmothers, and though he smiled at his nurse's tales, his smile was not sincere, and it was accompanied by a secret sigh...
[Гончаров 1979, с. 119].	[Magarshak 1954, с. 119]

Пойдем, мама, гулять, – говорит Илюша.	«Let's go for a walk, Mummy,» said Oblomov.
– Что ты, бог с тобой! Теперь гулять,	Good heavens, child,» she replied, go
– отвечает она, – сыро, ножки простудишь; и страшно: в лесу теперь	for a walk at this hour! It's damp, you'll
леший ходит, он уносит маленьких	get your feet wet, and it's so frightening:
детей»	the wood-demon is walking about in the
	woods now, carrying off little children
[Гончаров 1979, с. 118].	[Magarshak 1954, с. 118].

Как видно из приведенных примеров, прием замены разных наименований заглавного персонажа на его фамилию происходит в тексте перевода последовательно. Особенно нелепо выглядит форма *Oblomov* в последнем примере, когда по фамилии называется малыш, что, конечно же, не является приемлемым для русской культуры (исключением следует признать официальное обращение – в зале суда, например).

Обратимся к «вкрапленным» в «ткань» повествования романа «Обломов» диалогам персонажей. При передаче диалогов в английском варианте романа наблюдается следующее: переводчики последовательно стремятся в процессе трансляции русской устной речи максимально ее конкретизировать путем замены привычных и характерных для русского разговорного дискурса эллиптических предложений на полные. В итоге разговорный дискурс лишается в значительной степени своей динамичности, живости и, что существеннее всего, направленности на другого, т. е. как раз того, что позволило нам назвать тип общения, с такой любовью воспроизведенного И. А. Гончаровым на страницах своего романа эмфатическим [Раренко 2019]. В результате деятельности переводчиков реплики действительно становятся грамматически самодостаточными (иногда даже чересчур, и создается впечатление, что то ли персонажи не слышат друг друга, то ли не понимают, то ли издеваются друг над другом, полностью воспроизводя чужие реплики), пропадает их стремление достичь завершения в репликах собеседника, что так ценилось в Обломовке «среди своих», пропадает и самая необходимость в появлении «другого», способного подхватить и продолжить «недовысказанную» мысль.

Обратимся к диалогам Обломова и Захара, являющимся показательным примером того, как мыслится Гончаровым общение по-русски. Реплики в их диалогах в основном отрывисты и кратки, малоинформативны, поскольку ни Обломов, ни Захар в информации как

таковой не нуждаются. Они настолько хорошо изучили привычки друг друга, что предугадать реплику другого для них не составляет труда. Их быт настолько неизмѣнен и беден «внешним содержанием», а друг друга они изучили настолько хорошо за многие годы совместного проживания, что общение у них превращается в ритуальную и при том всепоглощающую игру, сценарий которой задан и неизменен: вот Обломов, недовольный тем, что в доме грязно, а вот Захар, всячески противящийся тому, что барин позволяет себе его учить и т. д. Они настолько сжились, что могут позволить себе почти не слушать один другого.

« – Чего вам? – сказал он, придерживаясь одной рукой за дверь кабинета и глядя на Обломова...	What is it now, sir? he asked, holding on to the door of the study with one hand, and ...looking at Oblomov...
– Носовой платок, скорей! Сам бы ты мог догадаться: не видишь! – строго заметил Илья Ильич...	My handkerchief, and be quick about it! You might have thought of it yourself – you never see anything!» Oblomov observed sternly...
– А кто его знает, где платок? – ворчал он, обходя вокруг комнату и ощупывая каждый стул, хотя и так можно было видеть, что на стульях ничего не лежит.	«How should I know where your handkerchief is?» he grumbled, walking round the room and feeling every chair with his hand, though one could see there was nothing lying there.
– Все теряете! – заметил он, отворяя дверь в гостиную, чтоб посмотреть, нет ли там.	«You're always losing things,» he observed, opening the drawing-room door to see if the handkerchief was there.
– Куда? Здесь ищи! Я с третьего дня там не был. Да скорее же! – говорил Илья Ильич.	«Where are you going? Look for it here! I haven't been there since the day before yesterday. And hurry up, will you?» Oblomov said.
– Где платок? Нету платка! – говорил Захар, разводя руками и озираясь во все углы. – Да вот он, – вдруг сердито захрипел он, – под вами! Вон конец торчит. Сами лежите на нем, а спрашиваете платка!»	«Where is that handkerchief? Can't see it anywhere!» said Zahar, throwing up his hands and looking round the room. «Why, there it is, « he suddenly hissed angrily. It's under you, sir! There's one end of it sticking out! You lie on your handkerchief and then you ask for it!»
[Гончаров 1979, с. 14]	[Magarshak 1954, с. 19]

Или вот еще один пример:

– Какая у вас пыль везде! – сказал он.	«How awfully dusty your room is!» he
– Все Захар! – пожаловался Обломов.	said.
– Ну, мне пора! – сказал Волков.	It's all Zahar's fault!» Oblomov
За камелиями для букета Мише.	complained.
Au revoir»	«Well, I must be off,» said Volkov.
[Гончаров 1979, с. 21]	«Must get those camellias for Misha's
	bouquet. Au revoir»
	[Magarshak 1954, с. 27]

Как можно увидеть, в английском переводе реплика почти неизменно достраивается до грамматически полного предложения (в связи с чем ее объем «разрастается», несмотря на общеизвестную «экономность» английского языка по сравнению с русским).

Та же закономерность выявляется и при сопоставлении других диалогов в оригинальном и переводном текстах. Нередко встречающиеся в них отрывистые фразы, незаконченные предложения, перебивки говорящими друг друга «дополняются» и «исправляются» неизменно и последовательно переводчиком, надо думать, искренне не замечающим того, что за счет этого «усовершенствования» приносится в жертву художественный эффект.

Выводы

Сопоставительный анализ оригинального текста романа И. А. Гончарова «Обломов» и его переводы на английский язык, выполненные авторитетными переводчиками, имевшими большой опыт перевода русской художественной литературы на английский язык, показал, что при переводе произошло то, чего так боялся И. А. Гончаров, с подозрением относившийся к переводам своих произведений на другие языки: «... не люблю, чтобы меня переводили» [Гончаров 1977, с. 411], как и вообще к способности одной национальной общности адекватно понять национальное своеобразие другой: «...все действующие лица в моих сочинениях, нравы, местность, колорит – слишком национальные, русские – и от того, казалось мне всегда, они будут мало понятны в чужих странах, мало знакомых ... с русской жизнью!» [Гончаров 1977, с. 258]: его не поняли. Читатель, не погруженный в коммуникативный контекст национального сообщества (иноязычного читателя это обстоятельство касается более всего), не может, с точки зрения

И. А. Гончарова, в полной степени оценить произведение, понять его замысел и, как результат, получить от прочтения художественного текста эстетическое наслаждение, поскольку сцены быта, как можно видеть, превалирующие в прозе Гончарова в целом, обрамленные и проникнутые особым коммуникативным контекстом и «естественно» понятные русскоязычному читателю в их ценностной подоплеке, при переводе резко теряют в смысловом богатстве и выразительности. Иноязычный читатель, таким образом, оказывается в заведомо неравном положении по сравнению с русскоязычным. Нарушение внутренних связей текста приводит к нарушению отношений между повествователем и читателем, а для Гончарова эти отношения мыслятся как представляющие первостепенную важность, поскольку наличие (или отсутствие) плодотворного контакта, «сотрудничества» между ними определяет художественное качество произведения и его судьбу. В письме к И. И. Льховскому И. А. Гончаров пишет: «Герой может быть неполон: недостает той или иной стороны, не досказано, но выражено многое: но я и с этой стороны успокоился: а читатель на что? ... Разве он .... воображением не сумеет по данной автором идее дополнить остальное? ... Задача автора – господствующий элемент характера, а остальное дело читателя» [Гончаров 1977, с. 241]. И. А. Гончаров полагает, что принятый среди «своих» в Обломовке принцип общения, когда не нужно досказывать мысль, потому что «свой» и так поймет, вполне распространим и на общение между текстом романа и его читателем [Раренко 2019].

Как видно из сопоставленных фрагментов оригинального текста романа «Обломов» и их переводов на английский язык, в каждом конкретном случае жертва, приносимая переводчиком, который, кстати, далеко не всегда осознает выбранную им переводческую стратегию в качестве таковой, мала, даже микроскопична, более того, может даже казаться удачной в каждом конкретном случае, но поскольку носить последовательный и «сквозной» для текста перевода характер, оборачивается если не информационной потерей (об этом, как правило, речь не идет), то существенным сдвигом в характере звучания текста как целостности, т. е. фактически разрушении художественной образности произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гончаров И. А. Статьи, заметки, рецензии, письма // Собрание сочинений : в 8 т. Т. 8. М. : Художественная литература. 1977. 559 с.
- Гончаров И. А. Обломов // Собрание сочинений : в 8 т. Т. 4. М. : Художественная литература, 1979. 534 с.
- Логутова М. А. Теоретико-методологические основания социальной коммуникации : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Кемерово, 2005. 28 с.
- Марчук Ю. Н. Информационные технологии в лингвистике: Компьютерная лингвистика. Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2015. 131 с.
- Масленникова Е. М. Художественный перевод: Новое о старом. Тверь: Тверской государственный университет, 2014. 240 с.
- Пшегусова Г. С. Социальная коммуникация: Сущность, типология, способы организации коммуникативного пространства : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-н/Д., 2003. 50 с.
- Раренко М. Б. Разговор по-русски на страницах романа И. А. Гончарова «Обломов» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 14 (809). С. 281–292.
- Goncharov I. Oblomov / Translated and with an Introduction by D. Magarshack. L. : Penguin Books. 1954. 485 p.

REFERENCES

- Goncharov I. A. Stat'i, zametki, recenzii, pis'ma // Sobranie sochinenij : v 8 t. T. 8. M. : Hudozhestvennaja literatura. 1977. 559 s.
- Goncharov I. A. Oblomov // Sobranie sochinenij : v 8 t. T. 4. M. : Hudozhestvennaja literatura, 1979. 534 s.
- Logutova M. A. Teoretiko-metodologicheskie osnovanija social'noj kommunikacii : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Kemerovo, 2005. 28 s.
- Marchuk Ju. N. Informacionnye tehnologii v lingvistike: Komp'juternaja lingvistika. Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2015. 131 s.
- Maslennikova E. M. Hudozhestvennyj perevod: Novoe o starom. Tver': Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2014. 240 s.
- Pshegusova G. S. Social'naja kommunikacija: Sushhnost', tipologija, sposoby organizacii kommunikativnogo prostranstva : avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk. Rostov-n/D., 2003. 50 s.
- Rarenko M. B. Razgovor po-russki na stranicah romana I. A. Goncharova «Oblomov» // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2019. Vyp. 14 (809). C. 281–292.
- Goncharov I. Oblomov / Translated and with an Introduction by D. Magarshack. L. : Penguin Books. 1954. 485 p.

**В ПОИСКАХ ГЕРОЯ:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ПАМЯТЬ»
В ТВОРЧЕСТВЕ АННЫ АХМАТОВОЙ**

В статье изучается духовный облик «отсутствующего героя» в «Поэме без героя» Анны Ахматовой и его генезис; обусловленность стиля и тона ее творчества внешним императивом истории Отечества и внутренним императивом циклической истории духовного становления; совпадение поворотных пунктов внешнего и внутреннего движения, выводящее личностные переживания на надличностный уровень; очищение тонкого образа лирического певца вечной молодости и силы в испытаниях разлук, утрат, одиночества, богооставленности. Обнаруживается главный «герой» всей жизненной «поэмы-драмы» Анны в национальной русской идее. Открывается смысл «восходящего облака в славе лучей», отмоленного ценой сознательной жертвы.

Ключевые слова: «Поэма без героя»; линейное время; циклическое время; метаморфозы памяти; прием зеркального письма; эволюционный виток истории.

I. B. Smirnova

Lecturer at the Department of Russian and Foreign Literature, MSLU;
e-mail: le21mars@mail.ru

**IN SEARCH OF A HERO:
LINGUO-CULTUROLOGICAL FIELD
OF “MEMORY” IN ANNA AKHMATOV’S WORKS**

The article examines the spiritual image of the “missing hero” in Anna Akhmatov’s “Poem Without a Hero” and its genesis. The style and the mode of her work are conditioned by the imperative of the linear history of the Fatherland and by the cyclical development of the inner force. The coincidence of the turning points of the linear and cyclic movement brings personal experiences to the transpersonal level. Purification of the lyrical singer of eternal youth and strength takes place in the trials of separation, loss, loneliness, abandonment by God. The main “hero” of the whole “poem” of Anna’s life correlates with the national Russian idea. The rising “cloud in the rays of glory” of Russian culture of the 19th century is received at the cost of conscious sacrifice.

Key words: “Poem without Hero”; linear time; cyclic time; memory metamorphosis; method of reflected painting; evolutionary turn of history.

Введение. Постановка проблемы

Триптих «Поэма без героя» (1940–1962) Анны Ахматовой посвящен ею первым слушателям – друзьям и согражданам, погибшим в Ленинграде во время блокады. Так она прославила и увековечила память борцов, оказавшихся в западне 1941–1944 гг., побуждая потомков поддерживать в душе «вечный огонь» во славу национальной русской идеи. Эта идея, однако, в современном нам мире открывается одновременно как «интернациональная», а именно – в русской миссии миротворчества и просвещения от древнего значения корня РУС «свет» / «дух». Поскольку Анна Андреевна, взявшая татарский псевдоним Ахматова (арабск. *Ахмат* – *кто благодарит Бога*), является всё же и прежде всего русским поэтом, то лингвокультурологическое поле «память» поэмы – любопытно для нас как память, связанная с русским языком и русской речью, в первую очередь, отсылающая к духовным истокам народа и цивилизации. В предуведомлении 1944 г. поэтесса утверждает, что пояснять недопонятое читателем она не берется. Не исключено, что предупреждение появилось в тексте в ответ на неуклюжие домыслы литературных критиков. На феномен «реакций» поэмы на читателя особое внимание обратили, в частности, Л. Чуковская и А. Найман [Чуковская 2007, т. 2, с. 67; Найман 2008, с. 187–188]. Всякий читатель-аналитик желает домыслить что-то за автора и рискует «вчитать» нежелательные смыслы в текст. Мы же лишь пытаемся обрисовать духовный облик искомого ею «героя», ради которого затевалась «Поэма...»¹. Тем более актуальной представляется задача, что в самой Анне – в ее внешнем облике и «поющей» сущности – Серебряный век видит свою ГЕРОИНЮ. Вот доказательства: среди поэтов Серебряного века Ахматова имеет наиболее богатую прижизненную портретную иконографию; область словесного портретирования поэта – наряду с написанным в 1913 г. словесным автопортретом – представлена следующими именами современников поэтессы: Н. Гумилев, О. Мандельштам, А. Блок, И. Бунин, Е. Данько, Н. Павлович, В. Рождественский, И. Бродский. В эмиграции о ней писали К. Мочульский, Г. Струве, Саша Черный, Г. Адамович, В. Ходасевич, Л. Страховский (Чацкий) и др. [Коваленко 2001, с. 47]. Музыкальные произведения на ее мотивы писали С. Прокофьев,

¹ Мы полагаем, быть уверенными в том, что нет же в мире произведения без посвящения, явного или тайного. Всякое высказывание так или иначе кому-нибудь предназначается, буквально или метафорически.

С. Слонимский, Б. Целковников и др. [Ситалова, 2016, с. 28]. О количестве мемуаров замечено следующее: «Современники очень рано осознали масштаб ее личности, ее место в истории русской литературы. А потому фиксировали все, что было с ней связано» [Жак 2008, с. 75]. Среди мемуаристов-исследователей упоминаются имена В. Дувакина, М. Бахтина, В. Василенко, Л. Чуковской, А. Наймана [там же, с. 79]. Если же Анну Ахматову по количеству художественных свидетельств мы по праву можем считать героиней века, то и «Поэму без героя» в ее творчестве принято считать «центральным произведением» [Я не такой тебя когда-то знала... 2009, с. 123]. Безусловно, «“Поэма без героя” синтезирует в своей структуре исторический, мифологический и культурно-художественный опыт» [Миллионщикова 2010, с. 189]. Многослойность памяти, многообразие художественных форм, в которые она отливается в слове и «параллельных мирах» искусства, создают органную полифонию: «Тысячи голосов и тем, расположенных на разной глубине текста ... создают неповторимую комбинацию звучания» [Меньщикова, 2012, с. 171–172]. Закономерно задаться вопросом, кто же был «главным героем», остающимся «за кадром». Лингвокультурологическое поле ПАМЯТЬ в творчестве Анны Ахматовой, выявляющее ее намерение разыскать «героя» и также «спектр» тонов его портрета, специально исследовано еще не было. При выстраивании рядов поэтических ассоциаций по силовым линиям памяти поэта, *История* невольно принимает изначальный облик *Мифа*, а *Культура* неизбежно возвращается в состояние «пред», т. е. «Протокультуры», где ВЕЛИКОЕ РУССКОЕ СЛОВО вновь обретает взаимосообразность формы и сути. Предмет и объект рассмотрения в нашем исследовании проникают друг в друга: ПАМЯТЬ собирает из отдельных фрагментов облик ГЕРОЯ, а контуры ЕГО, в свою очередь, выявляют особенности личностного, гражданского и сверхличностного содержания накопленного ОПЫТА.

ПЕРВЫЕ СТРОКИ «Поэмы...» и ПЕРВЫЕ СБОРНИКИ

Воспоминания о дореволюционной бытности, встающие через годы испытаний, обретают в трех посвящениях плоть посредством мрачной палитры траурных ассоциаций: мифологических (Антиной, Лета), музыкальных (Шопен), сенсорных (хвоя могильная, тающий на руке снег). За обширным «полем брани» зрелой жизни, разорившим гармонию «живой природы» юности, проступает полоска

первозданного ландшафта надежд и устремлений к идеалу, такому, каким он рисовался вначале. «Черно-белое» (Второе посвящение) отсылает к идее документальности поэмы, к достоверности тех событий, которые образуют коридор памяти, уходящий и уводящий из настоящих двадцати двух лет создания поэмы к первоначалу земной судьбы. Строка *«Не диктуй мне, сама я слышу...»* (Второе посвящение) отсылает к идее внутреннего слуха – устремленности к проникновению в смыслы давно минувших событий и в связь их с тем, что имеется в настоящем. Отказ от «подсказок» – аллюзия на то, что единой универсальной истины нет даже для двоих – каждый создает и актуализирует своей внутренней работой те смыслы и взаимосвязи восприятий, которые ведут его по жизненной дороге. В данном случае в «Поэме без героя», мы имеем дело с попыткой автора написать гимн самой ПАМЯТИ, произвольно создающей нейронные сети и комплексное вневременное сознание личности. Идея «совместной заслуги» (Третье и последнее посвящение) отсылает к архетипической памяти самих основ бытия: созидательной работе двух Начал – Мужского и Женского, из которых ни Одно без Другого не может быть наполнено смыслом.

Крайне сложно обозреть всё поле ПАМЯТИ, отразившееся в «Поэме». До сих пор обнаруживают в ней «еще не учтенные ... пласты мировой культуры», воплощение образов воспринимают как «четырёхмерное»: литературные рецепции коррелируют с театральными, музыкальными, живописными и архитектурными аналогами [Меньщикова 2012]. По признанию самой Анны Ахматовой, «она [Поэма без героя] ... с помощью скрытой в ней музыки дважды уходила ... в балет» [Записные книжки А. Ахматовой, 1996, с. 137]. Среди уже учтенных «слоев» выделяют шекспировский, байроновский, уайльдовский, гофмановский. Кроме того, художественное пространство поэмы расширяется за счет цитат и образов из творчества русских классиков А. Пушкина, Н. Гоголя, Ф. Достоевского [Рябинкина 2018, с. 160]. Одной из главных особенностей художественного пространства «Поэмы без героя» называют «эффект матрешки» [Хомяков 2013, с. 58], т. е. «пространств в пространствах». О количестве и многообразном составе участников полемики эмиграции с Анной говорится: «Писатели, критики, философы, литературоведы оказались вовлеченными в спор об иерархии ценностей, таких как родина, национальный язык, свобода выбора ... система

христианских религиозных постулатов – смирение, жертва, искупление» [Коваленко 2014, с. 48].

Сквозь раннюю лирику Анны Ахматовой не раз проходит тема встречи Нового года: *«Новогодний праздник длится пышно, Влажны стебли новогодних роз...»* (1914 «После ветра и мороза было...»); *«О нем я гадала в канун Крещения...»* (1911, «Высоко в небе облачко серело»). Идея совместного празднования Нового года, который в славянской культуре XX в. астрономически расположен между Зимним Солнцестоянием (бывшим Первым рождением Коляды Ведической Руси у родителей Золотой Майи и Крышня) и католической Эпифанией, или православным Богоявлением (бывшим Вторым рождением Коляды Ведической Руси у приемных родителей Хорса и Зари-Зареницы), отсылает к ВОСПОМИНАНИЮ о «Родительской Семеюшке» – первобогах любого национального пантеона, и, в частности, славяно-арийского. Совместное «причащение» новогодним вином также отсылает к инстинктивной памяти о таинстве продолжения Рода, которая здесь мифологически подкрепляется сошествием в земное тело Вышня, Крышня, Коляды, Христа ... (Речь идет о Рождестве). Упоминание о Двадцатом Веке с большой буквы звучит как благодарность поэта за рождение в такую эпоху, когда просто нельзя не стать Героем, если только стремишься сохранить человеческое достоинство. Всех загадок эта отсылка еще не открывает ни для памяти, ни для ума, еще не становится сколько-нибудь понятно, КТО он – партнер, напарник и союзник «по заслуге»: «жених» (образ венчальных свеч), но не «муж» (*«Не станет мне милым мужем»*); случайный гость (приняла случайно), воплощающий НЕ СЛУЧАЙНО Гения Равноденствия (*«войдет за Чаконой Баха»*).

Немногословное «Вступление» отсылает нас к идее повторной попытки прощания со своей юностью и одновременно с былой Россией. Почему попытки? – Потому что даже *«под темные своды»* (Вступление) зрелости – возрастной и гражданской – вносит она свое прошлое в качестве не просто мимохожего воспоминания, но в качестве способа восприятия настоящего, как бы хронологически меняя местами события и точку зрения на них.

«Темные своды» обычно интерпретируются как: 1. Ситуация воздушной тревоги, вынудившая Анну спуститься в бомбоубежище. 2. Как своды ПАМЯТИ. Эта последняя интерпретация выводится из обобщения

Л. Чуковской: «В поэзии Анны Ахматовой память постоянно уподобляется чему-то запертому: терему, подвалу, погребу, закромам, ларцу, укладке, шкатулке» [Чуковская Л. Прив. по: Меньшикова 2012, с. 170].

Часть первую «Девятьсот тринадцатый год» предваряет зловещий итальянский эпитаф из «Дон-Жуана». Первую же главу Первой части вновь предваряют эпитафы к святочным гаданиям (из «Онегина») и вновь к продолжительной зимней встрече Новолетия (из «Четок»), так что сквозь семь предувещаний читатель не без опаски подходит к самому тексту поэмы. Он уже предупрежден решительно и безапелляционно: вместо становления и расцвета завтрашний день заставляет ожидать беды; молодость – как бы помышляя о грядущем веке – пишет: «*Он погибель мне принесет*» [Ахматова 1976, с. 51]¹. Будущее на пороге революции видится Анне как во сне: «*КАК² с башни на всё гляжу*»; «*КАК БУДТО прощаюсь*»; «*КАК БУДТО перекрестилась*»... Вступление звучит как предчувствие и пророчество надвигающейся полосы «черной пашни», понижающей в отношении дореволюционной юности все: и сенсорику «отсутствующего» и «присутствующего» героя (под ТЕМНЫЕ своды схожу), и ощущение реальности происходящего, и веру в возможность отрезать от себя какую-то нежелательную часть своей сущности («*прощаюсь снова с тем, с чем давно простилась*»)... Анна Ахматова использует некий герметический язык, понятный только узкому кругу ее «посвященных» (113 «*Веселиться – так веселиться... одна я из них жива*»): из кого – «мертвых душ» беллетризованных старых знакомых? или духовно перерождающихся, вместе с новым режимом, современников?). На самом деле смысл карнавала двойной, что мы узнаем по ремарке 1963 г. к Главе первой Части первой: «К автору, вместо тех, кого ждали, приходят тени из тринадцатого года под видом ряженных...», сохранившейся и в дальнейших изданиях³. Угадываемая читателем идея «двойного зеркала» юности и зрелости вербализируется с тенденцией самоосуждения и самоприговора: (131 «*Как в прошедшем грядущее зреет, Так в грядущем прошлое тлеет – Страшный праздник мертвой листвы*»).

¹ Зд. и далее в скобках или без скобок дается номер строки по изданию 1976 г.

² Выделение прописными буквами зд. и далее в текстах наше. – И. С.

³ Возможно, здесь сказывается также воспоминание о куклах, изготовляемых О. А. Глебовой-Судейкиной.

«КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ» ГЕРОЯ. На пороге

Лирическое отступление «Гость из будущего» отсылает читателя не к будущему времени в отношении 1940 г., но к архетипу «нового», «лучшего», «господина из прекрасного далека», которому еще, видимо, не настал час вступать в интровертивную реальность, создаваемую психикой рассказчицы, фантазирующей встречу. Она сама, видимо, еще не готова к тому, чтобы ее Герой сошел в беспощадное физическое бытие, ставящее строго определенные границы как свершению, так и замыслу, в плену времени и телесности. «Лирическое отступление», собственно, и намекает на то, почему поэма в результате прожитой жизни должна все-таки остаться без героя, который *«не появился и проникнуть в ТОТ ЗАЛ не смог»* (138).

«Поэма без героя» могла быть, по основному замыслу, начата не обязательно в Новый год. Почему же однако бал-маскарад литературных героев разыгрывается в праздничном «Белом зале»¹ у стола, накрытого для встречи чего-то Нового? Потому что поэма представляется поиском нового героя, которого пока НЕ МОЖЕТ БЫТЬ. Не может быть потому, что узки то ли границы изживаемого, то ли способности проникновения в смысл повторения подобных друг другу встреч из прошлого, то ли рамки СОЗНАНИЯ, не готового представить нам того желаемого «единства в многообразии», к которому стремится душа. Поэма дописана в 1962 г., это означает, что она вбирает в себя большую часть опыта самопостижения: эпохи, автора, изобретенного ею «зеркального письма» (Часть вторая. Решка. 15), призванного показывать прошлое и будущее во взаимном отражении. Прием «зеркальных отражений», который автор избирает как единственно верный для воплощения замысла (575 «И другой мне дороги нету»), представляется здесь вынужденной мерой при попытке взглянуть на себя чужим «остраненным» взором, чтобы переоценить свою идею о себе. А единственным прибором остраненного рассматривания себя и других в зеркалах «Белого зала» и является ПАМЯТЬ автора-рассказчицы своих полуночных видений.

Если мы обратим внимание на колорит видений Анны, заметим дьявольскую подмену естественной веры юности – в свет, солнце,

---

¹ ...В дело вмешался сам Фонтанный Дом <...>. Белый зеркальный зал – через площадку, где пела сама Параша для Павла I <...> [Ахматова. Цит. по: Меньшикова 2012, с. 170].

весну, жизнь и бессмертную любовь – искусственным культом смерти, заставляющим поклониться страданию. Зоркий взгляд внимательного читателя проводит ряд параллелей, ассоциируя интуитивно все светлое в ахматовской поэзии с состоянием ДО, а все мрачное – с состоянием ПОСЛЕ. Самый первый диахронический буквальный способ понимания этого излома, резкая перемена сенсорики человека при переходе от юности к зрелости, углубляется пониманием излома на синхроническом аллегорическом уровне как перемены образного строя памяти: смены позитивной проекции в будущее на ответную негативную проекцию в прошлое. Третий же, или анагогический, способ понимания поворота духовно-исторических путей России в точке бифуркации пугает своей головокружительной ретроспективой. Смысловая структура поэмы распадается на «ДА» и «НЕТ» именно на стыке растущей и стареющей фазы эволюционного цикла культуры: исторического и духовного. Подчеркиваемая в исследованиях Н. И. Крайневой и Ю. В. Платоновой открытость смыслов «Поэмы без героя» и разнородность ее структуры, позволяющей самой Анне бесконечно пересматривать и переписывать отдельные ее фрагменты, дают читателю свободу по-разному переосмысливать частности [Крайнева 2008; Платонова URL]. Однако, что до архитектоники поэмы, то смену общей тональности, «порог», отделяющий период подъема от резкого спуска во тьму, подмечают практически все одинаково, и ярче всех В. Франк [Франк 1968], кто видит в «Поэме без героя» эпос, две части которого самоочевидны: «старый мир накануне своей гибели; новый мир накануне и во время войны» [цит. по: Коваленко 2014, с. 53]. СТЫК головы и хвоста змеи-спирали эволюционного цикла перерастает в перекрестную метафору «Эпилога», на которую дается ссылка в иных редакциях поэмы. Гонимая по свету Россия оторвана насильно от родных корней, а вместе с ними некогда – от таинства собственного языка:

От того, что сделалось прахом
Не сраженная бледным страхом
И отмщения зная срок,
Опустивши глаза сухие,
И сжимая уста, Россия
В это время шла на Восток.

И себе же самой навстречу,
Непреклонно в грозную сечу,
КАК ИЗ ЗЕРКАЛА наяву,
Ураганом с Урала, с Алтая
Долгу верная, молодая
Шла Россия спасать Москву.

[Ахматова 1974]

Революция, война, режим репрессивной расправы с передовыми представителями науки и культуры¹ – подобно естественным лишениям тела, связанным с болезнью, старостью и физической смертью, всё грубее перерывают последнюю «ниточку» памяти о той былой весне древнерусской ведической культуры, о которой теперь еще не принято говорить вслух. Скрепленное надежными скрепами русской руницы, славное славяно-арийское прошлое – хотя еще не конкретно актуализируется под пером автора поэмы как возможность нового победоносного расцвета сил добра, но уже в нотах прославления «верности долгу» спасения столицы, России и РУССКОГО СЛОВА, вырывается из-под власти тотального исторического забвения. Ведь уже при Анне в середине XX в., в годы создания «Поэмы», рождаются на свет новые подвижники борцы за возвращение русской культуре ее былого универсального, а не этнического, статуса. Уже восстанавливают по штрихам «черт и резов» сакральный силлабарий палеолитической давности, уже толкуют в свете ведического мировоззрения искаженные в фольклоре древнерусские сказы, пополняя и разъясняя их смыслы из опыта собственного «внутреннего путешествия» [Левашов 2014].

Нельзя не увериться в оправдании самой неистойвой жертвы русской Музы XX в., как в том, что «Молитва» ее не только была услышана, но превосходит в своем исполнении все ожидания русского народа малого исторического времени, у выхода в большое историческое время, и, наконец, во Всемирное циклическое [Бондарев 2011]:

Дай мне горькие годы недуга,	Так молюсь за Твоей литургией
Задыханья, бессонницу, жар,	После стольких томительных дней,
Отыми и ребенка, и друга,	Чтобы туча над тёмной Россией
И таинственный песенный дар –	Стала облаком в славе лучей.

Май 1915. Духов день.
Петербург

ДУХОВНАЯ ТРАНСФОРМА через ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕБЕ

После 1913 г. постепенно, в приближении к «повороту» русской истории, все субъективное начинает в творчестве великой поэтессы преодолеваться объективным; всё личное и частное начинает

---

¹ Только за 1918–1922 гг. были уничтожены десятки миллионов русских людей [Медиков, Логинов 2018, с. 40].

переживаться как отзвук и отблеск всеобщей судьбы: судьбы человека как гражданина России, человека как смертного, человека как раба обстоятельств (человека от «челядь», в отличие от господина «ладо/ лада» от «люди»). К двадцати семи годам, пережив около двадцати пяти лет некую первую «старость», она сублимирует «девичью» «короткую» память в «женскую» народную, беспредельную:

Из памяти, как груз отныне лишней,   Ей – опустевшей – приказал Всевышний
Исчезли тени песен и страстей.   Стать страшной книгой грозových вестей.

Памяти 19 июля 1914 (1916)

В те же двадцать семь или двадцать восемь лет Анна Андреевна окончательно между благополучием и борьбой за сохранение и возрождение России делает выбор в пользу Родины:

Мне голос был. Он звал утешно.   Я новым именем покрою
Он говорил: «Иди сюда,   Боль поражений и обид».
Оставь свой край глухой и грешный.   Но равнодушно и спокойно
Оставь Россию навсегда.   Руками я замкнула слух,
Я кровь от рук твоих отмою,   Чтоб этой речью недостойной
Из сердца выну черный стыд,   Не осквернился скорбный слух.

Осень 1917, Петербург

Понимая, что исхода нет и не будет в бесконечном поиске граней единого идеала, в любви к которым изживаются также определенные грани самости, она начинает превосходить свои личные желания и страдания – ощущением и осознанием потребности стать выразительницей духа своего языка и культуры, зовущего к забытому живому истоку изломанной истории. В горчайший час войны она вспоминает о слове как наивернейшем средстве спасения культуры:

Мы знаем, что ныне лежит на весах   И мы сохраним тебя, русская речь,
И что совершается ныне.   ВЕЛИКОЕ РУССКОЕ СЛОВО.
Час мужества пробил на наших часах,   Свободным и чистым тебя пронесем,
И мужество нас не покинет.   И внукам дадим, и
Не страшно под пулями мертвыми   от плена спасем
лечь,   Навеки!
Не горько остаться без крова, –   Мужество (1942)

На «ты» обращается она в Эпilogue «Поэмы без героя» к своему любимому разоренному и разрушенному городу: без упрека в слабости, а с бесконечным состраданием к его «бледности», к протянутой

кленом «руке». В ее одиночестве, в ее вынужденном «диалоге» с эхом, живущим в ленинградских развалинах 1942 г., в отсутствии избранного «героя» ее «Поэмы» мы – из рассветного XXI в.¹ – готовы обвинить теперь уже не ужасы войны, не политические подмены переломных моментов истории, а более глубокие причины неурядицы: еще более раннюю уступку Рассении грубой силе, повлекшую за собой утрату всех таинств ведославного культа.

Как ни удивительно, но именно «ноль часов, ноль, ноль минут», т. е. наш нынешний традиционный миг встречи всего «Нового» (Рождества, Пасхи, Года) считается в суточном цикле самым опасным, с точки зрения возможного проникновения, просачивания в Явь дьявольской Нави. Граница между мирами становится так зыбка, что жизнеутверждающая воля бодрствующего человека начинает подвергаться опасности быть зараженной сомнением, печалью, забвением долга, отменой генетических способностей, согласием на небытие. Старинные древнерусские культы отправлялись когда-то в век ведический не в полночь, а после восхода солнца до полудня. Быть может, оттого именно в самый торжественный миг года приходят на страницы «Поэмы без героя» (следует читать «Сознания без Господина») незванные, неожиданные инфернальные гости:

Этот Фаустом, тот Дон Жуаном,	...
Дапертутто, Иоканааном,	Однако
Самый скромный –	Я надеюсь, Владыку Мрака
северным Гланом,	Вы не смели сюда ввести?
Иль убийцею Дорианом,	Маска это, череп, лицо ли –
И все шепчут своим дианам	Выражение скорбной боли,
Твердо выученный урок.	Что лишь Гойя смел передать.
А для них расступились стены,	Общий баловень и насмешник –
Вспыхнул свет, завyli сирены,	Перед ним самый смрадный грешник
И как купол вспух потолок.	Воплощенная благодать...

Глава первая

Декадентский характер ахматовского слога несет в себе диссонансы русского века войн и революций. Поэтому лишь напряжению своей собственной ПАМЯТИ вменяет в обязанность наша громко-голосая Муза ВЕРНУТЬ в поэму утраченного «героя», который вне культурно-исторического контекста обречен будет скитаться где-то

¹ Имеем в виду 2012 г., который астрономы и астрологи указывают как Год окончания Ночи Сварога.

во тьме затяжной «Ночи Сварога»: без собеседника, без критика, без слушателя и читателя. Да и «поэма» (женского рода в русском языке) не обойдется без заглавного «героя» (мужского рода), ибо в ней наступает «Путаница» (здесь Анна Андреевна вводит аллюзию на главную роль одноименной комедии Ю. Беляева, сыгранную Ольгой Судейкиной). Редактор (Части второй) заявляет недаром: «Там три темы сразу!» (строка 500)... Название поэмы «Без героя» пришло к автору не случайно. В Ташкенте, в эвакуации она общается со своей идеей «отсутствия героя» при сочинении «Еще одного лирического отступления»:

...До середины мне видна	И окна заперты от зноя
Моя поэма. В ней прохладно,	И где пока что нет героя,
Как в доме, где душистый мрак	Но кровлю кровью залил мак...

1943

ИНВОЛЮЦИЯ ЛИРИЧЕСКОЙ ГЕРОИНИ в сторону БЕДЫ И ГОРЯ

Прослеживая общую эволюцию художественного строя лирики Анны Ахматовой, мы констатируем тот же эффект коварной подмены духа веры духом отчаявшегося безверия. Литературовед и писатель Д. Быков в передаче из цикла «100 лекций», посвященной разбору первого стихотворного сборника Анны «Вечер», подмечает, что уже в своих ранних стихотворных опытах Анна способна легко менять наряды и маски. Ту же идею поддерживает Т. А. Яковлева в работе о ранней лирике поэтессы: «Необходимо выделить ... ипостаси героини, дающие имена: невеста – жена, язычница, русалка, грешница ... – монашенка <...>. Ахматова создает свой особый – мозаичный – миф, элементы которого суть инварианты собственного имени поэта, оно же утверждается в качестве основного и законно функционирующего в поздней лирике» [Яковлева 2004, с. 18]. Мы замечаем, как с юности она примеряет на себя самые яркие ситуации, которых сама никогда еще не переживала. По направлению к годам зрелости мы видим, как юношеская замороженность тайной смерти трансформируется в черную поэтику безверия, против которой лишь с 1956 г. – года счастливого перелома судьбы ее сына – восстает возмущенная и угнетенная отчаянием сущность, или, по Р. Штайнеру, «духо-душа»¹. Акмеизм

¹ Термин Р. Штайнера из работы «Духоведение» 1914 г., употреблен здесь, скорее, метафорически, так уж он резонирует с «веком» и «обликом» Анны Ахматовой.

с самого начала и по определению допускает игру, а игра, в свою очередь, преклоняется перед случайностью, делая из игрока постепенно игрушку. «*А теперь я игрушечной стала*» (1911): невинные строки становятся пророчеством будущей послушницы «горя» и «беды» более зрелого периода жизни и творчества.

Такие реалии как «тоска» и «рана» – частый и даже преобладающий в лирике исход любовного размышления юной поэтессы. «Герой» – которого впоследствии она не найдет вочеловеченным в своей «Поэме жизни» – начинает исчезать уже в опытах первого ее поэтического сборника: умирает и «сероглазый» король («Сероглазый король» 1910), и «зеленоглазый» царевич («У самого моря» 1914). Словно Анна не ждет от жизни никакого добра. Или это сам Серебряный век, век ночного холодного лунного света, навеивает темный дух обстояния? Собственная душа кажется Анне уже заранее «вдовствующей»: «*Тяжела ты, любовная память*» (1914), «*Мне даже легче стало без любви*» (1912).

В сборнике «Белая стая» (1917) «за кадром» появляется новая невидимая фигура, альтернативная невидимым героям первых двух сборников. Новое переживание выдает себя удвоением смыслов: «*Я очень спокойная. Только не надо Со мною о нем говорить*» («Чернеет дорога» 1914); «*Подошла. Я волненья не выдал...*» (1914).

В сборнике «Подорожник» (1921) краски переживаний сгущаются. То, что лирическая героиня Анны предчувствовала в ранней юности, беспощадно сбывается. За ее зрелыми строками видится то покорно идущая в расставленные силки фигура и согласительный кивок в ответ на предложение пострадать (см. А), то порой и полное безвольное принятие бесчеловечной реальности, с отказом от собственного рассудка (см. В). Трудно однозначно определить, дар ли прозорливости возвестил ей о будущем тяжелом жизненном пути и ноше, разделенной со своим народом (см. С), либо мощь ее «декадентствующей» неженственной воли накладывает мрачный отпечаток на отбор и организацию обстоятельств личной жизни (см. D).

Имеется также и таинственно-объективная причина сложной судьбы Анны Ахматовой. Рассматривая в главе «Читаем руны Мары» проблему древнеславянской цифири, академик В. А. Чудинов отмечает: «Согласно этому разделу эзотерического знания, числа могут быть счастливыми и несчастливыми. Счастливые числа – это числа нечетные, и лучше всего простые. Несчастливые – числа четные, а тем более, дважды четные.

... Поэтому, если приписать каждой букве алфавита некоторое числовое значение (цифирь) всё слово будет либо счастливым, либо несчастливым. Так, например, женское имя АННА будет заведомо несчастливым при любом конкретном числовом значении букв А и Н, поскольку эти буквы в имени удваиваются [Чудинов 2006, с. 192].

А:

А надо мной спокойный и двурогий
Стоит свидетель... о, туда, туда,

По древней подкапризовой дороге,
Где лебеди и МЕРТВАЯ ВОДА...
Одни глядятся в ласковые взоры...

1935

...Когда спускаюсь с фонарем в подвал,
Мне кажется – опять глухой обвал
Уже по узкой лестнице грохочет

Чадит фонарь, вернуться не могу,
Я знаю, что иду ТУДА, К ВРАГУ...

Подвал памяти (1940)

В:

Не дышали мы сонными маками,
И своей мы не знаем вины.
Под какими же звездными знаками
Мы НА ГОРЕ СЕБЕ рождены?

И какое крошечное варево
Поднесла нам январская тьма?
И какое незримое зарево
Нас до света сводило с ума?

1946

Я пью за разоренный дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоем,
И за тебя я пью, –

За ложь меня предавших губ,
За мертвый холод глаз,
За то, что мир жесток и груб,
За то, что БОГ НЕ СПАС.

Последний тост (1934)

С:

Осторожно подступает,
Как журчание воды,

К уху жарко приникает
Черный шепоток БЕДЫ...

От тебя я сердце скрыла (1936)

Один идет прямым путем,
Другой идет по кругу
И ждет возврата в отчий дом,
Ждет прежнюю подругу.

А я иду – за мной БЕДА,
Не прямо и не косо,
А в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса.

1940

Д:

Татарское, дремучее,
Пришло из никуда,

К любой беде липучее,
Само оно – БЕДА.

Имя (1962)

Была над нами, как звезда над морем,
Ища лучом девятый смертный вал.

Ты называл ее БЕДОЙ И ГОРЕМ,
А радостью ни разу не назвал...

И последнее (1963)

Наиболее ярким примером «погружения во тьму» является стихотворение «Три осени», где показаны три уровня восприятия мрачного сезона: в духе, в душе и в теле (1943).

Последнее десятилетие: ПОДЪЕМ ИЗ ПРОПАСТИ ОТЧАЯНИЯ

Наконец, в текстах 1956 и 1957 гг. виден момент просветления, т. е. «на экране» сознания появляется именно бессмертный «герой». 1956 г. – год возвращения из заключения сына Льва. Словно «сон» (созвучное с «сын»), воспринимает Анна счастливое событие; слово «сюда» прочитывается как «в 1956-й год»:

Сюда принесла я блаженную память
Последней невестречи с ТОБОЙ –

Холодное, чистое, легкое пламя
ПОБЕДЫ МОЕЙ НАД СУДЬБОЙ.

Сон (1956)

В ахматовской поэтике появляется «Феникс»: орнитоморфный символ бессмертной сущности:

Забудут? – вот чем удивили!
Меня забывали не раз,
Сто раз я лежала в могиле,
Где, может быть, я и сейчас.

А Муза и глохла, и слеpla,
В земле истлевала зерном,
Чтоб после, как ФЕНИКС из пепла,
В эфире восстать голубом.

Из «Не вошедших в общее
собрание» (1957)

Наряду с Фениксом еще одним символом перерождения в бессмертие предстает в поэтическом языке Анны Ахматовой «Роза»:

Мне с Морозовою класть поклоны,
С падчерицей Ирода плясать,
С дымом улетать с костра Дидоны,
Чтобы с Жанной на костер опять.

Господи! Ты видишь, я устала
Воскресать, и умирать, и жить.
Все возьми, но этой РОЗЫ алой
Дай мне свежесть снова ощутить.

Последняя роза (1962)

Заключение. Силуэты ГЕРОИНИ и ее ГЕРОЯ

«Подбирая слова» для посвящения Анне Ахматовой, Борис Пастернак 6 марта 1929 г. через описание ранней весны подходит к парадоксальному сочетанию двух красок: «Ночная даль под взглядом белой ночи. – Таким я вижу облик ваш и взгляд». В портрете присутствует «ночное» настроение, вместе с тем «серебряный» свет, что еще раз свидетельствует в пользу единства образов Анны и ее Века. Ну а «героя» ее в «Поэме» нет ПОТОМУ, что В НОЧИ его не видно. Разве только в период «белой ночи» виден рядом с Анной силуэт ее загадочного спутника, который как бы возвращает ее самой себе: от «Ахматовой» – к «Горенко», легко сочетающейся не столько с «горем» (?), сколько с «горением» духа и «горним» пространством мироздания. Чей это силуэт? Он многосоставен. Подробное изучение лингвокультурологического поля «памяти» в творчестве Анны Ахматовой выявило осознанный и бессознательный поиск ею «героя» жизненной поэмы-драмы: в прошлом, настоящем и будущем; в собственной сущности, или духо-душе, в ее идеале и избраннике, в национальной русской идее. Таковую идею в связи с открытиями славистов XXI в. стало принято называть «интернациональной русской идеей» (М. Задорнов, к/ф «Потерянная быль» 2012, к/ф «Обретенная быль» 2015). О том, что в наше время в XXI столетии восходит новое «облако в славе лучей» русской культуры, свидетельствует, в частности, Дмитрий Логинов, директор Института богословия Русской Северной Традиции Славянской Всемирной Академии, академик и член президиума СВА: «Наступает Галактический Рассвет» [Медиков, Логинов, 2018, с. 48].

ОБОГАЩЕНИЕ метода исследования НОВООТКРЫТЫМИ смыслами ПАМЯТИ

Наше исследование ПАМЯТИ как ярко очерченного в творчестве А. Ахматовой силового поля между настоящим (на-чем-стою-еще-я) и изжитым (что-прошел-уже-я) опытом, в основном, романной линией

БЕЗ ГЕРОЯ, выявляет нарочитое отрицание «человеческого присутствия» в просторах максимально высвобождаемой фантазии поэта о метаморфозах жизни во времени. Однако сама фантазия при этом, работающая на резерве личностной и генетической ПАМЯТИ, как бы «выталкивая» героя из своего творческого пространства, вновь спонтанно фокусирует его образ как «ключевой»: в прошлом (окрашенный гармонией Баха), настоящем (в сыне) и будущем (в ГОСТЕ-из-БУДУЩЕГО). Иначе говоря, настойчиво повторяемая идея ОТСУТСТВИЯ спутника как раз свидетельствует в пользу ПОСТОЯННОГО ПРИСУТСТВИЯ его в ее внутреннем. Память в полном своем объеме и потенциале сходится на его поисках. Неожиданное обнаружение ЕГО в отдельных эмпирических впечатлениях выявляет суть взаимозависимости Мужского и Женского Начал как ЛЮБОВЬ ВДОХНОВЛЯЮЩУЮ, поверх неизбежных обид, печалей и утрат. Роза – выступает всепрощающим символом неистребимой воли к жизни, Феникс (1957) – торжествующим символом самой этой «нераздельной» «недвойственной» жизни, воспаряющей над «кострами инквизиции» личностного самосуда. Метод лингвокультурологического исследования выявил в случае с творчеством А. Ахматовой тождество средства и цели: через тезаурус памяти поэта выходит на философию РОДНОГО СЛОВА и идею его СПАСЕНИЯ и СБЕРЕЖЕНИЯ. Такая идея намекает на его изначально сакральное наполнение, а значит, отсылает к истоку культуры и НАРОДА, на «Остров Солов» [Медиков, Логинов 2018, с. 14]. Подлинная лингвокультурология всегда погружает исследователя в глубь веков, а то и тысячелетий, с целью добраться до заветного «Белоострова» мифолого-исторического ЕДИНСТВА культа и языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахматова А. Избранное / сост. и послесл. Н. Банникова. М. : Художественная литература, 1974. 407 с.
- Бондарев А. П. Большое историческое время диалогической поэтики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. Вып. 22 (628). С. 21–48.
- Жак Е. С. Анна Ахматова в зеркале мемуаристики // Научная мысль Кавказа. 2008. № 1. 140 с.

- Записные книжки Анны Ахматовой. М. : Torino, 1996. 885 с.
- Коваленко С.А. Анна Ахматова. 2014. URL: litresp.ru/chitat/ru/%D0%9A/kovalenko-svetlana-alekseevna/anna-ahmatova
- Коваленко С.А. Ахматова Анна Андреевна (1889–1966) // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940) / глав. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2001. URL: e-library.
- Крайнева Н.И. Источники для изучения творческой истории «Поэмы без героя» Анны Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество : Крымский Ахматовский науч. сб. / сост. и науч. ред. Г.М. Темненко. Симферополь : Крымский архив, 2008. Вып. 6. С. 131–147.
- Левашов Н.В. Сказ о Ясном Соколе. СПб. : Золотой Век, 2014. 184 с.
- Медиков В., Логинов Д. Арий Гиперборейский. Праотец русских родов. М. : Свет, 2018. 96 с.
- Меньщикова А.М. «Поэма без героя» А.Ахматовой: многовариативность текста как структурно-смысловая специфика // Уральский филологический вестник. 2012. № 4. С. 166–174.
- Миллионщикова Т.М. Коваленко С.А. Анна Ахматова / под общ. ред. А. Н. Николюкина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7 : Литературоведение. Реферативный журнал. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2010. № 1. С. 183–193.
- Найман А. Рассказы об Анне Ахматовой. М. : АСТ : Зебра Е, 2008. 302 с.
- Рябинкина А.А. «Петербургский текст» в поэме А.А. Ахматовой «Поэма без героя» // Вестник МарГУ. Йошкар-Ола : Изд-во Марийского государственного университета. 2018. № 2 (30). 179 с. URL: elibrary.ru/download/elibrary_35055782_12912423.pdf.
- Ситалова А.Н. Анна Ахматова в контексте живописи и музыки // Aspectus. 2016. URL: readera.ru/aspectus/2016-1-10.
- Франк В. Бег времени // Собр. соч. Анны Ахматовой : в 2 т. Т. 2. Вводная статья. Мюнхен : Международное литературное содружество, 1968. 615 с.
- Хомяков С.А. Хронотоп «Поэмы без героя» А.А. Ахматовой // Проблемы современной науки и образования. 2013. № 4 (18). С. 58–60. URL: cyberleninka.ru/article/n/hronotop-poemy-bez-geroya-a-a-ahmatovoy
- Чудинов В.А. Русские руны. М. : Альва-Первая, 2006. 336 с.
- Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой : в 3 т. Т. 2. 1952–1962. М. : Время, 2007. 910 с. URL: e-libra.ru/read/354649-zapiski-ob-anne-ahmatovoy-1952-1962.html
- Яковлева Т.А. «Анна»: мозаичный миф в ранней лирике А.А. Ахматовой. URL: elibrary.ru/item.asp?id=19684157.

«Я не такой тебя когда-то знала...» Поэма без героя. Проза о поэме. Наброски балетного либретто: материалы к творческой истории. К 120-летию со дня рождения Анны Ахматовой // *Literary Calendar The Books of the Day*. 2009. № 6 (3). 128 с.

REFERENCES

- Ahmatova A.* Izbrannoe / sost. i poslesl. N. Bannikova. M. : Hudozhestvennaja literatura, 1974. 407 s.
- Bondarev A. P.* Bol'shoe istoricheskoe vremja dialogicheskoi pojetiki // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2011. Vyp. 22 (628). S. 21–48.
- Zhak E. S.* Anna Ahmatova v zerkale memuaristiki // *Nauchnaja mysl' Kavkaza*. 2008. № 1. 140 s.
- Zapisnye knizhki Anny Ahmatovoj. M. : Torino, 1996. 885 s.
- Kovalenko S. A.* Anna Ahmatova. 2014. URL: litresp.ru/chitat/ru/%D0%9A/kovalenko-svetlana-alekseevna/anna-ahmatova
- Kovalenko S. A.* Ahmatova Anna Andreevna (1889–1966) // *Literaturnaja jenciklopedija russkogo zarubezh'ja (1918–1940)* / glav. red. i sost. A. N. Nikoljukin. M. : Institut nauchnoj informacii po obshhestvennym naukam RAN, 2001. URL: e-library.
- Krajneva N. I.* Istochniki dlja izuchenija tvorcheskoj istorii «Pojemy bez geroja» Anny Ahmatovoj // *Anna Ahmatova: jepoha, sud'ba, tvorcestvo : Krymskij Ahmatovskij nauch. sb. / sost. i nauch. red. G. M. Temnenko. Simferopol' : Krymskij arhiv*, 2008. Vyp. 6. S. 131–147.
- Levashov N. V.* Skaz o Jasnom Sokole. SPb. : Zolotoj Vek, 2014. 184 s.
- Medikov V., Loginov D.* Arij Giperborejskij. Praotec russkih rodov. M. : Svet, 2018. 96 s.
- Men'shchikova A. M.* «Pojema bez geroja» A. Ahmatovoj: mnogovariativnost' teksta kak strukturno-smyslovaja specifika // *Ural'skij filologicheskij vestnik*. 2012. № 4. S. 171–172.
- Millionshchikova T. M.* Kovalenko S. A. Anna Ahmatova / pod. obshh. red. A. N. Nikoljukina // *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 7 : Literaturovedenie. Referativnyj zhurnal*. M. : Institut nauchnoj informacii po obshhestvennym naukam RAN, 2010. № 1. S. 183–193.
- Najman A.* Rasskazy ob Anne Ahmatovoj. M. : AST : Zebra E, 2008. 302 s.
- Rjabinkina A. A.* «Peterburgskij tekst» v pojeme A. A. Ahmatovoj «Pojema bez geroja» // *Vestnik MarGU. Joshkar-Ola : Izd-vo Marijskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018. № 2 (30). 179 s. URL: elibrary.ru/download/elibrary_35055782_12912423.pdf.

- Sitalova A. N.* Anna Ahmatova v kontekste zhivopisi i muzyki // *Aspectus*. 2016. URL: readera.ru/aspectus/2016-1-10.
- Frank V.* Beg vremeni // *Sobr. soch. Anny Ahmatovoj* : v 2 t. T. 2. Vvodnaja stat'ja. Mjunhen : Mezhdunarodnoe literaturnoe sodruzhestvo, 1968. 615 s.
- Homjakov S. A.* Hronotop «Pojemy bez geroja» A. A. Ahmatovoj // *Problemy sovremennoj nauki i obrazovanija*. 2013. № 4 (18). S. 58–60. URL: cyberleninka.ru/article/n/hronotop-poemy-bez-geroya-a-a-ahmatovoy
- Chudinov V. A.* Russkie runy. M. : Al'va-Pervaja, 2006. 336 s.
- Chukovskaja L.* Zapiski ob Anne Ahmatovoj : v 3 t. T. 2. 1952–1962. M. : Vremja, 2007. 910 s. URL: e-libra.ru/read/354649-zapiski-ob-anne-ahmatovoy-1952-1962.html
- Jakovleva T. A.* «Anna»: mozaichnyj mif v rannej lirike A. A. Ahmatovoj. URL: elibrary.ru/item.asp?id=19684157.
- «Ja ne takoj tebja kogda-to znala...» Pojema bez geroja. Proza o pojeme. Nabroski baletnogo libretto: materialy k tvorcheskoj istorii. K 120-letiju so dnja rozhdenija Anny Ahmatovoj // *Literary Calendar The Books of the Day*. 2009. № 6 (3). 128 s.

КАТЕГОРИЯ ТРАНСЦЕНДЕНТНОСТИ В ПОЭЗИИ

В статье особенности и характеристики категории трансцендентности, изучаемой философией, психологией и отчасти другими, в том числе точными науками, экстраполируются на исследование поэтического языка. Выявляются и описываются параметры, характеризующие категорию трансцендентности в поэзии. Рассматриваются некоторые философские основания, определяющие особенности функционирования поэтической речи. Трансценденция в поэзии рассмотрена на трех уровнях: ментальном (связанном с творческим формированием специфических поэтических образов и представлений), семантико-смысловом (где осуществляется расширение значений конвенциональных языковых единиц), формально-знаковым (на котором наблюдается изменение устоявшихся форм языка в результате словообразовательных процессов). Трансценденция рассматривается как стремление к нарушению традиционных структур и связей в мышлении и языке, но это лишь попытка выйти за известные горизонты, лирика не переходит окончательно в другую ментально-языковую сферу, но продолжает функционировать с использованием традиционного языка, обогащая его вариантами. В поле зрения исследования попадают такие параметры поэтического, как трансграничность, трансрациональность, динамичность, запредельность (беспредельность), неисповедимость (невыразимость), синкретичность, абстрактность. Описывается влияние душевных эмоциональных переживаний на создание живого поэтического слова, воплощающегося в текстах с помощью сложных метафорических знаков-символов. Поэтический текст является результатом диалектического противоречия между абстрактным и конкретным: отвлеченностью философских и образных идей и известными материальными способами воплощения их в языке.

Ключевые слова: поэзия; трансценденция; философия; мышление; языковые знаки.

S. N. Shevchenko

PhD (Philology), Russian State Geological Prospecting University; Laboratory of Psycholinguistics, MSLU; e-mail: floradale@mail.ru

CATEGORY OF TRANSCENDENCE IN POETRY

In the article features and characteristics of the Transcendence category studied by philosophy, psychology and in part by other sciences including the exact sciences are applied to research of poetic language. The parameters characterizing the

category of transcendence in poetry are identified and described. The work reveals some philosophical grounds that determine the functional aspect of poetic speech. Transcendence in poetry is studied on three levels: cognitive (connected with creative formation of specific poetic imageries and representations), semantic (conventional language units expand their meanings), semiotic (related to the changes in codified language signs and forming new derivatives). Transcendence is considered as an effort to imbalance traditional language architecture and internal relations in thought and language. However, this is only an attempt to go beyond certain horizons, poetry does not completely pass to another cognitive-language sphere, it continues using traditional language enriching it with some variants. The following poetic parameters such as transboundary, transrationality, dynamism, beyondness (infinity), inexpressibility (ineffability), syncretism and abstractedness are under review in the study. The work shows the role of emotions in creating the live poetic word embodied in texts with the help of intricate metaphorical signs and symbols. Poetic text is the result of dialectical contradiction between the abstract and the concrete: abstractedness of philosophical concepts and imageries, on the one hand, and habitual material means to render them into language, on the other hand.

Key words: poetry; transcendence; philosophy; thought; language signs.

Введение

Поэтическое мышление присуще человеку имманентно, и было бы не вполне верно считать его принадлежностью исключительно элитарных интеллектуальных групп. Подтверждением того, что поэтическое миропонимание играет существенную роль в жизни человека, являются многочисленные примеры народного поэтического творчества, на протяжении веков обогащавшие культуру мира и литературные традиции языков. Поскольку в свете господствующей антропоцентрической парадигмы языковые явления рассматриваются в тесной связи с изучением ментальных процессов, возникает необходимость обоснования особенностей поэтического творчества и становления поэтического языка с обращением к философии мышления. В качестве одной из ведущих поэтических категорий, выделяемых философией, можно отметить трансцендентность, отражающую наиболее существенные свойства лирики.

Поэтическая трансцендентность как нарушение системности языка

Понимание трансцендентности несколько вариативно в разных науках. Обнаруживаются различные подходы к определению трансцендентного в философских школах и направлениях, существуют хотя и похожие, но в то же время несколько отличные толкования

данного понятия. Сам термин происходит от латинского *transcendens*, что означает *перешагивающий, выходящий за пределы*. В этом плане трансцендентность связана с проявлением внесистемности, со стремлением выйти за границы, очерченные устоявшимися нормами. Трансцендентность в значительной степени присуща поэтическому языку, поскольку он пытается отклониться от кодифицированных традиций официального языка, выделяясь в самостоятельный разряд. Лирика до некоторой степени «перешагивает» нормы обыденного повседневного языка, ее отличают как особая, присущая исключительно ей структура (в частности, преобладание силлабо-тонической организации речи), так и своеобразный лексический состав: широко используются поэтизмы и поэтические формы слов, имеющие выраженные поэтические коннотации; границы семантики лексических единиц в поэзии также часто размыты. А. Ахматова в этой связи писала: «По мне, в стихах все быть должно некстати, / Не так, как у людей».

В то же время поэтический язык не только находится в противоречии с другими разрядами языка, но и в противоречии с самим собой, поскольку его отличает достаточная гибкость и динамизм, это сфера реализации творческой мысли в использовании скрытых возможностей и иногда даже воплощение в языке, на первый взгляд, невозможного через трансцендентное мышление:

O! it is pleasant... to make the shifting clouds be what you please

O! Отрадно ... из наплывающих облаков создавать какие угодно образы» (С. Т. Кольридж)¹.

Вне теории трансцендентности поэтическое мышление можно рассматривать как патологическое отклонение, возникшее из-за экспансии фантазии в познании. Взгляд на мир, лишенный трансцендентности, приводит к пониманию того, что «ограниченность и замкнутость сознания есть условие его “трезвости” и практической годности» [Франк URL]. Лирика же, отмеченная трансцендентностью, наоборот, являет собой ментальную сферу безграничности и всевозможных отклонений от традиций и норм.

Поэтическая трансценденция обнаруживается на трех уровнях. Во-первых, она отмечается на когнитивном довербальном уровне, где осуществляется мышление, «переступающее границы». Здесь можно

---

¹Зд. и далее перевод наш. – С. Ш.

говорить о создании в представлении нетипичных образов (отчасти нереальных, отчасти совершенно фантастических), которые не обнаруживаются в окружающем мире, но являются предметом поэтического воображения:

У лесного аналая
Воробей псалтырь читает;
Галочья стая на крыше
Служит вечерню звезде. (С. Есенин)

В то же время в поэзии используются нетривиальные способы мышления (нерациональные и интуитивные) и их комбинации:

Poetry transforms the abstract to the concrete, the intangible to the tangible; it exalts the inanimate to the animate, the impersonal to the personal [Hudson 1910, с. 37].

Поэзия превращает абстрактное в конкретное, неосозаемое делает осязаемым; она возводит неодушевленное в ранг одушевленного, безличное превращает в личное»:

Ягненок кудрявый – месяц
Гуляет в голубой траве.
В затихшем озере с осокой
Бодаются его рога... (С. Есенин)

Трансцендирование на смысловом уровне сводится к наделению слов новым смыслом, новым значением, чаще всего через развитие окказиональных метафорических значений. «Слово в стихе – это слово из естественного языка, единица лексики, которую можно найти в словаре. Тем не менее оно оказывается не равно самому себе» [Лотман 1996, с. 91]. Особенность семантики слова в поэзии вытекает из его задач:

Every word must be made to do utmost duty as a vehicle of meaning by enlisting the imagination in the amplification of its meaning [Hudson 1910, с. 41].

Каждое слово должно употребляться так, чтобы выполнять свою функцию максимально в качестве средства передачи мысли; прибегая к возможностям воображения, оно расширяет значение.

В поэзии можно говорить о нарушении устоявшейся системы связей знаковых форм и связанных значений, приводящем к указанному расширению. Например, в поэтическом языке *бриллианты* могут означать

капли росы, зеркало – тихую гладь прозрачного озера, светлячки – звезды на небе, хрусталь – чистую родниковую воду. Более того, «поэтический мир имеет ... не только свой список слов, но и свою систему синонимов и антонимов ... Напротив того, одно и то же слово может ... даже оказываться собственным антонимом» [Лотман 1996, с. 92]. Так, *смерть* в стихотворении У.К.Брайанта *Journey of life* (*Дорога жизни*) употребляется как синоним жизни: земное существование человека подобно путешествию в темноте и неизвестности ночи, а с наступлением дня (смерти) всё оживает и становится ясным для взора. С точки зрения земного существования для поэта *ночь – это жизнь*, а *день – это смерть*, и *смерть же – это жизнь* (новая). Парадоксально, но в поэтической традиции чаще обнаруживается обратная референция: *день* используется как метафора для обозначения *жизни*, а *ночь* – для обозначения *смерти*.

Трансценденция на формально-структурном уровне проявляется в отклонении от прозаической конструкции изложения в сторону стихотворной и в использовании специфических поэтических слов и форм. Однако гибкость и трансцендентность поэтического языка приводит к частым нарушениям самих же поэтических норм и традиций: наблюдается обратное движение к прозаическому изложению через обращение к свободным размерам, белому и вольному стихам. Высокая интенсивность словообразовательных процессов приводит к появлению авторских окказионализмов. В творчестве Т.Харди обнаруживаются, например, такие некодифицированные формы, как: *showance* (*show*); why *unblossoms* (*withers*) the best hope ever sown?; we *ondrew* (*came nearer*); all *smalling* (*getting smaller*) slowly to the gray sea line; were *enmassed* (*made more numerous*) to meet the Foemen; *sorrily* (*with a pity*); *many-yearred* (*old*). Поэтическое трансцендирование связано с образованием новых слов по существующим в языке словообразовательным моделям. В русском языке, например, у С. Есенина можно найти следующие неконвенциональные единицы: *облак*, как *мышь*; *капусту волноватую*; *крутосклон*; *выбель* – снег; *шумоту*; *алости зари*; *перелесицы*; нехарактерные глаголы: *узорит*; *хвойной позолотой взвенивает лес*; *зарюй* и *полднюй* у куста. Интересна обнаруживаемая смена рода: *облако* – *облак*, данная трансформация имеет смысловую цель – превратить неодушевленный предмет в одушевленный, избавиться от «оно».

Трансцендирование в поэзии, нарушающее статичность традиционного языка, отличается высокий внутренний динамизм и дерзость

мысли, которые позволяют выйти за границы обыденного и привычного. Однако смелость дерзать, смелость сделать шаг, вырваться из сковывающей системы дается человеку нелегко: «У того, кто впервые заглядывает в раскрывшуюся перед ним бездну, кружится голова <...>. От этого головокружения свобода валится на землю» [Гарин 1992, с. 159]. Тем не менее без смелости дерзновения невозможно выйти за горизонт определяемого. Законы, традиции, правила языка устанавливают границы, которыми замыкается пространство мысли и языка, но смелость дерзновения способна их разорвать, в результате человек выходит за пределы ведомого, возможного, он прорывается в мир иной, бесконечный, безграничный, мир осуществления невозможного. Смелость дерзать – способность, определяемая иррационально. Основа ее – «...стихия безумия ... как субстрат всякого живого сознания» [Франк 1997, с. 108]. Человеку, неспособному на безумство, трудно выйти за рамки мира рационального в мир существования невозможностей, так как невозможность существует лишь как поступок, как ирреальное и алогичное. Невозможность нельзя определить, предсказать, рассчитать; она не поддается контролю и не уживается в сложившейся языковой системе мировидения. Поэтическое творчество человека – это жизнь в стихии трансграничного, трансрационального, трансцендентного, это постоянное безумство, свободный полет в мире, где снимаются ограничения, полет в никуда, без видимой конечной цели. Поэты сами подтверждают эту мысль в своих строчках:

И мнилось мне, что *я лечу без крыл* (А. К. Толстой).

И как будто не в воображении –
В яви через зной и лютость зим,
Позабыв земное притяжение,
Я стремглав бегу навстречу к ним (звездам)...
я готов до звезд пешком идти (В. И. Красов).

Основу поэтической трансцендентности, как проявление духовной жизни, определяет «...бесцельность и беспричинность Божественного. Стремиться не зная куда; страстно желать – может быть, пустоты; ... бороться и сопротивляться ... ради самого процесса борьбы и страдания» [Лосев 1995, с. 480]:

И думал я, в померкший глядя свод:
Куда меня так манит и влечет? (А. К. Толстой).

Suppose... a white little Horse of Magic /
Came cantering out of the sky, /
With bridle of silver, and into the saddle I mounted, /
To fly – and to fly

Вообрази... белый волшебный жеребенок
Прискакал галопом с неба
С серебряной уздечкой, я оседлал его
Чтобы лететь и лететь (У. Д. Де Ла Мар).

Таким образом, трансценденция в поэзии связана с размытием границ, в которых существует язык и мышление, с отклонением от норм и традиций (как общеязыковых, так и поэтических), с динамичностью мысли, творческой смелостью в развертывании представлений и их нетривиальном изложении.

Трансцендентность поэтической картины мира

В традициях схоластической и идеалистической философии под трансцендентным понималось всё то, что лежит за пределами чувственного опыта, не выводится из эмпирического познания, противостоит рациональному осознанию. Трансцендентное указывает на некоторую нетипичность, необычность, отход от практического понимания мира, противопоставляется понятному укладу и привычному восприятию бытия. В этом плане поэтическая картина мира является трансцендентной по отношению к наивной и научной. Цель поэтических текстов – не в языковой фиксации материальной данности и наличного бытия, а в конструировании мира иного, в поиске возможностей выхода за горизонты видимого. В поэтической картине мира человек пытается отразить что-то доселе неизвестное, своеобразным способом постичь и разгадать мистическое и секретное, наделив их необходимыми функциональными свойствами, проникнуть в глубину мироздания, недоступную научному пониманию. Поэтическое мировидение не только специфически отражает окружающий мир, но и одновременно противостоит ему и пытается его заменить, в результате снимается всё мучительно дисгармоничное, которому в обыденной жизни человеку трудно найти объяснение.

Поэта мало интересует будничное и знакомое, в создаваемой им картине мира привычное растворяется, сквозь его нечеткие исчезающие очертания начинает просвечивать таинственное и ранее неведанное, это то внутреннее, что для обывателя часто скрывается

за узнаваемыми формами. Поэзия пытается обнажить что-то ускользающее от рационально функционирующего разума:

Много в пространстве невидимых форм и неслышимых звуков,
Много чудесных в нем есть сочетаний и слова и света
(А. К. Толстой).

«Порой – хотя бы изредка, – считает С. Франк, – в нас шевелится и что-то совсем иное; и это иное есть что-то непостижимое и таинственное; и мы смутно чувствуем, что подлинное существо нашей души есть что-то совсем иное, что мы привыкли скрывать не только от других людей, но и от самих себя» [Франк URL].

Непостижимое и таинственное составляет основу поэтической картины мира: здесь взгляд мыслителя стремится проникнуть во всепоглощающую даль, в туманную глубину, обратиться к неисчерпаемому духовному источнику:

Так. В беспредельное влекома,
Душа незримый чует мир (А. К. Толстой).

Душа грустит о небесах.
Она нездешних нив жилица (С. Есенин).

Земля – подножие мое.
Ее громада поднимает
Меня в иное бытие,
И душу радость обнимает (И. А. Бунин).

Иными словами, трансцендирование в поэзии в значительной степени связано с конструированием особой поэтической картины мира, противостоящей другим языковым картинам. Это отражение того, что происходит не столько в мире, сколько за горизонтом, на краю Вселенной или в потаенных глубинах души. Она часто наполнена «неземными» образами, в написании которых используются особые художественные краски.

Трансрациональность поэтического мышления

В своих философских работах Э. Кант использовал два термина: *трансцендентное* и *трансцендентальное*. Первый он употреблял для описания знания, которое перешагивает границы человеческого разума, не поддается рациональному теоретическому познанию, и которое основано исключительно на вере. Второй

термин – *трансцендентальное* – описывает априорные предшествующие опыту возможности познания. Кантовская трансцендентальная эстетика связана с исследованием априорных форм чувственности. Переноса данное представление о трансцендентальности на поэзию, можно отметить, что основные движущие силы в поэтическом творчестве – это интуиция, вдохновение, чувственное переживание. Их появление в ментальной деятельности определяется не практическими нуждами, а зовом сердца. Трансценденция, как перешагивание за границы мышления, приводит к нарушению логических связей, раскусодок уступает место эмоциональному постижению, созерцанию, «слышанию» и «видению» душой:

И мнится, что опять *душою* постигаю
Таинственную речь и звезд и тишины (И. А. Бунин).

Осужден я на каторге *чувств*
Вертеть жернова поэм (С. Есенин).

Процесс эмоционального дологического мышления, по мнению Гёте, не требует рациональных выкладок, он основан на прямом узрении, часто «...все вообще великие осуществления, все истинно глубокие и плодотворные мысли приходят в голову без размышления, как свободные божьи дети, которые появляются перед нами и говорят: вот мы» [прив. по: Эккерман 1981, с. 106] или приходят в голову «...как блеск молнии, как лучи внутреннего света» [Бердяев 1991, с. 221]. В то же время озарение в рефлексии поэтов часто связывается со способностью внутреннего уха улавливать звучание таинственных голосов:

И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь (А. Ахматова).

There is a quiet spirit in these woods... /
With what a tender and impassioned voice /
It fills the nice and delicate ear of thought

Невидимый дух в этих лесах...
Таким нежным и бесстрастным голосом
Что-то нашептывает чувствительному сердцу ... (Г. У. Лонгфелло).

Подслушать у музыки что-то
И выдать шутя за свое (А. Ахматова).

Трансрациональность поэтического мышления мало нуждается в использовании слов и протекает значительной частью подсознательно. Оно основано в большей степени на созерцании и раздумье, его

движущей силой являются возвышенные чувства, тайные восторги, неизбывная глубокая печаль. В качестве средств выступают ментальные образы-схемы, языковые праформы, потенциально способные воплотиться в еще не существующие слова или в не встречавшиеся ранее сочетания слов. Поэтическое мышление – это мышление под особой точкой зрения с использованием иррациональных способов.

Семиотическая трансцендентность

В математике существует представление о трансцендентных числах, которые не могут быть вычислены с использованием математических действий и формул, не могут быть выражены алгебраически (т. е. не могут быть корнем многочлена с целыми коэффициентами, не тождественными нулю). В качестве примера можно привести число π , которое не может быть выражено цифрами, поскольку его десятичное представление стремится к бесконечности и никогда не заканчивается. В этом смысле трансцендентное связано с тем, что нельзя высказать, оно представляет собой не изрекаемое с помощью знака. Экстраполируя это понимание трансцендентного на анализ словесного языка, мы интерпретируем его как неопиываемое (трудно, неточно описываемое) с помощью традиционных вербальных средств. Это что-то «непостижимое» ... в форме «неисповедимого», – в форме чего-то, что по самому своему существу таково, что мы не можем «изъяснить» его и отдать логический отчет в его содержании» [Франк URL]:

И что ее (душу), всегда чаруя,
Зовет и манит вдалеке –
О том поведать не могу я
На ежедневном языке (А. К. Толстой).
О, сколько их – невыразимых,
Ненужных миру чувств и снов... (И. А. Бунин).

Поэтический язык не поощряет прямых обозначений, которые основаны на использовании закрепленных в словарях дефиниций и понятий: «Точность и определенность понятия есть послушание смерти и пространству с его абсолютным нулем. Ему неведомы восторги и упоение сладчайших радостей анархизма. Ускользает от него живая жизнь, и кладбище – его арена» [Лосев 1995, с. 471]. В качестве подтверждения этого можно сослаться на следующие строки:

И хоть бы в словах-то людских
Не так уж все было избито!
Значенья не сыщите в них,
Значение их позабыто! (И. А. Бунин).

С другой стороны:

Для вечной правды названья нет (С. Есенин).

Поэтическое слово каждый раз рождается снова и каждый раз наполняется особым смыслом. Его оживляет активность периферийной семантики: эмоциональные коннотации, связанные с эвфоническими особенностями, с ассоциативными переживаниями и ассоциативной памятью. Проблема словесного выражения возникает еще и потому, что ментальные поэтические образы часто синкретичны, неразложимы на универсальные элементарные компоненты, которые можно было бы обозначить словами и эффективно использовать. Для решения этой проблемы сознание обращается не столько к использованию набора отдельных абстрактных от переживаний слов, сколько к сложным знакам-символам, основанным на метафоре. Они как фотографические снимки, позволяющие передавать малейшие детали колорита, в то время как конвенциональное прямое использование слов создает лишь черно-белые графические рисунки, и чтобы сделать их цветными, нужно усилие воображения. В случае же с метафорами мы видим картину в цвете сразу:

Thought must necessarily be exprest by some sort of symbolism, by sounds used as arbitrary symbols, or by analogical imitative symbols, or by gestures [Hudson 1910, c. 31].

Мысль должна неизбежно выражаться определенными символическими средствами, звуковыми символами, либо символами по сходству признаков, либо жестами».

В качестве примера использования сложной языковой техники можно привести следующие поэтические строки:

Вяжут кружево над лесом
В желтой пене облака (С. Есенин).

Здесь обнаруживается символическая звукоизобразительность: трижды используется сочетание звуков /в/ и /ж/, в котором слышится

жужжание коклюшек; также проводится аналогия между разорванными облаками и узорным кружевом, между объемной расползающейся пеной и кучеватостью облаков. Всё это позволяет создать с помощью символических средств языка фотографическую живую картинку или даже видеофайл со звуком. До некоторой степени в приведенном примере проявляется ментальная синестезия: мы не только видим облака, но и слышим их движение.

Трансцендентные философские категории в поэзии

В литературоведении под *трансцендентализмом* понимается также философско-литературное движение в США, имевшее место в первой половине XIX в. Оно характеризуется слиянием философии и поэзии, своеобразным поэтическим размышлением о высших смыслах. Для поэтов этой школы свойственно использование парадоксальной логики, интуиции, их мышление зиждется на внезапных озарениях. Представители течения стремились достичь мыслью потаенные уголки Бытия, пытались проникнуть сквозь всю глубину мироздания, снять завесу с существа человеческой души, найти в природе тайные духовные знаки.

Трансцендентное в литературе в целом, в широком понимании, связано с обращением к некоторым философским категориям со значительной долей таинственного и трудно постижимого рациональными способами. В разнообразных поэтических текстах мы встречаем стремление авторов осознать Смысл, Истину, Красоту, Любовь, Свободу, Тайну, Вечность, Время, Бога, – идеи, которые необъяснимы или трудно объяснимы с помощью обычных средств словесного языка. Эти идеи находятся за пределами вещественного материального мира, принадлежат иной реальности – миру духовному. Сквозь завесу повседневной тленной жизни поэзия стремится увидеть вечное и непреходящее:

Нет, не пейзаж влечет меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что в этих красках светит:
Любовь и радость бытия (И. А. Бунин).

Любовь в ее высоком понимании – важная поэтическая трансцендентная идея:

И всюду звук, и всюду свет,
И всем мирам одно начало,

И ничего в природе нет,
Чтобы **любовью** не дышало (А. К. Толстой).

Другой важной философской поэтической категорией является Свобода (она же, кстати, и заставляет отказываться от навязанных традиций использования языка, способов мышления и миропонимания):

With what deep worship I have still adored /
С каким глубоким почитанием я непрестанно поклоняюсь

The spirit of divinest **Liberty**. /
Духу божественной **Свободы** (С. Т. Кольридж)

Не может поэзия пройти мимо манящей и завораживающей душу красоты:

... земле благовествую
Глаголы Незакатной **Красоты!** (И. А. Бунин);

Dull would he be of soul who could pass by a sight so touching in its majesty

Жалкая душа того человека, который умудряется пройти мимо зрелища, захватывающего своим величием (У. Вордсворд).

Поиск наивысшей запредельной полноты реализуется в стремлении к постижению Абсолюта, который может представляться сознанию как Бог. Поэзия пытается ощутить его, увидеть следы его пребывания в природе. Упоминания о нем встречаются в лирике довольно часто:

Вечен лишь **Бог**. Он в ночной неземной тишине (И. А. Бунин).
Earth, with her thousand voices, praises **God**
Земля на тысячи голосов восхваляет Господа (С. Т. Кольридж).

Поэтическое философствование охватывает широкий круг идей. Это и стремление понять смысл жизни:

What is Life? / Что такое Жизнь? (С. Т. Кольридж);

и вера в конечное торжество справедливости и радости:

Sad lot, to have no hope!

Печальная участь – не знать надежды (С. Т. Кольридж) и др.

Подробное описание всех возможных философских идей, отраженных в поэзии, – тема отдельного исследования. Несомненно, одно – они играют важную роль в формировании и функционировании поэтической картины мира.

Заключение

Таким образом, несмотря на несколько различные подходы к определению трансцендентного и трансцендентального, можно выделить общее в их понимании, оно связано с чем-то иным: с иной реальностью или видением реальности в ином ракурсе, с иными непривычными смыслами, с иным языком или способом выражения. Поэтический язык можно рассматривать как трансцендентный, поскольку он не вполне традиционен в коммуникации, несет в себе характеристики отдельной творческой личности, тем самым до некоторой степени выбивается из принятых общих усредненных ментально-языковых схем. Поэтический язык не противопоставлен целиком обыденному, он его не заменяет и не перечеркивает, а лишь привносит некоторые варианты, связанные не с простой перестановкой структурных элементов, а с попыткой преобразовать фундаментальные основы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев Н. А.* Самопознание. М. : Книга, 1991. 446 с.
Гарин И. И. Воскрешение духа. М. : Терра, 1992. 640 с.
Эккерман И. П. Разговоры с Гёте. М. : Художественная литература, 1981. 688 с.
Лосев А. Ф. Форма. Стил. Выражение. М. : Мысль, 1995. 940 с.
Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста. СПб. : Искусство – СПб., 1996. 848 с.
Франк С. Л. Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии. URL: azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/nepostizhimoe/
Франк С. Л. Реальность и человек. М. : Республика, 1997. 479 с.
Hudson M. The science of poetry and the philosophy of language. N. Y. : London : Funk & Wagnalls Company, 1910. 294 p.

REFERENCES

- Berdjaev N. A.* Samopoznanie. M. : Kniga, 1991. 446 s.
Garin I. I. Voskreshenie duha. M. : Terra, 1992. 640 s.
Jekkerman I. P. Razgovory s Gjote. M. : Hudozhestvennaja literatura, 1981. 688 s.

Losev A. F. Forma. Stil'. Vyrazhenie. M. : Mysl', 1995. 940 s.

Lotman Ju. M. O pojetah i pojezii. Analiz pojeticheskogo teksta. SPb. : Iskustvo – SPb., 1996. 848 s.

Frank S. L. Nepostizhimoe: Ontologicheskoe vvedenie v filosofiju religii. URL: azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/nepostizhimoe/

Frank S. L. Real'nost' i chelovek. M. : Respublika, 1997. 479 s.

Hudson M. The science of poetry and the philosophy of language. N. Y. : London : Funk & Wagnalls Company, 1910. 294 p.

УДК 811.581.11

К. М. Наумова

аспирант кафедры китайской филологии восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета
e-mail: KseniaNaumova888@gmail.com

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

На базе представлений современных китайцев о семье, долге и счастье анализируется китайская картина мира. Содержательная часть этих ключевых для культуры Поднебесной понятий, которые относятся к традиционным конфуцианским ценностям, формировалась под влиянием экстралингвистических факторов в условиях крайней социально-экономической и политической закрытости Китая, и на современном этапе, в силу использования иероглифической письменности и специфики политической власти, остается замкнутой, не проявляя признаков слепой и массовой вестернизации национальной культуры. Трудно согласиться с бытующим мнением о глобализации и наблюдающейся языковой экспансии как пагубном последствии повсеместного распространения англоязычной культуры. Язык как живая система, саморегулирующаяся и самодостаточная, особенно такой древний и богатый язык, как китайский, вряд ли способен полностью «американизироваться». Безусловно, глобализация вызвала некоторые сдвиги в представлении китайцев о семейных ценностях, чувстве долга, однако ядро китайской культуры продолжает оставаться нео-конфуцианским, с некоторым влиянием даосизма и буддизма, что хорошо прослеживается в представлении о счастье.

Ключевые слова: китайская языковая картина мира; китайский язык; глобализация; семья; долг; счастье.

K. M. Naumova

PhD student in Asian and African Languages, Faculty of Asian and African Studies, Saint-Petersburg State University; e-mail: KseniaNaumova888@gmail.com

CHANGES IN THE CHINESE LINGUISTIC WORLDVIEW UNDER GLOBALIZATION

The article attempts to analyze the cultural worldview of the Chinese people with reliance on the concepts of family, duty, and happiness. Being an integral part of traditional Confucian culture, these notions were influenced by extralinguistic

factors when China was socio-economically and politically isolated. Nowadays this system is still quite conservative and resistant to Westernization due to the Chinese public policy and the hieroglyphic writing. Chinese culture disproves the idea of total globalization and English language expansion, demonstrating that language is a living, self-regulating and self-sufficient system. It is doubtful that such an ancient and rich language as Chinese will ever be totally "Americanized". There is no denying that globalization has caused some changes in the Chinese views on the family values and the call of duty, nevertheless the core of the Chinese culture remains neo-Confucian with some influence of Taoism and Buddhism, which is proved by analysis of the concept happiness.

Key words: Chinese linguistic worldview; Chinese language; globalization; family; duty; happiness.

Введение

Середина XIX в. стала переломным моментом в истории Китая. Это было связано с насильственным приобщением китайского общества к европейской цивилизации, которая воплощала иные ценности и представления о правильном миропорядке: автономный статус личности, разделение таких сфер общественной жизни, как власть, собственность, политика, религиозная деятельность. Уже давно не вызывает споров тот факт, что «язык – одно из средств доступа к сознанию человека, его концептосфере, к содержанию и структуре концептов как единиц мышления» [Спешнев 2011, с. 101]. Как представляется, глобализация определенным образом повлияла на модернизацию китайского общества, в том числе вызвав сдвиги в языковой картине мира у носителей китайского языка. Под *языковой картиной мира* в данном исследовании мы, вслед за В.Б. Касевичем, понимаем совокупность языковых знаний, закодированных оппозициями словаря и грамматики [Касевич 1996, с. 179]. *Глобализация* определяется как «стремление к диктатуре США и Запада над остальными народами и культурами с целью их эксплуатации, подчинение всех национальных культур единому космополитическому (американскому по преимуществу) культурному стандарту, т. е. выступает крайней формой вестернизации» [Кононенко 2003]. Представляется, что негативная сторона такого понимания данного феномена несколько преувеличена, особенно в отношении ее влияния на Китай.

Для того чтобы проиллюстрировать изменения китайской языковой картины мира, необходимо рассмотреть ключевые для традиционной китайской культуры понятия 家 – *jīā* – семья, 福 – *fú* – счастье

и 义 yì – *долга*, в основу которых положены преимущественно представления о сыновней почтительности и взаимной ответственности, что связано с философским осмыслением миропорядка в рамках конфуцианской модели [Сидихменов 2010; Маслов 2013; Kam 2001].

Семья 家 jiā

Семья традиционно играет первостепенную роль в китайской культуре. Еще Конфуций в основу всего государственного устройства положил 孝 – xiào принцип сыновней почтительности, требующий от младших почитания старших, чтобы сын чтит отца, жена – мужа, а подданный – своего императора [Георгиевский 2015]. По китайским представлениям, 家 – jiā – это не только *семья с тремя поколениями, живущими под одной крышей*: к данному понятию относится весь семейный клан, куда входят многочисленные ближние и дальние родственники, отчий дом, родные места, так называемая малая родина [Юй Хуа 2013; Гэ Чжаогуан 2015; Тань Аошуан 2004]. Этим словом также называют небольшие фирмы и последователей религиозно-философских школ. Например: 商家 – shāngjiā – *торговый дом*; 儒家 – rújiā – *конфуцианская школа, конфуцианцы*.

В синонимический ряд 家 jiā входят:

家庭 – jiātíng – *семья, дом*;

户 – hù – *двор, семья, род*;

人烟 – rényān – *жилье*;

家园 – jiāyuán – *домашний очаг*;

门 – mén – *семья, род, родной дом; общественное положение семьи; последователи школы; наставник*;

宅门 – zháimén – *хозяин богатого дома; семья, проживающая в традиционном доме старого образца*. Данная морфема присутствует и в слове 国家 – guójiā – *государство, страна, нация*, что свидетельствует о том, что китайцы, будучи коллективистами по своей природе, воспринимают свою страну, как свой дом или семью, и соответствующим образом оценивают свое место в ней.

Современные реалии Китая приводят к переосмыслению традиционных понятий, когда у старых слов появляются новые значения. Так, неологизм 回娘家 – huí niángjia наряду с исходным ‘вернуться в дом родителей (о невесте)’ в современном китайском языке означает ‘вернуться на прежнее место работы, учебы’.

Как и во многих странах мира, в КНР одной из очевидных социальных проблем стало позднее создание семьи, что нашло свое отражение в языке, например, 大男大女 – *dànnán dànnǚ* – *великовозрастные мужчины и женщины*. Редко кто в Поднебесной официально женится или выходит замуж в двадцать лет. Современная молодежь стремится создавать семью по любви, оптимально уже имея собственную жилплощадь и постоянную работу. Никто не торопится, как раньше, заводить и воспитывать детей, а старается, прежде всего, стать самостоятельным и уйти из-под опеки родителей. К XXI в. стали очевидны сдвиги в представлениях китайцев о цели создания семьи: современная молодежь пропагандирует такие нетипичные для традиционного Китая принципы, как:

双职工家庭 – *shuāngzhígōng jiāting* – *семья, состоящая из двух работающих супругов*;

丁克家庭 – *dīngkèjiāting* – *семья DINK, семья без детей*;

家庭拖累 – *jiāting tuōlěi* – *быть обремененным семьей*.

Идеал большой конфуцианской семьи 大家庭 *dàjiāting* в нынешних условиях меняется на 小家庭 – *xiǎojiāting* – *маленькая семья, семья без детей*. Несмотря на это, такие матримониальные идеалы, как 家庭和睦 – *jiāting hé mù* – *семейная гармония*; 家庭幸福 – *jiāting xìngfú* – *семейное счастье* и 友好家庭 – *yǒuhǎo jiāting* – *дружная семья* продолжают культивироваться в средствах массовой информации, особенно по телевидению.

Влияние Запада, по мнению известного писателя и исследователя китайской культуры и языка Линь Юйтана, просматривается также в эмансипации китайских девушек, которые больше не стремятся реализовать конфуцианский идеал «прекрасной жены» и «мудрой матери» [Линь Юйтан 2010]. Раньше китайских женщин называли 内人 – *nèirén* – *та, что внутри*, т. е. внутри дома, что естественно, поскольку все они имели статус 家庭妇女 – *jiāting fùnǚ* – *домохозяйка*. С конца XX в. женщины заговорили о равноправии, стали стремиться к рождению меньшего количества детей, которых в случае необходимости можно отдать на воспитание постоянной няне, 保姆 – *bǎomǔ*. О некоторых сдвигах в гендерных ролях говорят и такие неологизмы, как 奶爸 – *nǎibà* – *кормящий отец*, т. е. мужчина, ведущий домашнее хозяйство и воспитывающий ребенка, пока супруга зарабатывает деньги, и 女汉子 – *nǚhànzi* – *бой-баба*, самостоятельная, целеустремленная женщина, которой присущи мужские качества характера [Куприянова, Гун Мин 2016].

При этом прослеживается тенденция к возвращению существовавших в старом Китае взглядов на отношения мужчины и женщины, например, когда «среди богатых и могущественных стало хорошим тоном наряду с законной женой содержать эрнай (二奶) (вторая жена, наложница), которой оплачивается отдельная квартира, собственная маленькая машина и гора дамских сумочек» [Линь Юйтан 2010, с. 162].

Показательны сдвиги, наблюдающиеся в современном китайском языке в функционировании терминов родства – одной из самых древних терминосистем в языке, которая, по некоторым данным, насчитывает 274 термина [Крюков 1972, с. 106]. Взаимоотношения между родственниками всегда были социально значимы в Поднебесной, определяя не только нормы поведения внутри семьи, но и оказывая значительное влияние на правовое регулирование социальной сферы в целом. В конце XX в. эта давно устоявшаяся терминология значительно расширила сферу употребления, особенно в молодежной среде. Если раньше по отношению к неродственникам старшего поколения употреблялись такие термины, как:

阿姨 – *āyí* – *тетя*;

阿爹 – *ādī*, 伯伯 *bóbo* (обращение к мужчине – ровеснику отца или старше);

大叔 – *dàshū* (к другу отца, мужчине одного поколения или возраста с отцом).

Теперь же наименования родственников вошли в молодежный обиход повсеместно, вне зависимости от степени знакомства:

大哥 – *dàgē*, букв. ‘старший из братьев’; Вы, ты (в дружеском разговоре);

哥哥 – *gēge*, букв. ‘старший брат’, ‘парень, братан’ (уважительное обращение к собеседнику);

妹妹 – *mèimei*, букв. ‘младшая сестра’, ‘сестренка, девушка’ (обращение к собеседнице, младше по возрасту или положению) [Кислов, Колпачкова 2017, с. 74].

Кроме того, наблюдается тенденция постепенного стирания возрастной дифференциации у молодежи, когда «родственники нисходящих поколений не дифференцируются по признаку относительного возраста» [Цюй Юян 2016, с. 79].

Счастье 福 fú

Жизнь китайцев определялась и определяется до сих пор не только конфуцианской идеологией. Огромное влияние на формирование внутренних установок в Китае оказали два других учения – даосизм и буддизм. Особенно ярко их влияние заметно в интерпретации понятия 福 – fú – *счастья*. Китайцы по своей натуре оптимисты, даже в самых сложных жизненных условиях они находят, чему радоваться. Общепризнанный идеал – это 全生 – quánshēng – *целостность бытия*, что значит единение души с телом и способность наслаждаться жизнью. Счастье в глазах носителей языка сопряжено с постоянным самосовершенствованием личности. Данный принцип был сформулирован еще в древности и до сих пор не теряет своей актуальности, равно как и забота о собственном здоровье: 健康就是福 – jiànkāng jiùshì fú – *здоровье – это и есть счастье*, ведь именно оно ведет к столь почитаемому долголетию и мудрости. Не случайно, например, в поздравлении 福如东海, 寿比南山 – fúrúdōnghǎi – shòubǐnánshān – *большого счастья и долголетия!* одно неразрывно связано с другим и логически вытекает из него.

Согласно китайским представлениям, 福 – fú – *счастье, благополучие; ниспосланное благо; вежл. полнота*. Сюда включаются и лексические единицы, связанные с удачей, везением, успехом:

幸福 – xìngfú / 幸运 xìngyùn – *счастливы́й шанс; удача, везение; счастье; благосклонность судьбы;*

造化 – zàohuà – *удача в жизни, счастье; везенье;*

交运 – jiāoyùn – *везение, удача; переломный момент в судьбе (по предсказанию астролога);*

运气 – yùnqì – *судьба, участь; удача, счастье; фортуна;*

好运 – hǎoyùn – *счастливая судьба;*

命 – mìng – *судьба, доля, участь;*

天命 – tiānmìng – *веление неба, судьба, рок;*

数 – shù – *книжн. судьба;*

天数 – tiānshù – *фатум; рок; судьба;*

成功 – chénggōng – *успех*. Своими усилиями можно даже 转运 – zhuǎnyùn – *переломить судьбу (в лучшую сторону)*.

Исторически иероглиф 福 – fú несет в себе глубокий философский смысл. Именно это слово чаще всего используется в благопожеланиях и ритуальных молитвах обычных жителей Поднебесной в буддистских и даосских монастырях. Понятие 五福 – wǔfú – *полное счастье*

включает в себя пять основных компонентов: 寿 – shòu – долголетие; 喜 – xǐ – радость, 禄 – lù – карьеру, а также 财 – cái – богатство. С момента установления личной собственности последнее представление о счастье стало нормой общественной жизни [Ан, Ворсина, Песчанская 2012].

Одним из составляющих счастья является и 乐观 – lèguān – оптимизм. Понятие восходит к 礼记 «Ли-Цзи» («Записки о совершенном порядке вещей, правления и обрядов») примерно VIII в. до н. э., – одной из книг конфуцианского канона, предписывавшей китайцам уже тогда позитивно смотреть на мир. В языке это понятие имеет целый ряд синонимов:

乐天 – lètiān – быть довольным своей судьбой; быть жизнерадостным оптимистом;

积极 – jījí – положительный, позитивный, прогрессивный, активный;

正面 – zhèngmiàn – положительный, позитивный, конструктивный;

豁达 – huòdá – широкий взгляд на вещи;

开朗 – kāilǎng – приветливый, жизнерадостный;

肯定 – kěndìng – положительный, утвердительный;

良好 – liánghǎo – прекрасный, хороший, позитивный.

С одной стороны, позитивное мироощущение – норма жизни китайского общества, а с другой – китайцы стараются сохранять баланс, чтобы не потерять трезвость суждений и ясность мысли. Усердный труд, сопряженный с оптимизмом, гораздо эффективнее бездейственной веры, а потому оптимизм активно пропагандируется Коммунистической партией Китая через подвластные ей СМИ. Тем не менее китайцы не склонны демонстрировать свое счастье или большую радость посторонним людям, некоторые даже могут стыдиться своих чувств, боясь показаться нескромными. Такое поведение говорит о том, что, несмотря на открытость новым идеям, китайцы продолжают сохранять свои традиционные взгляды на жизнь.

Долг 义 yì

Как уже отмечалось, семья была прототипом всех социальных отношений в стране, что нашло отражение в принципе взаимной опоры и обязательств в обществе. Чувство долга и справедливости было возведено в ранг с детства прививаемых конфуцианских ценностей, сохранившихся на коллективном уровне до наших дней. Китайцы полагали, что жизнь человека – это продолжение жизни предков, поэтому

долг детей – продолжать историю рода: сын обязан был исполнять сыновний долг 孝 – *xiào* и следовать воле родителей, тем самым развивая в себе чувства любви и справедливости, за неисполнение именно этого долга в традиционном Китае полагалась самая суровая кара – смерть. Однако с приходом глобализации Китай столкнулся с целым рядом новых феноменов, на фоне 老啃族 – *lǎokěnzú* трудовых мигрантов, традиционно сохраняющих тесные связи со своими семьями в деревнях и часто в ущерб себе оказывающих им серьезную материальную поддержку, новой проблемой для современных китайцев стало одиночество пожилых людей. Так, неологизм 空巢老人 – *kōngcháo lǎorén*, букв. 'старики в пустом гнезде' описывает оставшихся без сыновней поддержки родителей, чьи дети находятся далеко от родного дома. Наблюдается и обратное явление: появились молодые люди, отказывающиеся учиться или работать, предпочитающие жить за счет родителей, их называют 啃老族 – *kěnlǎozú* – поколение ни-ни (не работают и не учатся). Имеет место и явление 啃嫩族 – *kěnnènzú* – пожилые родители или люди среднего возраста, которые осознанно находятся на полном обеспечении детей, тотально контролирующие их доходы и требующие ежемесячных отчислений в свой адрес.

В представлении китайцев долг каждого человека – жить на благо семьи и государства.

儿子的义务 *érzide yìwù* – сыновний долг;

公民的天职 *gōngmínde tiānzhi* – гражданский долг;

军人的天职 *jūnrénde tiānzhi* – воинский долг;

爱国主义义务 *àiguózhǔyì yìwù* – патриотический долг;

对党应尽的义务 *duìdǎngyīngjìn de yìwù* – партийный долг;

光荣的义务 *guāngróng de yìwù* – почётный долг;

招待义务 *zhāodài yìwù* – долг гостеприимства.

Все эти понятия имеют серьезное этнокультурное обоснование. Так, например, еще в Древнем Китае каждый двор обязан был отправить по одному мужчине от семьи на воинскую службу, повинуюсь приказам императора. Солдат, выполняя свой долг перед Родиной, не должен был опозорить честь семьи и опорочить доброе имя своего отца, наоборот, он старался проявить себя и заслужить почет и уважение, отличившись во время военного похода или службы.

Современные словари определяют 义 *yì* как справедливость, чувство долга, служебный долг, честность, верность, честь, порядочность, нравственность, мужество, принципиальность,

непоколебимость, героизм, дружба. Первое упоминание иероглифа 义 yì относится к эпохе Чжоу (1046–221 до н.э.) и в дальнейшем выступает одним из ключевых понятий во многих книгах конфуцианского канона, включая 易经 yìjīng – «Книга перемен»; 书经 shūjīng – «Книга истории»; 诗经 shījīng – «Книга песен» и др. В представление о долге входят такие морально-нравственные идеалы, как:

仁义 rényì – конф. гуманность и справедливость;

礼义 lǐyì – церемонии и долг;

理义 lǐyì – конф. чувство правды и справедливости;

义气 yìqì – чувство справедливости; братская верность;

正义 zhèngyì / 公道 gōngdào – справедливость; честность; праведный (истинный) путь;

天职 tiānzhí – священный долг, долг совести;

心肝 xīngān – благородство; принципиальность; чувство долга; чувство справедливости.

А также:

职责 zhízé – служебная обязанность;

责任 zérèn – обязанность, долг; ответственность;

名分 míngfēn – почетная обязанность; имя и социальное положение;

义务 yìwù – общественный долг, добровольный, почетный.

Китайцы считают, что нелояльный индивид – это тот, кто не чтит семью и не уважает вышестоящее начальство; это индивид без лица, т. е. у него нет понятия о чести, справедливости, а значит, он точно не может претендовать на звание благородного мужа. Так как известной чертой китайского национального характера считается трудолюбие, а важность понятия лица (面子 miànzi) в коллективистской культуре Поднебесной трудно переоценить, критике подвергается любое безответственное отношение к своим обязанностям (塞责 sèzé). В языке эти принципы описываются такими единицами, как:

有借有还, 再借不难 yǒu jiè yǒu huán, zài jiè bù nán – долг платежом красен; отвечать добром на добро; услуга за услугу;

义气过于骨肉 yìqì guòyú gǔròu – чувство долга сильнее кровных уз;

义者百事之始也 yìzhě bǎishì zhīshǐyě ‘долг – основа всех действий человека [Большой китайско-русский словарь URL].

Несмотря на то, что китайцы продолжают чтить своих предков, навещая живых и ухаживая за могилами умерших с соблюдением всех положенных обрядов, помогают престарелым родителям, особенно,

если они живут далеко, в современном обществе на первый план выходит чувство долга перед работодателем и государством. Китайцы – патриоты, искренне желающие своей стране процветания и восстановления некоторой исторической справедливости, поэтому они как одна большая семья сплачиваются ради общего дела, направляя свои усилия на будущее процветание и равноправие на мировой геополитической арене [Yu Nan 2011].

В современном Китае «размывание» традиционных ценностей из-за экономической модернизации приводит к жажде потребления и проявлению индивидуализма западного образца, что, в свою очередь, подрывает традиционное представление о чувстве долга, отодвигая на второй план его морально-этическую составляющую [Современный Китай: социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология 2011].

Заключение

Таким образом, исследование показало, что в условиях экономического подъема КНР, постоянного усиления открытости страны, социокультурный эффект глобализационных процессов для современных китайцев отличается двунаправленностью: с одной стороны, наблюдаются некоторые сдвиги в представлении о семье, о браке и чувстве долга; с другой – китайцы не намерены отказываться от своих традиционных воззрений, например в представлении о счастье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ан С. А., Ворсина О. А., Песчанская Е. В. Многозначность понятие «счастье» в китайской философии культуры // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 4 (32). С. 66–70.
- Большой китайско-русский словарь. URL: bkrs.info/ (дата обращения: 10.01.2019).
- Георгиевский С. М. Принципы жизни Китая: Конфуций и конфуцианство. 2-е. изд. М. : ЛЕНАНД, 2015. 240 с.
- Гэ Чжаогуан. Что такое «китайская» культура? Речь в Шанхайской библиотеке, 21.10.2015. 葛兆光. 什么才是“中国的”文化 (在上海图书馆的演讲), URL: www.aisixiang.com/data/93058.html (дата обращения: 10.01. 2019).
- Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. 288 с.

- Кислов А. В., Колпачкова Е. Н. Влияние Интернета на современный китайский язык // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. 2017. Вып. 1. С. 72–86.
- Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии. М. : Вече : АСТ, 2003. URL: www.endic.ru/enc_culture/Globalizaciya-381.html (дата обращения: 20.12.2018).
- Крюков М. В. Система родства китайцев: (эволюция и закономерности). М. : Наука, 1972. 328 с.
- Куприянова Ю. А., Гун Мин. Социально-экономические факторы, способствующие появлению новых слов в современном китайском языке // Вестник СПбГУ. Сер. 13. Востоковедение. Африканистика. 2016. Вып. 1. С. 5–18.
- Линь Юйтан. Китайцы: моя страна и мой народ. М. : Восточная литература, 2010. 335 с.
- Маслов А. А. Китай и китайцы. О чем молчат путеводители. М. : РИПОЛ классик, 2013. 288 с.
- Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого. Смоленск : Русич, 2010. 544 с.
- Современный Китай: социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология. М. : URSS, 2011. 294 с.
- Спешнев Н. А. Китайцы. Особенности национальной психологии. СПб. : КАРО, 2011. 336 с.
- Тань Аошуан. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность. М. : Языки славянской культуры, 2004. 240 с.
- Цюй Юян. Лингвистический анализ китайских терминов родства // Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. 2016. №4. С. 72–81.
- Юй Хуа. Десять слов про Китай. М. : Астрель, 2013. 220 с.
- Kam L. The Globalisation of Confucianism and Chinese Identity // 诠释与建构 – 汤一介先生75周年华诞暨从教50周年纪念文集, Conference time: 2001–12. P. 423–428.
- Yu Nan. The Alliance of Traditional Confucius Values and the Process of Modernization: A Youth Perspective // Beijing Conference 2011. 北京论坛: 文明的和谐与共同繁荣--传统与现代、变革与转型, 2011. P. 198–199.

REFERENCES

- An S. A., Vorsina O. A., Peschanskaja E. V. Mnogoznachnost' ponjatie «schast'e» v kitajskoj filosofii kul'tury // Vestnik Cheljabinskoy gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv. 2012. № 4 (32). S. 66–70.
- Bol'shoj kitajsko-russkij slovar'. URL: bkrs.info/ (data obrashhenija: 10.01.2019).

- Georgievskij S. M.* Principy zhizni Kitaja: Konfucij i konfucianstvo. 2-e. izd. M. : LENAND, 2015. 240 s.
- Gje Chzhaoguan.* Chto takoe «kitajskaja» kul'tura? Rech' v Shanhajskoj biblioteke, 21.10.2015). 葛兆光. 什么才是“中国的”文化 (在上海图书馆的演讲), URL: www.aisixiang.com/data/93058.html (data obrashhenija: 10.01. 2019).
- Kasevich V. B.* Buddizm. Kartina mira. Jazyk. SPb. : Peterburgskoe Vostokovedenie, 1996. 288 s.
- Kislov A. V., Kolpachkova E. N.* Vlijanie Interneta na sovremennyj kitajskij jazyk // Komp'juternaja lingvistika i vychislitel'nye ontologii. 2017. Vyp. 1. S. 72–86.
- Kononenko B. I.* Bol'shoj tolkovyj slovar' po kul'turologii. M. : Veche : AST, 2003. URL: www.endic.ru/enc_culture/Globalizaciya-381.html (data obrashhenija: 20.12.2018).
- Krjukov M. V.* Sistema rodstva kitajcev: (jevoljucija i zakonomernosti). M. : Nauka, 1972. 328 s.
- Kuprijanova Ju. A., Gun Min.* Social'no-jekonomicheskie faktory, sposobstvujushhie pojavleniju novyh slov v sovremennom kitajskom jazyke // Vestnik SPbGU. Ser. 13. Vostokovedenie. Afrikanistika. 2016. Vyp. 1. S. 5–18.
- Lin' Jujtan.* Kitajcy: moja strana i moj narod. M. : Vostochnaja literatura, 2010. 335 s.
- Maslov A. A.* Kitaj i kitajcy. O chem molchat putevoditeli. M. : RIPOL klassik, 2013. 288 s.
- Sidihmenov V. Ja.* Kitaj: stranicy proshlogo. Smolensk : Rusich, 2010. 544 s.
- Sovremennyj Kitaj: social'no-jekonomicheskoe razvitie, nacional'naja politika, jetnopsihologija. M. : URSS, 2011. 294 c.
- Speshnev N. A.* Kitajcy. Osobennosti nacional'noj psihologii. SPb. : KARO, 2011. 336 c.
- Tan' Aoshuan.* Kitajskaja kartina mira: jazyk, kul'tura, mental'nost'. M. : Jazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 240 s.
- Cjui Jujan.* Lingvisticheskij analiz kitajskih terminov rodstva // Vestnik RUDN. Ser. Voprosy obrazovaniya: jazyki i special'nost'. 2016. №4. S. 72–81.
- Jui Hua. Desjat' slov pro Kitaj. M. : Astrel', 2013. 220 s.
- Kam L.* The Globalisation of Confucianism and Chinese Identity // 诠释与建构 – 汤一介先生75周年华诞暨从教50周年纪念文集, Conference time: 2001–12. P. 423–428.
- Yu Nan.* The Alliance of Traditional Confucius Values and the Process of Modernization: A Youth Perspective // Beijing Conference 2011. 北京论坛: 文明的和谐与共同繁荣—传统与现代、变革与转型, 2011. P. 198–199.

УДК 7.0 + 71 + 908

Е. Ю. Перова

кандидат культурологии, доцент; доцент кафедры мировой культуры Института гуманитарных и прикладных наук ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: eperova71@list.ru.

САДЫ И ПАРКИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ (на примере памятников Крыма)

Садово-парковая культура начала свое развитие в отечественной истории еще в Древней Руси. Но осмысление этого явления пришло позже. В XX в. появившийся интерес не угасает, напротив, несмотря на послереволюционные настроения, многогранное изучение садово-парковой, усадебной культуры получило название «золотого века» отечественного краеведения.

Во второй половине XX в. появляются монографии, посвященные этой теме. И в наше время исследования различных ее аспектов не утрачивает значения. Всё более важным становится междисциплинарное поле исследований. В данной статье рассматриваются исторические, литературоведческие, богословские контексты для раскрытия понятия «сад» в отечественной культуре.

Ключевые слова: сады и парки; русская культура; природа; райский сад; Крым.

E. Yu. Perova

PhD, Associate Professor, Faculty of Humanities and Applied Science Cultural Studies, MSLU; e-mail: eperova71@list.ru

GARDENS AND PARKS IN RUSSIAN CULTURE (on an example of ensembles of Crimea)

Russian history shows that garden and park culture began to evolve as early as in Ancient Rus. However, it was much later that this tradition attracted scholars' attention and required due reflection. In the 20th century academic interest in the problem was great. Despite the post-revolutionary difficulties, the multifaceted study of landscape and park culture was called the "Golden Age" of Local history. Today, research in this field has not lost its importance.

Key words: garden and park; Russian culture; nature; Garden of Eden; Crimea.

Все придуманные пейзажи ничто в сравнении
с сими райскими местами...

П. Сумароков

Часть Крыма между горами и морем представляет
одну из прекраснейших местностей в мире.

А. Мицкевич

Введение

Мысль об отрадном Саде подвигала не только к созданию особенно благодатных мест, усадебных парков, но и целые города задумывались как воплощение совершенного пребывания на земле. Так, в переводе с тюркских языков название города Бахчисарай, расположенного среди гор в долине реки Чуруксу, бывшего когда-то столицей Крымского ханства, означает «дворец в саду». В Древнем мире сады культивировались в особых оазисах, часто столичных или значимых городах. Отчасти садами определялся расцвет той или иной культуры.

Фазу расцвета культуры философы по-разному называют: фазой «цветущей сложности» (К. Н. Леонтьев), акматической (Л. Н. Гумилев) и т. д. Вслед за предложенной в XIX в. Н. Я. Данилевским подходом к культуре как живому организму, подобно растению. Эта вершинная фаза развития культуры связана, как правило, со столичным градом, поэтому такую столицу (например, Византия) сравнивали с цветущим садом. Но, вместе с тем, «сад» нуждался в тени, отдыхе (от суеты мира). И жизнь столичного, «мирового города» (О. Шпенглер) тяготит и истощает его «свободную стихию». Ряд философов отмечает неизбежность постепенного омертвления столиц. Тогда созидающее начало перемещается в провинцию, в уединенные места, рождающие размышление, – в усадьбы.

Сады и парки Крыма как культурный феномен

В Крыму сохранилось достаточно много дворцов, парков, усадеб. Образу обетованной земли благо содействовал местный климат и пейзаж. Еще со времен Античности в этих городах выращивали пшеницу, культивировали виноград, – сельскохозяйственные работы также соотносились в памяти человечества с возделываемым пространством Эдема. Античные философы создавали сады для трудов и размышлений, содействующих «возделыванию» души (ср. этимологию слова «культура»). Так, «платоновский сад» лежит в основе европейского паркового искусства, его идея присутствует в средневековых монастырских садах и встречается в последующих эпохах (например, в парке Версаля). Тень Эллады с ее историей, поэзией, «вечной весной» навевала в мировой культуре память о Рае¹. Удачное для торговых

---

¹ В христианской, древнерусской, традиции сады возделывались прежде всего в монастырях, которые имели отличия от монастырей

путей местоположение Крыма, удобные гавани для судов различного назначения, – всё это содействовало украшению, созиданию особой красоты и настроения этой части земли.

В Античную эпоху рядом с каждым городом Крыма находился некрополь – город мертвых: цветущее пространство и место, так или иначе, повлиявшее на устройство в дальнейшем усадеб.

Окружающая природа, ландшафт направляли человеческую мысль, подсказывали создателем усадеб архитектурные формы и планировку. Так, в описаниях ансамбля Алушкинского дворца и парка, исследователи отмечают, что своеобразие южного фасада обусловлено движением солнца и других природных факторов: «Здесь дворец весь находится во власти солнца, безграничного простора моря и неба» [Алупка 1992, с. 120].

В намерении владельца усадьбы было «придать своему жилищу могущественный характер горы Ай-Петри», и «действительно, дворец при лунном свете напоминает гигантские формы своего колоссального первообраза», – писали об этом месте в XIX в.; «с редкой гармонией и живописностью» связаны здесь «разные по форме, мас-се и декору корпуса в единый монолит, абсолютно тождественный образу горной гряды» [там же, с. 102].

Водоемы, искусственные и природные, традиционно оставались непременной частью усадьбы, «едва заметное движение воды, ее особая чистота и прозрачность образуют на поверхности четкое цветное отражение, сквозь которое видится второе, зеркальное, отражение парка», этим образом часто пользовались как «метафорой, позволяющей проводить параллель между глубинами человеческой души и настроением в природе» [там же, с. 87]. Но самым большим водоемом Алушкинского парка, как и всех усадебных ансамблей крымского побережья, остается, «безусловно, Черное море» [там же, с. 86]. А верхний парк «посвящен горам»: «Царящая в пейзаже громада горы-руины Ай-Петри с успехом заменила не видный в этой части парка образ дворца и восполнила то, что в других парках сооружалось специально: руины, башни, часовни. Ай-Петри – настоящая путеводная звезда парка. Иногда ее умело отделяли от остального массива гор, для чего специально выращивали “рамы” из кипарисов, сосен и других высоких деревьев» [Алупка 1992, с. 82].

западноевропейских. «В русских садах символической «оградой рая» служили монастырские стены» [Вавер 2002, с. 20].

Даже растения усадебных парков подбирались и высаживались в определенном месте, чтобы продолжить линию и силуэт окружающего пейзажа. Большая часть усадебного парка отводилась под пейзажный сад. Часто своеобразие его, отличие от регулярного французского парка или английского соответствующего времени заключалось в том, что, казалось, в нем отсутствуют «внешние следы вмешательства человека», создатели парка «руководствовались «поэтическим и философским пониманием природы, ее глубинных творческих сил» [там же, с. 70]. О райском саде напоминали и звуки Творения: шум водопадов и каскадов, пение птиц, в которых можно уловить отдельные голоса и настроения. Ароматы, звуки, открывающиеся виды, – воздействовали на все органы чувств человека.

Гармония, – то, что влечет человека и определяет цель его жизненных поисков, – воплощенная в усадебном ансамбле, оставляла след в памяти и душе.

Прекрасные развалины говорили о вечном; путник, проходящий по извилистым тропинкам, мог встретить напоминание о древних христианских святынях, находившихся когда-то в этих местах. «Гений места», территория, отмеченная вниманием на протяжении долгого времени, даже после периодов запустения, привлекает к себе и заставляет возделывать эти отмеченные места заново, открывая отчасти их древнюю историю. На возвышенных местах с древности, как правило, мог находиться храм (название горы Ай-Петри, возможно, связано с этим). Любой город Крыма хранит память о далеком прошлом, что не всеми осознается в наше время; невнимательность и безразличие, как темнота, скрывают «генуэзские башни, носившие имена римских пап, современников Данте» [Паустовский 1962, с. 20]. К. Г. Паустовский писал о своих путешествиях по этой земле: «Трудно было поверить, что на этих засыпанных битой черепицей холмах стоял когда-то Солхат, великий город, своим богатством превосходивший Дамаск. Теперь от прошлого остались только камни, небо и могилы» [там же, с. 23].

Вместе с тем К. Г. Паустовский, который часто бывал, любил и знал Крым, в очерке «Горсть крымской земли», посвященном памяти В. Луговского замечал, что «Крым, знакомый до каждого поворота на шоссе», мог обернуться неизвестными своими сторонами, если ходить непроторенными тропами [Паустовский 1962, с. 206]. И тогда «с него слетал налет столетних представлений. Он переставал быть

только скопищем красот, предназначенных для восторгов. Он приобретал благородную суровость, которую не замечают люди, знающие только Южный берег» [там же].

Отзывчивость русской души вовлекала, «вплетала» в свое пространство культуры элементы культуры «чужих народов». Что выражается наиболее ярко, может быть, именно в усадебных ансамблях, воплощающих представления о Доме. Это отдаленно напоминало и о первоначальном единстве человеческого рода, говорило о стремлении «к универсальному охвату человеческой культуры и осознанию ее глубоких исторических корней» [Алупка 1992, с. 34]. Даже в культивировании растений из различных областей можно уловить идею «всеединства». Так, для Крыма «князь Потемкин, усердный покровитель сего полуострова, выписывал из Анатолии, Царь-града, равно и других мест лучшие для произрастания, кои все укоренились с успехом» [Сумароков 1805, с. 198].

В созидании сада, усадьбы присутствовала мысль и о мире, отсутствии вражды и распри между народами. В этом возделываемом человеком пространстве было стремление к созиданию совершенного, хранилась потаенная память о гармонии Эдема. Указание на такое понимание присутствует в стихотворении «Сад», написанном в XX в. М. Цветаевой, в котором есть слова: «...тот сад, а может быть, тот свет...».

Садово-парковая культура начала свое развитие в отечественной истории с XVIII в. Но осмысление этого явления как культурного пространства пришло столетием позже, что было отголоском на расцвет дворянской усадебной культуры. В XX в. этот интерес не угасает, напротив, несмотря на послереволюционные настроения и вандализм, многогранное изучение садово-парковой, усадебной, культуры получит название «золотого века» отечественного краеведения. Это было связано с подвижничеством людей (многие из которых, так или иначе, пострадали после 1917 г.), считавших необходимым своим долгом сохранение памяти о величии прошлого России и по возможности самих памятников.

Выбранная тема на протяжении двух столетий приобретала всё большее философское осмысление. В XIX в. достаточное внимание истории Крыма уделялось в связи с широким масштабом археологических исследований. Так, например, одним из авторов

в этом направлении был профессор Московской духовной академии И. Д. Мансветов. В середине XX в. появился труд Д. С. Лихачева, посвященный изучению садово-парковой культуры [Лихачев 1982]. Можно сказать, что это были этапы в расширении контекстов исследования данной темы. Во второй половине XX в. появились работы, посвященные этой проблематике; и в наше время исследования различных ее аспектов не утрачивает значения [Вавер 2002; Коляда 2002; Сахарова 2007]. Так, сады и парки рассматриваются в философском контексте как одно из самых «синтезирующих искусств», куда «вплетены» зодчество, скульптура, живопись; исследуются «мировоззренческие основания стилей садово-паркового искусства различных эпох и формировавшихся в связи с этим особых архетипов садово-парковой культуры», которые, в свою очередь, отражают национальное мировосприятие [Вавер 2002, с. 2]. Садово-парковая культура рассматривается «как попытка создания идеального мира взаимоотношений человека с природой» [там же]. Однако, как было сказано выше, природа может восприниматься и как средство, приближающее человека к Богу. В данной статье привлекаются исторические, литературоведческие, богословские контексты для раскрытия понятия «сад» в отечественной культуре. Обращено внимание на христианские коннотации и архетипы, которые, как правило, раскрывают семантические основания того или иного понятия и сохраняют свою актуальность и научный потенциал и в наше время. Неслучайно народная мудрость гласит: «Где природа, там Бог близок».

Подобное внимание к садово-парковой культуре необходимо не только как противостояние потребительского отношения к природе, но и в отношении популяризации этой стороны отечественной культуры. В статье об искусствоведении бароне Н. Н. Врангеле, деятельность которого приходится на начало XX в., сказано: «Если не сохранять и не изучать искусство старых мастеров, то остановится развитие нового искусства. Для сохранения искусства старых мастеров требуется его популяризация» [Лурье 2000, с. 19]. То, что понимали исследователи усадебной культуры 100 лет назад, важно и сегодня.

Заключение

В статье на примере памятников садово-парковой архитектуры и усадебной культуры Крыма раскрываются особенности понимания данного феномена в отечественной картине мира. Прослеживаются

направления исследований по данной проблематике в XX в. Междисциплинарный характер исследования позволяет не только указать на целостность мировосприятия в традиции народа, но и предлагает векторы развития в прикладном направлении, связанные с охраной и комплексной реставрацией памятников садово-парковой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алупка. Дворец и парк. Из истории усадебной культуры Южного берега Крыма : Альбом. Киев : Мистецтво, 1992. 240 с.
- Вавер О. Ю. Мировоззренческие основания мировой и отечественной садово-парковой культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Нижневартовск, 2002. 26 с.
- Коляда Е. М. Дворцы и парки Крыма XIX – начала XX века, история создания и стилистическая характеристика : дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2002. 181 с.
- Лихачев Д. С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1982. 343 с.
- Лурье Ф. Дилетант // Н. Н. Врангель Старые усадьбы: Очерки истории русской дворянской культуры. СПб. : Нева ; Летний сад, 2000. С. 3–22.
- Паустовский К. Г. Избранное. М. : Московский рабочий, 1962. 524 с.
- Сахарова Е. В. Садово-парковый топос в русской литературе первой трети XIX века : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007. 241 с.
- Сумароков П. Досуги крымского судьи: в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Императорская типография, 1805. 244 с.

REFERENCES

- Alupka. Dvorec i park. Iz istorii usadebnoj kul'tury Juzhnogo berega Kryma : Al'bom. Kiev : Mistectvo, 1992. 240 s.
- Vaver O. Ju. Mirovozzrencheskie osnovanija mirovoj i otechestvennoj sado-vo-parkovoj kul'tury : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Nizhnevartovsk, 2002. 26 s.
- Koljada E. M. Dvorcy i parki Kryma XIX – nachala XX veka, istorija sozdanija i stilisticheskaja harakteristika : dis. ... kand. iskusstvovedenija. SPb., 2002. 181 s.
- Lihachev D. S. Pojezija sadov: K semantike sadovo-parkovyh stilej. L. : Nauka, Leningr. ot-d-nie, 1982. 343 s.
- Lur'e F. Diletant // N. N. Vrangeli Starye usad'by: Ocherki istorii russkoj dvorjanskoj kul'tury. SPb. : Neva ; Letnij sad, 2000. S. 3–22.
- Paustovskij K. G. Izbrannoe. M. : Moskovskij rabochij, 1962. 524 s.

Saharova E. V. Sadovo-parkovyj topos v russskoj literature pervoj treti XIX veka : dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2007. 241 s.

Sumarokov P. Dosugi krymskogo sud'i: v 2 ch. Ch. 2. SPb. : Imperatorskaja tipografija, 1805. 244 s.

БЕРЛИНСКИЙ КОД В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ФЕЛЬЕТОНЕ

Фельетон представляет собой особый вид очерковой публицистики, воздействующий на читателя актуальностью выбранной темы и средствами выразительности. Благодаря максимально выраженному авторскому началу и искусной расстановке смысловых акцентов фельетон является мощным средством воздействия на широкий круг читателей. Таким образом, данный тип текста содействует формированию общественного мнения, взглядов, интересов и стремлений массового реципиента, а также влияет на деятельность социальных институтов. Фельетонист выражает менталитет конкретного лингвосоциума, его тексты несут «печать культуры» определенного этапа в общественной жизни. Из этого следует, что фельетонист является своего рода проводником культуры, фиксирует определенные привычки, принятые в обществе нормы поведения. В статье рассматривается понятие берлинского кода в современном немецкоязычном фельетоне. В немецкоязычном фельетоне берлинский код трактуется как совокупность описаний столицы Германии, которые передают определенные характерные черты, свойственные именно Берлину и связанные с историей, урбанистическим ландшафтом, социальной и культурной жизнью данного города. Берлинский код передается посредством языковых и неязыковых средств. В берлинском коде можно выделить следующие компоненты: локацию, время, реалии, достопримечательности, цитаты и диалект. В этом смысле немецкоязычный фельетон является каналом передачи и распространения берлинского кода, что обеспечивает его воздействие на массового читателя.

Ключевые слова: фельетон; средства выражения; культурный код; берлинский код.

BERLIN CODE IN THE MODERN GERMAN-SPEAKING FEUILLETON

A feuilleton is a special kind of essay journalism aimed at influencing the reader with the relevance of the chosen topic and means of expression. In a feuilleton the author expresses his opinion and uses different semantic accents, which is why a feuilleton is a powerful means of influencing the general reader. Thus, this type of text contributes to the formation of public opinion, attitudes, interests and aspirations of the reader, as well as influences the activities of social institutions.

By describing people's habits and accepted norms of behavior in society the author brings to the surface people's mentality and conveys the cultural life of society. The article discusses the concept of the Berlin code in the modern German feuilleton. In the German feuilleton the Berlin code is interpreted as a set of descriptions of the German capital, which convey certain characteristics of Berlin, its history, the urban landscape, the social and cultural life of the city. The Berlin code has the following components: location, time, realities, sights, quotes and dialect. The German feuilleton is a channel for transmitting and disseminating the Berlin code, which helps the author to influence the reader.

Key words: feuilleton; means of expression; cultural code; Berlin code.

Введение

В современном мире публицистика оказывает определяющее воздействие на поведение и мышление адресата. Одним из частотных жанров реализации публицистического дискурса является фельетон, оказывающий мощное социально-психологическое влияние на аудиторию. Фельетон освещает актуальные вопросы и явления текущей жизни общества и передает фактические данные о различных ее сторонах, выражает оценку автора, а также предлагает пути и способы решения описанной проблемы.

Жанр современного немецкоязычного фельетона призван освещать злободневные общественно-политические, социально-бытовые и культурные события, на которых следует заострить внимание широкого круга читателей. Таким образом, данный тип текста содействует формированию общественного мнения, взглядов, интересов и стремлений массового реципиента, а также влияет на деятельность социальных институтов. Фельетонист выражает менталитет конкретного лингвосоциума, его тексты несут «печать культуры» определенного этапа в общественной жизни. Из этого следует, что фельетонист является своего рода проводником культуры, фиксирует определенные привычки, принятые в обществе нормы поведения. Автор передает результат личной духовной рефлексии, свой жизненный опыт и профессиональные знания или, иными словами, «ассоциативное поле, сверхтекстовую организацию значений» [Барт 1989, с. 39]. Можно утверждать, что публицист определяет и выражает сформированный культурный код данного сообщества.

Культурный код является определенным ключом к пониманию уникальных особенностей, присущих конкретному социуму, позволяющих его идентифицировать. По мнению А. И. Кравченко, культурный

код – это «совокупность знаков (символов) и систем зафиксированных правил, при помощи которой информация может быть представлена (закодирована) в виде набора из таких символов, для передачи, обработки, хранения и запоминания» [Кравченко 2001, с. 241]. Культурный код можно охарактеризовать как некий набор образов, с которым связан комплекс стереотипов, формирующийся под воздействием национальной культуры, в которой человек был социализирован. Культурный код, или как его еще называют, национальный менталитет [Худoley 2014, с. 157] – позволяет понять культурное своеобразие нации и выстроить стратегии ее дальнейшего развития.

По мнению Ю.М.Лотмана, «постижение культурного кода возможно при целенаправленном погружении в тексты и контексты культуры в процессе изучения традиций и истории народа» [Лотман 2011, с. 147]. К таким текстам относится также и современный немецкоязычный фельетон. «То, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы знаем благодаря массмедиа» [Луман 2005, с. 8]. В современных немецкоязычных фельетонах культурный код находит свое выражение в том числе и в описании столицы Германии – Берлина. Немецкоязычные публицисты создают своеобразный имидж города, формируя берлинский код.

Раскрытие понятия берлинского кода

Под берлинским кодом в современном немецкоязычном фельетоне мы понимаем совокупность описаний столицы Германии, которые передают определенные характерные черты, свойственные именно Берлину и связанные с историей, урбанистическим ландшафтом, социальной и культурной жизнью данного города. В берлинском коде мы выделяем следующие компоненты, которые можно подвергнуть лингвистическому анализу, т. е. анализу языковых и неязыковых средств, расшифровывая тем самым культурно-историческое наследие Берлина. С позиции лингвистического анализа возможно декодировать *локацию, время, реалии, достопримечательности, цитаты и диалект*. Рассмотрим упомянутые выше компоненты на примерах немецкоязычных фельетонов.

Локация: языковые и неязыковые средства, встречающиеся в современном немецкоязычном фельетоне, которые описывают непосредственно Берлин.

Первое подробное описание Берлина в немецкоязычном фельетоне можно встретить в работах Зигфрида Кракауэра¹. Его работы относятся к 20–30-м гг. XX в. и включают наблюдения за будничной жизнью. Они передают дух эпохи и одновременно дают объяснения маленьким событиям: «Beobachtungen des Alltags sein, sie sollten kleine Begebenheiten wiedergeben und zugleich interpretieren» [Schmidt-Lux, Thériault 2016]. Приведем фрагмент из фельетона «Ein Stück Friedrichstraße» 1932 г., в котором описана одна из центральных улиц Берлина:

Ein Stück Friedrichstraße

Photographischer Geschäfte ... müssen immer wieder die Nachbarschaft von Rundfunkklädchen erdulden. Vermutlich erklärt sich ihre Anwesenheit daraus, daß Auge und Ohr einander verschwistert sind. Wie volkstümlich das Radio schon ist, beweisen die schwierigen technischen Beschreibungen, die neben den schwarzen oder braunen Kästen im Schaufenster liegen. Junge Burschen überfliegen die Texte mit einem fachmännischen Verständnis, das sie den politischen Ereignissen offenbar nicht entgegenbringen. Sonst wäre die Politik bei uns anders, und die Lautsprecher überwögen nicht so [Kracauer 2011, с. 14].

На улице Фридрихштрассе

Магазины фотокарточек ... вынуждены терпеть соседство с магазинами радиоприемников. Возможно, их близость объясняется тем, что глаза и уши тесно связаны. Насколько радио уже прижилось в народе, можно судить по сложным техническим инструкциям, которые лежат на витрине рядом с черными и коричневыми ящиками. Молодые парни пролистывают эти тексты с видом знатоков; если бы они также хорошо разбирались в политических событиях. Политика была бы у нас тогда совсем другой, и не нужны были бы кругом громкоговорители.

Данный фрагмент погружает читателя в городскую суету с реалиями и персонажами начала века. Кракауэр использует стилистические средства и передает злободневные для своего времени социально-

---

¹ Зигфрид Кракауэр (нем. Siegfried Kracauer, 8 февраля 1889, Франкфурт-на-Майне, Германия – 26 ноября 1966, Нью-Йорк) – немецкий социолог массовой культуры, кинокритик, писатель, публицист, один из самых влиятельных теоретиков кинематографа. Сформировал учение о спиралевидной взаимозависимости коммерческого кино и массовой психологии: кино верно отражает психологию масс со всеми ее «темными» сторонами и, в свою очередь, воздействует на формирование оной.

политические события, оказывая мощное воздействие на точку зрения широкого читателя. Яркие образы и необычная подача материала передают настроения этого периода. С одной стороны, Кракауэр описывает отголоски еще экономически стабильной и размеренной жизни города в период так называемых «золотых двадцатых» Веймарской Республики: *Photographischer Geschäfte ... müssen immer wieder die Nachbarschaft von Rundfunkklädchen erdulden* (ср. рус.: Магазины фотокарточек ... вынуждены терпеть соседство с магазинами радиоприемников). Однако уже виден явный намек на массовую пропаганду: *Sonst wäre die Politik bei uns anders, und die Lautsprecher überwögen nicht so* (ср. рус.: Политика была бы у нас тогда совсем другой, и не нужны были бы кругом громкоговорители), что свойственно уже гитлеровской Германии. Таким образом, публицист создает определенный портрет города.

Время: нам представляется важным сравнить языковые и неязыковые средства, которые посвящены Берлину и относятся к разным периодам истории города.

Нынешние журналисты обращаются к явлениям современности, и берлинский код также находит свое выражение в актуальных фельетонах. Для примера рассмотрим отрывок из фельетона «*Dunkle Technohöhlen in Berlin und anderswo*» А. Мархеля, написанный в 2016 г.:

Dunkle Technohöhlen in Berlin und anderswo

Es gibt in Berlin und anderswo eine Reihe von Clubs, die sich ganz der Technoszene verschrieben haben und deren Dresscode sich in der Farbvorgabe schwarz erschöpft. Eine alternative Farbwahl führt jedoch nicht zum Rauswurf, höchstens zu abschätzigen Blicken seitens des Szenekerns. Techno ist schließlich eine ernste Sache. Über diese Clubs wabern gewisperte Legenden durch die Städte. <...> Ich war zu fröhlich, deshalb wurde ich nicht reingelassen [Marchel 2016].

Темные технопещеры в Берлине и не только

В Берлине и в других городах существуют клубы, в которых играют исключительно техномузыку; дресс-код – по умолчанию черный. Альтернативный выбор цвета, конечно, не ведет к вышвыриванию из клуба, но, по крайней мере, высокомерные взгляды со стороны арьерсцены обеспечены. В конце концов, техно – это дело серьезное. Об этих клубах по городу ходят слухи и легенды. <...> Я был слишком веселым, поэтому меня не пустили.

Данный фельетон посвящен современному Берлину. Автор описывает один из клубов молодежной субкультуры. В современном немецкоязычном социально-бытовом фельетоне большое внимание по-прежнему уделяется описанию деталей городской жизни: *Es gibt in Berlin und anderswo eine Reihe von Clubs, die sich ganz der Technoszene verschrieben haben und deren Dresscode sich in der Farbvorgabe schwarz erschöpft* (ср. рус.: *В Берлине и в других городах существуют клубы, в которых исключительно играют технмузыку; дресс-код – по умолчанию черный*). Таким образом, адресант в своих работах воссоздает не только персонажа, но и окружающую его действительность.

Сравнивая два первых примера «Ein Stück Friedrichstraße» и «Dunkle Technohöhlen in Berlin und anderswo», можно наблюдать, как Берлин превращался в современный мегаполис. Так как фельетонисты описывают актуальные для своего времени явления, насущные вопросы, имеющие решающее значение в текущей жизни, можно проследить, как развивается город, что интересует и волнует его жителей в настоящий момент.

Реалии: каждый город имеет свои особенности, которые раскрывают его уникальность и присущи данному месту. Это проявляется в языковых и неязыковых средствах, используемых в современном немецкоязычном фельетоне.

Современный Берлин считается столицей технмузыки, недаром этот стиль имеет также общепринятое немецкое название – *Kraftwerk*. Здесь огромное количество клубов, где играют этот жанр электронной музыки. Поэтому выбор темы журналистом вполне обоснован, так как это является отражением насущных проблем городской жизни, и фельетонист подобным образом раскрывает сегодняшний Берлинский код.

Историческое формирование города тесно связано с определенными реалиями. Знаменательные события оказывают определяющее воздействие на дальнейшее становление города. Публицисты для привлечения внимания читательской аудитории нередко прибегают к аллюзиям, т. е. приводят аналогию на общеизвестные факты, исторические события, литературные произведения и т. д., например:

Der Berliner nutzt jede Chance zur Flucht

Eine aktuelle Studie hat ermittelt, wie viel Geld die Berliner für Urlaube ausgeben. Unser Kolumnist zieht daraus seine eigenen Schlüsse [Bernd 2017].

Берлинец использует любой шанс для побега

Актуальное исследование показало, сколько житель Берлина тратит на отпуск. Наш обозреватель делает собственные выводы.

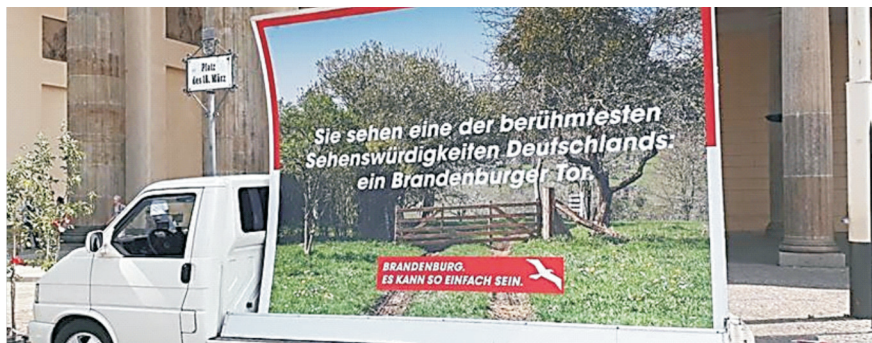
Заголовок данного фельетона отсылает читателя к важным историческим событиям середины XX века, когда Берлин был разделен на две части: Западный и Восточный. Известны случаи, когда жители Восточного Берлина, спасаясь от несправедливости тоталитарного режима, предпринимали попытки пересечь границу и совершить побег в Западную часть города, что и отражено в заголовке данного фельетона: *Der Berliner nutzt jede Chance zur Flucht*. Подзаголовок часто тематически связан с заголовком и отражает содержание непосредственно самого фельетона. Автор играет со смыслом: заинтересовывает в заголовке и раскрывает суть текста в подзаголовке, из которого мы узнаем, что речь идет о планировании жителями Берлина своего отпуска. При помощи данного заголовка публицист заинтересовывает реципиента и формирует берлинский код, так как обращается к историческим фактам, освещаая реалии, свойственные Берлину.

Достопримечательности: языковые и неязыковые средства, описывающие культурные памятники или здания, ставшие «визитной карточкой» города, которые автор использует в современном немецкоязычном фельетоне.

Достопримечательности могут относиться к реалиям, однако мы выделяем их в отдельный пункт, поскольку это культуруобразующий пласт, передающий дух определенной исторической эпохи и обнажающий ее ценностную и эстетическую значимость. Бранденбургские ворота являются одним из самых знаменитых символов города, определяющим берлинский код. Они олицетворяют берлинский классицизм, были построены Карлом Готтгардом Ланггансом в 1789–1791 гг. Их первоначальное название – Ворота мира. Бранденбургские ворота стали безмолвными свидетелями истории, так как долгие годы служили символом разделенных Германии и Берлина, а после 1989 г. воплощают воссоединение страны. В связи с этим нам представляется интересным фельетон «Ein Stück Brandenburg für jeden» Б. Маттиса:

Ein Stück Brandenburg für jeden

Brandenburg bringt ein Brandenburger Tor zum Brandenburger Tor. Das konnte sich Bernd Matthies nicht entgehen lassen. Eine Glosse [Matthies 2018].

Каждому по кусочку Бранденбурга

Бранденбург привез Бранденбургские ворота к Бранденбургским воротам. Бернд Матиас не смог пройти мимо (не написать об этом). Фельетон.

Подзаголовок представляет собой игру слов: *Brandenburg bringt ein Brandenburger Tor zum Brandenburger Tor* (ср. рус.: *Бранденбург привез Бранденбургские ворота к Бранденбургским воротам*). Фельетон сопровождается фотографией, которая частично раскрывает данный каламбур: перед Бранденбургскими воротами стоит грузовая машина с рекламным плакатом, на котором изображены сельские ворота – калитка, ведущая в сад. В фельетоне описана кампания по созданию положительного имиджа Федеральной земли Бранденбурга, и ее смысл заключается в том, чтобы напомнить, что правительство данной Федеральной земли поддерживает сельское хозяйство в Бранденбурге, несмотря на то, что почва здесь довольно скудная и песчаная. Слоган имидж-кампании, который написан на рекламном плакате грузовика, гласит: *Sie sehen eine der berühmtesten Sehenswürdigkeiten Deutschlands: ein Brandenburger Tor*” (ср. рус.: *Вы видите одну из самых известных достопримечательностей Германии – Бранденбургские ворота*). Таким образом, фельетонист комбинирует вербальные и невербальные знаки, обладающие «интерпретативной устойчивостью» [Симбирцева 2016, с. 161]. То есть на уровне личностного восприятия совокупность вышеуказанных знаков мгновенно вызывает определенные стойкие ассоциации у адресата, которые неразрывно связаны с Берлином и его достопримечательностями. Таким образом, публицист апеллирует к Берлинскому коду, одновременно формируя его.

Цитаты: высказывания, связанные с Берлином, которые встречаются в современном немецкоязычном фельетоне.

Работая над материалом, журналист опирается «на свой, общий с адресатом, фонд знаний» [Городникова, Добровольский 1998, с. 9], поэтому нередко в своих работах он приводит цитаты знаменитых людей данного культурного сообщества. С Берлином связано довольно много известных цитат, одна из которых использована в следующем фельетоне:

Von Theodor Fontane stammt der Satz: «Vor Gott sind eigentlich alle Menschen Berliner.» Fontane schrieb das in einem Text mit dem Titel «Berliner Ton», und es geht darum, dass die Berliner forscher und lauter sind als der Rest der Welt und ungern andere zu Wort kommen lassen. Leider konnte auch Fontane nicht sagen, warum der Berliner Ton so ist, wie er ist» [Süddeutsche Zeitung 2016].

Перу Теодора Фонтане принадлежит следующая цитата: «На самом деле все люди перед Богом берлинцы». Это цитата из его произведения «Манера поведения берлинцев», в котором речь идет о том, что берлинцы бойчее и громче, чем все остальные и не очень-то любят слушать других. К сожалению, даже Фонтане не мог объяснить, почему манера поведения берлинцев такова.

Публицист недаром начинает свой фельетон о Берлине с цитаты Теодора Фонтане¹, потому как в творчестве данного писателя наиболее значимым является цикл «берлинских романов» («Неверная жена», «Шлах фон Вутенов», «Сесилия», «Пути-перепутья», «Стина», «Госпожа Женни Трайбель»). При помощи цитаты Фонтане публицист устанавливает общие доверительные отношения с адресатом, так как он обращается к «совокупности окультуренных представлений о картине мира» [Телия 1999, с. 13], свойственных данному лингвосоциуму.

Диалект: произносительные особенности, свойственные проживающим в данном населенном пункте, которые отражены в современном немецкоязычном фельетоне.

Воссоздавая пейзажи городской жизни, фельетонист нередко прибегает к использованию сенсорных оценок. Это позволяет оказывать

---

¹ Теодор Фонтане (нем. Theodor Fontane; 30 декабря 1819, Нойруппин – 20 сентября 1898, Берлин) – немецкий писатель и поэт, наиболее яркий представитель реализма в немецкой литературе XIX вв.

моментальное воздействие на читателя, так как они связаны с чувствами восприятия. Визуальные, аудиальные (слуховые), тактильные, вкусовые, обоняемые (ольфакторные) описания придают тексту яркость и экспрессивность.

Рассмотрим отрывок из фельетона, посвященного берлинскому диалекту «*Berlinisch im Duden*».

Berlinisch im Duden

Ich gloob, ick spinne! (на берлинском диалекте. – Прим. авт.)

Das Wort «Icke» kommt in den Duden. <...> Die drei gängigsten Entgegnungen eines Berliners auf einen Gesprächsanfang (egal welchen) lauten ja: Wat willstste? Ick gloob, ick spinne! Ach, hör ma uff (на берлинском диалекте. Прим. авт.) [Ide 2017].

Берлинский диалект в словаре «Дуден»

Я думаю, я сошел с ума!

Слово Icke появилось в словаре «Дуден». <...> Три самых распространенных ответа берлинца в начале любого разговора звучат так: Что надо? Я думаю, я сошел с ума! Ах, прекрати!

Берлинский диалект – это «смесь» нескольких различных диалектов, распространенных в Берлине и окрестностях Бранденбурга и образовавших «городской язык». Данному метролекту свойственны хлесткие выражения и фонетические особенности: *Wat willstste? Ick gloob, ick spinne!* (ср. рус.: *Что надо? Я думаю, я сошел с ума!*); *Ach, hör ma uff, “Icke*. В литературном варианте немецкого языка эти предложения выглядят следующим образом: *Was willst du? Ich glaube? Ich spinne!, Ach, hör mal auf*. В берлинском диалекте присутствует фонетическая редукция, ведущая к экономии языка. Например, местоимение *ich* (ср. рус.: *я*) звучит в берлинском диалекте, как *ick* или *icke*). Для этого стиля общения употребляется понятие «*Berliner Schnauze*». Берлинский диалект преимущественно устный, поэтому тот факт, что берлинизм местоимения *ich* вошел в конвенциональный словарь «Дуден» заинтересовал фельетониста: *Berlinisch im Duden* (ср. рус.: *Берлинский диалект в словаре «Дуден»*).

Несомненно, берлинский диалект является компонентом берлинского кода. Популярности берлинского диалекта поспособствовало радио- и телевидение во второй половине XX в., и он стал одним из наиболее узнаваемых во всех частях Германии и ассоциируется со столицей ФРГ.

Заключение

Таким образом, фельетонист порождает специфическую дискурсивную реальность, в рамках которой создается и реализуется берлинский код. Кроме того, это способствует формированию общей национальной идентичности автора и адресата. Следует отметить, что журналист при обращении к широкому кругу читателей всегда опирается на определенный тематико-смысловой пласт, связанный с обращением субъекта коммуникации к реалиям культуры или концептам культуры, составляющим основу миропонимания представителей данного культурного сообщества. Для правильного понимания всего текста необходимо общее культурное единство фельетониста и читателя, сходство их «образов сознания», одинаковое понимание установленных в данной культуре правил поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
- Городникова М. Д., Добровольский Д. О.* Немецко-русский словарь речевого общения. М. : Русский язык, 1998. 332 с.
- Кравченко А. И.* Культурология: словарь. 2-е изд. М. : Академический проект, 2001. 672 с.
- Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX вв). СПб. : Искусство–СПб., 2011. 412 с.
- Луман Н.* Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М. : Практика, 2005. 253 с.
- Симбирцева Н. А.* «Код культуры» как культурологическая категория // Знание. Понимание. Умение // Культура. Культурология. 2016. № 1. С. 157–167.
- Телия В. Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 13–24.
- Худoley Н. В.* Культурный литературный код современного российского читателя // Вестник КемГУКИ. Серия «Педагогика». 2014. № 29. С. 155–164.
- Bernd M.* Der Berliner nutzt jede Chance zur Flucht // Tagesspiegel. 22. November 2017. URL: www.tagesspiegel.de/berlin/glosse-der-berliner-nutzt-jede-chance-zur-flucht/20613968.html.
- Ide R.* Berlinisch im Duden. Ick gloob, ick spinne! // Tagesspiegel. 6. April 2017. URL: www.tagesspiegel.de/berlin/berlinisch-im-duden-ick-gloob-ick-spinne/19624052.html.

- Kracauer S.* Essays, Feuilletons, Rezensionen. Band 5•4. 1932–1965. Suhrkamp Verlag Berlin, 2011. 174 S.
- Marchel A.* Dunkle Technohöhlen in Berlin und anderswo // Soziologieblog. 5. December 2016. URL: soziologieblog.hypotheses.org/9981.
- Matthies B.* Image-Kampagne des Bundeslandes Ein Stück Brandenburg für jeden // Tagesspiegel. 4. Juni 2018. URL: www.tagesspiegel.de/berlin/image-kampagne-des-bundeslandes-ein-stueck-brandenburg-fuer-jeden/22640976.html.
- Schmidt-Lux T., Thériault B.* Was ist ein Feuilleton? // Soziologieblog. 24. Oktober 2016. URL: soziologieblog.hypotheses.org/author/wibke.
- Süddeutsche Zeitung: Das Streiflicht // Süddeutsche Zeitung. 11. Januar 2016. URL: www.sueddeutsche.de/politik/glosse-das-streiflicht-1.2813065?reduced=true.

REFERENCES

- Bart R.* Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika / per. s fr. ; sost., obshh. red. i vstup. st. G.K. Kosikova. M. : Progress, 1989. 616 s.
- Gorodnikova M.D., Dobrovol'skij D.O.* Nemecko-russkij slovar' rechevogo obshhenija. M. : Russkij jazyk, 1998. 332 s.
- Kravchenko A.I.* Kul'turologija: slovar'. 2-e izd. M. : Akademicheskij proekt, 2001. 672 s.
- Lotman Ju. M.* Besedy o russkoj kul'ture. Byt i tradicii russkogo dvorjanstva (XVIII – nachalo XIX vv). SPb. : Iskustvo–SPb., 2011. 412 s.
- Luman N.* Real'nost' massmedia / per. s nem. A. Ju. Antonovskogo. M. : Praxis, 2005. 253 s.
- Simbirceva N.A.* «Kod kul'tury» kak kul'turologicheskaja kategorija // Znanie. Ponimanie. Umenie // Kul'tura. Kul'turologija. 2016. № 1. S. 157–167.
- Telija V.N.* Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava jazyka v kontekste kul'tury // Frazeologija v kontekste kul'tury / otv. red. V.N. Telija. M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1999. S. 13–24.
- Hudolej N. V.* Kul'turnyj literaturnyj kod sovremennogo rossijskogo chitatelja // Vestnik KemGUKI. Serija «Pedagogika». 2014. № 29. S. 155–164.
- Bernd M.* Der Berliner nutzt jede Chance zur Flucht // Tagesspiegel. 22. November 2017. URL: www.tagesspiegel.de/berlin/glosse-der-berliner-nutzt-jede-chance-zur-flucht/20613968.html.
- Ide R.* Berlinisch im Duden. Ick gloob, ick spinne! // Tagesspiegel. 6. April 2017. URL: www.tagesspiegel.de/berlin/berlinisch-im-duden-ick-gloob-ick-spinne/19624052.html.
- Kracauer S.* Essays, Feuilletons, Rezensionen. Band 5•4. 1932–1965. Suhrkamp Verlag Berlin, 2011. 174 S.

- Marchel A.* Dunkle Technohöhlen in Berlin und anderswo // Soziologieblog. 5. December 2016. URL: soziologieblog.hypotheses.org/9981.
- Matthies B.* Image-Kampagne des Bundeslandes Ein Stück Brandenburg für jeden // Tagesspiegel. 4. Juni 2018. URL: www.tagesspiegel.de/berlin/image-kampagne-des-bundeslandes-ein-stueck-brandenburg-fuer-jeden/22640976.html.

УДК 81-119

Фэн Юэ

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания ФГБОУ ВО МГЛУ;
e-mail: 864427560@qq.com

СПЕЦИФИКА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ (на материале книги Ло Чанпэя «Язык и культура»)

Лингвокультурология в современном Китае берет свое начало с выпуска книги Ло Чанпэя «Язык и культура». В работе подробно рассматривается основное содержание этой книги, чтобы представить картину исследования лингвокультурологии в Китае. Книга включает разные аспекты отношения языка и культуры, в том числе происхождение иероглифа и следы прошлой культуры, заимствование слов и культурные контакты, названия мест и миграция народов и др. Кроме того, в работе анализируются основные течения в лингвокультурологии после выхода трудов Ло Чанпэя и обобщена специфика его исследований.

Ключевые слова: лингвокультурология; язык; культура; китайский язык.

Feng Yue

PhD student, Department of General and Comparative Linguistics, MSLU;
e-mail: 864427560@qq.com

CONTEMPORARY LINGUO-CULTURAL STUDIES IN CHINA (an analysis of Lo Changpei's book language and culture)

Chinese Linguoculturology originates from the release of Lo Changpei's book Language and Culture. A detailed discussion of the contents of this book serves to show the way linguo-cultural studies evolved in China. It is pointed out that Lo Changpei's book highlights various aspects of relationship between language and culture, including the origin of the character and traces of past cultures, borrowed words and cultural contacts, place names and ethnic migration, etc. In addition, the present article focuses on the scientific heritage of Lo Changpei's research and analyzes the main trends in contemporary linguoculturology.

Key words: linguoculturology; language; culture; Chinese language.

Введение

Ло Чанпей 罗常培 (1899–1958), наряду с Чжао Юаньжэнь 赵元任 (1892–1982) и Ли Фангуй 李方桂 (1902–1987), считается основоположником современной китайской лингвистики. Их научные достижения оказали существенное влияние на развитие китайской лингвистики.

Научные интересы Ло Чанпея чрезвычайно широки: фонология, языки малых народностей, диалектология, преподавание языков, лингвокультурология. Его монография «Язык и культура» считается первой работой в китайской лингвокультурологии и социолингвистике, поскольку она заложила основы их дальнейшего развития. Ло Чанпей впервые в Китае начал связывать исследование языка с изучением культуры, общества, указывал, что «исследование языкознания нельзя проводить только на основе языковых материалов, его непременно нужно связывать с общественными феноменами и сознаниями» [罗常培 2003, с. 5].

В данной работе рассматривается специфика лингвокультурологических исследований в современном Китае, основываясь на анализе монографии Ло Чанпея «Язык и культура».

Китайский язык как изолирующий существенно отличается от европейских языков. Кроме того, китайские иероглифы, история которых насчитывает тысячелетия, непосредственно отражают специфическую культуру и сознание создавшего их народа. Прояснение особенностей становления лингвокультурологии в современном Китае способствует дальнейшему ознакомлению с китайской культурой, оптимизации преподавания китайского языка и коммуникации между носителями русского и китайского языков.

Основным *источником* данной работы является монография Ло Чанпея «Язык и культура». Кроме того, в ней использованы публикации китайских ученых по проблемам лингвокультурологии, в том числе статья Шао Цзинминь «О трех главных течениях в китайской лингвокультурологии» и работа Мэн Хуа «Переосмысление китайской лингвокультурологии». В качестве *методов исследования* используются концептуальный, контекстуально-интерпретативный и сопоставительный анализ.

Цель работы состоит в том, чтобы посредством анализа монографии «Язык и культура» и других трудов по лингвокультурологии выявить специфику этих исследований в современном Китае. Цель работы определяет постановку следующих задач:

- анализ труда Ло Чанпея «Язык и культура»;
- представление развития китайской лингвокультурологии и ее главных течений;

выявление специфики исследований в данной области в современном Китае.

Основное содержание книги Ло Чанпея «Язык и культура»

Первое издание книги Ло Чанпея «Язык и культура» вышло в 1950 г. Основная часть материалов собраны Ло Чанпеем для этой книги во время проводившегося им исследования языков малых народностей на юго-востоке и юго-западе Китая и в процессе чтения лекций в США (1944–1948).

Книга «Язык и культура» состоит из восьми глав. Первая глава содержит введение, в котором ученый, прежде всего, цитирует известных лингвистов – Э. Сепира, Л. Палмера, доказывая, что язык и культура тесно взаимосвязаны и затрагивают чрезвычайно широкие общественные сферы. Следует отметить, что в дальнейших главах автор использовал примеры из китайского, английского, америндских и других языков. Но в данной работе будут приведены только примеры из китайского языка.

Вторая глава посвящена поиску следов прошлых культур в происхождении слов. Ло Чанпей указывал: «В различных языках современное значение многих слов значительно отличается от их первоначальной семантики. Если мы не знаем их культурного происхождения, то будет трудно понимать связь между современными и первоначальными значениями. Только выяснив процесс изменений значений слов, можно не только обнаружить интересные семантические перемены, но и этапы развития культуры» [罗常培 2003, с. 3].

Исследуя связь языка и культуры в Китае, невозможно исключить роль иероглифов. Например, множество современных китайских иероглифов, связанных с семантикой денег, включают ключ 贝 – *раковина*: 财 – *богатство*, 货 – *товар, груз*; 赠 – *дарить*, 贷 – *давать взаймы*, 贿 – *взятка*; 赂 – *дар, взятка* и др. Причину этого факта можно обнаружить в словаре Сюй Шэня «Шо вэнь цзе цзы»: «В древности люди использовали раковину как средство обмена предметами, лишь в эпоху династии Цинь (221–206 до н. э. – Ф. Ю.) отменили раковины, введя деньги». Верхняя часть иероглифа 安 – *спокойствие* интерпретируется как «крыша дома», а его нижняя часть – 女 – означает «женщина». «Шо вэнь цзе цзы» объясняет это следующим образом: «Спокойствие – это когда женщину оставляешь дома». Это позволяет представить себе отношение к женщине в древнем Китае. В этих двух примерах иероглиф – не просто письменная форма китайского языка, он отражает культуру древнего народа и логику мышления предков.

Третья глава содержит мысли автора о психологических основах номинации, позволяющих представить культурный уровень народа. Автор считает, что в просторечии отражаются психологические процессы и уровень культуры данной народности [罗常培 2003, с. 13]. Он приводит примеры из языков малых народностей крайнего юго-запада Китая. Так, народ лоло (傈僳), проживающий в районе Куньмин провинции Юньнань, называет жену 穿针婆 – *женщиной, которая продает нитку в иглу*; народ цюцзы (侗子) из Гаоли (провинция Юньнань) называет заключение брака 买女人 – *покупать женщину*. Уже из этих двух слов можно сделать выводы об отношении этих народностей (夷族) к женщине и увидеть в них примеры меркантильного брака. Народы лису (傈傈) называют блюда к рису 诱饭 – *искушение риса* и используют пять названий водки: 酒 – *водка*, 米酒 – *рисовая водка*, 林酒 – *водка из шу* (точнее, из гаолян с большой вязкостью), 水酒 – *вода-водка, некрепкая водка*, 烧酒 – *крепкая водка*. Разнообразие таких названий служит свидетельством определенных интересов и склонностей народов Китая.

Четвертая глава позволяет, по мнению замечательного китайского лингвиста, усматривать в заимствовании слов влияние культурных контактов. Эта часть занимает самый большой объем в книге. Ученый анализирует заимствованные слова как иностранный компонент в языке и культуре. Эти слова не только отражают влияние культурных контактов на развитие языков, но и позволяют увидеть в заимствованных словах проекции межкультурной коммуникации. С древних времен главный народ в Китае – Хань – находился в контакте со многими этническими группами, в том числе тюрками, тибетцами, народами Монголии, Индии, Ирана, Персии, Корея, Японии, Мьянмы, современных стран Европы, Америки и др. [罗常培 2003, с. 21].

Автор перечисляет несколько заимствованных слов в китайском языке и анализирует их происхождение с привлечением летописей и других источников. Например, в Древнем Китае не водились львы; первое упоминание слова 狮子 *шицзы* – *лев* появляется в летописи династии Хань: в 88 г. н. э. лев был доставлен в Китай от племен Юэчжи. По мнению многих Китаистов (Бернхард Карлгрен, Поль Пеллио, Эдуард Шаванн и др.), слово *шицзы* было транскрибировано из древнего иранского языка. Этот метод применялся довольно часто: слово 檳榔 *бинлан* – *арека* было транскрипцией малайского *pinang*;

祖母绿 *цзумулуй* – *изумруд* было заимствованием из арабского языка (*zimitirid*) с подражанием его произношению. Интересен случай с последними тремя иероглифами 祖母绿, из которых 祖母 *цзуму* – *бабушка*, 绿 – *зелень*, но изумруд на самом деле к бабушке не имеет никакого отношения.

Кроме такого рода чистой транскрипции, иногда для нее специально выбираются подходящие иероглифы по смыслу. Здесь показательны примеры заимствований из русского языка. Так, в провинции Цилинь трактор (машину для пахоты) называют 马神 *маиэнь*, что непосредственно означает 'бог лошади'. В Харбине хлеб называют 裂粳 *леба*, где 粳 – *вид китайской лепешки*; печь обозначается как 壁里砌 *пиличи*, букв. 'печь внутри стены' [罗常培 2003, с. 34]. Это связано со спецификой китайского языка: один звук соответствует нескольким иероглифам, и каждый иероглиф имеет свое собственное значение.

Иногда создаются новые слова для заимствованных овощей, фруктов и предметов. Например, добавить такие описательные иероглифы перед исконными словами в китайском языке: 胡 *ху*, 洋 *ян*, 番 *фань*, 西 *си* и др., означающие иностранные вещи. К такому виду принадлежат такие слова, как:

胡椒 – *иностранный зантоксилум* – *черный перец*;

胡瓜 – *иностранная дыня* – *огурец*;

胡萝卜 – *иностранная редька* – *морковь*;

洋火 *иностранный огонь* – *спичка*;

番茄 *иностранный баклажан* – *помидор*;

西米 *иностранный рис* – *саго*;

西红柿 *иностранная красная хурма* – *помидор* и др. [там же, с. 36].

Согласно историческим записям, зантоксилум, дыня, редька, хурма, баклажан исконно растут в Китае, и, соответственно, в китайском языке есть такие исконные слова. Но использованные префиксы 胡 *ху*, 洋 *ян*, 番 *фань*, 西 *си* однозначно свидетельствуют об иностранной окраске этих обозначений.

Что касается заимствованных слов из китайского в другие языки, Ло Чанпей в первую очередь приводил типичные примеры – *шелк*, *фарфор*, *чай*. Здесь достаточно привести случай того, как китайское слово 茶 *ча* распространилось в европейских языках. Автор отмечает, что первые европейские купцы, приехавшие в Китай за чаем,

были голландцами. Это произошло в конце XVI в.; в те времена народы в Сямэни (город на юго-востоке Китая. – Ф. Ю.) собирали чай в разных местностях Китая, затем привозили чай на Малайский архипелаг, где создали свой форпост голландцы. Поскольку в сямэньском диалекте 茶 *ча* произносится как [te'] (тэ), то и голландцы усвоили это произношение. В языках стран, покупавших китайский чай в то время в Голландии, 茶 *ча* тоже произносится как [te'], например, во французском, немецком и датском языках. В языках же тех стран, которые покупали чай в центральных регионах Китая, переправляя его сухопутно, для его обозначения применялось официальное произношение 茶 *ча*, например, в русском и португальском языках [罗常培 2003, с. 52]. Это также свидетельствует о разнообразии диалектов в китайском языке и его проявлении в языках в процессе межкультурной коммуникации.

Пятая глава открывает возможность увидеть в географических названиях следы миграции народов. По мнению британского лингвиста Л. Палмера, «топонимика часто предоставляет важные аргументы, которые добавляют и доказывают полученные историками и археологами результаты» [цит. по: там же, с. 62]. Ло Чанпей приводит примеры названий уездов южных провинций, куда переселяли народы с севера. В конце эпохи династии Западная Цзинь на севере Китая шла война, а во время Юнцзя (301–311) произошла первая масштабная миграция в истории Китая: множество северных народов переселяли на юг. У этих мигрантов была привычка называть жителей областей, уездов по названиям прежних мест жительства. Например, уезды Лэньлин и Донгуэнь в начале династии Западная Цзинь входили в состав современной провинции Шаньдун. После эмиграции на территории сегодняшней провинции Цзянсу они сохранили прежние имена, создали уезды Южный Лэньлин и Южный Донгуэнь [там же, с. 66]. Таким образом, изучение таких географических названий позволяет воссоздать исторические факты об этнической миграции.

Шестая глава содержит рассуждения автора книги об отражении принадлежности к нации или религии в фамилиях и прозвищах. Автор отмечает: «Китайский народ был образован в результате слияния многих племен. Хотя эти племена уже существенно китаизированы, иногда в фамилиях все еще можно обнаружить их национальное происхождение» [罗常培 2003, с. 81].

Например, 慕容 *Муцзун* является фамилией народа Сяньби (одного из древнемонгольских племен. – Ф. Ю.). Его потомки разделились

на две ветви – фамилии 慕 *Му* в Пэнлай провинции Шаньдун, фамилии 容 *Жун* в Дунгуэнь провинции Гуандун. Казалось бы, у них нет никакой общности, но на самом деле у них общие предки. Помимо этого, фамилия иногда говорит о религиозной принадлежности. У мусульманского народа Хуэй, кроме нескольких одинаковых с ханьцами фамилий, есть чисто хуэйские фамилии, такие как 哈 *Ха*, 回 *Хуэй*, 海 *Хай*, 虎 *Ху*, 赛 *Сай*, 黑 *Хэй*, 纳 *На* и др. Часто используются также типичные для этого этноса фамилии 马 *Ма*, 麻 *Ма*, 白 *Бай*, 满 *Мэнь*, 藍 *Лэнь* и др. На северо-западе Китая, где компактно проживает народ хуэй, говорят, что «среди десяти хуэйхуэй девять носит фамилию Ма, остальная одна – Ха» [罗常培 2003, с. 82–83].

Седьмая глава посвящена поискам отражения института брака в именах родства. Название играло важную роль в первобытном обществе, поскольку в то время считалось, что одинаковые названия означают одно и то же существо. Ло Чанпей полагает, что система имен родства в определенной степени отражает специфику института брака в данной этнической группе. Он анализировал систему имен родства у народа хэйи 黑夷, проживающего в районе Куньмин провинции Юньнань, и выяснил ее соотношение с институтом брака. Например, среди хэйи разрешается мужчине жениться на дочери дяди (брата матери), но запрещается брать в жены дочь тети (сестры отца), так что у них имена детей дяди (брата матери) и детей тети (сестры отца) четко различаются, причем названия к этим двум нишам родства отличаются от другим, например обращение к родным брату или сестре и к брату или сестре дяди (брата отца) и тети (сестры матери). В то же время автор подчеркивает, что обязательно следует осторожно относиться к таким методам исследования и учитывать различные факторы при изучении института брака [罗常培 2003, с. 107].

Восьмая глава – это заключение, в которой обобщаются главные выводы данной работы, содержащей также четыре приложения, которые представляют собой ценные материалы для исследования языков и культуры малых народностей, в том числе работу «О системе индивидуальных имен у тибетцев и бирманцев».

Место книги «Язык и культура» в современной китайской лингвистике

Несмотря на сравнительно небольшой объем, книга Ло Чанпея охватывает прошлое и настоящее, факты китайского и иностранного

языков и культур [邵敬敏 1991, с. 27]. Известный китайский лингвист Ху Минян 胡明扬 отмечал, что «книга Ло Чанпея “Язык и культура” является первой работой в области лингвокультурологии и социолингвистики, которая имеет новаторский характер для современной китайской лингвистики» [胡明扬 1989, с. 74].

Один из основателей современной китайской лингвистики Ван Ли 王力 высоко оценивает научные достижения Ло Чанпея: «Достижения Ло Чанпея имеют эпохальное значение. Он является первым, кто применил лингвистические теории в языковом исследовании. В то время это было новым путем. Он переходил от исследования языка к исследованию связи между языком и культурой. Книга “Язык и культура” является именно свидетелем такого перехода. Кроме того, он переходил от исследования диалектов китайского языка к изучению языков малых народностей» (цитата из предисловия Син Гунвэнь 邢公畹 к переизданию данной книги) [罗常培 2003, с. 1–2]. В этой книге он приводит множество примеров из языков национальных меньшинств, особенно народов провинции Юньнань.

Следует отметить, что в 40–50 гг. XX в. в Китае лингвокультурология и социолингвистика еще не рассматривались как обособленные дисциплины. Данную работу можно считать первым «ростком» в продвижении развития лингвистики в этих направлениях. Известный китайский социолингвист Сюй Дамин 徐大明 указывал: «Нельзя сказать, что Ло Чанпей уже занимался социолингвистикой в то время. Но его попытки и новые открытия действительно указывали путь к дальнейшим лингвистическим исследованиям. После 1970-х гг. появилось много работ, которые непосредственно продолжают его идеи, изложенные в книге «Язык и культура». Содержание этих работ касается таких аспектов, как связь происхождения слов с историей культуры, исследование имен родства, связь миграции с языком, ономастика, топонимика и др. [徐大明 1999, с. 53].

Таким образом, книга Ло Чанпея «Язык и культура» занимает важное место в современной китайской лингвистике. Она оказала значительное влияние на дальнейшее развитие лингвокультурологии и социолингвистики в Китае.

Лингвокультурологическое исследование в Китае после Ло Чанпея

В 50-е гг. XX в. лингвокультурология всё еще не получала достойного внимания в сообществе лингвистов. Благодаря усилиям

молодых ученых эта ситуация изменилась только в середине 1980-х гг. Они призывали связывать изучение китайского литературного языка и его диалектов с исследованием культуры, обладающей необычайной древностью. Группа молодых ученых-лингвистов из Шанхая организовала в то время тематический семинар «Язык и культура», и целый ряд их научных мероприятий оказал большое влияние на сообщество лингвистов и привлек внимание к проблемам культурологии, социологии и истории.

По мнению известного лингвиста Шао Цзинмин 邵敬敏, в китайской лингвокультурологии существует три основных течения.

Первое течение поддерживает исследование взаимосвязи языка и культуры. Его ведущим представителем является Ю Жунцзе 游汝杰, который полагает, что: «Лингвокультурология является междисциплинарной дисциплиной. В ее рамках нам нужно не только изучать язык на фоне культуры, но и исследовать культурологию с лингвистическими знаниями и, наоборот, нужно исследовать и синхронические, и диахронические феномены. Лингвокультурология занимается культурными коннотациями языка и отношениями языка и культуры» [цит. по: 邵敬敏 1991, с. 27]. Это течение является основным в китайской лингвокультурологии, а книга Ю Жунцзе 游汝杰 и Чжоу Чжэньхэ 周振鹤 «Диалекты и китайская культура» является ярким результатом исследований его представителей.

Сторонники второго течения подчеркивают важность общественной коммуникации. Наиболее яркий его представитель – Чэнь Цзяньминь 陈建民 долгое время занимался исследованием пекинской разговорной речи и считает, что лингвокультурология должна проводиться в соединении с социолингвистикой и коммуникативной лингвистикой. Он говорит о необходимости уделять внимание таким сторонам языка, как коммуникативная функция языка, виды языковой вариативности и изучение языка с динамической точки зрения. Эти три стороны тесно взаимосвязаны, поэтому он подчеркивает, что в лингвокультурологии следует изучать речевую деятельность носителей языка, язык в качестве инструмента этой деятельности и предлагать интерпретацию языковых фактов с культурологической точки зрения [邵敬敏 1991, с. 27].

Третье течение ставит во главу угла культурную идентичность. Его ведущий представитель – Шэнь Сяолун 申小龙, рассматривающий культуру как глубинную структурную модель китайского языка

и считающий, что китайский язык, иероглифы и другие проявления китайской культуры обуславливаются сущностью языка, представляют собой гуманитарные и культурные феномены, но не инструменты [Мэн Хуа 2008, с. 183]. В исследовании Шэн Сяолуна важное место занимает грамматика китайского языка. Он придерживается того мнения, что «исходя из фактов китайского языка, необходимо создать синтаксические теории и системы, соответствующие специфике мышления китайского народа». В то же время он отрицает имитационную склонность в грамматическом исследовании после выхода в свет «Ма ши вэнь тон» (первая китайская грамматика, основанная на грамматиках европейских языков. – Ф. Ю.) [邵敬敏 1991, с. 29].

Итак, после Ло Чанпея китайская лингвокультурология достигла заметных результатов. С одной стороны, продолжают развиваться традиционные идеи и сферы исследования. С другой – были выдвинуты и приобрели важное значение новые идеи и методы.

Заключение

Книга Ло Чанпея «Язык и культура» является беспрецедентной работой в китайской лингвистике. Она заложила основу для дальнейшего развития лингвокультурологии в Китае, которая приобрела особое значение в 1980-х гг. Можно в целом полагать, что специфика лингвокультурологического направления в современной китайской лингвистике проявляется в следующих аспектах.

Во-первых, важное место занимает исследование иероглифов. В отличие от европейских языков, китайский язык обладает полным несоответствием звука и письма. Это приводит к тому, что с древности китайцы, в основном, осуществляли исследование иероглифического письма. В иероглифах непосредственно проявляются следы культуры. Это отражается и в книге «Язык и культура», и в идеях последующих ученых, например Шэнь Сяолун. Иероглиф представляет собой не только письменный знак китайского языка, но и особенное хранилище культуры, играет значительную роль в лингвокультурологии Китая.

Во-вторых, активно осуществляется исследование диалектов китайского языка и языков малых народностей. Ло Чанпей и его современники, будучи лингвистами первого поколения, внесли значительный вклад в изучение различных диалектов китайского языка. Ло Чанпей называет провинцию Юньнань «золотым местом для лингвистики»

в связи с многочисленными языками проживающих в ней малых народностей, собрал и проанализировал много первичных материалов этих языков, результаты чего отражены в книге «Язык и культура». Последующие лингвисты продолжают эти работы, предлагая новые методы и аспекты изучения, примером чего является работа Чэнь Цзяньминя «Пекинская разговорная речь».

В-третьих, предприняты попытки соединить иностранные теории с практикой китайской лингвистики. В книге «Язык и культура» Ло Чанпей использовал теории множества иностранных ученых, в том числе Э. Сепира, Л. Палмера, Л. Блумфилда и др., в процессе решения лингвокультурологических проблем в Китае. При этом в 1980–1990 гг. Шэн Сяолун открыл совсем новый путь для китайских лингвокультурологических исследований, что вызвало широкие обсуждения в научном сообществе.

Таким образом, с момента появления книги Ло Чанпея лингвокультурология развивается в Китае уже почти 70 лет. Множество лингвистов внесли свой вклад в эти исследования, и в связи с тенденцией к интеграции гуманитарных наук и уникальностью китайского языка и культуры можно надеяться на то, что эта наука получит свое дальнейшее развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 罗常培. 语言与文化. 北京: 北京出版社. 2003. 220 с. / Ло Чанпей. Язык и культура. Пекин : Пекинское изд-во, 2003. 220 с.
- 孟华. 中国文化语言学的再认识 // 江苏社会科学. 2008. № 5. S. 183–187. / Мэн Хуа. Переосмысление китайской лингвокультурологии // Социальная наука в Цзянсу. 2008. № 5. С. 183–187.
- 徐大明. 联系社会来研究语言 – 重读罗常培的《语言与文化》 // 当代语言学. 1999. № 3. S. 51–55. / Сюй Дамин. Исследование языка в связи с обществом – перечтение книги Ло Чанпея «Язык и культура» // Современная лингвистика. 1999. № 3. С. 51–55.
- 胡明扬. 罗常培先生《语言与文化》读后 // 烟台大学学报(哲学社会科学版). 1989. № 1. S. 74–77. / Ху Янмин. После чтения книги Ло Чанпея «Язык и культура» // Вестник Яньтайского университета (философско-гуманитарная версия). 1989. № 1. С. 74–77.
- 邵敬敏. 说中国文化语言学的三大流派 // 汉语学习. 1991. № 2. S. 27–30. / Шао Цзинминь. О трех главных течениях в китайской лингвокультурологии // Изучение китайского языка. 1991. № 2. С. 27–30.

REFERENCES

- 罗常培. 语言与文化. 北京: 北京出版社. 2003. 220 s. / Lo Chanpej. Jazyk i kul'tura. Pekin : Pekinskoe izd-vo, 2003. 220 s.
- 孟华. 中国文化语言学的再认识 // 江苏社会科学. 2008. № 5. S. 183–187. / Mjen Hua. Pereosmyslenie kitajskoj lingvokul'turologii // Social'naja nauka v Czjansu. 2008. № 5. S. 183–187.
- 徐大明. 联系社会来研究语言 – 重读罗常培的《语言与文化》 // 当代语言学. 1999. № 3. S. 51–55. / Sjuj Damin. Issledovanie jazyka v svjazi s obshhestvom – perechtenie knigi Lo Chanpeja «Jazyk i kul'tura» // Sovremennaja lingvistika. 1999. № 3. S. 51–55.
- 胡明扬. 罗常培先生《语言与文化》读后 // 烟台大学学报(哲学社会科学版). 1989. № 1. S. 74–77. / Hu Janmin. Posle chtenija knigi Lo Chanpeja «Jazyk i kul'tura» // Vestnik Jan'tajskogo universiteta (filosofsko-gumanitarnaja versija). 1989. № 1. S. 74–77.
- 邵敬敏. 说中国文化语言学的三大流派 // 汉语学习. 1991. № 2. S. 27–30. / Shao Czinmin'. O treh glavnyh techenijah v kitajskoj lingvokul'turologii // Izuchenie kitajskogo jazyka. 1991. № 2. S. 27–30.

УДК 81.374

Чэнь Хао

аспирант кафедры теории и методологии перевода высшей школы перевода
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;
e-mail: jervisvogt@mail.ru

О КИТАЙСКОЙ ВЕРСИИ «СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»

В статье анализируется китайское издание «Советской исторической энциклопедии» (китайское название – «Энциклопедия всемирной истории», 1992), сыгравшей позитивную роль в развитии исторической науки КНР в условиях продолжающейся политики реформ и открытости и внесшей значимый вклад в формирование объективного и непредвзятого подхода к описанию исторических личностей, а также в переосмысление исторического материализма в Китае. Подробно рассматриваются значительные различия макро- и микроструктуры оригинала и перевода. Анализируются основные способы и принципы передачи исторических имен собственных и терминов. Определяются факторы, повлиявшие на выбор переводческих стратегий при трансляции исторических реалий на язык принимающей культуры.

Ключевые слова: историческая энциклопедия; китайская лексикография; сравнительный анализ; стратегия перевода; переводческая ономастика.

Chen Hao

PhD student of the Department of translation theory and methodology of the School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: jervisvogt@mail.ru

ABOUT THE CHINESE VERSION OF “SOVIET HISTORICAL ENCYCLOPEDIA”

The article analyzes the Chinese edition of the “Soviet historical encyclopedia” (Chinese name – “Encyclopedia of world history”, 1992), which played a positive role in the development of historical science of China in the context of the ongoing policy of reform and openness and has made a significant contribution to the formation of an objective and unbiased approach to the description of historical figures, as well as in the rethinking of historical materialism in China. The significant differences between the macrostructure and microstructure of the original and the translation are considered in detail. The basic methods and principles of translating historical proper names and terms are analyzed. The factors that influenced the choice of translation strategies in the translation of historical realities into the language of the host culture are determined.

Key words: historical encyclopedia; Chinese lexicography; comparative analysis; translation strategy; translation onomastics.

Введение

В второй половине XX в. в КНР переводилось большое количество советских энциклопедических изданий, в том числе «Большая советская энциклопедия» (1953–1955 гг. издания в Китае), «Строительство. Энциклопедия современной техники» (1983), «Философская энциклопедия» (1984), «Советская военная энциклопедия» (1986) и «Советский энциклопедический словарь» (1986) [Голубева-Монаткина, Чэнь Хао 2019, с. 205]. Несмотря на тематическое разнообразие вышедших ранее переводов советских энциклопедических изданий, собственно историческая тематика в них глубоко не затрагивалась, поэтому они не могли удовлетворить читателей, желающих получить углубленные сведения по историческим дисциплинам. Этот пробел была призвана восполнить опубликованная в 1992 г. в Китае «世界历史百科全书» (Энциклопедия всемирной истории, далее – ЭВИ), являющаяся переводом «Советской исторической энциклопедии» (далее – СИЭ).

Основная часть

16-томная СИЭ, изданная государственным научным издательством «Советская Энциклопедия» совместно с Отделением исторических наук Академии наук СССР 1961–1976 гг. (гл. ред. Е. М. Жуков), являлась первой Энциклопедией всемирной истории в Советском Союзе. В ней содержится около 25 тыс. статей, при этом наиболее широкое и подробное освещение получили вопросы российской истории. Но, в отличие от других справочных изданий подобного рода, значительное внимание также уделяется странам Азии, Африки и Латинской Америки. Немало статей посвящено истории революционного и национально-освободительного движения в этих регионах. Помимо этого, широкое отражение получили теоретические аспекты истории, отдельные подробные статьи описывают различные исторические школы и направления советской и прогрессивной зарубежной исторической науки того времени.

Китайская одностомная версия «世界历史百科全书» (ЭВИ) стала последним переводом энциклопедических изданий советского периода, она состоит из более чем 9000 словарных статей, что составляет в общей сложности 3 800 000 иероглифов. В работе над проектом участвовали более двухсот русистов из 15 высших учебных заведений Китая. Изначально планировались структурные изменения, а именно – тематический принцип организации словарных статей вместо

алфавитного. Предполагалось, что переводное издание будет состоять из девяти томов, каждый из которых будет посвящен одной теме (персоналии; государства; нации и народы, археология и религия; политика и законодательство; история и география; военное дело; общественные организация; научная литература; древние законы и нормы), поскольку организация материалов по тематическому принципу в китайской лексикографической традиции уже была опробована при издании таких энциклопедических проектов, как «Большая советская энциклопедия» и «Compton's Encyclopedia». Однако по разным причинам был издан только первый том, посвященный персоналиям. В то время как перед СИЭ стояла задача помочь читателям ориентироваться в ходе всемирно-исторического процесса с древнейших времен до наших дней и в огромных социальных изменениях, происходящих в современную эпоху, в «世界历史百科全书» (ЭВИ) на первый план выходит совсем другая задача: восполнить пробелы в отношении персоналий, особенно деятелей российской истории. В этом отношении «世界历史百科全书» (ЭВИ) до сих пор не потеряла своей актуальности и остается полезным источником для исследовательской работы в данном направлении.

При переводе китайская сторона изменила название «鉴于原书实际包含了世界各国的历史文献和资料, 故汉译本改题为“世界历史百科全书”» [世界历史百科全书 1992, с. 1] ввиду того, что в содержание оригинала были включены материалы и исторические документы, касающиеся различных стран мира, было принято решение переименовать переводное издание в «Энциклопедию всемирной истории». Стоит отметить, что если бы оставили буквальный перевод названия издания, то на китайском языке оно воспринималось бы как издание, посвященное исключительно советской истории.

Важной особенностью этого проекта является то, что перевод был частичным: 1) из 16-томной СИЭ в однотомную «世界历史百科全书» (ЭВИ) вошли исключительно персоналии, и именно биографические материалы представляли наибольший интерес для китайских читателей того периода; 2) словарные статьи, посвященные Китаю, были полностью исключены, поскольку для китайского читателя они были малоинформативны.

В китайском издании отмечается несовпадение позиций редакции по отдельным историческим вопросам, но в то же время проявляется максимальное уважение к оригиналу. В предисловии говорится:

«关于世界各国边界及其走向、争议地区、历史沿革及政治观点等等，为使读者了解原著面貌，我们均按原文全译，请读者注意鉴别» [世界历史百科全书 1992, с. 1].

...что касается границ стран мира, спорных территорий, исторического развития, политических взглядов и т. д., то, чтобы читатели могли понять содержание оригинала, был осуществлен перевод, который полностью соответствует оригиналу, редакция просит читателей обратить на это внимание.

В СИЭ (на примере первого тома) есть разделы «От редакции» (с. 9–12), «Список основных сокращений» (с. 13–18), «Оформление библиографии» (с. 19–24), «Словарные статьи» (с. 25–1024), «Список карт» (с. 1023–1024), а в «世界历史百科全书» (ЭВИ) – разделы «汉译本出版说明» «Предисловие китайской переводной версии» (с. 1), отсутствуют «Список основных сокращений» и «Оформление библиографии», но добавлен «词目表» (Указатель слов по *пиньинь*¹) (с. 1–96), «正文» *Словарные статьи* (с. 1–1519), в отличие от СИЭ в конце отсутствует «Список карт».

В оформлении СИЭ заметной особенностью является то, что нумеруется не страница, а каждая колонка на странице. На каждой странице содержится две колонки текста, таким образом на одной странице присутствуют два номера страниц: четной и нечетной. А в «世界历史百科全书» (ЭВИ) используется не сплошная нумерация страниц, а отдельная нумерация в каждом разделе, что характерно для китайской лексикографической литературы, но не принято в России. Кроме того, при оформлении обоих изданий используются колонтитулы, которые «как поисковый инструмент нужны в первую очередь в справочных изданиях и в изданиях других видов, к которым будут постоянно обращаться за справками или выборочного чтения» [Мильчин, Чельцова 1998, с. 446], выполняют информационно-ориентирующую задачу. В СИЭ рубрикационный скользящий колонтитул состоит из первой и последней заголовочной единицы на данной странице (ГРЕДЕСКУЛ–ГРЕКОВ), а в «世界历史百科全书» (ЭВИ) также используются колонтитулы на русском языке, так как все словарные статьи открываются антропонимом на русском языке.

¹ *Пиньинь* (или китайский фонетический алфавит) – принятая в КНР и получившая международное распространение система записи слов китайского языка буквами латинского алфавита [Концевич 2008, с. 708].

При всех изменениях в макроструктуре «世界历史百科全书» (ЭВИ) был сохранен алфавитный порядок русского языка для расположения статей. В условиях китайской иероглифической письменности это означало необходимость обращаться к специальному индексу каждый раз при поиске соответствующего слова. Поэтому перед разделом «Словарные статьи» был добавлен «Указатель слов по *пиньинь*». Необходимость использования указателя для поиска нужного слова, конечно, создавала дополнительные неудобства в процессе пользования изданием.

Таким образом, на уровне макроструктуры в рассматриваемых проектах наблюдаются следующие несовпадения: 1) переименование «Советской исторической энциклопедии» в «Энциклопедию всемирной истории»; 2) отбор словарных статей по тематическому принципу (включены только персоналии, но исключены статьи, посвященные китайским историческим деятелям); 3) некоторые расхождения в приложениях, связанные с общей концепцией издания и языковыми особенностями.

Что касается микроструктуры рассматриваемых изданий, то поскольку в «世界历史百科全书» (ЭВИ) все словарные статьи посвящены конкретным личностям, в качестве заголовочных единиц выступают только антропонимы, например:

ЭРНСТ Николай Львович [22.IX(4.X).1889–20.III.1956] – сов. археолог и историк. Окончил Берлинский ун-т (1911). Был науч. сотрудником Центр. музея Крыма и проф. (с 1920) осн. в 1918 Крымского гос. ун-та. С 1921 г. вел археол. раскопки в различных р-нах Крыма, исследуя памятники от времени палеолита до средневековья.

Соч.: Бахчисарайский Ханский дворец и архитектор вел. кн. Ивана III Фрязин Алевиз Новый, «Изв. Таврического об-ва истории, археологии и этнографии», т. 2 (59), Симферополь, 1928; Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921–1930), там же, т. 4, 1931; Люди ледникового периода в Крыму, [Симферополь], 1930» [Советская историческая энциклопедия 1976, т. 16, с. 589].

ЭРНСТ Николай Львович 恩斯特, 尼古拉·利沃维奇 (1889年9月22日 (10月4日) – 1956年3月20日) 苏联考古学家和历史学家。毕业于柏林大学 (1911年)。曾任克里米亚中央博物馆研究员, 1920年起任国立克里米亚大学 (1918年建立) 教授。1921年起在克里米亚各地区进行考古发掘工作, 研究从旧石器时代到中世纪的各种文物 » [世界历史百科全书 1992, с. 1490]. (Перевод досл.)

В обеих энциклопедиях даются заголовочные единицы на русском языке полужирным шрифтом (**ЭРНСТ**), в «世界历史百科全书» (ЭВИ) после русской заголовочной единицы дается китайский эквивалент (恩斯特). Далее следуют пометы с датой рождения и смерти в соответствии с современной системой исчисления времени – по григорианскому календарю, для этого в СИЭ используются квадратные скобки, например: [22.IX.1889 – 20.III.1956], а в «世界历史百科全书» (ЭВИ) – круглые скобки, например: (1889年9月22日 – 1956年3月20日). При указании даты по старому русскому календарю в СИЭ используются круглые скобки, например (4.X), а в СИЭ – специальный вид фигурных скобок. Затем в обоих вариантах приводится толкование, включающее сведения о роде деятельности, развернутые хронологии, анализ влияния на общество того времени. В СИЭ словарные статьи также дополняются различными справочными материалами, такими как статистические таблицы, исторические, политические, этнографические карты, диаграммы и иллюстрации, но в «世界历史百科全书» (ЭВИ) эти материалы не вошли. Также в «世界历史百科全书» (ЭВИ) опущены библиографии.

Далее рассмотрим систему ссылок и лексикографические пометы на примере **ОСКАР** / 奥斯卡:

ОСКАР (Oskar). В Швеции и Норвегии: О. I (4. VII. 1799–8. VII. 1859) – король [1844–59] Швеции и Норвегии; был одним из лидеров движения скандинавизма в сер. 19 в. Фактически был отстранен от дел с 1857 г. в связи с болезнью (в сент. 1857 было введено регентство сына О. I – принца Карла – позднее Карла XV). О. I был одним из инициаторов проведения антирус. политики Швеции в период Крымской войны 1853–1856.

Лит.: Hallendorff C., Oscar I, Napoleon och Nikolaus, Stockh., 1918; Palmstierna C. F., Sverige, Ryssland och England 1833–1855, Stockh., 1932 [Советская ... 1967, т. 10, с. 644].

ОСКАР (Oskar) 奥斯卡 在瑞典和挪威: О. I 奥 卡一世 (1799 7月4日 – 1859年7月8日) 瑞典和挪威国王 (1844–1859年); 为19世纪中叶斯堪的纳维亚主义运动的首领之一。1857年起因病实际上不问政事(1857年9月由奥斯卡一世之子 – 理查亲王 – 后来称为理查十五世摄政)。奥斯卡一世为1853–1856年克里米亚战争 (Крымская война 1853–1856) 期间瑞典实行反俄政策的倡导人之一¹ [世界历史百科全书 1992, с. 921].

¹ Перевод досл. – Прим. авт.

В обоих вариантах даются сведения о времени правления, в СИЭ используются квадратные скобки, например, [1844–59], а в «世界历史百科全书» (ЭВИ) – специальный вид фигурных скобок. В обоих изданиях применяется система ссылок: в русской версии название статьи, на которую дается ссылка, набирается курсивом, например, *Крымской войны 1853–1856*, а в китайской версии, в отличие от русской, название статьи, на которую дается ссылка, показывается русским оригиналом в круглых скобках курсивом. Поскольку данную словарную статью планировали включить в другой том переводного издания, ссылка также оформлена как в СИЭ. Но так как остальные тома не были изданы, оформление курсивом во всех случаях помимо персоналий не имеет значения ссылки. Поскольку «существенную роль в энциклопедических словарях играют так называемые отсылочные статьи (отнесение читателя от одной словарной статьи к другой), которые расширяют объем информации в энциклопедии, показывают взаимосвязь и взаимозависимость явлений, понятий и т. п.» [Дубичинский 2009, с. 75], такое смешение доставляло некоторое неудобство читателю при получении нужной информации.

Сопоставление словарных статей обнаруживает следующие особенности в микроструктуре «世界历史百科全书» (ЭВИ): 1) заголовочные единицы отображаются на русском языке; 2) не включены статистические таблицы, исторические, политические, этнографические карты, диаграммы и иллюстрации, библиографии, источники, работы и произведения человека, за исключением наиболее важных, упомянутых непосредственно в биографии; 3) используется специальный вид фигурных скобок для указания дат по старому русскому календарю и периодов правления; 4) не функционируют отсылки на исторические события, сохраняется только их название на русском языке.

Что касается перевода отдельных имен собственных и терминов, то в большинстве случаев он не представлял больших трудностей, потому что ко времени появления рассматриваемого китайского издания уже сложилась устойчивая традиция передачи исторических реалий. Тем не менее при передаче менее распространенных антропонимов, топонимов и терминов для лексических трансформаций, необходимо было подбирать переводческие приемы (транслитерация, калькирование, переводческий комментарий), наиболее точно отражающие специфику данной области лексики.

Анализ транслитераций в китайском издании показывает, что к топонимам и собственным именам, которые по особым историческим причинам имеют название на китайском языке, при осуществлении транслитерации добавлено оригинальное название на китайском языке. Например:

Владивосток – 符拉迪沃斯托克 (海参崴),
Хабаровск – 哈巴罗夫斯克 (伯力),
Благовещенск – 布拉戈维申斯克 (海兰泡);
Джозеф Нидэм – 约瑟夫·尼达姆 (李约瑟),
Перл Бак – 珀尔·巴克 (赛珍珠),
Эндикотт Джеймс – 詹姆士·艾迪科特 (文幼章),
Джон Кинг Фэрбэнк – 约翰·金·费尔班克 (费正清),
Джонатан Спенс – 乔纳森·斯宾塞 (史景迁).

Если в состав русского имени входит прозвище, то оно переводится соответствующим китайским эквивалентом:

Владимир Андреевич Храбрый – 弗拉基米尔·安德烈耶维奇 (勇士),
Иван Грозный – 伊凡雷帝,
Иоанн Безземельный – 无地王约翰,
Константин Великий – 君士坦丁大帝.

В этих примерах слова «храбрый», «грозный», «безземельный» и «великий» переводятся, а не транслитерируются. Также при переводе необходимо отличать прозвища от фамилии в форме имени прилагательного, например: в «Демьян Бедный» «Бедный» является фамилией и поэтому транслитерируется – 别德内, а не переводится как 贫穷的 – *бедный*. Это свидетельствует о том, что без лингвокультурного знания невозможно правильно выбрать адекватный прием перевода. К псевдонимам применяется как перевод, так и транслитерация, например, псевдонимы Веры Засулич «Старшая сестра», «Тетка» переводятся их эквивалентами как 大姐 и 大婶, а псевдоним Алексея Пешкова «Горький» передается способом транслитерации как 高尔基.

Многозначные термины транслитерируются, например:

«имам» 1) титул верховного правителя или лицо, имеющее такой титул; 2) верховный глава мусульман-шиитов; 3) настоятель мечети или главный мулла – 伊玛目;

«Рада» 1) народные собрания и советы представителей; 2) органы государственной власти в Белоруссии, на Украине в 1917–1918; 3) Совет на Украине – 拉达.

При транслитерации исторических терминов обязательна установка на сохранение и бережное воспроизведение особенностей оригинала, всей полноты, содержащейся в нем информации. Например, большевики переведено как 布尔什维克, а меньшевики – 孟什维克, аллах (в арабском языке Бог) – 安拉, сахаба (сподвижники пророка Мухаммада) – 萨哈巴, советы (представительные органы) – 苏维埃, Шакьямуни (пробужденный мудрец из рода Шакья) – 释迦牟尼.

В китайском языке одним из ведущих способов образования новых слов является, как известно, калькирование. «Кальки, бытующие в китайском языке, в соответствии с присущими им особенностями можно подразделить на два типа: структурные кальки и кальки этимологические» [Горелов 1984, с. 146]. При структурном калькировании заимствуется семантико-морфологическая структура иностранного слова или номинативного словосочетания. Например:

общенародное государство – 全民国家: общенародное ‘全民’ + государство ‘国家’;

социалистическое соревнование – 社会主义竞赛: социалистическое ‘社会主义’ + соревнование ‘竞赛’;

мирное сосуществование – 和平共处: мирное ‘和平’ + сосуществование ‘共处’;

пятилетний план – 五年计划: пятилетний ‘五年’ + план ‘计划’;

коммунизм – 共产主义: комму ‘共产’ + низм ‘主义’.

При этимологическом калькировании раскрывается смысловое содержание иностранного слова, которое подвергается этимологизации посредством объяснительного перевода. Для понимания исторических терминов необходимо владение фоновыми знаниями, специфическими для каждой культуры. Например:

ансары – 辅士 ‘помощники’;

мухаджир – 迁士 ‘совершивший переселение’;

сунна – 圣行 ‘священный обычай, пример’;

апостолы – 使徒 ‘посол, посланник’;

Евангелие – 福音书 ‘книга благая весть’.

Что касается переводческого комментария, который считается одним из типов вспомогательного текста, то он используется тогда, когда для передачи информации энциклопедического характера необходимо пояснить транскрибированные реалии, неизвестные китайскому читателю. В китайской переводной лексикографии широко используется прием перевода, при котором осуществляется перенос

информации из толкований непосредственно в состав самого слова. Например:

Габсбурги – 哈布斯堡王朝 – династия Габсбурги, добавлено слово *династия*;

Биг-Бен – 大本钟 – колокол Биг-Бен, добавлено слово – *колокол*;

Коран – 古兰经 – *священная книга Коран*, добавлено слово *священная книга*;

«Искра» – 《火星》周刊 – еженедельник «Искра», добавлено слово *еженедельник*;

Аврора – 阿芙乐尔号巡洋舰 – крейсер Аврора, добавлено слово *крейсер*;

Олимп – 奥林匹斯山 – гора Олимп, добавлено слово *гора*.

Анализ показывает, что добавленное слово часто выступает в функции детерминанта родовидовых отношений (династия, колокол, священная книга, еженедельник, крейсер, гора). Переводческий комментарий при этом выполняет функцию классифицирующего элемента и осуществляется простым примыканием одного компонента к другому, тем самым создаются новые слова и словосочетания. В научной литературе указывается, что иностранные лексические единицы только в результате переоформления могли прочно войти в китайский язык [Семенас 2005, с. 211], а необходимость лексических добавлений в тексте перевода объясняется «формальной невыраженностью семантических компонентов словосочетания в ИЯ» [Бархударов 2019, с. 221].

Из-за того, что в данном издании в основном переводились антропонимы и топонимы, перевод чаще смещен от более распространенного в китайском калькировании в сторону транслитерации, в которой наиболее полное выражение получает стратегия форенизации для передачи культурно-специфических элементов максимально близко к исходной лексической единице. Использование переводческого комментария, с другой стороны, ярко демонстрирует стратегию доместикации, приближающей перевод к нормам принимающей культуры. А калькирование совмещает эти стратегии в одном переводе. Гибкое использование этих стратегий и приемов позволяет вводить самые разнообразные иностранные слова в китайский язык, так как длительная и насыщенная культурно-цивилизационная эволюция китайского этноса создала многоуровневую и многомерную семиотическую основу для ассимиляции [Готлиб, Доркин 2014].

Анализ показывает, что главным принципом перевода антропонимов, топонимов и исторических реалий в «世界历史百科全书» (ЭВИ) является использование устоявшихся исторических наименований, которые должны соответствовать существующим образцам, зафиксированным в соответствующих справочниках и словарях. Большая часть имен собственных и терминов уже вошла в переводческую практику, и во избежание непонимания воспроизводятся привычные переводы, даже если они не вполне соответствуют более новым нормам, например: эпоха в истории культуры Европы «Возрождение» переводится в согласии с узусом как 文艺复兴 – *возрождение литературы и искусства*; антигитлеровская коалиция как 反法西斯同盟 – *антифашистская коалиция*; протестантизм 新教 – *новая религия*. Следует отметить, что ради устойчивости написаний сохраняются даже ошибочные варианты, и «во всяком случае у читателя переводного произведения не должно возникнуть представления, что речь идет о каком-то ином явлении» [Гарбовский 2016, с. 241].

В связи с тем, что в СИЭ содержится достаточно большое количество статей, касающихся всемирной истории, неизбежно возникали проблемы перевода антропонимов и топонимов, заимствованных из третьего языка. В СИЭ эти слова переводятся на русский язык, а при составлении «世界历史百科全书» (ЭВИ) следовало найти оригинальную форму имени в том языке, где оно появилось, и переводить с иного языка, руководствуясь традициями передачи форм имен собственных, сложившимися в практике китайской ономастики. Необходимо учитывать, что по отношению к иностранным именам собственным важность представляет вопрос о звуковом оформлении их при переводе. Чем больше расхождений в фонетическом строе двух языков, в составе и системе их фонем, тем острее стоит этот вопрос. Например, слово «Венера» переводится посредством транслитерации не с русского, а с латинского языка Venus, «Вэйнасы» (维纳斯); японские имена собственные в китайском языке передаются теми же иероглифами, что и в Японии, но читаются по-китайски, поэтому русский вариант слова и китайский вариант слова совсем по-разному произносятся, японское слово «Овари» по-китайски произносится как Вэйчжанго (尾张国). Подобные проблемы касаются других языков, таких как корейского и вьетнамского.

В отношении перевода китайских имен приходится следовать за историческим контекстом. В качестве типичного примера можно

привести имя военного и политического деятеля Китая 蒋介石 «Чан Кайши». В данном случае необходимо учитывать, что, во-первых, «в настоящее время языковая ситуация в КНР представлена национальным китайский языком (путунхуа) и большим количеством диалектов, отличающихся друг от друга фонетически, лексически и грамматически» [Янкивер 1987, с. 8], и произношение данного собственного имени записано из кантонского диалекта (одна из главных диалектных групп китайского языка), сильно отличающегося от произношения в нормативном китайском языке; во-вторых, данное имя было переведено на русский язык устаревшей транскрипционной системой Уэйда – Джайлза, так как «основной, самой распространенной вплоть до 1970-х гг. системой записи китайских слов в словарях и текстах на английском языке была система Уэйда – Джайлса (Wade – Giles Romanisation)» [Завьялова 2014, с. 251]. По современной норме это имя следовало бы транскрибировать как «Цзян Цзеша», но историческая традиция остановилась на «Чан Кайши». Такие примеры часто наблюдаются в переводе китайских имен, например имя революционера Сунь Ятсен 孙中山 сейчас записали бы как *Сунь Чжуншань*, а имя писателя Лу Сюнь 鲁迅 как *Лу Синь*.

При переводе исторических терминов наблюдается сильное расхождение в связи с языковыми особенностями, использование устоявшихся исторических наименований приводит к тому, что один и тот же термин может переводиться на китайский язык по-разному. Например:

в европейской истории «Великое княжество Литовское» переведено как ‘立陶宛大公国’;

в индийской истории «княжество Джамму и Кашмир» переведено как ‘查谟-克什米尔土邦’;

в японской истории «княжество Тёсю» переведено как ‘长州藩’;

в китайской истории «удельное княжество Цинь» переведено как ‘秦国’, т. е. термин «княжество» в контексте имеет четыре разных вариантов перевода (公国, 土邦, 藩, 国), зависит от ареала нахождения данной территории.

Заключение

Итак, китайская версия «Советской исторической энциклопедии» прекрасно справилась со своей задачей приобщить китайского читателя к более широкому кругу культурных традиций и углубить его

знакомство с национальной идентичностью, гражданскими, патриотическими идеалами и ценностями советских народов и народов всего мира. Наблюдаемые значительные расхождения в макро- и микро-структуре оригинала и перевода оказываются необходимыми ввиду частичного перевода, с одной стороны, и существенных языковых, культурных различий и особенностей лексикографических традиций – с другой. При передаче информации энциклопедического характера и исторических реалий в «世界历史百科全书» (ЭВИ) гибко используются разные приемы перевода. При выборе конкретного приема перевода приоритет обычно отдается узусу и общепринятым нормам передачи терминов. Инициатива переводчика может распространяться лишь на передачу встречающихся впервые или редко употребляемых имен собственных и исторических терминов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М. : Ленанд, 2019. 240 с.
- Гарбовский Н. К. О переводе. М. : ФОРУМ, 2016. 752 с.
- Голубева-Монаткина Н. И., Чэнь Хао. Русская лексикография в современном Китае // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка : Тр. и материалы / под общ. ред. М. Л. Ремнёвой и О. В. Кукушкиной. М. : Изд-во Московского университета, 2019. С. 205.
- Горелов В. И. Лексикология китайского языка. М. : Просвещение, 1984. 216 с.
- Готлиб О. М., Доркина Ю. В. О переводе библеизмов на китайский язык и их этнокультурной адаптации // Общество и государство в Китае. Т. XLIV. Ч. 2. М. : ИВ РАН, 2014. С. 836–841.
- Дубичинский В. В. Лексикография русского языка : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2009. 432 с.
- Завьялова О. И. Большой мир китайского языка. 2-е изд. М. : Восточная книга, 2014. 320 с.
- Концевич Л. Р. Пиньинь // Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. Т. 3. Литература. Язык и письменность / гл. ред. М. Л. Титаренко ; РАН. Институт Дальнего Востока. М. : Восточная литература, 2008. С. 708–710.
- Мильчин А. Э., Чельцова Л. К. Справочник издателя и автора. М. : Олимп : АСТ, 1998. 685 с.
- Семенов А. Л. Лексика китайского языка. М. : Восток–Запад, 2005. 310 с.
- Советская историческая энциклопедия : в 16 т. / гл. ред. Е. М. Жуков. М. : Советская энциклопедия, 1961–1976.

- Янкивер С.Б.* Гуанчжоуский (кантонский) диалект китайского языка. М.: Наука, 1987. 108 с.
- 世界历史百科全书, 北京: 商务印书馆, 1992, 1519页 / Энциклопедия всемирной истории. Пекин: Коммерческая Пресса, 1992. 1519 с.

REFERENCES

- Barhudarov L. S.* Jazyk i perevod. Voprosy obshhej i chastnoj teorii perevoda. M.: Lenand, 2019. 240 s.
- Garbovskij N. K.* O perevode. M.: FORUM, 2016. 752 s.
- Golubeva-Monatkina N. I., Chjen' Hao.* Russkaja leksikografija v sovremennom Kitae//Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': VI Mezhdunarodnyj kongress issledovatelej russkogo jazyka : Tr. i materialy/ pod obshh. red. M. L. Remnjovoj i O. V. Kukushkinov. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2019. S. 205.
- Gorelov V. I.* Leksikologija kitajskogo jazyka. M.: Prosveshhenie, 1984. 216 s.
- Gotlib O. M., Dorkina Ju. V.* O perevode bibleizmov na kitajskij jazyk i ih jetnokul'turnoj adaptacii // Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae. T. XLIV. Ch. 2. M.: IV RAN, 2014. S. 836–841.
- Dubichinskij V. V.* Leksikografija russkogo jazyka : ucheb. posobie. M.: Flinta : Nauka, 2009. 432 s.
- Zav'jalova O. I.* Bol'shoj mir kitajskogo jazyka. 2-e izd. M.: Vostochnaja kniga, 2014. 320 s.
- Koncevich L. R.* Pin'in' // Duhovnaja kul'tura Kitaja: jenciklopedija v 5 t. T. 3. Literatura. Jazyk i pis'mennost' / gl. red. M. L. Titarenko ; RAN. Institut Dal'nego Vostoka. M.: Vostochnaja literatura, 2008. S. 708–710.
- Mil'chin A. Je., Chel'cova L. K.* Spravochnik izdatelja i avtora. M.: Olimp : ACT, 1998. 685 s.
- Semenas A. L.* Leksika kitajskogo jazyka. M.: Vostok–Zapad, 2005. 310 s.
- Советская историческая энциклопедия : в 16 т. / gl. red. E. M. Zhukov. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1961–1976.
- Jankiver S. B.* Guanchzhouskij (kantonskij) dialekt kitajskogo jazyka. M.: Nauka, 1987. 108 s.
- 世界历史百科全书, 北京: 商务印书馆 1992, 1519页 / Jenciklopedija vseмирnoj istorii. Pekin : Kommercheskaja Pressa, 1992. 1519 s.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета Гуманитарные науки	VESTNIK of Moscow State Linguistic University Humanitarian Sciences
Выпуск 4 (820)	Issue 4 (820)

Ответственные за выпуск 4 (820):

доктор филологических наук, доцент Е. Ф. Косиченко;
доктор филологических наук, доцент Н. Н. Германова;
кандидат филологических наук Н. С. Панарина

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Г. П. Лопатина
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 28.03.2019 г.
Усл. печ. л. 24,6. Формат 60х90/16
Заказ № 63/19

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Доменное имя сайта: libranet.linguanet.ru/prk/vestnik.asp?vest_lang=rus&vest_type=gum

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Ссылка на издание обязательна